

Дочь ЭЙТНЫ

Карин Рита Гастрейх

После десяти лет покоя королевство охватил кризис. Ученики Эолин бунтуют против Короля-Мага. Обвиненная в измене, лесная ведьма Эолин заточена с ее детьми. Переживая за судьбу сына и дочери, Эолин начинает отчаянный поиск новых союзников. Если она не справится, враги Короля убьют их всех.

Бывшая королева Акмаэла была изгнана из-за лесной ведьмы Эолин. Теперь ее дочь от Акмаэла сбежала от его двора и присоединилась к своей матери в изгнании. Ее мать начинает жестокую войну с Королем-Магом. Если она не получит трон для своей дочери, обе погибнут от гнева Короля.

Нити любви, чести, предательства и мести переплетутся в финале трилогии, ведь война охватила четыре королевства. Победительница получит корону, а проигравшая встретит палача.

Перевод: Kuromiya Ren

Глава первая

Эолин из Мойсехена

Эолин подала спутникам сигнал не шуметь. Высоко над лесной тропой, зеленые ветви скрипели и стонали под летним ветром. Закрыв глаза, она слушала, как шепот ветра нарастал. Она напряглась, чтобы понять голоса леса, но все, что она услышала, был крик ее мертвой матери, который звучал в их глухом плаче:

Ты знаешь последствия! Его силу не остановить.

Эолин с тревогой открыла глаза.

Мозаика теней прорезала вековые дубы и поросшие мхом буки. Листья падали с крон зелено-золотым дождем. Лесные существа, замолкшие от внезапного порыва ветра, снова начали двигаться и болтать.

— Что такое, мама?

Дочь Эолин, Бриана, смотрела на нее широко раскрытыми, внимательными глазами. Щеки девочки были перепачканы грязью; ее платье порвалось об ветки. Все, что осталось от аккуратной косы Брианы, — это взлохмаченные черные локоны. Беспорядок вызвал улыбку на губах Эолин.

— Не волнуйся, Бриана, — сказала она. — Это всего лишь послеобеденная прохлада.

— Мага Эолин! Посмотри на это, — в нескольких шагах впереди Мариэль, молодая мага-воительница, разглядывала землю. Ее пепельно-каштановые волосы были аккуратно заплетены. Ее рука покоилась на рукояти любимого меча.

Эолин проследила за взглядом Мариэль на темную землю, где большая кошка оставила свой след: четыре аккуратных овала, образующих корону над закругленным треугольником.

В благоговении Эолин наклонилась и положила ладонь на отпечаток. Ее пальцы покалывало от магии животного, свежей и неразбавленной.

— Это больше, чем твоя ладонь! — воскликнула Бриана.

— Так и есть, — заинтригованно сказала Эолин. — В Южном лесу нет кошек такого размера. Должно быть, она забрела с Параменских гор.

— Снежная тигрица? — загоревший на солнце лоб Мариэль сморщился в сомнении. —

Что могло загнать ее так далеко от дома?

— Возможно, мы сможем поговорить с ней и выяснить.

— Папа говорит, горные воины могут превращаться в Снежных тигров, — голос Брианы искрился восторгом. — В бою при Эрундене смелый сэр Дростан превратился в медведя и убил сотни таких!

— Твой отец преувеличивает истории войны, — ответила Эолин. — Сэр Дростан убил много снежных тигров, но он не...

Движение в тенях привлекло внимание Эолин. Она крепче сжала свой посох. Хрустальная головка вспыхнула с ровным гулом.

— Отойди за нас, Бриана, — сказала она. — Будь близко.

Эолин не боялась снежных тигров, но если бы они появились, это была бы первая встреча Брианы с крупным хищником. Дикая кошка, находящаяся так далеко от своей территории, могла бояться и быть голодной. К ситуации нужно было относиться осторожно.

Неестественная тишина опустилась на лес. Дыхание Брианы превратилось в короткие нервные вдохи.

— Заземлись, дочка, — сказала Эолин. — Вспомни, чему я тебя учила.

— Я пытаюсь, мама.

Шагах в двадцати впереди зашуршали кусты. В поле зрения появился высокий мужчина с угрюмым лицом, широкоплечий, с голубыми глазами и золотыми волосами.

Эолин разочарованно опустила посох.

— Лорд Бортен? Во имя любви к богам!

— Простите нас, моя Королева, — он поклонился. — Мы не собирались вас пугать.

Появилась охрана, и Эолин услышала поблизости других воинов.

Бриана подбежала к Бортену и протянула ему корзину с фруктами, травами и грибами.

— Смотри, что мы нашли!

Бортен наклонился, чтобы поприветствовать принцессу теплой улыбкой.

— Ты должна рассказать мне обо всех приключениях, когда мы вернемся в лагерь.

— У меня еще есть камни в карманах, — сказала Бриана. — Их много, всех цветов. И мы чуть не увидели снежную тигрицу!

Бортен снова нахмурился. Он выпрямился.

— Уже поздно, моя Королева.

Эолин кивнула Мариэль, которая взяла Бриану за руку и пошла вперед. Лорд Бортен шел рядом с королевой, сохраняя натянутое молчание, пока воины выстраивались вокруг них.

Белки гонялись друг за другом поперек тропы и вверх по стволу, мохнатые хвосты помахивали в такт их бодрой болтовне. Трель тенолинского воробья донеслась откуда-то из-за деревьев, вызвав тупую боль в груди Эолин. Она замолчала, надеясь увидеть птицу, но ноты исчезли вдали.

Бортен кашлянул.

— При всем уважении, моя Королева, я не понимаю...

— Мы уже проходили это, лорд Бортен. Если моей дочери суждено стать магой, она должна познать истину леса, подальше от вооруженных людей, подальше от всего, что нарушает магию этого места. Вот почему мы приходим в Моэн. Вот почему мы посещаем Южный лес каждое лето.

— Вам небезопасно выходить на одной.

— Я не утверждала, что это безопасно. Только то, что это дает мне покой.

Бортен покачал головой. Его запах земли и кожи окутывал Эолин, словно поношенный плащ. Она подавила желание прикоснуться к нему.

— Снежный тигр, ради богов, — пробормотал он.

— Нам нечего бояться существ этого леса, — сказала Эолин. Через мгновение она добавила. — Я надеялась, что сегодня ты сосредоточишь защитные инстинкты на принце.

— Уверю вас, за ним хорошо ухаживают.

— Думаю, он уже устал. Сегодня утром он и твои сыновья должны были победить вторгшиеся армии и уничтожить громовых троллей.

— Да? — тон Бортена немного смягчился.

— Эоган очень давно не играл. В Городе он больше не может заниматься детской магией. Дружба твоих сыновей — величайшее сокровище, которое у него есть.

— Принц Эоган — благородный юноша. Вдумчивый и сильный сердцем.

Эолин искоса взглянула на Бортена.

— Сильный сердцем и вспыльчивый, как его отец.

— Решительный, я бы сказал. Из него выйдет прекрасный король, Тот, кто внушает уважение и преданность, — Эолин понимала, что эти слова предназначались как комплимент, но, тем не менее, они обеспокоили ее. Мальчик десяти лет, Эоган уже был скован своим статусом. Как только он научился ходить, они научили его убивать. Чем ярче пламя его магии, тем больше они формировали его для кровавой цели защиты короны и королевства.

Голос ее подруги Адияны теперь вернулся как ропот в сердце Эолин:

Они отведут его в Город и научат грязным обычаям принцев и королей.

Эолин поежилась, несмотря на жар своих усилий и теплый летний полдень. В лесу было высвобождено странное волшебство. Все предупреждения прошлого развеялись по ветру.

Деревья поредели, превратившись в рыхлые заросли тонких берез. Кроме того, высокие травы сияли золотыми оттенками в дневном свете. В поле зрения появился лагерь, деревня с большими брезентовыми палатками. Над головой трепетали знамена с новым гербом дома ее мужа: два дракона, один серебряный, а другой черный, с переплетенными хвостами.

Шаги Эолин замедлились, остановленные душераздирающим притяжением леса позади. Там она и осталась, разрываясь на грани между любовью, которую выбрала, и жизнью, которую оставила позади.

Усталость охватила ее дух. Не освежающая усталость от долгой дневной прогулки, а более глубокое истощение, порожденное каким-то смутным бременем, которое ускользало от ее понимания.

— Что-то не так, моя Королева?

Вопрос Бортена привлек ее взгляд к нему.

Лорд нахмурился. Он хотел отвернуться, но остался под пристальным взглядом Эолин, его грудь вздымалась и опускалась в устойчивом ритме. От одного момента к другому его маска долга трескалась, обнажая тонкие нити общих воспоминаний.

Скромные домики прижались к залитому солнцем холму.

Люди Бортена бдительно наблюдали за недостроенной стеной.

Смех учениц Эолин в ее саду.

Общий взгляд.

Забывтый поцелуй.

— Мама! — крик Брианы отвлек их. — Смотри!

Высоко над полями в небе кружился неуместный пучок ночи, становясь все больше по мере приближения.

Узел трепета сдавил живот Эолин.

— Бриана, — сказала она, — оставайся со стражниками.

Вместе с Бортенем Эолин поспешила туда, где Мариэль стояла на краю пастбища.

— Это не обычные вороны, — сказала она, обнажая меч. — Видите искры янтаря, танцующие на их крыльях?

Бортен крикнул стражам в лагере. Одни пришли пешком, другие на лошадях. Принц бежал рядом с ними, вдвое меньше мужчин, служивших его отцу, но в два раза свирепее. Один из рыцарей поймал мальчика и удержал его. Эоган в возмущении брыкался и требовал, чтобы его отпустили.

Хищники спикировали, их крылья взмахивали с агрессивной какофонией криков.

Фэом шамуэ!

Чары Эолин раздвинули стаю, заставив ее отступить.

Птицы приземлились на траву. Свет вспыхнул сквозь них, когда они приняли человеческий облик. Подняв посохи и обнажив мечи, группа магов в темных плащах пристально посмотрела на Королеву и ее слуг.

Эолин нахмурилась, когда узнала их лидера.

— Высший маг Телин?

Высокий и изящный, Телин вышел вперед и встал на колени у ног Эолин. Его мантия переливалась цветом крыльев ворона. Аккуратно подстриженная борода выделяла угловатое лицо, бросающее вызов течению времени.

Он протянул записку с королевской печатью и сказал:

— Моя Королева. Мы очень рады, что вы в порядке.

Эолин приняла послание, чувствуя дрожь в пальцах. Она сломала печать и развернула пергамент.

Его сообщение было пропитано горьким настроением. Акмаэль писал его своей рукой, и каждый штрих пера отражал тщательно сдерживаемый гнев.

По приказу Акмаэля, Высшего мага и короля Мойсехена, все женщины-маги должны быть лишены посохов и оружия, их магия должна быть скована, а сами они должны быть доставлены в Город и заперты в крепости Вортингена, до решения короля.

Слова расплылись перед глазами Эолин. Она моргнула и снова прочитала.

— Встань, Телин, и скажи мне, в чем дело.

Волшебник повиновался.

— Принцесса Элиасара похищена.

— Что?

— Мага Гемена обвиняется в государственной измене.

— Наша Гемена?

— Она и две других маги-воительницы убили полдюжины людей короля и забрали принцессу на запад.

Холодный ужас охватил сердце Эолин.

— Они увезли ее в Рёнфин? Они хотят начать войну против нас?

— Это мы подозреваем.

— Это неправда! — вмешалась Мариэль. — Этого не может быть. Гемена никогда бы...

Телин заставил Мариэль замолчать взглядом.

— Как так получилось, моя Королева, что ваши дочери-волшебницы никогда не знают, когда им следует говорить?

Эолин подняла руку, чтобы остановить порыв Мариэль. Мага-воительница неохотно кивнула и отступила.

— Высший маг Телин, — сказала Эолин с напускным спокойствием, — какие улики есть против Гемены?

— Следы, оставленные ее магией, безошибочны. И был свидетель: последний человек, погибший от клинка Гемены, жил достаточно долго, чтобы рассказать нам, что он видел? — змеиный взгляд Телина снова скользнул к Мариэль. — Зачем умирающему, верному солдату короля, лгать?

Эолин вдохнула, чтобы успокоить пульс. Она оценила количество и расположение мужчин, сопровождавших Телина. Им будет нелегко одолеть воительниц-маг в ее свите, но, скорее всего, у них это получится. В самом деле, они вполне могут использовать любое сопротивление как предлог, чтобы убить их всех.

— Мариэль, — сказала она, — по приказу короля ты и другие мага-воительницы должны немедленно сдать оружие отряду Телина.

Мариэль поколебалась, но опустила меч.

Другие мага-воительницы переминались с ноги на ногу, обмениваясь настороженными взглядами. Звон обнаженного металла повернул голову Эолин.

— Бетания, — сказала она. — Ты тоже должна сложить оружие.

Светловолосая женщина покачала головой и направила клинок на магов перед ней.

— Я не отдам свое оружие никому из этих людей.

— Делай, как я говорю, — приказала Эолин.

— Они обманывают нас! — заявила Бетания. — Они возьмут наши клинки и уничтожат нас всех.

Огонь пронзил посох Эолин и вырвался из его хрустального наконечника, выбив меч из рук женщины. Бетания в шоке уставилась на свою наставницу, прижимая обожженную ладонь к груди.

— Это воля нашего короля, — строго сказала Эолин. — И моя воля. Вам не нужен металл, чтобы защитить себя, ведь вы — маги. Разве я не учила вас этому с самого первого дня ученичества? Сложите оружие, говорю! Мы вернемся в Королевский город с миром.

На маг опустилась ошеломленная тишина. Один за другим они опускали свои клинки.

Челюсти Эолин сжались, когда она снова повернулась к Телину. Она презирала холодное торжество, которое ощущала в его ауре, словно сеть из стали, сплетенная между густыми стержнями пурпурного и синего.

— Оружие моих воинов доверено вам, верховный маг Телин, пока мы не вернемся в Мойсехен, — сказала она. — Однако я не позволю, чтобы их посохи были сданы, а их магия ограничена.

— Приказ нашего Короля ясен, моя Королева, — ровно ответил Телин.

— Здесь ни одна женщина не совершила преступления, заслуживающего такой меры. Я возьму на себя ответственность за их возвращение в город и буду отвечать перед королем за любое решение, которое я приму вопреки его приказам.

Телин почтительно поклонился.

— При всем уважении, моя Королева, я не считаю благоразумным противоречить воле Короля.

— Моя Королева, — вмешался Бортен. — Высший маг Телин говорит мудро. Гемена была одним из ваших капитанов, и она действовала не одна. Послушание вызовет понимание и милость короля. Непослушание, каким бы незначительным оно ни было, может породить недоверие.

Эолин бросила на Бортена жесткий взгляд, ее негодование умерялось трезвым признанием того, что он говорил правду. Она никогда не была тактична в своих возражениях против заточения принцессы Элиасары. Она много раз доказывала, что принцесса должна воссоединиться со своей матерью в Рёнфине. Об этом вспомнят в Королевском городе и используют против нее.

Она потрогала украшение у своего горла, серебряную паутину, созданную матерью Акмаэля и подаренную Эолин много лет назад. С помощью заклинания, произнесенного шепотом, амулет мог привести ее к Королю-Магу. Будут споры и дебаты, но, возможно, не решение. А если Акмаэль не позволит ей вернуться? Бриана, Эоган и все ее дочери в магии останутся одни в руках этих магов.

Однажды она бросила своих, чтобы отправиться к Акмаэлю. Она больше не пойдет на такой риск.

— Подойдите, — Эолин поманила Мариэль и других маг.

Они собрались рядом и по ее велению взяли за руки, образуя тесный круг.

— Одна из наших обвиняется в измене, — говоря, Эолин встречала взгляды каждой женщины. — И тень этого преступления пала на всех нас. Мы должны довериться мудрости короля и повиноваться его приказу. Это клятва, которую мы дали, и клятву, которую мы будем соблюдать, как Дочери Эйтны и слуги Короны. Как только мы вернемся в город, я прослежу, чтобы вашу магию вернули. И я клянусь дыханием Дракона, что больше не позволю отнять ее у вас.

На лицах женщин отразились неуверенность, трепет и гнев. Эолин боялась, что некоторые из них никогда не простят этот момент, но она также знала из тяжелого опыта, что у них нет выбора, если они хотят выжить.

Я не вижу способа остановить это, возлюбленные дочери, но, по крайней мере, я могу уменьшить вашу боль.

По приказу Эолин они встали на колени, все еще держась за руки, и закрыли глаза.

Эолин подождала, пока ее маги-воительницы не станут дышать в унисон. Затем она переплела свою магию с их магией, чтобы поддержать их, и послала щупальца своего духа глубоко в землю, чтобы питать свою силу. Призвав Дракона, она использовала древнее заклинание защиты и мужества. Когда она, наконец, поверила, что ее дочери готовы, она кивнула Верховному магу Телин.

По его сигналу маги сомкнулись на них единым темным потоком. Каждый мужчина взял магу, крепко сжав ее шею, другую ладонь прижимая ко лбу. Их проклятие пронеслось по кругу:

Бехнау м укат!

Крики пронзили воздух, мучительные крики женщин, разделенных с их душами. Эолин втянула агонию своих дочерей в свой дух, направив их страдания к сердцу земли. Легкие горели, дыхание сбивалось. Когда ее тело было готово согнуться, Телин твердо положил руку ей на плечо. Магия волшебника струилась вокруг ее духа, отрезая Эолин от дочерей и выводя ее из транса.

— Это было благородно с вашей стороны, моя Королева, — сказал Телин, поднимая

Эолин на ноги. — Благородно, но ненужно. И опасно.

Колени Эолин дрожали. Холодный пот выступил на ее коже. И все же она могла стоять и чувствовала, как магия течет по ее венам.

Мариэль и другие женщины лежали на траве, их ауры были пойманы в призрачные сети. Маги нависли над ними, проверяя пульс, глаза и жар лбов.

— Вам не о чем беспокоиться, моя Королева, — сказал Телин. — Проклятье наносит сильный удар, но к утру они будут достаточно здоровы, чтобы отправиться в путь.

Растерянная, Эолин вырвалась из рук волшебника и, спотыкаясь, побрела к лесу, найдя опору у молодой березки. Телин последовал за ней, сохраняя почтительную, но бдительную дистанцию.

Бриана и Эоган появились рядом с матерью. Беспокойный хмурый взгляд омрачил лицо принца, а щеки Брианы были мокрыми от слез. Эолин цеплялась за них, будто их присутствие могло защитить ее от этой внезапной волны страданий.

— Почему меня пощадили? — слова слетели с ее губ дрожащим шепотом. — Я тоже мага. Почему ты не связал мою магию?

— Моя королева, — в голосе Телина была лишь нотка удивления. — Вы не относитесь к этим женщинам. Вы — супруга нашего короля. Вы всегда можете рассчитывать на нашу защиту.

Глава вторая

Тэсара из Рёнфина

Тэсара сняла последний бинт с руки Берены. Он потянул за чувствительную гниющую кожу, вызвал у прикованной к постели женщины резкий вздох.

— Прости, Берена, — сказала Тэсара. — Я не хотела причинить тебе боль.

Берена выдавила из себя улыбку с черными деснами, один здоровый глаз сверкнул на ее опухшем бесформенном лице. Палата, в которой они сидели, была длинной, наполненной тихими стонами больных и умирающих. Лучи света пробивались сквозь узкие окна, давая тусклое освещение для усердной работы Сестер Бедняков.

— Я больше ничего не чувствую, миледи, — пробормотала Берена. — Не на моей коже, нет. Просто боль от моего уродства, вот и все, что я чувствую.

— Ты не уродлива, — Тэсара положила повязку среди прочего грязного белья в корзину у своих ног. Взяв чистую тряпку, она погрузила ее в ведро с водой, ароматизированной хвоей можжевельника и корнем арогата. — Никто из нас не безобразен перед Богами Грома.

Тэсара взяла обрубок ладони Берены, пальцы которой давно отпали, и крепко держала руку, омывая Берену от плеча до запястья, очищая струпья, пожелтевшие от крови и гноя. Болезнь Берены была медленной гнилью, которая длилась годами, заставляя женщину без надежды и лекарства смотреть, как разлагается ее тело.

— Тут вы ошибаетесь, миледи, — сказала Берена. — Боги любят своих женщин красивыми. Единственная причина, по которой они делают уродливых, заключается в том, что так они могут больше ценить красивых.

Тэсара улыбнулась шутке.

— Мать всех моих Сестер учит нас, что те, кого постигла чума Катлана, — самые благословенные из всех. — Боги избрали тебя, чтобы в этой жизни ты претерпела испытания Подземного мира. Таким образом, они очищают твой дух, чтобы ты не попала в ловушку медленного разложения Потерянных Душ, когда будешь переходить из этого мира в следующий.

С обвисших губ Берены сорвался влажный смешок.

— Она умная, эта Мать. Милосердная и добрая в душе. Но она ошибается. С богами, с сной, и что заставляет таких красивых, как ты, растрчивать прекрасные жизни на эту уродливую гниль, — Берена указала подбородком на всю длину лазарета.

— Она не заставляет нас. Мы все здесь по своей воле. Мы следуем за ней, потому что разделяем ее убеждения.

Тэсара опустила тряпку в воду, освежив ее аромат, и продолжила мыть Берену. Она работала систематически, с мягким умением, основанным на многолетнем уходе за худшими бедствиями бедных и обездоленных.

— Ты следуешь за ней, потому что боишься, — сказала Берена.

— Боюсь? — Тэсара подняла глаза, пораженная обвинением. — Я не боюсь, Берена. Уж точно не тебя или болезни, преследующей твое тело. Ты должна простить меня, если я когда-либо сделала что-то, что заставило тебя думать иначе.

— Я говорю не о болезни, — ее здоровый глаз стал твердым, как кристалл. — Гром положил на тебя свой красный глаз, вот что я думаю. Потом ты испугалась и убежала.

— Я бы никогда не отвернулась...

— Я не стала бы винить такую прекрасную леди, как ты. Всегда неприятно, когда боги замечают нас. Смотри, что случилось, когда они заметили меня.

— Гром — любящий защитник для всех наших людей, особенно для бедных и страждущих. Я не прячусь от него или богов, которым он служит, — Тэсара понизила голос. — Но вот, в чем я признаюсь тебе, Берена: я ненавижу людей этого мира, я ненавижу их желание, их ярость, их жажду крови и власти. Я видела слишком много мужской правды, когда была молода и находилась в их власти. Я больше этого не желаю. Вот почему я пришла сюда, и именно поэтому я остаюсь. Пожив в их компании, я могу сказать, что ты не безобразна, Берена. Ты одна из самых красивых людей, которых я когда-либо знала.

Берена моргнула и судорожно вдохнула. Сморщив деформированное лицо, она отвернулась.

— Я больше не хочу мыться, — хрипло сказала она. — Я хочу отдохнуть.

Тэсара кивнула и вышла, взяв с собой ведро воды и корзину с грязным бельем. Она прошла вдоль ряда кроватей в почтительном молчании, остановившись только для того, чтобы сообщить одной из Сестер, что Берена готова к новым бинтам.

За пределами лазарета резкий солнечный свет заставил Тэсару сощуриться. Она пересекла двор, ступая осторожно по садам, и оставила белье женщинам, которые стирали его в кипящих котлах, поставленных на открытый огонь.

Ведро с водой она отнесла на кухню, где смешала с остальной водой, собранной в тот день из лазарета. За ужином самые чистые из сестер очищали свой дух, готовясь к Загробной жизни, выпивая воду, которой купали больных.

Тэсаре не разрешалось участвовать в таких священных обрядах, потому что она знала мужчину и, что еще хуже, мага. Лежать в его постели было не ее выбором, и она не получала удовольствия от своего долга. В самом деле, она страдала от того, что ни одна мать не должна терпеть. И все же пожизненное служение не искупит ее греха и не сотрет пятно, которое он оставил на ее душе.

— Наша благословенная Мать послала за тобой, — объявила старшая кухарка, принимая ведро из рук Тэсары. — Она хочет увидеть тебя, как только ты закончишь с ваннами.

Тэсара встретила эту новость послушным кивком.

Она вышла из кухни и поднялась по узкой лестнице, ведущей в кабинет Матери и несколько комнат, отведенных для приема гостей из внешнего мира. Остальная часть монастыря была строгой и скромной, но здесь стулья и столы были украшены искусной резьбой. Стены украшали гобелены с изображениями мужчин и женщин, призванных Громом во время долгой и трудной истории народа Тэсары.

Когда она вошла в кабинет, мужчина, стоявший у окна, развернулся и пронзил Тэсару суровым взглядом. Его длинное лицо обрамляли сидящие волосы, а плащ цвета шалфея был богато расшит серебряными нитями.

— Мой лорд-регент, — Тэсара опустилась на колени, глубоко обеспокоенная этим необъявленным визитом.

Шорох юбок указал на приближение Матери. Старуха положила слабую, но твердую ладонь на плечо Тэсары.

— Если вам угодно, лорд-регент, я уйду, чтобы вы могли поговорить со своей племянницей.

Тэсара посмотрела на Мать со смесью боли и трепета.

— Дорогая Матушка, у меня нет семьи в этом мире, с тех пор как я...

— Тише, дочь моя, — Мать взяла лицо Тэсары в свои руки и посмотрела на нее добрым взглядом. — Я лучше тебя знаю клятвы, которые ты давала, входя в это место. Я не сомневаюсь в преданности, с которой ты служила богам как часть нашего сообщества все эти годы. Твоя семья действительно умерла для тебя, но теперь Гром хочет призвать тебя обратно в мир живых. Послушай своего дядю, ибо он стремится воскресить твое сердце из могилы. Новость, которую он сообщит, принесет тебе много радости.

— Но я не хочу...

— Знай, что бы ты ни решила, я благословляю тебя, — Мать поцеловала Тэсару и ушла тихо закрыв за собой дверь.

Тэсара опустила взгляд в пол, обремененная ужасной неуверенностью, которую не испытывала уже много лет.

Силус Пенамор, лорд-регент Рёнфина, шагнул вперед и протянул руку в перчатке своей племяннице.

— Встань, Тэсара.

Она повиновалась, напрягшись, когда Пенамор взял ее за подбородок и подверг холодному осмотру. Через мгновение он покачал головой.

— Только Сестры Бедняков могли взять женщину в расцвете сил и превратить ее в засохший сорняк.

Тэсара напряглась.

— В этих стенах нет места тщеславию.

— Очевидно, нет. Они сделали тебя тощей и желтоватой. Хотя держу пари, что немного солнца и правильная пища это исправят. Что это за тряпки на тебя надевают?

Она отпрянула, стиснув зубы.

— Это все, что мне нужно. Все, что кому-то нужно, жить в покое.

Пенамор фыркнул.

— Точно.

— Зачем вы здесь?

— Я пришел забрать тебя домой.

— Это мой дом.

— Это было твое временное убежище. Грязное место, но ты его выбрала. Мы были достаточно великодушны, чтобы позволить тебе остаться, сначала твой отец, а потом я, пока мы наводим порядок во внешнем мире. А теперь пора тебе вернуться.

— Я не вернусь.

— О, но я думаю, что ты это сделаешь, — сказал Пенамор странным тоном, одновременно угрожающим и многообещающим. — Война не за горами, и ты кто возглавишь ее.

Тэсара заставила себя рассмеяться.

— Ты же знаешь, что я не буду участвовать в этом. Элиасара погибнет от их рук, если мы...

— У них нет Элиасары, у нас есть.

Тени мелькнули перед глазами Тэсары. Она споткнулась и схватилась за спинку стула. В ее сердце разверзлась пропасть, поглотившая виноградные лозы и деревья, которыми она скрывала свою любовь и боль все эти годы. Горький поток страданий вернулся в полную силу.

— Где она? — Тэсара не смотрела на дядю, ее мысли были поглощены образом

каменного лица короля Акмаэля, его темных намечений, его безжалостного сердца.

— Примерно в дне пути отсюда. Она спрашивала о тебе.

— Она... цела? Они навредили ей?

— Ты имеешь в виду, они превратили ли ее в ведьму? Нет. Элиасара — настоящая дочь Рёнфина. Она осталась верна своей памяти о тебе и убеждениям своего народа. И она прекрасна, Тэсара, такая же прекрасная, как и ты в ее возрасте, с такой же милой улыбкой и золотыми волосами.

— Она меня не узнает. Она только начала ходить, когда нас разлучили.

— Она узнает, кто ты. Этого достаточно. Она хочет, чтобы мать любила ее, и хочет любить сама. Ты нужна ей, Тэсара.

Не в силах выдержать тяжесть момента, Тэсара рухнула на пол.

— Что это за невыносимая работа богов? — прошептала она. — Как это случилось?

— Это забавная история, — Пенамор опустился на колени рядом с ней.

Запах кожи и лошади обжигал ее чувства,

— Волшебник Церемонд часто говорил, что маги всегда предают своих, и в очередной раз мудрость этого старого ястреба подтвердилась. Ученица ведьмы-королевы, мага-воительница по имени Гемена, ворвалась в тюрьму Элиасары с двумя ее товарищами. Они убили охрану Короля-Мага и привели принцессу в Рёнфин, ко мне. Теперь маги с нами, готовые к бою.

В жилах Тэсары разлился огонь.

— Кто еще? — спросила она. — Кто еще поддерживает Рёнфин?

— Галия согласилась поддержать наше дело, и в Антарию были отправлены гонцы. Мы ждем их ответа. У нас также есть союзники внутри Мойсехена: благородные семьи, верность которых я втайне взращивал; маги, которые притворяются, что служат королю Акмаэлю; и другие среди ведьминых людей, которые хотят, чтобы линия Королей-Магов прервалась. Это наш момент, Тэсара. Твой момент. Отомстить королю Мойсехена и его злодейской блуднице, убить их бастардов и увидеть, как твоя дочь и все ее потомки претендуют на корону Вортингена.

Тэсара выпрямила спину, высвободившись из хватки дяди, и глубоко вдохнула, пытаюсь успокоить пульс.

Через долгое мгновение она перевела на него взгляд,

— Меня это не волнует, дядя. Все, что я хочу, это увидеть свою дочь.

Улыбка триумфа тронула его губы.

— Как хорошо, что я знал, что так будет.

Глава третья

Арест

Тяжелые дубовые двери открылись внутрь. Просторный зал, увешанный яркими знаменами, приветствовал Эолин. Придворные замолчали и повернулись, чтобы признать свою королеву. Мужчины и женщины в красивых одеждах кланялись, их драгоценности блестели в свете, льющемся из высоких окон.

Закрепив свой дух в сердце горы, Эолин начала долгий путь к трону своего мужа. Бриана крепко сжала ее руку. Эоган шагал с формальностью, приобретенной в последние годы, положив пальцы на рукоять меча, подаренного ему отцом.

За ними шли верховный маг Телин и лорд Бортен. За ними по пятам следовал молодой оруженосец Бортена Маркл, давний друг Мариэль и посетитель двора.

Мариэль и других маг отделили от ворот замка и поместили в темные камеры под крепостью: она старалась не думать о своих дочерях в одиночестве в подземельях, чтобы ее нервы не расшатались. Их будущее зависело от ее способности справиться с этой ситуацией с терпением, хитростью и немалой грацией.

Одежды зашуршали, когда придворные отступили, чтобы позволить ей пройти. Они опускали лица, следуя за королевой, подозрение висело в воздухе. Эолин знала, что в

ближайшие мгновения каждое слово и жест будут взвешены, поскольку все присутствующие оценивали, благоразумно ли еще называть королеву своим другом.

Король Акмаэль сохранил каменное выражение лица. Ни эмоций, ни намека на любовь, разочарование, гнев или радость на его бородатом лице. Но он встал, и Эолин приободрилась от этого жеста уважения.

Вокруг Короля стояли члены его Совета, в том числе маг Кори из Восточной Селен. Много лет назад, когда Эолин впервые вошла в этот зал в качестве заключенной, Кори был единственным мужчиной, который защищал ее. Теперь он стоял на месте Церемонда, волшебника, который увидел бы, как она горит, его ястребиный взгляд мало чем отличался от взгляда его предшественника.

Эолин остановилась в нескольких шагах от возвышения и опустилась на согнутое колено, темно-рыжие кудри свободно упали ей на плечи. Она оставила волосы распущенными, зная, как сильно это доставит Акмаэлю удовольствие. Она выбрала элегантное платье, которое соответствовало цветам его дома, темно-фиолетовое, расшитое серебром и черным.

Рядом с ней молодой Эоган отвесил поклон. Принцесса Бриана, однако, проигнорировала все правила и со смехом прыгнула в объятия Короля-Мага.

Акмаэль поддержал порыв девушки, высоко поднимая Бриану и прижимая ее к себе.

— У нас были замечательные приключения, папа, — сказала она, — но дорога до Южного леса занимает целую вечность, и как только мы прибыли, ты заставил нас вернуться!

— Лучше так, чтобы семья была едина.

Эолин почувствовала жар взгляда мужа, когда он остановился на ее склоненной голове.

— Присутствие твоей матери поддерживает меня в целости, — продолжил он. — Разве она не рассказывала тебе о проклятии, наложенном на меня, когда я был мальчиком?

— Нет, — голос Брианы искрился любопытством.

— Если я расстанусь с твоей матерью слишком надолго, я превращусь в людоеда, — он украсил это яростным рычанием.

Бриана визжала и брыкалась, пока он не поставил ее на пол. Она побежала, смеясь, и спряталась за Эолин, которая все еще кланялась.

Легкое веселье прокатилось по залу, сняв напряжение.

— Мама говорила мне, что когда ты был маленьким, ты мог отправиться в Южный лес в мгновение ока, — сказала Бриана из-за спины Эолин. — Это правда?

— Да.

— Ты научишь меня, как?

— Твоя мать теперь хранительница этой магии. Это она должна тебя учить.

— Но она не будет. Она говорит, что я еще недостаточно опытна.

— Тогда и я так говорю.

Акмаэль подошел ближе. Его аромат полированного камня и вневременной магии омыл Эолин. Она почувствовала, как внутри зашевелился дух леса. Ей хотелось встать и обнять мужчину, которого она любила, еще раз ощутить силу его объятий, но она удержалась, как того требовал протокол.

— Рад встрече, Эоган, — Акмаэль обратился к своему сыну. — Какие новости у тебя есть для меня?

Принц ответил торжественным тоном:

— Мой Король, вам будет очень приятно узнать, что Моэн продолжает процветать под руководством лорда Бортена, а его сыновья становятся прекрасными солдатами. Новая башня в Фалонс-Ридж хорошо обслуживается. У нас не было возможности добраться до укреплений вдоль восточной границы, но лорд Бортен уверяет меня, что они в порядке, и я верю ему на слово.

— Как и я, — сказал король. — Рад встрече, Бортен. Я рад, что ты решил присоединиться к свите королевы. В грядущие дни мне понадобятся твоя мудрость и рассудительность.

— Я, как всегда, к вашим услугам, мой Король, — ответил Бортен.

Эолин почувствовала колебание в позе Акмаэля, будто он заметил что-то, что ему не совсем нравилось. Ее сердце остановилось, и она рискнула взглянуть.

Черный взгляд короля остановился на юном Маркле, подопечном и оруженосце Бортена.

Долговязый юноша с веснушчатым лицом и копной каштановых волос, Маркл был внуком Макадиаса Фелтона и единственным выжившим из дома, правившего провинцией Моэн до вторжения Сырнте. Маркл нередко сопровождал своего опекуна при дворе. Но по какой-то причине присутствие мальчика не понравилось мужу Эолин.

Акмаэль выглядел так, словно собирался что-то сказать, но затем покачал головой, словно отгоняя эту мысль.

— Я хотел бы поговорить наедине с королевой, — объявил он. — Эоган, присмотри за сестрой. Мы поговорим снова вечером.

Если придворные и были разочарованы тем, что им было отказано в зрелище первого разговора между королем и королевой, они хорошо это скрывали. Все ушли позади принца и принцессы. Члены Совета во главе с Кори и Телином ушли последними.

Заккрытие дубовых дверей эхом разнеслось по большому залу, и Акмаэль протянул руку.

— Встань, Эолин. Позволь мне увидеть тебя.

Она подняла на него глаза, не зная, что она может найти.

Выражение лица Акмаэля смягчилось, когда он принял ее. Любовь вспыхнула в его ауре. Он коснулся ее волос, проведя пальцами по их длине.

— Боже, как я по тебе соскучился, — обхватив ее руками, Акмаэль прильнул губами к губам Эолин.

Она растворилась в его объятиях, переплела пальцы с его темными волосами и ответила вздохом удовольствия, когда его поцелуи спустились вниз по ее шее.

— Любовь моя, — прошептала она.

Они рухнули на непоколебимый пол. Шнурки корсажа Эолин ослабили от прикосновения Акмаэля, и он наклонился, чтобы попробовать соль ее обнаженной плоти. Затем он остановился в своих ласках и просто притянул Эолин к себе, крепко прижав к своей широкой груди. С приглушенным стоном он уткнулся лицом в ее волосы и вдохнул.

Так они и оставались некоторое время, наслаждаясь ритмом своего смешанного дыхания, пульсом их общей потребности. Многолетняя их любовь наполнила тишину теплом и уютом. Дух Южного Леса поднялся вокруг них, слившись воедино, пока Эолин не услышала болтовню его существ, смех его деревьев и рев весенней реки Тарба.

Эолин набралась смелости и повернулась в объятиях Акмаэля, чтобы снова поцеловать его.

— Могу я взять тебя сейчас? — его дыхание обожгло ее ухо, зажигая дрожь желаний. —

Пока двор ждет за закрытыми дверями?

— Я думала, что найду вас очень рассерженным, мой Король. Я переживаю с тех пор, как ваши приказы дошли до нас в высокогорьях Моэна.

— Так и должно быть, — прошептал он. — Переживать из-за судьбы моей дочери и предательства твоих учениц. Переживать из-за армий, собирающихся по приказу Силуса Пенамора. Но не из-за моей любви, Эолин. В этом будь уверена.

С неохотой она высвободилась из его объятий.

— Акмаэль, магия маг должна быть немедленно восстановлена.

— Я не могу этого допустить.

Окончательность его тона застала ее врасплох.

— Никто из них не участвовал в этой измене.

— Ты сказала бы то же самое о Гемене две недели назад?

— Нет! Я имею в виду, да... — Эолин прикусила губу. — Я не знаю. Она всегда была своевольна, но это... не понимаю. Почему она так поступила?

— Возможно, она думала, что действует от твоего имени.

— Я никогда не подстрекала ее к...

— Я не говорю, что ты это сделала. Тем не менее, ты свободно выражала свои возражения почти против каждого решения, которое я принял относительно Элиасары. И ты неоднократно выступала за то, чтобы принцессу вернули ее матери. Это легко могло быть истолковано как призыв к действию.

— Я не жалею о том, что сказала. Элиасара — девочка, а не пешка.

— Она — дочь короля.

— Твоя дочь.

— Да, моя! Моя ошибка. Та, за которую мы все дорого заплатим кровью и жизнями.

Эолин напряглась. Не ошибка. Девочка, невинная в обстоятельствах, приведших к изгнанию ее матери.

Как бы ей ни хотелось сказать это, Эолин по опыту знала, что озвучивание этой мысли ни к чему не приведет.

— Я дал Элиасаре жизнь, — продолжил Акмаэль, — но я не делал ее пешкой. Она была рождена для этой судьбы. Теперь вокруг нее собираются все те, кто жаждет смерти моего сына, благодаря действиям твоей ученицы. Почему Гемена не сопровождала тебя в Моэн?

Вопрос пришел резкий, неожиданный. Эолин напряглась и отошла.

— Гемена попросила отпустить ее.

— И ты безоговорочно согласилась?

— Конечно. Она всегда служила мне верой и правдой. Почему я должна была сомневаться в ней сейчас?

— Потому что она никогда не упускала возможности вернуться в Южный лес.

Гнев вспыхнул в Эолин. Она встала, затягивая шнурки корсета. Акмаэль поднялся с ней.

— Говори прямо, мой король. Я не буду участвовать в этой игре. Если ты мне не доверяешь, если ты мне неверишь, так и скажи.

— Я доверяю твоему сердцу, Эолин, но твое сердце приводило тебя к опрометчивым решениям в прошлом. По этой причине я не всегда склонен доверять твоему суждению.

— Ради богов, Акмаэль! Я уже не та растерянная и напуганная девушка, какой была, когда мой брат ополчился на тебя.

— Нет, но ты должна понять дилемму, в которую ты меня поставила.

— В какую дилемму я тебя поставила?

— Если ты знала о плане Гемены и не сообщила мне, ты была соучастницей измены. Если не знала, то твоя власть над магами сомнительна. В любом случае, маги должны оставаться связанными и заключенными в тюрьму, пока этот конфликт не будет разрешен.

Эолин моргнула и отошла.

Даже Телин не говорил об этом так прямо.

— Маги мирно живут в Мойсехене уже более десяти лет, — ее голос дрожал, а руки были сжаты. — Ты не можешь позволить действиям одной женщины...

— Трех женщин. Откровенно предательский поступок трех женщин, преданных тебе учениц. Они навлекли на нас войну, Эолин. Кто знает, сколько других среди твоих последовательниц поддерживают их?

— Маги, оставшиеся у меня на службе, не сделали ничего, что заслуживало бы подозрений.

— Все маги заслуживают подозрения, — Акмаэль заколебался, увидев выражение ее лица. Он медленно выдохнул и смягчил тон. — Есть история, которую мы еще не преодолели, Эолин. Ты, как никто другой, должна это понять. Слишком многие из наших подданных еще помнят войну против моего отца.

— А какие чистки последовали? Маги, которых он убил?

— Насилие, которое разорвало это королевство на части, — признал Акмаэль. — Правильно это или нет, но виноваты маги. Многие боятся твоей силы, амбиций всех женщин-волшебниц. Мы должны осторожно управлять этой ситуацией, чтобы защитить тебя и твоих дочерей. Чтобы справедливость восторжествовала.

— То, что Телин сделал с моими магами по твоему приказу, было несправедливо».

— Мера предосторожности. Ничего больше.

— Ты должен дать мне слово... — голос Эолин сорвался. Неужели он ничего не допустит? Какую маленькую уступку она могла бы потребовать? — По крайней мере, обещай мне, что ни одна из моих дочерей не будет подвергаться жестокому обращению во время заключения.

— Плохое обращение?

— Что их не... — Эолин задохнулась от своих слов. — Что они не будут подвержены методам, когда-то использовавшимся Церемондом и его магами.

Осознание омрачило черты лица Акмаэля. Он улыбнулся и покачал головой.

— Ладно тебе, Эолин. Ситуация не такая мрачная. Уверяю тебя, дни Церемонда не вернуться. Мы находимся в тупиковой ситуации, пока не определим, заканчивается ли эта паутина предательства Геменой или начинается с нее. Если тебя признают невиновной, твои маги вернуться на свои прежние позиции. Если кто-то из них питает предательство в сердце, лучше нам выяснить это сейчас, прежде чем будет нанесен еще больший ущерб.

Эолин кивнула, хотя его заверения мало утешили ее.

— Я приготовил для тебя комнаты Восточной Башни, — сказал Акмаэль.

— Что?

— Я знал, что ты будешь недовольна, — поспешил добавить он, — но я делаю это для твоей же безопасности.

— Моей безопасности?

— Нет чар сильнее, чем у Восточной Башни. Ты останешься там, и дети с тобой.

— Ты посадишь меня в тюрьму? Женщину, которую ты любишь, свою королеву?

— Твоя магия не будет ограничена. Тебе будут разрешены посетители, и тебе будет разрешено покидать пределы башни в светлое время суток, но всегда в моем обществе или в обществе назначенных мной охранников.

— Ты не можешь требовать этого от меня.

— Эолин, — он нежно взял ее за плечи. — Не закрывай глаза на деликатность нашего положения. Половина двора полагает, что это твой приказ заставил Гемену доставить Элиасару в Рёнфин.

— Ты знаешь, что я никогда бы...

— И я, видя, что дочь украдена у меня, недоумеваю, что дальше в мыслях тех, кто замышляет разрушить мой дом и править. Будут ли они пытаться убить моего сына? Будут ли они нападать мою королеву? Потому что эти две вещи уничтожили бы меня, Эолин, меня и все будущее, которое я себе представлял.

Эолин недоверчиво уставилась на Акмаэля. Призрачный крик отозвался эхом в ее сердце, забытый плач преданной женщины.

— Вот как это началось, да? — прошептала она. — Заключение твоей матери началось именно так.

— Эолин...

— Твой отец хотел только защитить ее, но он не позволял ей уйти. В конце концов, это не имело никакого значения. Кайе проникла в обереги и убила ее. Ты помнишь, Акмаэль. Ты был там.

— Моя любовь...

— Ты не можешь запереть меня в том месте!

— Ты не останешься одна, как моя мать. Ни сегодня, ни в грядущую ночь.

Акмаэль прижался к ее лбу. Затем он взял тонкую цепочку, на которой висела Серебряная паутина, и осторожно поднял украшение над головой Эолин. Он держал амулет на ладони, нежные кристаллы блестели в дневном свете.

— Эта магия может быть использована для проникновения через чары, — сказал он.

— Как?

— Это мне знать, — он надел серебряную цепочку на шею, сунув амулет под тунику. — Обещаю тебе, Эолин, я буду с тобой каждую минуту, когда смогу.

— Ты обеспечил себе путь в Восточную башню, не оставив мне выхода. Ночью ты воспользуешься магией своей матери, чтобы прийти как вор, тайный любовник, а не открыто как мой король и муж. Почему?

Акмаэль кивнул на дверь, которая отделяла их от придворных снаружи.

— Потому что они должны верить, что мое суждение свободно от влияния желания и любви, свободно от любых заклинаний, которые может наложить мага.

— Они дураки, если верят, что мага может контролировать решения людей. Если бы у нас была такая сила, уверяю, этот мир был бы совсем другим местом.

— Они могут быть дураками, но у этих дураков мои наемники. Вскоре они должны последовать за мной на войну. Я не могу позволить им усомниться во мне, даже на мгновение.

— Но ты позволишь им усомниться во мне?

— Боги не назначали тебя командовать ими.

— Нет, Акмаэль. Ты это сделал. Ты выбрал меня, чтобы я командовала на твоей стороне, чтобы вела и защищала наш народ, чтобы восстановить пути Эйтны и Карадока. Ты

верил в эту мечту так же сильно, как и я. По крайней мере, так я думала до сегодняшнего дня.

Он помрачнел.

— Эта ситуация пройдет, любовь моя. Твоя верность и верность твоих маг будет доказана твоим послушанием. Делай, как я прошу. Прими защиту Восточной Башни. Пусть видят, что ты со мной не ссоришься, и даю тебе слово, что скоро все уладится.

Глава четвертая Воссоединение

Пенамор приказал своей процессии остановиться на повороте дороги возле лесистой местности. Лорд-регент спешил и помог своей племяннице спуститься на травянистую землю. Дамы, которые когда-то служили Тэсаре, радостным хором встретили их, целуя ее руки и щеки. Их яркие платья и разноцветные драгоценности сверкали на солнце. В стороне стояла женщина с темными волосами, с мелкими седыми прядями. Тэсара узнала ее и заплакала. Она привлекла суровую даму в долгие объятия.

— Соня, моя верная подруга, — сказала она. — Думаю, я скучала по тебе больше всего.

Леди Соня сопровождала Тэсару в стране Короля-Мага, оказавшись верной и постоянной спутницей в ужасные годы замужества Тэсары.

— Ваше отсутствие было тяжело переносить, — сказала Соня, и нежность смягчила ее горький вид. — Но теперь мы воссоединились в радости и триумфе.

Тэсара отстранилась и вытерла слезы с глаз.

— Где моя дочь?

— Она ждет нас в Адельроде, — краткий ответ Пенамора развеял энтузиазм Тэсары. До крепости было как минимум полдня пути. — Мы отдохнем здесь немного, достаточно долго, чтобы ты успела вымыться и как нарядиться. И поесть, прежде чем мы продолжим.

Леди Соня взяла Тэсару за руку и повела принцессу, окруженную дамами, в соседний лес. Женская болтовня звучала среди залитых солнцем ветвей. Каждый шаг впускал сильный аромат трав. Чувство бодрости охватило дух Тэсары, словно она была весенним цветком, брошенным в реку и счастливо качающимся по течению.

После короткой прогулки они подошли к небольшому ущелью, где туманный водопад питал бассейн с кристально чистой водой. Тэсара ахнула от восторга.

— Моя Королева довольна, — Соня сделала реверанс с милостивой улыбкой.

Было странно, что к ней снова обращались как к королеве. Королева в глазах одного королевства, но не в глазах другого. Королева для целей ее дяди, но не для удовольствия своих богов.

Женщины помогали Тэсаре снять изношенное красновато-коричневое платье. Они

защищали ее льняными простынями, пока она ступала в прохладную воду. Холодный ветер дул с водопада, целуя лицо Тэсары брызгами. Она приблизилась к водопаду в медленном почтении и ступила в центр энергичного рева.

Вода лилась на нее, смывая сожаления и сомнения. Она приветствовала чувственные объятия реки, раскрыла свои объятия для ее постоянной ласки. В течение десяти лет она мылась только маленькой миской мутной воды раз в неделю. Теперь явный избыток воспламенил поток забытых ощущений.

Вспоминая бесчисленное множество немощных, за которыми она ухаживала, Тэсара чувствовала стыд за эту роскошь, за свою неспособность отказаться от этого удовольствия, за запретную надежду, что она никогда больше не столкнется с крайней бедностью, болезнями и отрицанием.

После того, как она закончила купаться, дамы принесли потрясающий наряд из розового шелка, расшитый листьями шалфея. Они заплели ей волосы цветами и жемчугом. С женщинами, высоко держащими ее шлейф над сырой землей, Тэсара вернулась к столу Пенамора.

Все взоры обратились, когда она появилась на опушке леса. Приглушенное благоговение окутало мужчин, когда они поклонились ей, чтобы поприветствовать. Когда Пенамор встал, Тэсара опустилась на колени, наслаждаясь мягким шелестом ее юбок, тем, как расцвела ткань вокруг ее тонкой талии. Она опустила глаза, пока не увидела перед собой сапоги регента и не почувствовала его ладонь на своем плече. Поднявшись по велению Пенамора, Тэсара встретила удовлетворение в его глазах своим собственным сиянием обновления.

— Всем встать! — Пенамор прогремел, и его народ повиновался. — Это Тэсара, моя племянница. Истинная дочь Рёнфина и принцесса дома моего брата Линоса, да хранят его боги в загробной жизни, Она — помазанная королева Мойсехена, мать единственной истинной наследницы Короля-Мага. Вы будете любить ее, как я люблю ее; вы будете подчиняться ей, как подчиняетесь мне. Мы будем сражаться, и некоторые из нас умрут, чтобы ей вернуть славу, и чтобы ее дочь Элиасара носила корону, предназначенную для нее богами.

— Победа за Тэсарой, королевой! — кричали они.

— Смерть Королю-Магу! — взревел Пенамор. — Смерть его злой шлюхе и их уродливым бастардам!

Это было встречено ударами мечей по щитам, ревом лордов и пронзительным криком дам. Тэсара, встревоженная размахом их агрессии, хотела отступить, но хватка Пенамора удержала ее на месте.

— Пойдем, племянница, — сказал регент, когда стихли крики его людей. — Пойдем к твоей дочери.

* * *

Вечернее солнце висело низко, бросая на землю шафрановые лучи, когда они прибыли в Адельрод, скромную, но крепкую крепость, возвышавшуюся над поблекшими полями и редкими деревьями. За стенами были возведены обширные шатры, увешанные знаменами всех знатных домов Рёнфина.

Навстречу им вышла толпа: солдаты и рыцари, поднявшие оружие в знак приветствия, дворяне в богатых одеждах и дамы в шелковых вуалях, лакеи, слуги и простолюдины. Дети беспрепятственно бегали среди них.

Тэсара узнала много лиц из двора своего отца, хотя бесчисленное множество новых и

неизвестных. Путь для регента открылся среди людского моря, позволив ему проехать через ворота замка и во двор перед домом. Там впервые за десять лет Тэсара увидела свою дочь.

Элиасара стояла на каменных ступенях, ведущих к главному входу, в окружении стражи, членов совета и придворных дам. Они одели ее миниатюрную фигуру в королевские цвета Мойсехена и надели на ее прекрасные золотистые волосы серебряный обруч. Ей дали декоративный нагрудник и привязали к бедру меч.

Горло Тэсары болезненно сжалось при виде этой незнакомки, рожденной из ее собственной плоти, девочки двенадцати лет, готовой возглавить армию.

Борясь с непрекращающейся дрожью в руках, Тэсара спешила и подошла к принцессе Мойсехена. Она видела отражение собственной неуверенности на лице Элиасары и утешалась их общими опасениями.

— Дочь, — она остановилась в нескольких шагах от Элиасары и протянула руки, приглашая обнять ее. — С величайшей любовью и радостью я принимаю тебя сегодня. Приходи и живи среди своих людей. Будь счастлива, потому что ты свободна.

Губы Элиасары дрогнули. В порыве детской потребности она сбежала по лестнице и прыгнула в объятия матери. Тэсара погладила дочь по волосам и пробормотала ободряющие слова. После благоразумного ожидания она взяла девочку за подбородок и вытерла слезы, заменив их поцелуями. В определенные моменты были допустимы сильные проявления эмоций, даже стратегические; но слишком много слез со стороны Элиасары могло подорвать веру их народа в силу ее сердца.

Тэсара посмотрела на компанию, которая их окружала.

— Я почтила бы доблестных воинов, вернувших мне мою дочь. Где они?

Три женщины отделились от толпы. На них были бордовые плащи и леггинсы. Их осанка была гордой и самоуверенной.

Самая маленькая наблюдала за Тэсарой острыми карими глазами, частично скрытыми прядями пепельно-каштановых волос. Было что-то тревожно знакомое в миниатюрном росте и остром взгляде этой женщины. Она напонила Тэсаре легенды о лесных эльфах и других странных существах, населявших коварные леса Галии.

— Это воительницы-маги, которые пришли нам на помощь, — сказал Пенамор.

Три женщины встали на колени у ног Тэсары.

— Белокурая — это Никола, — Пенамор кивнул на каждую воительницу по очереди. — Ее подруга с темными кудрями — Ирэни. Вот эту, маленькую, но свирепую, как ты, я уверен, узнала, зовут Гемена.

Гемена.

Тэсара вертела это имя на языке, пока его вкус не проявился в памяти.

Это было не воспоминание, а внезапный приступ мучительной боли.

Одним быстрым движением она забрала меч своей дочери и вонзила его смертоносное острие под подбородок Гемены. Зрители ахнули. Никола и Ирэни вскочили на ноги и обнажили оружие.

Гемена оставалась неподвижной, как змея, готовая нанести удар. Она встретила взгляд Тэсары прищуренными глазами.

— Тэсара, — тихо упрекнул ее Пенамор. — Это не способ вознаградить службу этих женщин.

— Я знаю, что делаю, дядя. Я узнаю ее. В последний раз, когда я видела ее, она была девочкой девяти лет. Это она появилась на улицах Мойсехена с помощью темной магии,

наложив проклятие на мое лоно и заставив моего нерожденного сына умереть в реке крови. Ты должен помнить тот день; ты был там. Она когда-то была служанкой Ведьмы Моэна. Я не знаю, с помощью какой уловки она теперь пытается называть себя нашим другом, но я этого не допущу. Я желаю ей смерти.

Ни один человек не шевелился во дворе. Даже собаки притихли.

Гемена подняла руку в перчатке и сказала своим спутницам:

— Никола, Ирэни, опустите оружие.

Маги повиновались.

Хватка Тэсары на мече усилилась. Вся ярость, все угрызения совести, которые проглотили ее после потери сына, вернулись свежими. Много лет назад слепая одержимость Короля-Мага своей простолюдинкой-волшебницей лишила Тэсару возможности наказать виновных в убийстве принца. Но теперь она не была бессильна, и было бы неплохо посмотреть, как умирает мага.

— Тэсара, — Пенамор приблизился, чтобы дать свой совет. — Подумай о том, что ты делаешь. Эти женщины — подарок богов. Они уже предоставили информацию о Короле-Маге и его армии, которая вполне может переломить ход войны. У них есть союзники в Мойсехене, готовые действовать по нашему приказу. Их услугами нельзя распоряжаться легкомысленно.

Тэсара стиснула зубы.

— Миледи Королева, — сказала Гемена. — Я помню день, когда умер ваш сын. Я прошу вас выслушать мою историю, прежде чем осуждать меня.

Тэсара прижала лезвие к податливой коже Гемены.

— Очень хорошо, ведьма. Говори.

— Миледи Королева, тогда я была напуганным ребенком, спасающимся бегством от жестокого захватчика. У меня не было возможности узнать, какие проклятия могут быть высвобождены заклинанием, которому меня научила Мага Эолин. С тех пор я осознала ее многочисленные обманы и разделяю ваш гнев и вашу жажду справедливости. Вот почему мы с сестрами доставили вам принцессу Элиасару. Вот почему мы присягнули ее делу.

— Преданность маги бессмысленна.

— Тэсара...

— Ты знаешь наследие наших предков, дядя! Мы не можем терпеть практикующих магию. Даже если она скажет правду, даже если мы примем услуги этих трех женщин, они должны сгореть вместе со всеми остальными, как только Мойсехен станет нашим.

Взгляд Гемены переместился на землю.

Пенамор кашлянул. Он поднял руку к зрителям, его улыбка была снисходительной, отцовской.

— Как видите, наша королева последние десять лет была уединена.

Вынужденный смех прокатился по толпе.

Тэсара запнулась. Возможно ли, что они так далеко отклонились от пути Грома? Потворствовал ли теперь ее народ магии?

Она поняла, что ничего не понимала ни в работе двора Пенамора, ни в настроениях его подданных. Такое невежество могло привести к катастрофе, если бы она не была осторожна.

— Простите меня, мой лорд-регент, — сказала она. — Я говорила не к месту. Судьбу последователей Дракона будет решать моя дочь, как только она сядет на трон Мойсехена. Но эта женщина перед нами — убийца принца. Я не могу позволить ей жить.

— Ты не сможешь убить ее, — высокомерным тоном произнесла светловолосая мага. —

Она слишком хороша для этого.

— Никола, — упрек Гемены был ясен. Она снова посмотрела на Тэсару. — Миледи Королева, позвольте нам сопровождать вас в этой кампании, и вы увидите, что настоящие маги не похожи на женщину, которую я когда-то называла своей наставницей. Настоящие маги не поддаются эгоистичным амбициям, не ищут короны и не выходят за королей. Мы с сестрами увидим, как восстановится баланс наших предков, и порочному правлению Короля-Мага придет конец. Мы жаждем правления вашей дочери.

— Почему?

— Потому что магия запрещена королям Мойсехена, — руки Гемены сжались в кулаки. — Акмаэль и его отец нарушили этот запрет и убили всех, кто им противостоял. Теперь принц Эоган следует их пути. Линия королей-магов должна быть прекращена. Позвольте мне прожить достаточно долго, чтобы выполнить эту задачу, миледи королева. Как только мы посадим вашу дочь на трон, можете делать со мной все, что захотите.

Тэсара неуверенно разглядывала Гемену.

— Моя Королева, если я могу быть настолько наглой, — над ухом Тэсары прозвучал сдержанный голос Сони. — Я могу поручиться за искренность Маги Гемены. По велению вашего дяди я поддерживала с ней связь чуть ли не с того дня, как нас изгнали из Мойсехена. Нет мечты ближе к сердцу Гемены, чем та, которую вы только что услышали. Она бесчисленным образом помогала нашему делу в безопасном возвращении вашей дочери. Никто бы не усомнился в справедливости вашего решения, если бы вы лишили ее жизни в этот момент. Но месть часто бывает слаще справедливости. Если вы оставите Магу Гемену в живых, вас ждет месть.

«Мщение предназначено для эгоистичных и ограниченных, — сказала бы Добрая Мать. — Прощение открывает путь к более справедливому миру».

Тэсара опустила меч, не зная, что она выбирает: месть или прощение, или и то, и другое.

— Я слышала тебя, Гемена из Мойсехена, — сказала она. — Тогда вставай и присоединяйся к нашей кампании. Дадут Боги, и ты докажешь свою ценность.

Глава пятая

Восточная башня

Эолин и ее дочь, Бриана, стояли у окна Восточной Башни и смотрели во внутренний двор внизу, где Эоган проводил вечерние уроки с сэром Гэорином и лордом Бортенем. Постоянная сосредоточенность и глубокое чувство долга отличали каждое усилие принца.

Его быстрый прогресс в военном искусстве наполнил сердце Эолин гордостью и трепетом.

Скоро серые каменные стены крепости окрасятся красноватыми оттенками заката. Эоган возвращался в Восточную башню, раскрасневшийся после упражнений и наполненный новыми вопросами о воинской магии. Он попросит еще одну историю о Кэдмоне и войне против Народа Грома. На несколько мимолетных часов принц снова станет ребенком, легким в своем смехе, нежным в его объятиях.

Эолин задавалась вопросом, стояла ли королева Бриана у того же окна во время своего заточения, боролась ли она с той же любовью и теми же сомнениями, что и Акмаэль, терпящий бремя мага и короля.

— Когда я начну уроки, мама?

— Я бы предпочла, чтобы ты вообще не училась владеть мечом, — нежно ответила Эолин, поглаживая волосы дочери.

— Но я буду мага-воительницей, — Бриана пристально смотрела на брата.

— Если это твое призвание, то да. Ты должна помнить, Бриана, что самые могущественные маги в истории вовсе не были воинами.

— Ты мага-воительница.

— Я научилась военному делу по просьбе твоего отца, чтобы стать лучшей королевой. Но война не была моим первым призванием.

— Я буду королевой, так что, должно быть, и мне суждено стать мага-воительницей.

Эолин обняла дочь, хотя печаль коснулась ее сердца. С тех пор, как она научилась ходить, Бриана старалась не отставать от своего брата во всем, и военное искусство не было исключением.

Действительно, большинство маг, которых Эолин учила за последние десять лет, кроме целительницы Жакетты, выбрали путь воина. Возможно, это было неизбежно, учитывая недавнюю историю конфликтов и преследований. И все же Эолин надеялась оставить через своих учениц иное наследие, мир и уважение ко всем живым существам; орден мага, посвященный исцелению земли и ее людей.

Возможно, Бриана все же выберет другой путь и станет настоящей Дочерью Эйтны. В конце концов, было еще время и надежда.

Бриана развернулась, прервав размышления Эолин.

— Дядя Кори! — воскликнула она, хлопая в ладоши.

Удивленно обернувшись, Эолин увидела в дверях мага Восточной Селен. Он был одет в темно-зеленую мантию своего положения и держал посох из полированного ореха, увенчанный кристаллом малахита.

Как долго он наблюдал за ними, Эолин не могла сказать.

Не испугавшись появления самого могущественного волшебника в королевстве, Бриана бросилась прочь от своей матери в объятия Кори, обхватив своими ручками его шею и поцеловав его в щеку.

— У меня есть подарок для тебя, маленькая принцесса, — Кори показал ей свою пустую руку, повернул ладонь. В грациозном танце пальцев в его руке появилось длинное бирюзовое перо, вызвав у Брианы вздох восторга. — Это перо из хвоста драконмота из Восточного Селена.

— Ты сорвал его с драконмота?

— Нет, конечно, не сорвал. Я нашел его у подножия дуба. По окончании брачного сезона самцы выщипывают собственные декоративные перья. Бесплезно устраивать шоу,

если самки потеряли интерес.

— Как красиво, дядя Кори! Спасибо. Когда ты отвезешь меня в Восточную Селен, чтобы я могла лично увидеть драконмота?

— Ты только что вернулась из Южного леса.

— Да, а теперь я хочу отправиться в Восточную Селен.

— У тебя блуждающее сердце, Бриана, — сказал мрачно Кори. — Это нездоровая черта для принцессы.

— Но хорошая черта для маги. Мама так говорит.

— Да? — Кори посмотрел в глаза Эолин. — Мудрые слова от Высшей Маги, но не от королевы.

— Когда ты забереешь нас в Восточную Селен? — настаивала Бриана.

— Возможно, мы сможем отпраздновать там зимнее солнцестояние, — сказал Кори. — Много, конечно, зависит от твоей матери.

Эолин покинула свое место у окна. Она сохраняла нейтральное выражение лица, пытаясь скрыть нежелание принимать его.

— Добро пожаловать, маг Кори.

— Моя Королева, — он поклонился и коснулся ее пальцами своего лба. — Я очень рад, что вы благополучно вернулись в Город.

— Талия, Раэлла, — Эолин кивнула фрейлинам, которые спокойно сидели в комнате и занимались рукоделием. — Пожалуйста, возьмите Бриану на прогулку по саду. Эти тесные помещения сделали ее беспокойной.

— Но я хочу остаться, — запротестовала Бриана. — Только что приехал дядя Кори, и мне так много нужно ему рассказать.

— Маг Кори запросил у меня личную аудиенцию, Бриана.

— Это из-за Мариэль?

— Я не знаю, любовь моя. Он мне ничего не сказал.

— Если речь идет о Мариэль, то я хочу остаться.

— Бриана, — Кори встал на колени, чтобы посмотреть в глаза ребенка.

У Эолин перехватило дыхание при ярком проявлении их общего наследия. Хотя маг Кори был светловолосым, а Бриана брюнеткой, у обеих были серебристо-зеленые глаза Восточной Селен.

— Ты должна слушаться свою мать, — сказал он. — У нас с тобой будет другая возможность поговорить.

— Когда?

— Как только я закончу говорить с нашей Королевой. Я найду тебя в саду, и мы поищем лунных пауков и огненных жуков.

— И ты расскажешь мне новости о Мариэль?

— И не только. У меня есть секретное сообщение от нее, специально для тебя.

Бриана усмехнулась. Она обняла его и ушла. Фрейлины Эолин ушли позади принцессы вместе со стражником. Двери закрылись. Магическая печать, защищавшая Восточную башню, с шипением встала на место.

Эолин села и попросила Мага Кори сделать то же самое. Долгое время они молча смотрели друг на друга. Ей было интересно, кого Кори видел перед собой: девицу из Моэна или одну из танцовщиц его Круга? Скрывшуюся магу, знаменитую целительницу или воительницу? Королеву, мать или узницу? Она прошла так много дорог с тех пор, как они

впервые встретились в высокогорьях Моэна, и он знал каждую из них слишком близко.

— Бьюсь об заклад, ты никогда не думала, что ловушка может захлопнуться так быстро, — сказал он.

Эолин напряглась.

— Я никогда не сомневалась в стремительной жестокости твоих магов.

— Эта ловушка была не в нашей власти.

Эолин заерзала на своем месте. Тысячи слов застыли на ее губах, из которых можно было выбрать и произнести лишь горстку. Каждый разговор в ближайшие дни нужно было вести с большой осторожностью, особенно когда дело касалось этого мага.

— Почему Телин пришел за нами, а не за тобой?

— Я был нужен, чтобы выследить магу, все еще проживающую в Городе. Кроме того, Телин был лучшим магом для этой задачи.

«Мариэль, — подумала она. — У него не хватило бы духу связать Мари».

Небольшой знак, возможно, что он еще мог быть причислен к ее друзьям.

— Насколько я понимаю, ты должен наблюдать за их допросом, — сказала она.

— Это правда, моя Королева.

— Я выразила свою озабоченность по этому поводу королю. Он уверяет меня, что тебе и твоим магам не будет позволено...

— Моя Королева, если вы чему-то и научились за годы нашей дружбы, так это тому, что я сделаю все, что должно быть сделано в данный момент, и я закалю свое сердце, чтобы довести это до конца.

— Возможно, это так, маг Кори. Но я также знаю, что слова — твой самый эффективный инструмент. Ты никогда не прибегал к насилию, чтобы получить то, что тебе нужно.

Кори позволил заявлению повиснуть в воздухе.

Эолин отвела взгляд, внезапно почувствовав ледяное напряжение в своих руках.

«И меня допрашивают».

— Ты не привел писца, — тихо сказала она.

— Зачем мне писец, моя Леди Королева? — его тон смягчился. — Мы пока просто разговариваем.

Было время, когда Кори рисковал своей жизнью, чтобы защитить ее, но за годы, прошедшие после коронации Эолин, обстоятельства изменились. Кори укрепил свою власть, и она родила двоих детей, несущих в себе кровь его народа. Теперь Эоган и Бриана могли продолжить дело Восточной Селен. Возможно, именно это и сделало ее ненужной.

— Вижу, лорд Бортен вернулся с вами из Моэна, — сказал Кори.

Эолин не вздрогнула от этой колкости.

— Бортен хотел предложить свои услуги в Королевском совете, теперь, когда нам предстоит война с Рёнфином.

— Его подопечный... Как его зовут?

Как будто Кори не знал.

— Маркл.

— Да. Что привело его ко двору?

— Думаю, забота о Мариэль.

— Сомневаюсь, что это было бы его единственной мотивацией.

— Маркл желает быть приведенным к присяге как Рыцарь Короля. Бортен решил

спонсировать его.

— Маркл? Рыцарь? — эта идея, казалось, позабавила Кори.

— Кто-то может сказать, что ему не хватает дисциплины, — признала Эолин.

— Кто-то может сказать, что он лжец и вор.

— Лорд Бортен был доволен службой Маркла! — возразила она. — Он считает, что мальчику будет полезно тренироваться с людьми короля.

— Возможно, но сэр Маркл? Это должно быть больно для мальчика, который мог бы править целой провинцией.

Нетерпение кольнуло ее кровь.

— Я не понимаю, какое отношение Бортен или его подопечный Маркл имеют к тяжелому положению моих дочерей в магии.

Кори наклонился ближе и активировал звуковые чары.

— Мне не следовало говорить тебе об этом, Эолин. Ты должна найти способ отправить их обоих домой одновременно.

— Под барабаны Рёнфина, звучащие над рекой Фурма? Акмаэль не станет слушать об этом. Ему нужны такие люди, как Бортен, рядом с ним.

— Присутствие Бортена здесь только усложнит ситуацию.

— Как ты можешь быть таким упрямым?

— Как ты можешь быть такой тупой?

— Ради богов, Кори! Все это произошло очень давно.

— Одиннадцать лет назад, если быть точнее.

— Все закончилось, не успев начаться. Лорд Бортен доволен своими землями, своей дамой и своими наследниками. Он хорошо служил нашему королю и нашему народу. Он думает обо мне не больше, чем я думаю о нем.

— Уверяю тебя, Эолин, если ты проткнула сердце человека, он никогда полностью не выздоровеет.

Эолин отвела взгляд.

— Не все мужчины такие, как ты говоришь.

— Бортен может быть верным подданным, но желание, которое вы когда-то испытывали друг к другу, все еще может уничтожить вас обоих.

— Здесь ходят мерзкие слухи. Моим врагам нужно нечто большее, чем злые сплетни, чтобы привлечь внимание моего мужа. Им нужны доказательства, а они не могут найти доказательства там, где их нет.

— Не стоит недооценивать хитрость знатных домов Мойсехена.

— Единственный человек, чью хитрость я недооценила, — это Гемена.

Кори вдохнул, словно собираясь ответить, но тут же остановился.

Тихо ударив кулаком по стулу, он поднялся и отступил на несколько шагов, пробегая длинными пальцами по своим прекрасным светлым волосам. Он сделал паузу, чтобы рассмотреть окрестности, хмурясь.

Эолин задавалась вопросом, слышит ли он голос своей мертвой кузины Брианы из Восточной Селен. Он проводил с ней время здесь, когда был еще ребенком, а она стала королевой Кедехена.

— Мариэль тоже, — сказал Кори приглушенным голосом. — Ее нужно убрать из этого места. Чем скорее, тем лучше.

Сердце Эолин болезненно сжалось, хотя она ожидала эти слова. Мариэль, одна из

первых и самых любимых учениц Эолин, была единственным свидетелем, оставшимся с дней вторжения Сырнте. Если она сейчас попадет не в те руки, это может стать катастрофой для всех.

— Я пошлю Мариэль куда угодно, куда ты посоветуешь, Кори. Просто освободи моих маг.

— Маги не будут освобождены. Не раньше, чем закончится эта война, — Кори, должно быть, заметил ее пораженный взгляд, потому что смягчил тон. — Хотя, возможно, в случае с Мариэль можно будет договориться. Я подумаю, как это сделать.

— Думаешь, Гемена предвидела последствия? — слова сорвались с губ Эолин прежде, чем она успела их обдумать. Союзы Кори всегда было трудно расшифровать. Слишком много доверять ему сейчас было неразумно. И все же в глубине души она чувствовала, что если она не может говорить с ним, то не может говорить ни с кем. Она отказывалась позволять себе страдать в одиночку.

Что-то похожее на жалость промелькнуло на его лице.

— Да, я не сомневаюсь, что она это понимала.

— Гемене было пять лет, когда мы впервые встретились. Упрямая и сообразительная. Злилась на всех и на всё, Тем не менее, приняла ее. Я видела в ее ярости источник силы; ненасытный огонь в её сердце. Она была моей первой дочерью в магии, Кори. Все началось с нее.

— На ней все может закончиться.

— Зачем ей навлекать это на меня, на ее сестер? — Эолин указала на пределы своих комнат. — Какое преступление мы совершили против нее?

— Я сомневаюсь, что она держит обиду на своих сестер. Возможно, она даже жалеет, что оставила их позади. Ты, с другой стороны, не заслуживаешь прощения. Ты отказалась от мечты возродить женскую магию, чтобы связать себя с Королем-Магом.

— Я ничего не бросила. Посмотри, чего мы достигли за последние годы.

— Гемена не пережила то, что было потеряно, и это мешает ей оценить то, что было восстановлено. Она ничего не видит в этой крепости, Эолин, кроме твоего подчинения Акмаэлю.

— Я не подчиняюсь ему.

Кори изогнул бровь.

Эолин возмущенно вздохнула.

— Очень хорошо. Я не была подчинена до сих пор. И сейчас бы это не случилось, если бы не глупость Гемены. Я думала, она поймет...

— Она не из тех девушек, которые понимают. Гемена загнала нас в самую опасную ситуацию, Эолин. Если раскол между тобой и Акмаэлем станет серьезным...

— Это не серьезно?

— Еще нет.

Кори зашел за нее. Она чувствовала жар его взгляда на своей спине.

— Король по-прежнему благосклонен к вам? — спросил он.

Эолин напряглась.

— Он посещает так часто, как позволяет протокол, в сопровождении своих охранников или советников.

— Ты знаешь, что я не это имел в виду.

Во рту пересохло. Глаза неприятно жгло.

— Я не могу ответить на твой вопрос, маг Кори. Если я скажу «да», это могут использовать против моего короля. Если я скажу «нет», это используют против меня.

— Я спрашиваю из-за заботы о наших людях, Эолин. Тонкая завеса, которая отделяет нас от демонов Наэтер.

— Они теперь меньше всего меня беспокоят.

— Возможно, они должны быть на первом месте в твоём уме.

— Нет никаких доказательств того, во что вы с Телином верите, кроме расплывчатых и разрозненных упоминаний, почерпнутых из ваших таинственных анналов. Демоны Наэтер исчезли после победы над Сырнте, а темная магия, которая вытащила их из Преисподней, закончилась, когда ты убил Ришону.

— Тем не менее, порталы, через которые они путешествовали, все еще существуют. Союз между тобой и Королем-Магом — вот что держит эти порталы закрытыми.

— Это всего лишь предположение.

— Баланс между мужской и женской магией был восстановлен, когда вы с Акмаэлем дали друг другу клятвы. Любой разрыв в вашей любви ставит баланс в опасность.

— Ты зря озвучиваешь мне догадки, Кори. Даже если твои слова — правда, не я нарушаю баланс.

На это он не ответил.

Из окна доносились восторженные крики. Эоган и его товарищи оттачивали навыки фехтования в последних лучах дня. На Западной башне хор баритонов ознаменовал вечернюю смену караула. Десять лет Эолин сосуществовала с этим постоянным ропотом людей и мечей, звоном металла о камень. Она скучала по живому дыханию своего любимого Южного леса, по мягкому шелесту вековых деревьев, по мелодичному пению редких птиц. Боль этого отсутствия всегда сопровождала ее, но она была особенно острой сейчас, когда вечер подступал к городу и соблазнял его жителей на самые мрачные мечты.

Кори подошел ближе. Она чувствовала тепло его присутствия позади себя, его пальцы парили над ее волосами. Покалывание опустилось на затылок. Провокационное ощущение тонкими волнами распространилось по ее спине, когда переплелись нити их магии.

Украшение на ее руке зашевелилось, семейная реликвия Восточной Селен, подаренная ей давным-давно Акмаэлем. На серебряном браслете были выгравированы образы Дракона: крылатый змей и речная выдра, паук и медведь, белка и рысь, бесчисленные существа, слившиеся в едином, вечном цикле. По причинам, которые Эолин так и не поняла, этот символ ее связи с кланом Восточной Селен имел гораздо большее значение для мага Кори, чем ее брак с его двоюродным братом.

В ее памяти мелькнул пейзаж его дома: сугробы и теплые домики, пряное вино и сияющий камин. Величавый лес, замолкший от стужи зимы. Полночные видения из беспокойного сердца спящей земли.

— Ты предложил в этом году отпраздновать зимнее солнцестояние в Восточной Селен, — она прикусила губу, жалея, что не произнесла этих слов, сожалея о ностальгии, прозвучавшей в ее голосе.

Маг резко отпустил ее. Он обошел вокруг стула лицом к ней с непроницаемым выражением лица.

— Возможно, так оно и будет. Я должен идти, моя Королева. Близятся сумерки, и принцесса ждет меня в саду.

— Бриана будет очень разочарована, если ты не появишься. Это лучшее время суток для

поиска огненных жуков, — обыденность ее замечания принесла слабое утешение, как будто мирское могло каким-то образом скрыть этот кризис. Эолин взглянула на угасающий свет. Ей было интересно, какие вопросы Кори задаст ее дочери.

— Когда мы снова поговорим, маг Кори?

— Через несколько дней, как только у меня будет возможность поговорить с твоими магами.

— Я хотела бы присутствовать при твоей встрече с ними.

— Уверяю, в этом нет необходимости, — он низко поклонился, его тон стал вежливым, но финальным. — У нас все в порядке.

Глава шестая

Леди Соня

Тэсара наблюдала за спящей Элиасарой. Светлые волосы девушки разметались по подушке. Ее грудь вздымалась и опускалась в тихом дыхании; кажущийся покой ее снов резко контрастировал с неустойчивым ритмом сердца королевы. Тэсара сморгнула слезы, разрываясь между огромной радостью от этой простой роскоши и кипящей яростью из-за того, что ей так долго отказывали в ней.

Детство ее дочери почти исчезло. Тэсара не познает удовольствия наблюдать за тем, как Элиасара растет изо дня в день, восхищаться каждым ее достижением, будить ее теплым поцелуем или усыплять историями о давно минувших временах. В самом деле, она могла никогда не услышать, как Элиасара назовет ее матерью.

Она наклонилась, чтобы поцеловать Элиасару в лоб. Девушка пошевелилась, но не проснулась. Отвернувшись от прикосновения матери, она пробормотала имя отца. Она

глубже закуталась в одеяло, сдвинув брови.

Нелегкой задачей было подавить ярость Элиасары. Глаза девушки опухли от пролитых слез, щеки были в пятнах, словно в лихорадке.

— Вы должны дать ей время, — тихие слова Сони поманили Тэсару от постели.

Глубоко вздохнув, Тэсара встала и отошла.

Соня предложила горячую чашку чая. Тэсара с благодарностью согласилась, прежде чем сесть перед очагом. Летняя ночь принесла с собой странный холодок, и ярко-желтый огонь мало помогал отгонять мучившую ее дрожь. Успокаивающий напиток Сони имел вкус мяты, ромашки и неизвестных трав. Тэсара сделала большой глоток и наслаждалась теплом, поселившимся в ее животе.

— Помолимся Богам Грома, чтобы каждая ночь не была такой, как сегодня, — сказала она.

С шорохом юбок Соня заняла место рядом с ней.

— Принцесса Элиасара была под чарами Короля-Мага в течение очень долгого времени. Мы не можем ожидать, что она сразу вырвется из этих теней.

— Но говорить о нем так... — сердце Тэсары болезненно сжалось. — Она любит его, Соня. Она называет его бастардов братом и сестрой. Она даже относится к этой ведьме с любовью и умоляет меня вернуть ее. Я ее мать, Соня! Десять лет мне отказывали в ее обществе. Как она может просить меня о таком?

— Вы были терпеливы с ней сегодня. Она запомнит это и научится любить вас.

— Не так, как она любит своего отца и его шлюху.

— Больше, чем она их любит, и уж точно больше, чем своего дядю.

— Пенамор, — Тэсара закатила глаза. — Он очень трудный человек, чтобы любить.

— Он уже ударил ее один раз.

— Что?

— Когда она просила — нет, требовала, чтобы он отправил ее домой. Весь двор был свидетелем. Вот почему Пенамор срочно забрал вас. Вам предстоит создать мост между регентом и его двоюродной племянницей, а также подтвердить намерение Элиасары претендовать на корону. Если вы не преуспеете, то и все это начинание потерпит неудачу. Наши люди опасаются поднимать оружие против царства магии. Они не нападут на Мойсехен под разделенным правлением.

— Возможно, так было бы лучше

— Да? — Соня сделала глоток из чашки. Свечи мерцали под дуновением ветерка.

— Нет войны, нет кровопролития, — повторила Тэсара слова Доброй Матери. — Никаких страданий, никаких раздоров. Это простой рецепт.

— За исключением того факта, что Эоган и Элиасара всегда будут противостоять друг другу из-за своего наследия. Если мы сейчас не убьем незаконнорожденного принца, то он найдёт способ убить её. Вы не можете этого отрицать. Это путь королей; особенно путь королей-магов.

Тэсара взглянула на спящую дочь.

— Не волнуйтесь, — сказала Соня, словно прочитав ее мысли. — Она не проснется.

— Как ты можешь быть уверена?

— Секреты старухи, — темные волосы Сони были с проседью, а руки с возрастом начали покрываться пятнами. Ее внешний вид большинство сочло бы неприятным, с пухлыми щеками и маленьким крысиным носом.

— Твоя семья... — Тэсара запнулась на своем вопросе, смутившись, что не может вспомнить, в какой провинции они жили. — Они в порядке?

Соня выразила свою благодарность легким кивком.

— Многих мы потеряли на войне. Те, кто выжил, заняли землю моего отца и были щедро вознаграждены нашим лордом-регентом.

— А ты не женилась?

— При всем уважении, моя Королева, как вы думаете, кто в этом королевстве хотел бы взять меня? — карие глаза Сони сверкнули.

Тэсара задавалась вопросом, всегда ли была эта тень негодования, или это был новый элемент последних лет. Ностальгия захлестнула ее сердце, тоска по тихой вере своих сестер, покою, свободному от цинизма или обиды. Мир, нетронутый мужчинами.

— Такая преданная и дисциплинированная женщина, как ты, — сказала Тэсара, — из хорошей семьи и пользующаяся благосклонностью моего дяди, была бы прекрасной парой для многих.

— Женидьба означала бы отказ от вас, моя Королева.

Это удивило Тэсару.

— Я освободила тебя от службы, когда присоединилась к Сестрам. Неужели это было не ясно, когда мы расстались?

— Было ясно, что вы думали, что ваше путешествие закончилось, моя Королева, но я всегда думала иначе.

— Мне льстит твоя верность, милая Соня, хотя я ее и не заслуживаю.

— Вы — избранный сосуд Грома, инструмент, с помощью которого мы уничтожим Короля-Мага.

— Хорошо, — повеселев впервые с тех пор, как она ушла от сестер, Тэсара отставила свою чашку в сторону. — Не хочу тебя разочаровывать, но у меня нет такой силы. Мы достаточно хорошо усвоили этот урок, когда я была супругой короля Акмаэля.

— Элиасара станет первой королевой новой эры, эры, в которой магия будет стёрта из рода Вортингена. Вы сделаете это возможным.

— Пенамор сделает это возможным.

— Не без вашей помощи.

Взгляд Тэсары остановился на огне.

— Ты действительно доверяешь магам, которые привели ее сюда, или ты просто хотела избежать скандала, когда я перерезала бы Гемене горло на глазах у всего двора?

Улыбка тронула губы Сони.

— И то, и другое понемногу. Есть определенные мечты, которые мы разделяем.

— Я не доверяю никому из них. Я хочу, чтобы они были уничтожены, как только мы закончим эту войну.

— Я бы посоветовала не браться за такое задание. Все люди Кедехена и все его маги не смогли уничтожить маг.

Тэсара напряглась, отступая от собственного гнева.

«Желать смерти такому большому количеству людей — худшее из всех заблуждений», — сказала бы Добрая Мать.

— В любом случае это будет не мое решение, — напомнила она себе, — или Элиасары, если уж на то пошло. Мой дядя будет править обоими королевствами, когда все будет сказано и сделано.

Соня просто болтала чай в своей чашке.

— Он был хорошим королем? — казалось бы, незначительный вопрос, но кожу Тэсары пощипывало от настороженной тишины, которую он вызвал.

— Он установил порядок и мир, — наконец, ответила Соня. — После всех этих лет его взгляд все еще устремлен на восстановление вашей чести, Народ уважает и боится его. Большого мы не можем просить.

— А мой брат? — голос Тэсары прервался, превратившись в крошечное эхо в комнате.

Соня нахмурилась и отставила чашку в сторону.

— Мы должны перенести этот разговор на завтра.

— Я хочу знать сейчас. Он в порядке?

— Насколько можно ожидать при данных обстоятельствах.

— Я хочу его видеть.

— Вряд ли лорд-регент это позволит. Вы нужны тут со своей дочерью.

— Элиасара может сопровождать меня, — у Тэсары перехватило дыхание. Внезапная усталость тяготила ее. От головокружения она откинулась на спинку стула и закрыла глаза, остро ощущая боль, пронзившую ее конечности. Она отвыкла от требований двора и путешествий.

Рука Сони легла ей на плечо твердо, как сама земля.

— Ваша постель приготовлена, моя Королева. Отдохните сейчас. У нас будет достаточно времени, чтобы заняться всеми нашими проблемами, когда вы проснетесь.

Глава седьмая

Гемена

Таша слышит крики и тяжелые шаги, Завеса паланкина отодвинута. Свет факела ослепляет ее, инстинкт заставляет девушку отползать, но большие сильные руки останавливают ее отступление. Солдаты разрезают веревки вокруг ее лодыжек и поднимают ее на ноги.

— Что творится? — Катарина всхлипывает, пошевелившись после наркотического сна. Ее вытаскивают из паланкина и сажают рядом с Ташей. Она сжимает Ташину повязку, ногти впиваются в кожу, как испуганная птица. — Где госпожа Адиана?

Таша не смеет ответить подруге, опасаясь, что похитители отрежут ей язык. Вернулась старая карга, та самая, что называла себя жрицей до того, как забрала Адиану. Она смотрит на них пронизательными, подведенными краской глазами. Рубины свисают с ее отвисших мочек ушей. Ее губы — тонкая линия на морщинистом лице.

— Сан'иломан требует вашего присутствия, — говорит она. — Прекрасная привилегия для пары простых девочек, таких как вы. Будьте благодарны за эту ночь, так как она будет вашей славой.

— Мы не простолюдинки, — Катарина вздергивает маленький подбородок. — Мы маги.

— Тише! — Таша торопит, но поздно, Старая жрица поднимает руку для удара, но потом медлит. Странная улыбка кривит губы. Ее глаза сверкают, как камень. Опустив руку, жрица кивает стражникам, которые подталкивают девочек вперед.

Факелы освещают им путь, отгоняя голодную ночь. Впереди светящаяся завеса синего, пурпурного и красного цветов танцует на фоне беззвездного неба.

— Красиво, — бормочет Катарина, глядя вверх.

Ее удивление прерывает крик госпожи Адианы.

— Не они! Только не они, умоляю. Возьмите меня.

Мольба Адианы открывает сознание Таши. Внезапно девочка видит мир таким, каким она его никогда раньше не видела, вырезанным из хрустала, жестким и неподатливым.

Тело Катаринины напрягается, как лиса, попавшая в капкан.

— Где она? Где Адиана?

— Таша! Катарина! — кричит Адиана вдалеке.

— Мы здесь, госпожа! — Катарина бросается на голос, но мужчины ловят ее с легкостью. Она царапается и кусается, пока они не затыкают ее ударом.

Ноги Таши врастают в землю. Каждый звук, каждое ощущение ночи доносится до нее. «Я больше не буду здесь», — думает она, и знает, что это правда,

Сан'иломан стоит перед ними гордо и высоко. Она разводит руками в ложной привязанности. Черные волосы каскадом падают на ее бледные плечи. Ее лунно-белое платье забрызгано кровью.

Рядом с ней безжалостным взглядом наблюдает мужчина в доспехах, Таша узнает его, и ее сердце сжимается от страха. Он — генерал, который бил Адиану, пока не потекла кровь. Когда Адиана отказалась говорить, он швырнул Ташу на стол и...

Нет, она не должна думать об этом, Этого не было. Ничего этого не произошло.

— Стойте! — плач Адианы меркнет в ночи. — Ради богов, остановитесь! Вы не можете этого допустить. Пощади девочек, Возьми вместо этого меня.

— Заткните эту женщину! — ревет генерал.

Адиану больше не слышно.

Катарина падает в приступе плача. Стражи поднимают ее и кладут ее трясущееся тело к ногам Сан'иломан.

Старая жрица берет повязку Таши и, найдя ее послушной, осторожно ведет девушку вперед.

За светящейся занавеской урчат гигантские твари. Их глаза — пустые ямы на бесформенных лицах, С черных когтей капая кровь.

Улыбка Сан'иломан быстрая и тонкая, как ее нож. Таша не чувствует пореза, открывающего ей горло. Когда ее дух погружается во тьму, она вспоминает песни перехода, которым ее научила Мага Эолин. Она пытается петь, чтобы сестры могли привести ее в загробную жизнь.

Но монстры находят ее первой и не дают ей сбежать. Они вспарывают ей грудь и пожирают ее невинное сердце. Они извлекают ее магию длинными светящимися лентами и пожирают с ненасытным наслаждением. Ужас поглощает остатки духа Таши, и она кричит от боли.

— Сестры! Почему вы бросили меня?

** * **

Гемена резко проснулась, задыхаясь. Огненный узел боли сжег ее грудь.

Никола пошевелилась и нежно положила руку на спину Гемены.

— Ты в порядке?

Гемена стряхнула беспокойство Николы и встала, обнажив нож. Они разбили свой небольшой лагерь за пределами крепости, на разумном расстоянии от ополченцев Рёнфина. Костер превратился в яму с покрытыми пеплом углями. Факелы освещали крепостные валы Адельрода, и над пейзажем низко висели звезды.

— Вахта Ирэни почти подошла к концу, — сказала Гемена.

Три маги-воительницы по очереди оказывали поддержку страже Элиасары, хотя Ирэни была единственной, с кем Элиасара соизволила поговорить. В самом деле, если бы не доверие Элиасары к Ирэни, принцесса могла бы вообще не последовать за ними в Рёнфин.

— Я скоро сменю Ирэни, — ответила Никола. — Но конец ее вахты — это не то, что пробудило тебя.

— Мне не нравится эта земля. Она не дает мне отдохнуть.

Гемена представляла себе Рёнфин более ярким местом, с густыми лесами и плодородными полями, но все, что они видели, были мрачные холмы и поблекшие луга. Влажная земля Рёнфина была пропитана плесенью и гнилью, испещрена серыми лужами, в которых отражалось бесцветное небо. Днем по реке плыли жалобные крики вольтыжников. Ночью вдали раздавалось одинокое тьяканье болотных собак. Время от времени Гемена ощущала низкий стон, словно глубоко под землей шевелилась какая-то угроза.

Никола встала.

— Люди Рёнфина говорят, что их королевство было проклято волшебниками древних времен. После войны Грома и Дракона предки Галии наказали эту землю, заманив дыхание Дракона в ловушку в большом кратере, который лежит на западе. По этот день дымящаяся

пещера питает регион отравленным дождем.

— Маг, вызывающий вулкан? — смех Гемены был резким. — Если бы у нас была такая сила, я бы использовала ее с пользой.

— Тебе снова она приснилась, да? — Никола приблизилась.

Ее аромат свежей травы и летнего дождя окутал Гемену.

— Прошло очень много времени с тех пор, как ты видела этот сон.

— Таша, — сквозь стиснутые зубы произнесла Гемена. — Ее звали Таша.

— Я не забыла твоих первых сестер по магии, как и то, что ты мне о них рассказывала.

Но ты не должна нести такое бремя вины. Тогда ты была просто девочкой.

Слезы гнева защипали глаза Гемены. Прошло так много лет, но отсутствие Таши все еще жгло глубоко, будто она умерла вчера.

— Я не должна была бросать ее. Почему я была такой глупой?

— Твоя единственная вина заключалась в том, что ты доверилась Маге Эолин в побеге.

«Мы должны защищать наше королевство, — сказала Эолин, когда они воссоединились. — Мы должны поставить наши дары на службу всему нашему народу».

— Тогда ничто не могло сломить власть Короля-Мага над ней, — выплюнула Гемена. — И теперь ничто не сломает это, кроме самой смерти.

— Их смерть придет достаточно скоро, — Никола обняла Гемену за талию. — Правда ли то, что сказала королева Тэсара? Мага Эолин наслала проклятие, из-за которого у нее случился выкидыш?

— Нет, конечно, нет.

Никола напряглась.

— Тогда не позволяй Тэсаре поверить в это. Эти люди уже винят мага во всех неудачах, которые у них есть. Я не хочу, чтобы они смотрели на нас каждый раз, когда у женщины случается выкидыш.

— Мы своим примером покажем, что значит быть настоящей магой, и они избавятся от своих суеверий. А до тех пор, чем больше у Тэсары причин ненавидеть Эолин, тем лучше. В этой кампании не может быть места милосердию.

— Не стоит легко отказываться от милосердия Тэсары. Она тебя все же пощадила.

— Только как средство для достижения цели. Готова поспорить, что ее терпимость ко мне продлится ровно столько, сколько я буду полезна в ее глазах. Мы должны поддерживать дружбу с этой женщиной, Никола. Она должна понять, что мы служим ей и ее дочери больше всех остальных. Как только мы завоюем их доверие, мы должны позаботиться о том, чтобы они были единственными, кто остался править нашим народом.

— Это начинание усложняется с каждым днем. Есть амбиции Пенамора, о которых стоит беспокоиться, не говоря уже о галийских волшебниках, которых он завербовал для их дела. А теперь ты заговорила о Горной Королеве.

— Тэсаре нужен союзник, чтобы убедиться, что галийцы не злоупотребляют гостеприимством. Хелия может быть этим союзником.

— Если только Хелия не возьмется за дело маги Эолин.

— Она никогда не станет союзником Короля-Мага.

— И все же нужно следить за тремя армиями; три королевства со своими амбициями, — Никола вздохнула. — Иногда я думаю, что мы должны были сами просто уничтожить наследников Короля-Мага.

— Королевство рухнуло бы, каждая благородная семья предъявляла бы свои требования,

и никто не поддержал бы Элиасару, Пенамор достаточно силен, чтобы подчинить их всех и надежно посадить принцессу на трон. Как только сила Элиасары будет консолидирована, мы сможем устранить и его. Это будет долгий и опасный путь. Но это самый верный путь к успеху.

Никола переплела свои пальцы с пальцами Гемены и прижала руку маги-воительницы к своему сердцу.

— Какую сложную паутину ты плетешь, сестра.

Гемена улыбнулась.

— С таким количеством мух, которые нужно поймать, какой у нас есть выбор?

Они прижались лбами, ища единства дыхания и мысли.

В соседнем пруду пели лягушки. Под влажной травой стрекотали сверчки.

Духи Гемены и Николы переплелись, соединяясь друг с другом и со спящей землей, Гемена наслаждалась моментом. Присутствие Николы всегда успокаивало ее беспокойный дух.

— Если только ты не запутаешь и нас всех, — пробормотала Никола.

— Не запутаю. Помни наше обещание: их жизни за жизни наших сестер.

Никола кивнула и присоединилась к Гемене, подтверждая давний обет.

Эолин за Адиану.

Ее дети за Ташу и Катарину.

Король-Маг за их всех.

Глава восьмая:

Петиция

— Я хотела бы навестить своего брата.

Тэсара затронула эту тему за ужином, на виду у двора Пенамора. Лорды и дамы сидели за длинными столами, уголяя аппетит жареным мясом и тушеными овощами. Сладкое вино и горький эль лились рекой. Этот двор казался более шумным и менее дисциплинированным, чем тот, где правил отец Тэсары. Несмотря на шум, разговор на мгновение прервался из-за тихих слов Тэсары.

— Ты можешь увидеть его, когда захочешь, — пронизательный взгляд Пенамора скользнул к его племяннице. — Хотя я бы не советовал посещать его сейчас. Он сильно изменился, и это может тебя обескуражить.

Слова и смех возобновились среди придворных, хотя Тэсара почувствовала укол от их тайных взглядов. Элиасара, сославшись на отсутствие аппетита, попросилась уйти гораздо раньше вечером. Мага-воительница Ирэни следовала за принцессой вместе со специальной стражей, сопровождавшей Элиасару, куда бы она ни пошла.

«Сначала ее отец, теперь мы. Мы все тюремщики Элиасары».

— Я провела годы среди страдающих и больных, — сказала Тэсара. — Даже самая ужасная из болезней не может теперь меня обескуражить.

Пенамор сломал ногу фазану, которого пожирал. Сок блестел, стекая по его пальцам.

— Никто из этих мерзких простолюдинов не был твоей плотью и кровью. Никто из них не смог бы вонзить тебе кинжал в сердце, если бы не узнал тебя.

— Леди Соня сообщила мне о его состоянии.

— Это трагедия, такой молодой и многообещающий мальчик, — Пенамор жевал, пока говорил. От его слов вылетали куски мяса. — Его падение после смерти твоего отца было

стремительным, ужасающим. Некоторые говорят, что это была работа Королевы-Ведьмы.

Холод охватил Тэсару.

— Возможно ли, что женская магия может проникнуть в самое сердце Рёнфина?

Пенамор пожал плечами.

— Все, что я знаю, это то, что королевство чуть не распалось из-за безумия твоего брата. Радуйся, что ты избавилась от этого беспорядка.

— Нас не пощадили, дядя. Аббатство страдало от острой нехватки продовольствия и припасов. Нас часто переполняли раненые и обездоленные, которые приходили к нам за помощью.

— Надеюсь, ты не растратила свое милосердие на предателей.

— Мы никогда не спрашивали, на чьей стороне они сражались.

— Ты наслаждаешься своим благочестием, не так ли, Тэсара?

Она испуганно посмотрела на него.

— Конечно, нет, дядя. Просто это всегда говорила нам Добрая матушка...

— Хватит о Доброй матери, — лорд-регент запил мясо большим глотком вина. — Теперь ты вернулась в реальный мир. Учения этой иссохшей старой ведьмы здесь неуместны.

Тэсара открыла рот, чтобы возразить, но тут же остановилась.

— Могу я его увидеть? — спросила она.

— У нас есть несколько дней до прибытия галийской армии. Полагаю, это дает время съездить в Меролин с кратким визитом. Я назначу охрану. Леди Соня будет сопровождать тебя.

— Спасибо дядя.

— Но твоя дочь останется здесь.

Тэсара ожидала этого. Несмотря на это, ее сердце сжалось.

— Я подумала, что если Элиасара поедет со мной, это будет хорошая возможность для нас узнать друг друга лучше и показать ей землю нашего народа.

— Это будет еще лучшая возможность для воров и предателей похитить наследницу Мойсехена и продать ее тому, кто больше заплатит.

— Меролин — мирный регион, и нас будет сопровождать охрана.

— Единственная охрана, достаточно большая, чтобы защитить принцессу, — это армия, которую я собрал здесь. Кроме того, мне нужно, чтобы девушка была со мной, когда придут галийцы. Их принцу, несомненно, не терпится увидеть ее атрибуты.

— Атрибуты? — Тэсара задумалась над этим словом за мгновение до того, как резко вдохнула. — Ты собираешься предложить им руку Элиасары?

— Они еще не сказали, хотят ли брачный контракт, но мы должны учесть возможность.

— Вы не можете отдать мою дочь этим волшебникам!

Разговоры за столами прекратились.

Пенамор выглядел искренне удивленным.

— Позволь напомнить, племянница, что Элиасара, в первую очередь, наследница короны Вортингена. Она будет делать то, что требуется, чтобы обеспечить ее требование.

— Выход замуж за галийского принца лишает ее всего, за что она борется. Королевство перейдет в их руки. Какая польза от этого для нее или для нас?

Пенамор усмехнулся и обратился к бдительному двору.

— Моя племянница, кажется, потеряла тонкость.

Смех прокатился по придворным. Они осторожно вернулись к своим разговорам.

— Тэсара? — Пенамор понизил голос. — Я ничего не говорил о свадьбе, только контракт. Контракты можно обещать, расторгать, тянуть годами, если нужно. Все, что нам нужно на данном этапе, это чтобы галийцы поверили, что у них есть шанс. Я готов потакать их капризам, не более того.

— Это опасная игра, дядя. Галийцы никогда не питали любви к нашему народу. Что они сделают, если поверят, что вы дали ложные обещания, если им нечего предъявить в конце этой кампании за кровь и жизни их воинов?

Пенамор закатил глаза.

— Пожалуйста, скажи мне, Тэсара, почему я должен сейчас прислушиваться к твоим советам в вопросах войны и дипломатии? Ты провела последние десять лет отшельницей в лачуге.

— Я не берусь говорить как дипломат, дядя, но я могу говорить как мать. Элиасарой не следует размахивать как призом для того, кто предложит самую высокую цену, она всего лишь ребенок.

— Ей столько же лет, сколько тебе было, когда мы впервые предложили тебя Королю-Магу.

— Прошли годы, прежде чем эти переговоры были завершены. Меня не посылали в Мойсехен до тех пор, пока...

— Значит, у тебя есть на примете другая приманка? — он перевел взгляд на нее. — Возможно, союз с пожилой женщиной? Кто-то более опытный в постели с волшебником, хотя она не способна угодить ему?

Тэсара вздрогнула и отвела взгляд.

— Не надо оскорблений, дядя.

— Тогда перестань оскорблять меня своей дерзостью, — он сделал знак слуге добавить вина. — Я потворствую тебе, Тэсара, потому что ты долгое время отсутствовала при дворе, и потому что учения старых дев затуманили твой разум, Но даже мое терпение может иссякнуть. Помни об этом, когда будешь навещать своего брата.

* * *

На рассвете следующего дня Тэсара неохотно попрощалась с дочерью.

Элиасара не расстроилась из-за отбытия матери. Слова принцессы были отрывистыми, а ее объятия жесткими. Ее каменное выражение лица пронзило сердце Тэсары, напомнив ей бессердечный взгляд короля Акмаэля.

«Возможно, прошло слишком много времени, — подумала она, садясь на лошадь и уезжая. — Возможно, это расстояние уже не пересечь».

За воротами замка над растущим армейским лагерем развевались флаги. Солдаты столкнулись друг с другом на утренней тренировке, крики поддержки или насмешки лились в легком ритме металла, бьющего о металл, щит — о щит.

Тэсара заметила среди них двух маг. Белокурая Никола с удивлением наблюдала, как Гемена сражалась с солдатом почти в два раза больше ее. Гемена двигалась с исключительной грацией и скоростью, время от времени казалось, что она парит над землей, прежде чем закрутиться, как молния, под ногами своего противника. Каждый удар, который она наносила, вызывал хохот солдат, собравшихся вокруг их состязания. Делались ставки, монеты переходили из рук в руки.

— Моя Королева, — тихо сказала Соня.

Тэсара поняла, что остановилась. Вокруг нее в ожидании собралась охрана Пенамора.

— Подожди здесь, — сказала она Соне. Кивнув своему капитану, она сказала. — Пойдем со мной.

К тому времени, когда они достигли края круга, состязание закончилось. Огромный мужчина лежал в пыли, безоружный, с клинком Гемены у горла.

Гемена откинула голову от смеха, прежде чем помочь ему подняться на ноги. Она хлопнула его по спине, а затем воспроизвела каждый момент их встречи, показывая всем собравшимся, где использование магии дало ей преимущество.

— Запомните все, что я говорю, — ее рвение обладало собственной властью. — Воины Короля-Мага такие же люди, как и вы, но они владеют магией, как и я. Если я смогу превзойти вашего сильнейшего солдата с помощью нескольких простых трюков, на что вы надеетесь против множества воинов-магов на поле боя?

Беседа была прервана признанием присутствия Тэсары. Мужчины упали на колени, оставив магу стоять в замешательстве, пока она не обернулась и не увидела, что Тэсара смотрит на нее.

— Миледи Королева, — Гемена отвесила низкий почтительный поклон. Ее щеки были перепачканы грязью, тонкие каштановые волосы слиплись от пота.

— Мага Гемена, — сказала Тэсара. — Мой дядя хотел, чтобы ты тренировала наших мужчин?

Губы Гемены искривила улыбка.

— Этот мужчина бросил мне вызов, миледи королева. Я только хочу убедиться, что он сделает выводы.

По толпе прокатился смешок.

Всего несколько дней назад Тэсара хотела перерезать эту тонкую глотку, но теперь она нашла что-то убедительное в неповиновении Гемены.

Ей пришла в голову идея.

Глупость, наверное.

Или, возможно, нет.

— Скажи мне, Мага Гемена, ты можешь распознать проклятие, наложенное одной из твоих?

— Одной из моих? — она указала на свою спутницу. — Вы имеете в виду Николу или Ирэни?

— Или любую другую магу. Например, Королеву-ведьму из Мойсехена.

— Какое проклятие?

— Безумие.

— В нашей традиции всего несколько проклятий, вызывающих безумие, — сказала Гемена. — Учения Эйтны и Карадока запрещают почти все из них. Распространенным исключением является Ахмад-мелан, который можно использовать в бою, чтобы усилить страхи наших противников.

— Ты можешь узнать его?

— Да, конечно. Любой из нас может. Но Королева-Ведьма не могла наложить здесь такое проклятие.

— Почему?

— Ахмад-мелан — близкое заклинание. На расстоянии оно развеется.

— Ясно, — сказала Тэсара. — Ты умеешь ездить верхом, Мага Гемена?

Женщина рассмеялась.

— Вряд ли я была бы воином, если бы не могла.

— Тогда ты поедешь с нами в Меролин.

— Меролин? — глаза Гемены расширились. — Что в Меролине?

— Мой брат, король.

— А принцесса Элиасара?

— Она остается здесь, под защитой Пенамора.

Гемена нахмурилась и покачала головой.

— Прошу прощения, миледи королева, но мы поклялись защищать принцессу, мы должны держаться рядом с ней.

Тэсара нетерпеливо постучала по луке седла.

— Это не просьба, Мага Гемена. Но чтобы успокоить ваше сердце, ваши спутницы останутся здесь. Ирэни и Никола могут разделить долг, который вы дали моей дочери, пока ты будешь сопровождать меня. Ты же доверишь им эту задачу?

Гемена взглянула на Николу, которая слегка кивнула.

Гемена усмехнулась и поклонилась.

— Очень хорошо, миледи королева, поедем в Меролин.

Глава девятая: Компромисс

Маг Кори поднялся вместе с королем и всеми его советниками, когда Эолин появилась в дверях зала Совета. Королеву окружали охранники и две ее дамы, Талия и Раэлла. Косой свет, проникающий в окна, отбрасывал теплый свет на черты Эолин, делая красноватый оттенок ее волос более глубоким и подчеркивая изгиб ее лица.

Время пошло на пользу Эолин, заметил Кори. С годами она избавилась от невинного взгляда, который так очаровал его, когда она впервые забрела в его Круг. Теперь у нее были зрелые черты женщины в расцвете своего великолепия, Верховной Маги и Королевы Мойсехена. Мать королей.

Печальная ирония заключалась в том, что в Мойсехене женщины на пике своего великолепия неизменно оказывались в Восточной башне.

— Добро пожаловать, моя Королева, — сказал Король.

— Благодарю вас, мой Король, и уважаемых членов этого Совета за то, что приняли меня.

Эолин поклонилась и заняла свое место в резном кресле у изножья длинного дубового стола. Она держала спину прямо. Ее лицо было маской совершенного спокойствия. И все же Кори чувствовал мерцающие нити ее магии, когда они тянулись к сердцу горы. Она заземлила свой дух, наложила чары, чтобы защитить себя от страха и гнева, от любых эмоций, которые угрожали затуманить ее разум и скомпрометировать ее суждение.

Под шелест мантий и скрежет дерева по камню члены Совета заняли свои места. Придворные дамы Эолин, Талия и Раэлла, отступили к одной из длинных стен, покрытых гобеленами, где и остались стоять.

Талия была черноволосой красавицей с веснушками на дерзком носу; Раэлла — с острыми глазами и великолепными каштановыми волосами, которые могли соперничать с волосами королевы. Они были лишь последними в длинной череде миловидных девиц, стратегически поставленных на службу Эолин соперничающими семьями Мойсехена, лорды Херенсен и Лангерганс, в частности, были неумолимы в своих попытках соблазнить Короля-Мага дочерьми своих домов. Все их усилия, даже самые замечательные, потерпели неудачу. Акмаэль был так же целеустремлен в своей преданности Эолин, как Кедехен был предан Бриане из Восточной Селен.

— Моя Королева, — высший маг Телин открыл собрание своим гладким, как шелк, голосом. — От имени Совета позвольте мне выразить нашу признательность за вашу поддержку наших усилий в этом весьма деликатном вопросе. Ужасное похищение принцессы Элиасары принесло всем нам горе не только из-за потери любимой дочери Мойсехена, но и из-за того, что преступление было совершено нашими собственными сестрами по магии.

Телин остановился. В течение нескольких ударов сердца единственным звуком был скрежет писца по бумаге.

Взгляд Эолин оставался неподвижным; ее руки лежали на коленях.

Гордость вспыхнула в сердце Кори из-за ее непроницаемости. Он видел Эолин в похожем положении много лет назад: она была заключена в тюрьму Королем-Магом и подчинена прихотям его Совета. Она была тогда так молода, невинна в своих эмоциях,

уязвима перед безудержным гневом и парализующим страхом.

«Боги, кажется, это было целую жизнь назад».

— Я разделяю ваше возмущение преступлениями, совершенными против Короны, — сказала, наконец, Эолин, — и поддерживаю моего почитаемого мужа, нашего владыку и Короля, в его стремлении добиться справедливости. Пожалуйста, Высший Маг Телин, давайте начнем.

Телин посмотрел на Акмаэля, который одобрительно кивнул. Маг вытащил лист из стопки рядом с собой и прочитал:

— Совет установил, что воительницы-маги Гемена из Моэна, Никола из Селкинсена и Ирэни из Мойсехена виновны в государственной измене. По приказу Акмаэля, Верховного Мага и Короля, и его супруги Эолин, Верховной Маги и Королевы, три названные женщины должны быть задержаны и преданы костру. Любой подданный Мойсехена, предавший их Королевскому правосудию или предоставивший доказательства их смерти, будет щедро вознагражден. Любой субъект, дающий убежище или помощь этим магам, будет признан виновным в государственной измене и повешен.

Писец принял пергамент от Телина и положил его перед Королем-Магом. Акмаэлю подписал указ и поставил на нем печать Вортингена. Затем писец прошел вдоль стола и передал заявление Эолин.

Все взгляды остановились на королеве.

Верховный маг Эхиор, новичок в их компании в качестве придворного врача и давний друг Эолин, был в бешенстве и ерзал. Лошадиное лицо лорда Херенсена выражало то же непроницаемое выражение мрачного долга, которым он овладел много лет назад. Мгновенное смачивание губ выдало восторг Крамона Лангерхаанса, когда он увидел, что Эолин загнана в угол. Ближе к концу длинного стола Бортен сидел, сжав губы и напрягшись, переводя взгляд с Эолин на пустое пространство перед ним.

Эолин взяла перо. Его кончик почти незаметно дрожал в ее руке. Она изучала указ, словно ища ответ на невысказанный вопрос.

Один из членов Совета кашлянул.

— Моя Королева, — подсказал Акмаэль. — Есть ли у вас какие-либо дополнительные вопросы относительно этого осуждения?

— Нет, мой Король, — стиснула челюсти Эолин. Несколькими быстрыми штрихами она начертила свое имя под именем Акмаэля. Подняв взгляд на мужа, она вернула пергамент писцу.

Телин вытащил следующий указ из стопки и снова прочитал:

— Совет признает, что после вторжения сырнте наш король действовал мудро и милосердно, когда восстановил для всех маг привилегию изучать оружие. Это решение основывалось на уверенности в том, что маги-воительницы Мойсехена будут использовать свое искусство, чтобы служить и защищать наш народ, как это делала наша Королева во время вторжения Сырнте. Это доверие было безрассудно и грубо нарушено. По приказу Акмаэля, Верховного Мага и Короля, и его супруги Эолин, Верховной Маги и Королевы, с этого дня любая мага, уличенная при использовании или владении боевым оружием, или любая мага, призывающий магию войны, будет задержана и лишена сил, сожжена на костре — судьба, которая подобает всем практикующим, которые нарушают мир и безопасность нашего королевства.

Снова указ был передан от Телина Акмаэлю, который поставил свою подпись и печать

на бумаге, прежде чем представить ее королеве.

Эолин снова медлила, держа перо над пергаментом, ее дыхание стало чуть быстрее, чем раньше. Затем, ничего не подписав, она выпрямилась и отложила перо в сторону.

— Мой Король, — сказала она, — в эти дни обсуждался еще один вопрос, который, как я ожидала, должен быть поднят сегодня утром на Совете.

Лорд Лангерхаанс фыркнул.

— Вы ставите под сомнение протокол, установленный нашим королем и почтенными членами его Совета?

— Крамон, — Акмаэль поднял руку, призывая его замолчать. — Наша Королева может говорить так же свободно, как и любое лицо за этим столом, — он повернулся к жене. — Все в порядке, Эолин. Ни одна деталь не была упущена. Мы позаботимся о судьбе пленных маг.

Эолин смотрела мужу в глаза, слегка постукивая пальцами по столу.

— При всем уважении, мой король, я хотела бы принять решение относительно заключенных в тюрьму маг, прежде чем одобрить этот указ.

Несколько членов Совета неловко заерзали. Они шептались.

— Вы слышали нашу королеву, — вопль Акмаэля успокоил беспокойных лордов. — Делайте, как она приказывает.

Слегка приподняв бровь, Телин наклонился и вытащил из стопки третий лист.

— Мы продолжаем говорить о магах, которые в настоящее время связаны и заключены в тюрьму под самым благоразумным приказом нашего короля. Их имена записаны здесь. Все они останутся запертыми в подземельях Вортингена...

— Милорд Король, — сказала Эолин, — это не то, о чем мы договаривались.

Акмаэль пристально смотрел на свою Королеву.

— Эолин, прошлой ночью Совет принял решение.

— В мое отсутствие?

— Ваш благоразумный совет был принят во внимание, как и все другие улики против маг.

— Мы долго говорили об этом, — Эолин рассмотрела лица всех присутствующих. — Все мы за этим столом, или вы не помните? Допросы Верховного Мага Кори не дали ничего, что указывало бы на то, что кто-либо из этих маг заранее знал о планах Гемены или что они каким-либо образом поддерживают эту измену. Эти женщины остались верны моему королю и народу Мойсехена с того момента, как они приняли путь Эйтны. Они должны быть освобождены.

Телин отложил указ и сцепил пальцы, бросив прищуренный взгляд на Кори.

Кори наклонился вперед.

— Моя Королева, пожалуйста, поймите, Совет симпатизирует вашей интерпретации улик. Мы уважаем любовь, которую вы питаете к своим дочерям в магии, но, как, сказал почтенный маг Церемонд, любовь скрывает суждение, как ночной туман.

— Я в состоянии судить.

— Суждение любой дуайен было бы скомпрометировано при таких плачевных обстоятельствах. Мы с вами едины в сердце, моя Королева. У многих из нас есть дочери и внуки, которых мы любили и воспитывали, выводя их из состояния невинности в суровые жестокости этого бесчестного мира.

Кори приукрасил свои слова щедрым взмахом руки, что вызвало мрачные кивки за

столом.

— Наши дочери — это отражение наших надежд на лучшее будущее, — продолжил он. — Но в то же время все мы понимаем, что нужно делать, когда любимая дочь угрожает опозорить наш дом. Наша дисциплина должна быть строгой, наше наказание должно быть быстрым, независимо от того, насколько нам тяжело видеть, как они страдают.

Что-то сломалось за маской Эолин. Она моргнула и отвела взгляд.

— Моя Королева, — Телин говорил примирительным тоном. — Решение Совета было принято с большой осторожностью и сопровождалось заверением в том, что маги не будут подвергаться жестокому обращению на время их заключения.

— Изолировать их — значит плохо с ними обращаться.

— Эолин, — тон Акмаэля сигнализировал об окончании дискуссии. — Решение принято. Все маги останутся в заключении, за исключением целительницы Жакетты и магии-воительницы Мариэль, которые получили не только твое одобрение, но и поддержку ключевых членов этого Совета. Жакетта, поскольку она избегала военной магии с первого дня своего ученичества, будет передана под опеку Верховного Мага Эхиора. Мариэль, из-за ее долгой и безупречной службы Короне, будет удалена из города и передана под опеку семьи лорда Бортена в Моэне. Ожидается, что они прислушаются к ограничениям, которые мы наложили на всех маг, и будут соответственно наказаны, если не подчинятся.

Плечи Эолин напряглись. Кори представил себе ее руки, сжатые в кулаки под столом. Он бы отдал всю Восточную Селен за прикосновение магии Сырнте прямо сейчас, чтобы он мог обратиться к сердцу Эолин и напомнить ей, что это была великая уступка, которой они добились. Больше, чем они могли надеяться несколько дней назад, когда по залам Вортингена бушевали разговоры о пытках, возмездии и костре.

Акмаэль подписал и поставил печать на третий указ, и он был опущен перед Эолин.

Она уставилась на оба пергамента, неподвижная, как каменное изваяние в одном из садов замка.

— Эолин, пожалуйста, — тон короля смягчился. — Это в интересах нашего народа.

Не поднимая на него взгляд, она потянулась к перу. Дважды подряд она подписалась своим именем.

Когда писец забрал указы, она отвела взгляд. Кори уловил ее желание бежать, сбежать из замка в образе Ястреба и найти убежище в далеком и тихом лабиринте Южного Леса. И все же она оставалась здесь, изо всех сил пытаясь укрепить свою маску чести и послушания, пока каждый оценивал через свою призму, сколько позиций Королева потеряла в этой быстрой и жестокой игре.

— Если больше нечего обсуждать по этим вопросам, — сказала она сквозь сжатые губы, — возможно, моему королю будет угодно снова обратить внимание Совета на насущную проблему сил, собирающихся против нас в Рёнфине.

Акмаэль встал и все с ним. Он прошел вдоль стола к Эолин, заключил ее в свои объятия и поцеловал в лоб.

— Это доставит мне удовольствие, моя Королева. Нам нужно многое обсудить. Я распоряжусь, чтобы охрана провела вас в целостности и сохранности до Восточной Башни.

— Я намерена остаться.

— Ты сделала достаточно для одного дня.

— Достаточно?

— Эолин...

— Наши последние гонцы сообщают, что Рёнфин заручился поддержкой галийских волшебников, — сказала она. — Мы очень мало знаем о галийской магии, за исключением того, что сохранилось в анналах Королевской библиотеки и того, что было открыто мне мечом моего брата, Кел'Бару.

— Это оружие — объект вероломного волшебства, — сказал Лангерхаанс. — Его следует немедленно конфисковать.

— Кел'Бару верно служил нам против сырнте, — ответила Эолин. — Он может многое рассказать о грядущих угрозах, если мы послушаем его песню.

— Галийскому мечу нельзя доверять, как и маге.

— Довольно! — упрек Акмаэля прогремел над столом. — Вы переходите границы, Лангерхаанс. Сегодня Совет совершил правосудие. Когда мир будет восстановлен в нашем королевстве, сила маг будет восстановлена, и наша Королева, с моего позволения, продолжит свою благородную работу по возвращению магии Эйтны в эту землю. Эпоха маг-воительниц закончилась раз и навсегда, но возрождение маг только началось. Любой, кто плохо отзывается о сестрах нашей Королевы или их наследии, встретит мой гнев.

Лангерхаанс опустил голову.

— Простите меня, мой король. У меня не было намерения оскорбить.

Эолин положила руку на ладонь Акмаэля.

— Позвольте мне остаться. Я могу помочь, как это было, когда мы столкнулись с принцем Мехнесом и королевой Ришоной.

Король поцеловал ей ладонь.

— Спасибо, Эолин, но в этом нет необходимости. Тибальд, проводи нашу Королеву в целости и сохранности в Восточную Башню.

Страж прошел вперед вместе с фрейлинами Эолин.

Эолин взглядела в лицо Акмаэля в последней бессловесной мольбе. Когда он не уступил, в ее ауре появилась тень. Темная нить пульсировала внутри ее света, собирая силу из цветного пейзажа, через который она змеилась, пока не достигла места, где аура Эолин слилась с аурой короля. Там она остановилась, свернувшись клубком, как змея в засаде, и между ними образовалась тонкая, но осязаемая преграда; суровое дыхание Подземного мира, готового нанести удар.

Кори крепче сжал свой посох. Трепет закрался в его сердце вместе с нелепым привкусом холодного удовлетворения.

Эолин опустила взгляд и поклонилась.

— Как пожелаете, мой Король, — она произнесла свои слова без страсти, ледяные, как северные леса в канун Середины зимы. — Я всегда была вашей верной слугой.

Глава десятая: Разговор между магами

Блестя на пыли золотом, дневной свет струился через высокие окна и освещал высокие столы, за которыми работали люди в мантиях. Царапанье перьев доминировало в тишине, нарушаемой случайным бормотанием и тихим скрежетом пемзы по пергаменту.

Именно здесь, в Королевской библиотеке, маг Кори нашел некоторые из ароматов, которые ему больше всего нравились: запах старых свитков и потрескавшихся кожаных переплетов, пыльных полок и полированного дуба, уксусных чернил и сухого мела. Под всем этим Кори слышал навязчивый гул напряженных мыслей, бесконечный поиск истины и мимолетную иллюзию понимания.

Взяв случайный фолиант с соседнего стола, Кори занял место за одним из столов, поприветствовав мага рядом с ним коротким кивком. Он открыл книгу и медленно пролистал ее страницы, обращая лишь беглое внимание на искусно выполненные иллюстрации и искусную каллиграфию, мысленно отмечая, кто присутствует в библиотеке, а кто нет.

По прошествии разумного периода времени он позволил своему взгляду остановиться в дальнем конце зала, где Высший маг Телин был занят рассмотрением петиции своего товарища-мага.

Бросив почти незаметный взгляд на Кори, Телин закончил свое обсуждение и приступил к очистке библиотеки от писцов, магов и учеников. Он не торопился, а терпеливо пробирался через ряды столов, заставленных книгами, разговаривая с каждым по очереди, давая или предлагая задания, которые могли бы привести их в другое место.

В конце концов, осталась лишь горстка Высших Магов, все члены ближайшего окружения Телина. Этих он отпустил без объяснения причин. Они ушли тихо, с посохами в руках, с книгами и стопками пергамента в руках.

Телин закрыл дверь за ними и добавил простые, но мощные чары. Затем он повернулся к Кори, который теперь рассматривал книгу, лежащую открытой на подиуме рядом с ним. В древний пергамент была вплетена особая сущность сухих листьев и мокрой глины, искривленных дубов и проливных весенних дождей, женской страсти и материнской любви.

— Это из личной библиотеки королевы, — удивлённо сказал Кори.

— Очень проникательно, друг мой, — ответил Телин. — Как всегда.

— Она дала разрешение расшифровать это?

— Ты бы возражал, если бы она этого не сделала?

Кори пожал плечами.

— Возможно.

— Должен признаться, в последние дни у меня возникло сильное искушение сломать чары ценной коллекции Маги Эолин и конфисковать все, что должно нам понравиться. Это был бы благоприятный момент для этого. Но, как и ты, я подозреваю, что наша Королева переживет этот шторм, как и многие другие. И, как и ты, когда она это сделает, я намерен попасть в число ее друзей.

— А если она не переживет этого последнего нападения?

Губы Телина тронула улыбка.

— Тогда ее библиотека в любом случае перейдет в мое владение, и я выполню ее желание сохранить знания ее сестер.

— Что она попросила в обмен на возможность расшифровать эту работу?

Телин изогнул бровь.

— Не все торгуются так, как ты, Кори. Наша добрая Королева хочет лишь гарантировать, что знания ее уважаемых сестер будут сохранены всеми возможными способами. Она попросила меня помочь ей в выполнении задания. Это не единственный том, который она одолжила нам за последние месяцы.

Кори закатил глаза.

— Боги, она никогда не научится. Почему она оказала тебе хотя бы капельку доверия, я не понимаю.

— Возможно, мой дар убеждения лучше твоего.

— Я думаю, что нет.

— Тогда, возможно, это потому, что я еще не предал никого из тех, кого она любит. Кори отогнал остроту замечания Телина.

— Ты должен отплатить, просила она тебя об этом или нет. Это знак честного мага. В черных глазах Телина вспыхнуло веселье.

— Что ты хочешь заставить меня сделать, мой старый и честный друг?

— Одолжи ей что-нибудь из королевской коллекции, набор томов, эквивалентный тому, что она дала тебе.

— Эквивалент?

— Анналы, которые никогда бы не попали в руки мага во времена Церемонда.

— Это может быть что угодно, — Телин осмотрел окружающие их полки, многие из которых прогнулись под тяжестью книг. — Действительно, что угодно. Какую работу ты имеешь в виду?

— Хронология галийской войны, составленная Хаэрном.

— Я понимаю, — Телин задумчиво постучал себя по подбородку. — Очень хорошо. Это честная сделка, и я полагаю, будет полезно отдать книги в ее руки. Возможно, она увидит что-то, чего не видит Совет, и воспользуется скрытыми дарами своей магии, чтобы донести эту мудрость до короля.

— Я хочу, чтобы у нее был третий том о путешествиях Эранона в Подземный мир.

— Это было бы...

— И «История Тиренделя о демонах Наэтер».

— ...не очень мудро. Мага Эолин прочитала то, что мы нашли о Тиренделе в библиотеке Церемонда, еще в те времена, когда сырнте опустошали Моэн и маршировали на Римсавен, я сомневаюсь, что она захочет прочитать это снова, хотя я не стану мешать ей, если она прикажет. Что касается Эранона, я бы не доверил эту работу никому, кроме избранных среди наших собственных магов. Действительно, немногие кроме тебя знают, что он существует.

— Она может нуждаться в его знаниях, Телин.

Маг посмотрел на него с любопытством.

— Почему?

Кори обдумал свой ответ, затем перевел дух и сказал:

— Портал снова открывается.

Телин посмотрела на него с сомнением.

— Ты уверен?

— Увидел это сегодня, на заседании Совета. Аура Эолин была с трещиной. Это небольшой перелом, но, тем не менее, перелом.

— А король?

— К сожалению, я не могу читать его цвета с такой же уверенностью.

— Мы должны сообщить ему.

— Все, что он сделает, — усилит охрану Эолин и ужесточит условия ее заключения. Это усилит горечь этой ситуации, дав Подземному миру еще большую опору на ее дух.

— Речь идет не только о королеве. Риск распространяется и на нашего короля. Оба они должны быть предупреждены.

Кори сделал паузу, чтобы обдумать совет своего друга.

— Очень хорошо. Позволь мне сначала поговорить с королевой. Она, думаю, лучше смогла бы довести это дело до сведения короля.

— Стала бы она, зная последствия?

Кори кивнул.

— Я верю, что она бы это сделала. Она всегда старалась действовать в интересах нашего народа.

— А если она решит промолчать?

— Тогда мы с тобой снова поговорим и решим, как лучше поступить.

Телин кивнул.

— Я бы сказал, что мы договорились.

— Великолепно. А теперь, будь так любезен, старый друг: я не могу уйти, пока не получу все тома, запрошенные нашей Королевой.

Глава одиннадцатая: Усталость

О прибытии мага Кори было объявлено вскоре после ужина.

Эолин хотела прогнать его, но в сложившихся обстоятельствах казалось не благоразумным пренебрежительно относиться к самому высокопоставленному магу в Королевстве. Кроме того, сияющие глаза Брианы и счастливая улыбка Эогана оказались слишком сильными для ее беспокойного сердца, чтобы отказаться. Принцесса обожала своего дядю из Восточной Селены. Они восхищались всеми его озорными проделками и авантурными историями. Несмотря на собственные опасения, Эолин не могла отказать своим детям в удовольствии от его визита, особенно сейчас, когда маленькое счастье, которое они могли изобрести, быстро распадалось в этих стенах.

— Папа говорит, что мы должны оставаться в Восточной башне, пока не закончится война, — Бриана позволила себе забраться на колени Кори, когда он сел. — Он говорит, что это для нашей безопасности, но я ни на секунду в это не верю.

— Ты хочешь сказать, что отец — лжец? — возмущенный хмурый взгляд Эогана вызвал приступ ностальгии в сердце Эолин. Он был копией Акмаэля в детстве. — Отец — король. Короли не лгут. Предполагать обратное — предательство.

— Я не называла отца лжецом! Я только говорю, что это не имеет смысла. Если отец хочет, чтобы мы были в безопасности, он должен отправить нас в Восточную Селен, а еще лучше в Южный Лес. Это самое безопасное место в мире. Мама пряталась в Южном лесу целых десять лет, когда была маленькой.

Взгляд Кори встретился с взглядом Эолин, когда он прижался губами к темным волосам Брианы.

— Десять долгих лет, в течение которых королевство томилось из-за недостатка красоты нашей Королевы.

Щеки Эолин вспыхнули, и она отвела взгляд. Замечание было необычайно откровенным для мага Кори. Наглое в своей интимности.

— Ты должен убедить отца отправить нас в Южный лес, дядя Кори, — говорила Бриана. — И ты тоже должен пойти. Мы все вместе можем прятаться, пока Рёнфин не будет повержен и все плохие маги не будут уничтожены.

— Бриана, — резко упрекнула ее Эолин. — Ты не должна желать смерти своим сестрам.

Принцесса пожала плечами.

— Я больше не могу называть их сестрами, если они предательницы. Никто из нас не может. Так говорит леди Раэлла. Она говорит, что мы должны быть очень осторожны с тем,

кого мы теперь называем нашими сестрами, потому что маги снова оказались вероломными, как и при Кэдхене.

Глаза Кори стали свинцовыми.

— Что еще сказала тебе леди Раэлла, Бриана?

Принцесса нахмурилась и посмотрела на свои руки. После некоторого сосредоточения ей удалось вызвать на кончиках пальцев маленькую светящуюся бабочку.

— Я сделала это, мама! Смотри. Я сделала бабочку сама.

— Бриана, — Кори собрал искру на ладони и послал ее к окну, где ее цвета растворились в ночи. — Ответь на мой вопрос.

— Она больше ничего не говорит. Она пытается, но леди Талия и другие говорят ей молчать и следить за языком. А потом они видят, что я смотрю на них, и леди Талия говорит... — Бриана приняла жеманный тон дворянки из Селкинсена. — Конечно же, вы не хотите говорить плохо о нашей доброй Королеве, которая сама является магой, воспитанной в почтенных традициях Эйтны. И леди Раэлла говорит, конечно, нет, кто бы мог подумать такое? Но потом она шепчет — и я слышу ее шепот, даже если она думает, что нет, — что когда-то, не так давно, все думали, что Гемена была хорошей и верной, и посмотрите, как мы ошибались насчет нее и насчет маг, которые последовали за ней. И если мы были неправы насчет них, кто знает, какие маги могут оказаться плохими, и кто знает, насколько плохими они были?

Ледяной ужас пробежал по спине Эолин.

— Леди Раэлла подстрекает к мятежу, — сказал Эоган.

— Это просто разговоры, — ответил Кори. — И женские разговоры.

— Ложь женщины ранит глубже любого ножа.

— Эоган! — Эолин проверила свой тон и вздохнула. Никогда еще она не позволяла себе ругать своих детей больше, чем в этой башне. — Это прискорбное изречение, и ты не должен повторять его.

— Ты должны арестовать леди Раэллу, матушка, — настаивал принц. — Или, по крайней мере, с позором отправить ее в Нью-Линфельн.

— В данный момент эти решения принимает король, — напомнил ему Кори, — а не наша добрая королева.

— Тогда мы должны поговорить с королем, — сказал Эоган.

— Я поговорю с ним при первой же возможности, — Кори уставился на Эолин серебристо-зелеными глазами. — Если нашей Королеве будет угодно, чтобы я вмешался от ее имени.

Эолин коротко покачала головой.

— Спасибо, маг Кори. Но я сам поговорю с леди Раэллой и, если потребуется, с королем.

— При всем уважении, моя Королева, было бы лучше, если бы вы сохраняли благоразумную дистанцию в этом вопросе. С леди Раэллой, как с дочерью дома Крамона Лангерхаанса, следует обращаться крайне осторожно.

Желчь подступила к горлу Эолин. Она резко встала и принялась ходить по комнате, беспокойная от ярости и разочарования, которые слишком долго сдерживались.

Отступив к ближайшему окну, она ухватила за каменный выступ, костяшки пальцев побелели, когда она глубоко и отчаянно вдохнула прохладный ночной воздух.

Эоган подошел ближе и положил теплую руку на ее ладонь.

— Мама, — тихо сказал он, — все будет хорошо, все уладится само собой. Все предатели будут пойманы, а репутация маг — восстановлена. Тогда мы покинем это убежище свободно, не опасаясь ничего. Отец сделает так.

Говорил ли юный принц Акмаэль то же самое Бриане из Восточной Селен, когда мальчиком стоял рядом с ней?

Испытывала ли Бриана тот же удушающий страх, что смерть заберет ее здесь, что она никогда больше не увидит ни леса, ни свободы?

— Мама, — Эоган нежно сжал ее руку.

Эолин глубоко вдохнула ночной воздух и заставила свой пульс замедлиться. Когда она обернулась, то увидела, что маг Кори наблюдал за ними своим змеиным взглядом, а ее любимая дочь спряталась в его объятиях.

«Ничего не изменилось с того дня, как мы впервые встретились», — поняла она.

Она всегда была под присмотром Кори.

Она всегда жила в страхе перед его предательством.

Теперь она спрашивала себя, был ли какой-нибудь шаг, который она предприняла, какое-нибудь решение в отношении ее жизни, которое не было санкционировано им.

Это был мир тайных движений и скрытых соглашений, маневров, неизвестных ей. Чем выше она поднималась, тем крепче становились щупальца силы Кори, вплетаясь, как ползучие лозы, в ткань ее судьбы.

Из-за этого она боялась его, но она также нуждалась в нем — больше, как она подозревала, чем он когда-либо будет нуждаться в ней. Кори мог просто уйти от нее, если ему захочется, его неразборчивый путь не будет нарушен ее отсутствием.

«Ты бы не взглянул на меня, если бы на меня напали вороны. Не почувствовал бы угрызений совести, когда они разорвали бы мою плоть и вырвали глаза».

Кори задумчиво вздохнул и, словно услышав ее молчаливое обвинение, отвел взгляд.

— Этот разговор стал утомительным, — сказал он, опуская Бриану в стороне. — Я пришел сюда, чтобы развлечься сегодня вечером, чтобы избавиться от забот и забыть о тяготах долгого дня. Я не уйду неудовлетворенным. Хотите историю, Бриана и Эоган?

Бриана захлопала в ладоши.

— О, да, дядя Кори!

— Что бы ты хотела услышать?

— Эйтна и Карадок! — воскликнула Бриана.

— Кэдмон на поле боя, — возразил Эоган.

— Обреченное сердце Литии.

— Приключения отважного сэра Дростана.

— Все это! — воскликнула Бриана, подпрыгивая. — Я хочу все это услышать.

Кори рассмеялся и коснулся ее подбородка.

— Нет, маленькая принцесса. Нужно выбрать только одну. По одной на каждого из вас, а потом вы оба пойдете спать.

— Но дядя Кори...

— Это мое последнее слово. Это был трудный день для всех нас. Ваша мать устала, — он посмотрел на Эолин, в его глазах мелькнула редкая искорка сочувствия. — И, откровенно говоря, я тоже.

* * *

Позже той же ночью Эолин задержалась у кровати своих детей, очарованная их

спящими лицами в мерцающем свете свечи. Она завидовала их покою в полночные часы, когда караван ее сомнений двинулся в долгий извилистый путь по все более тревожному ландшафту ее разума.

Даже во сне Эолин больше не могла найти покоя. В каждом сне бедственное положение ее учениц смешивалось со смертью ее матери. Пламя лизало изодранное платье Кайе, жар обжигал ее кожу, над ее белокурой головой вспыхнул огненный венец. Крики агонии и поражения, ужаса и раскаяния плясали в жутком свете. Кайе тянулась к Эолин почерневшими руками, и лица всех ее мертвых сестер таяли с ее черепа.

Почему? — Кайе выла. — Почему вы предаешь нас?

Слезы навернулись на глаза Эолин, но не упали. Столько потерь и преследований. Целое поколение женщин было убито, множество семей разрушено, но каким-то образом ей удалось простить их всех. Она влюбилась в принца, наследника этого кровавого наследия. Она сделала его союзников своими. Она приветствовала удовольствие от его объятий и подарила ему сына.

Все это потому, что она верила в обещание любви, в возможность обновления.

Возможно, народ, столь истерзанный войной и насилием, никогда не сможет обновиться.

Тихо вздохнув, Эолин нежно поцеловала каждого из своих детей в лоб, поправила одеяло и встала.

Обойдя комнату, она провела пальцами по прохладным каменным стенам, выискивая крошечные щели в чарах, удерживавших их в плену. Хотя она не была готова бросить своего короля, Эолин не хотела, чтобы ее удерживали против ее воли. У каждого чар была слабость, у каждого заклинания — контрзаклинание. Как только она найдет способ распутать эту магическую сеть, она сможет найти Мариэль и Жакетту и поговорить с ними. Она навестит своих заключенных в тюрьму маг и утешит их в нескончаемой тьме подземелий Вортингена.

Возможно, она даже найдет способ освободить их.

Пройдя из детской в прихожую, Эолин продолжила поиски, но безрезультатно. Кое-где ткань заклинаний то усиливалась, то ослабевала, но не давала ни малейшей трещинки.

Огонь в очаге шипел и трещал.

Эолин смотрела на тлеющие угли, не желая возвращаться в свою комнату, хотя ее мышцы болели от усталости. Она перебрала стопку книг, оставленных Кори, ей было любопытно узнать их содержание, но она слишком устала, чтобы сесть и открыть их сейчас.

«Я собирался поговорить с тобой об этом сегодня, — сказал он, — но это может подождать. Отдыхай, Эолин. Будет время заняться всеми нашими проблемами завтра».

Время было всем, что у нее осталось в этой мрачной башне, и даже оно истекало в конце каждого дня.

Теперь ничего не оставалось делать, кроме как отправиться в спальню.

— Милая Эйтна, дай мне мудрости, — прошептала она. — Дракон, дай мне силу и решимость.

Акмаэль ждал ее, как она и ожидала, пройдя в ее покои магией серебряной паутины. Он стоял у изножья ее кровати, изучая галийский меч Кел'Бару. Длинный серебристо-белый клинок издал настороженный гул.

— Ты пришел конфисковать оружие моего брата, мой Король? — спросила она.

Он устремил на нее свой темный взгляд. Только это заставило Эолин затаить дыхание, разжигая желание в ее сердце.

— Нет, моя любовь. Клинок галийцев защитит тебя, как никто другой. Он всегда будет рядом с тобой.

— Но я мага, Акмаэль. По твоему указу я больше не могу носить оружие.

— Ты моя королева.

— Во-первых, я мага. Так было всегда, в их глазах и в моем сердце.

Он отложил оружие, сократил расстояние между ними и нежно взял ее подбородок рукой.

— Ты сегодня хорошо поработала. Я благодарю вас за это. Я знаю, что это было нелегко для тебя.

— Да, сегодня я хорошо поработала, — она отошла, раздраженная. — Я подписала смертный приговор своим дочерям в магии. Я раздавила привилегии всех маг. Я передала свои силы Совету. И вот я: заключенная в Восточной башне. Я бы сказала, что действительно справилась очень хорошо, хотя насколько, я не могу себе представить.

— Эолин...

— Не надо снисхождения, Акмаэль! Не в этот момент. Я оставила мечты моей юности, чтобы стать женщиной — правительницей — как ты просил. Я проигнорировала предупреждения моей дуайен и мольбы моих учениц. Я проигнорировала саму правду истории. Десять лет я верно, любовно и даже счастливо управляла этой страной рядом с тобой. Теперь все, что я построила, рушится.

— Твоя работа не будет отменена. Разве Совет не удовлетворил твои самые важные прошения? Жакетта и Мариэль освобождены. Что касается остальных маг, их статус будет восстановлен, как только мы определим...

— Виновна ли и я в измене?

Он сделал паузу, и на его лице появилось обеспокоенное выражение.

— Тебя не так обвиняют.

— Не держи меня за дуру. Даже наши дети видят, что ты посадил меня в тюрьму. Моя дочь задается вопросом, не предала ли я наш народ.

— Я поговорю с Брианой и объясню причины вашего заточения.

— Ты не будешь говорить с ней ни о чем, слишком много людей уже говорят с ней, наполняя ее ум ложью и предположениями. Я не могу этого вынести, Акмаэль. Я не могу видеть, как мои дети настроены против меня.

— Клянусь тебе, Эолин, я положу конец этой клевете.

— Это клевета! — она сердито указала на комнату. — Если хочешь положить этому конец, освободи меня.

— Здесь ты защищена и можешь идти, когда и куда позволяет благоразумие.

— Благоразумный король взял бы меня в бой на своей стороне, как это сделал ты, когда мы столкнулись с вторжением сырнте.

— Я чуть не потерял тебя из-за этой глупости. Тебя и нашего сына.

— Я выиграла ту войну, или ты забыл? Я убила принца Мехнеса, когда он стоял над тобой на поле боя. Я спасла это королевство от порабощения, и когда все думали, что наш Король безнадежен, я вырвала тебя из тисков Загробного мира.

Выражение лица Акмаэля смягчилось. Он подошел ближе и заключил ее в свои объятия.

— Так и было, — его губы коснулись ее губ, затем коснулись ее уха. — Пусть твоя магия всегда зовет меня домой.

Решимость Эолин колебалась под силой объятий ее любви; всегда новая и в то же время

всегда знакомая, искра, которая отказывалась погаснуть, какой бы жестокой ни была буря. Каждая клеточка ее тела жаждала откликнуться, принять полное обещание его удовольствий. Она позволила Акмаэлю расстегнуть ее лиф и вздрогнула, когда его пылкие губы исследовали ее горло и опустились на обнаженные плечи. Ее груди вырвались из ограничений и поднялись по собственной воле, отчаянно нуждаясь в сладком пламени их общего желания.

— Акмаэль, — протестующе пробормотала она.

Он поднял Эолин с ног и отнес к кровати.

— Акмаэль, пожалуйста...

Тем не менее, он упорствовал, каждая ласка требовала больше, чем предыдущая, не обращая внимания на тонкую перемену в ее тоне, на тот факт, что она больше не отвечала на его пыл.

— Ради богов, остановись!

Стены тюрьмы Эолин дрогнули. На краткий миг она увидела в Акмаэле мальчика, которого когда-то знала, испуганного и неуверенного перед лицом ее неповиновения.

Отведя взгляд, Эолин вырвалась из его объятий. Ее сердце болезненно сжалось от внезапного отсутствия его прикосновения.

— Простите меня, мой король, — сказала она. — Я устала и не могу этого сделать. Я не могу заниматься с тобой любовью в этом месте.

Акмаэль отошел, на его лбу появилось замешательство.

— Конечно, моя любовь. Тогда отдохнем. Это был долгий день.

— Нет, — она покачала головой. — Я не буду спать с тобой рядом, Не так. Не как твоя пленница.

— Ты не моя пленница.

— Просто уйди! — слова слетели с ее губ, быстро и уверенно, как кинжалы. — Боже, помоги мне, я не могу выносить твое присутствие!

Акмаэль ошеломленно уставился на нее. Его грудь вздымалась и опускалась в тихой покорности. Отступив, он подобрал свой плащ и накинул его на плечи.

Дух Эолин согнулся под натиском невыносимой печали.

— Прости меня, — прошептала она.

— Нечего прощать.

— Когда это закончится, и все сомнения будут сметены... — Эолин запнулась, не зная, что пыталась сказать. Ее глаза начали гореть. Она собрала свободную ткань платья и прикрыла голый торс.

— Я не сомневаюсь в тебе, Эолин, — тихо сказал он. — Я тебя люблю. Я всегда любил тебя, и всегда буду любить. Возможно, тебе трудно это понять, потому что я... не люблю говорить с тобой о таких вещах, но когда я был мальчиком, я наблюдал женщин с твоими дарами, даже простых девушек, замученных руками магов моего отца, сожженных на костре. Я тысячу раз клялся себе, что никогда не позволю такому ужасу коснуться тебя. Но у нас трудный народ, и теперь, после всего, что случилось, я... я должен защитить тебя, Эолин. Это единственный способ, который я знаю.

Эолин закрыла лицо руками. По ее щекам текли горячие слезы.

— Освободи меня, — умоляла она. — Наша магия умрет здесь, если ты не освободишь меня.

Акмаэль не ответил. Он вытянул серебряную паутину и позволил ей повиснуть у него в

руке. Крошечные кристаллы ловили искры свечей, когда он вращал амулет. С коротким заклинанием, произнесенным шепотом, он исчез из ее поля зрения. Свечи замерцали под внезапным ветерком, наполнив оставленное им пространство мрачным танцем теней.

Глава двенадцатая: Безумие

Когда она была девочкой, Тэсара проводила лето с родителями и родней в Меролине. Хотя окружающая местность многим казалась унылой и безжизненной, она всегда находила утешение в приглушенных тонах болот, в тихом шелесте ветра в высокой коричневой осоке. Осенью и весной перелетные водоплавающие птицы селились над открытыми заводьями, ненадолго отдыхая между своими зимними и летними жилищами.

В последний раз, когда она навещала Меролин, Тэсара была пятнадцатилетней девочкой, наполненной мечтами и страхами о предстоящей свадьбе с Королем-магом, о грозной короне, которую она наденет, и о таинственных традициях Мойсехена. Карл был малышом, ковылявшим рядом с ней, его рука крепко сжимала ее руку, его пухлое лицо светилось от смеха. Вместе они подошли к кромке воды, где шпионили за ярко окрашенными утками и белоснежными зимними гусями.

Когда она объяснила, что уезжает и почему, маленький Карл заплакал.

Башня глиняного цвета была такой, как она помнила: тусклая и сплюснутая, как пейзаж. Тэсара проехала сквозь арку, остановила коня. Ее люди с оружием окружили ее. Ее эскорт был скромным, но превосходил числом слуг и охранников, появившихся, чтобы приветствовать их. Когда она спешила, молодой человек в простой, но хорошо сшитой одежде шагнул вперед и в почтении опустил на колени. Все спутники последовали его примеру.

— Приветствую вас, Тэсара, — сказал он, — принцесса Рёнфина и королева Мойсехена.

Тэсара протянула руку, позволила ему коснуться лбом кончиков ее пальцев, а потом она поманила его встать.

— Мне сказали, что лорду Кларедону поручено опеку над моим братом, — сказала она. — Где он?

На лице юноши отразилось застенчивое выражение.

— Прошу прощения, моя королева, но я лорд Кларедон. Его сын, то есть. Мой добрый отец погиб во время битвы при Лендхилле, защищая нашего короля от узурпаторов.

— Я понимаю. Я сожалею о твоей утрате и благодарна за верную службу твоей семье нашему королю... — Тэсара изучала его, ища узнаваемую нить из своего прошлого. Через мгновение она неуверенно спросила. — Томен?

Он усмехнулся и поклонился.

— Да, моя Королева.

— Ты не такой, каким я тебя помню, — она невольно улыбнулась, отметив, что в тот раз, когда она видела Томена, он был забрызганным грязью мальчиком десяти лет,

— Надеюсь, — он жестом указал на девушку позади себя, подзывая ее к себе. — Это моя жена, добрая леди Мьелла. И две наши маленькие девочки, Ребека и Кэтлин.

Они были высечены из одного камня, Томен и Мьелла, с прямыми темными волосами и честными карими глазами. Их девушки преподнесли Тэсаре драгоценные улыбки и букеты ароматных полевых цветов.

— Добро пожаловать, моя Королева, — сказала Мьелла. — У нас скромный дом, но мы делаем все возможное. Надеюсь, вы найдете здесь все по своему вкусу.

— Я верю, что так и будет, Мьелла.

— Вы, должно быть, устали от долгого пути. У нас приготовлены еда и питье.

— Нет. Не для меня, спасибо. Позже. Проследите, чтобы мои спутники были накормлены, а за их лошадьми ухаживали, леди Мьелла. Томен, я бы хотела, чтобы ты немедленно отвел меня к королю.

Мьелла бросила нервный взгляд на мужа.

— Дело в том, моя королева, — сказала она, — что мы надеялись сначала поговорить с вами.

— Мьелла, — предупреждение Томена, было ясным.

— Но кто-то же должен ей сказать, — настаивала молодая женщина. — Наш лорд-регент не предоставляет достаточно ресурсов, чтобы...

— У нас будет время обсудить эти опасения позже, — Томен почтительно поклонился Тэсаре. — Если наша Королева сочтет это необходимым.

Мьелла поджала губы и кивнула.

Встревоженная этим любопытным обменом мнениями, Тэсара призвала Леди Соню и Гемену следовать за ней вместе с двумя ее охранниками. Она хорошо помнила узкую винтовую лестницу замка и прохладу стен из песчаника. Несмотря на утешение, которое она находила в этом, чувство страха преследовало их с каждым шагом, который приближал их к покоям ее брата.

У входа Томен остановился и кашлянул.

— Если я могу быть настолько смелым, моя Королева. Я знаю, что вы не были в присутствии нашего короля уже много лет...

— Не надо больше слов, Томен. Дай мне сначала его увидеть.

Дверь скрипнула на петлях, и Тэсара прошла в комнату брата.

Тонкие лучи света пробивались сквозь задернутые шторы. Запах горящих трав и крепких настоек душил ее чувства. Шорох ткани и шарканье по полу напугали Тэсару. У нее был мимолетный страх перед крысами под ногами, но когда ее глаза привыкли, она увидела источник движения и звука. Несколько целителей окружили короля и склонились над длинным столом, освещенным желтыми свечами. Их постриженные головы идентифицировали их как Братьев Пробуждающегося Грома, старинную и богатую секту, веками служившую Королям Рёнфина.

— Дорогие братья, — сказал Томен, — королева Тэсара прибыла.

В тот же миг они отошли от Карла, как расправившиеся крылья вороны. Среди их коленопреклоненных фигур Тэсара увидела своего брата, сморщенного и апатичного в мягком кресле. Он не двигался. Он не говорил. Его дыхание с хрипом вырвалось из пустых легких.

— Откройте шторы, — сказала она.

— Моя Королева, — ответил один из братьев. — При такой болезни сильный свет не рекомендуется. Последствия такого потрясения...

— Откройте, говорю!

Томен поспешил исполнить ее волю. Остальные неохотно последовали его примеру. Дневной свет залил покои короля. Занавески были изношены и залатаны, гобелены выцвели. Осталась только самая необходимая мебель: кровать, стол, несколько простых стульев. К одному из них они привязали Карла кожаными ремнями. Он не реагировал на сияние солнца, но невидяще смотрел в пространство перед собой, его рот был приоткрыт и пускал

слюни.

Тэсара резко вдохнула.

— Зачем вы его так связали? Он не заключенный. Он ваш король!

— Он не может держать себя в вертикальном положении, моя Королева, — тихо сказал Томен. — Если бы они не использовали ремни, он бы согнулся пополам и не смог бы дышать.

— И приступы, моя Королева, — добавил один из братьев. — Они приходят без предупреждения и проявляют такую жестокость, что он ушибается, если его не пристегнуть.

Преодолев тошноту, Тэсара повернулась к ним спиной и отступила к дверному проему, держась одной рукой за живот, а другой — за стену для поддержки.

— Моя Королева, — рядом с ней появилась Соня и утешительно положила ей руку на плечо. — Это слишком для вас. Ваш лорд-дядюшка подозревал, что так и будет, и я вас тоже предупреждала. Идемте, поешьте. Отдохните от долгого пути, а затем позвольте нам покинуть это место. Здесь ничего не поделаешь; ваш брат погиб из-за проклятия, наложенного на него много лет назад.

— Не говори так, — Тэсара говорила сквозь стиснутые зубы.

— В Мойсехене перед нами стоит большая задача.

— Тихо!

Соня вздрогнула и отошла.

Восстановив самообладание, Тэсара снова посмотрела на своего брата.

— Ты, — сказала она одному из своих стражей, — развяжи его и веди со мной.

Братья протестующе зашумели.

— А ты, — приказала она другому воину, — принеси его кресло и эти ужасные кожаные ремни.

— Куда вы его ведете? — спросил один из братьев.

— Возьму его посмотреть на солнце и на море.

— Нельзя это сделать!

— Как вас зовут? — выпалила она в ответ. — Кто вы такой, чтобы подвергать сомнению волю и мудрость королевы?

Брат отступил на шаг. Это был пожилой мужчина с изогнутым позвоночником и лицом, похожим на крысу. Пряди седины были в его черных волосах.

— Я — отец Вильгельм, моя Королева. Я наблюдаю за королем уже много лет.

— И его состояние улучшилось под вашим вниманием?

— Он жив.

Она фыркнула.

— Вы зовете это жизнью?

— Это больше, чем мы могли надеяться, когда болезнь пришла.

— Тогда ваша способность ничтожно мала, — она кивнула в сторону Гемены. — Эта женщина у меня на службе. Она мага из Мойсехена, обученная традициям Эйтны.

Вздохи распространились по комнате, Братья сделали знак Грома, чтобы защитить себя.

— Она останется здесь с вами, отец Вильгельм, и вы расскажете ей обо всем, что вы сделали для нашего короля с того момента, как он был доверен вам.

— Моя Королева, — вмещалась Соня, — я не думаю, что разумно позволять этой женщине...

— Хватит, Соня. Проследи, чтобы мои покои были приготовлены.

Дама напряглась и с кратким поклоном удалилась.

— Гемена, — сказала Тэсара. — Ты понимаешь, чего от тебя ждут?

Мага-воительница шагнула вперед.

— Да, моя Королева.

— Миледи Королева, — сказал отец Вильгельм, — при всем уважении, было бы опасно делиться знаниями с этой ведьмой.

— Какая опасность может быть в том, чтобы поделиться таким бесполезным знанием, как ваше, отец Вильгельм?

Пока он пытался придумать ответ, Тэсара кивнула Гемене.

— Ты поклялась отдать свои дары нам на службу. Я хотела бы, чтобы эта клятва была исполнена сегодня. Я хочу знать, что у него болит, что они сделали, чтобы помочь ему, и почему это не сработало. Я хочу знать, как его можно вылечить.

— Да, моя Королева.

Она кивнула своим охранникам.

— Возьмите с собой короля.

Они последовали за Тэсарой вверх по длинной извилистой лестнице и вышли на зубчатую южную стену, с которой открывался вид на туманный край Рабельнского моря. Солнце низко опустилось за горизонт и отбрасывало красновато-золотой блеск на бескрайние болота. Ветер дул с юго-запада, постоянный и настоящий, неся сернистый запах Галии.

Тэсара приказала стражникам усадить Короля в кресло и взяла на себя смелость осторожно привязать его плечи и голову, чтобы он мог смотреть на счастливые поля, где они играли в детстве. Его волосы были тонкими, а кожа — серой и липкой. Сняв плащ, она прикрыла его изможденные ноги и встала на колени рядом с ним. Стража отступила на почтительное расстояние, когда она положила руку на него.

— Карл, — она заглянула в его пустые глаза. — Я Тэсара, твоя сестра. Принцесса Рёнфина и королева Мойсехена. Я пришла, чтобы вернуть тебя из тьмы.

В его руках не было ни движения, ни искры узнавания на его лице.

— Послушай меня, Карл, — умоляла она. — Увидь меня. Сейчас.

Тем не менее, он не ответил.

Положив утомленную голову на колени брата, Тэсара сдалась горю и заплакала.

Солнце превратилось в кроваво-красную щель на западном горизонте, когда появился Томен и спросил уступчивым тоном, могут ли они разрешить вернуть короля в его покои, чтобы накормить его, выкупать и уложить спать на ночь.

Слишком измученная, чтобы спорить, Тэсара позволила им унести Карла, а сама задержалась на крепостном валу. Как бы она ни чувствовала себя обязанной лично заботиться о своем брате, она пока не могла уйти в сырой интерьер замка.

По небу проносились полосы пурпурного и шафранового цветов. На небосклоне замерцали звезды. Охранники зажгли факелы вдоль стены. Тем не менее, Тэсара не ушла, хотя ночь становилась прохладной, а мышцы болели.

Появилась леди Соня с горсткой слуг, которые поставили стул и стол, на котором они разложили простую еду из хлеба, колбасы и горячего чая.

— Леди Мьелла спрашивает, не нужно ли чего-нибудь нашей Королеве, — Соня налила горячую чашку и поставила ее на стол. Она накинула теплый плащ на плечи Тэсары.

Тэсара лишь покачала головой и отослала их.

Положив руки на парапет, Тэсара посмотрела на землю, которая когда-то принадлежала ее отцу, на бескрайние просторы грязных болот, окутанных белым туманом. Растущая луна смотрела сквозь полупрозрачные облака. Тявканье болотных собак раздалось навстречу его эфемерному свету. Это место было ее домом и обладало своей таинственной красотой. Но, в конце концов, размокшая земля Рёнфина мало что дала благородным семьям, правившим ею на протяжении стольких столетий. Неудивительно, что они жаждали богатых и плодородных полей Мойсехена. Неудивительно, что они тосковали по драгоценным шахтам и густым лесам Короля-Мага.

Тэсара вздохнула и села за стол, ковыряясь в еде, пока звезды снова не привлекли ее внимание. Возможно, где-то в их чистом свете она сможет найти ответ, заглянуть за пределы этого жестокого мира в то место надежды, которое она когда-то знала. Она представляла, как играет в полях с братом, опаздывая к ужину, лихорадочно смеясь и радуясь, невосприимчивая к нерешительным упрекам их любящих родителей.

— Все это были пустые обещания? — пробормотала она. — Было ли все, что они говорили, ничем иным, как жестоким потворством детским мечтам?

— Какие обещания, миледи Королева?

Тэсара вскочила на ноги, и чашка с грохотом упала на пол, и горячая жидкость пролилась на каменные плиты.

— Покажи себя, — потребовала она.

Мага-воительница, Гемена, ступила в лужу света, отбрасываемую ближайшим факелом.

— Как ты смеешь приближаться ко мне, не объявив о своем присутствии? — Тэсара надеялась, что ее ярость и негодование скрывали страх, потрясший ее до глубины души.

— Я не хотела напугать вас, миледи королева. Вообще-то, я думала вас вообще не беспокоить, но тут вы задали этот вопрос, и мне стало любопытно. Я подумала, может, мы с вами слышали похожие обещания. Когда мы были детьми.

— Не отвлекай меня своими ведьминскими загадками, — Тэсара потерла влажные ладони о юбку и посмотрела на мужчин, стоявших вдоль стены. — Разве охранники не видели тебя?

— Я мага-воительница. Нас учат проходить незаметно.

— Ты больше никогда не должна проходить мимо меня незаметно.

— Как пожелаете, миледи королева.

Тэсара не ожидала, что она уступит. Она разглядывала Гемену с подозрением, сжав кулаки по бокам.

— Ладно, говори. Что ты хочешь доложить?

— Вы хотели знать, был ли ваш брат...

— Наш король.

— Был ли наш король жертвой Ахмад-мелана, и я говорю, что не верю в это. Ахмад-мелан — временное безумие. Так не может длиться годами. Я имею в виду, что ожоги, которые он оставляет, могут длиться всю жизнь, но чтобы человек потерял всякое осознание окружающего мира... в этом не было бы смысла. Жертва Ахмад-мелана все еще связана с этим миром; просто он не видит мир таким. Он видит это таким, каким он его боится.

— Значит, мой брат не находится под проклятием

— Нет. Ну, не то проклятие, во всяком случае. Всегда есть Ахмад-дур. Или что-то подобное.

— Ахмад-дур, — Каждое проклятие маги звучало гнуснее предыдущего.

— Это проклятие, которое использовалось для изгнания демонов Наэтер в древние времена. То само, который Мастер Церемонд призвал против моей наставницы, которую вы называете Королевой-Ведьмой, во время битвы при Эрундене. Дух привязывается к живому телу, а затем сбрасывается в Преисподнюю. Из-за привязи жертва не может перейти в загробную жизнь; из-за проклятия она не может вернуться в свое тело. Так она томится во тьме, пока не исчезнет в ничто. Или еще хуже, пока его не поглотят Потерянные Души или Наэтерские Демоны.

— Да, — в сердце Тэсары расцвело узнавание, за которым последовала надежда. — Да я помню эту историю. Король-Маг вернул ведьму из подземного мира. Это означает, что это проклятие может быть снято кем-то с соответствующими знаниями. Возможно, ты или твои спутницы...

Гемена покачала головой.

— Прошу прощения, Миледи Королева, но даже если бы кто-то из нас был знаком с учениями Мастера Эранона и других, совершивших путешествие в стране мертвых, даже если бы сам Король-Маг научил нас этому, мы бы не смогли спасти вашего брата.

— Почему нет?

— Люди, которые служат твоему дяде, говорят мне, что король томился в таком состоянии почти семь лет. Дух Маги Эолин был восстановлен, потому что между наложением проклятия и решением Короля-Мага пойти за ней прошло всего несколько мгновений. Ее дух еще не забыл мир живых; он не начал исчезать. С другой стороны, ваш брат...

— Наш король,

— Короля не было слишком долго. Если его забрал Ахмад-дур... — Гемена прервалась и отвела взгляд. — Если Ахмад-дур забрал его, то надежды нет.

Тэсара отвернулась от маги и прижала руки к холодной каменной стене. Ночь окутала промокшие равнины Меролин, черные, как тени, поглотившие ее сердце. Какое ложное благочестие заставило ее бросить младшего брата в этом жестоком мире? Почему ее не было рядом, когда болезнь охватила его дух, а хаос поглотил королевство?

— Миледи Королева, — Гемена говорила тихо позади нее. — Я говорю о проклятиях, потому что это то, о чем вы спрашивали. Но правда в том, что я не думаю, что он под проклятием. По крайней мере, не проклятие в традиции Мойсехена.

— Почему ты так говоришь?

— Ну, это то, о чем я упоминала ранее. Это близкие проклятия, Ахмад-дур, Ахмад-мелан... Среди ваших людей нет магов или маг, которые могли бы подобраться к королю достаточно близко, чтобы наложить их.

— Возможно, мага незаметно проникла на наши земли.

— Возможно, — Гемена прикусила нижнюю губу, на ее лице отразилась неуверенность. — Но есть и другие уловки, которые могут вызвать такое же недомогание.

— Говори прямо, Мага Гемена.

— Вы доверяете этим Братьям Пробуждающегося Грома?

— Они служили нашим королям на протяжении поколений.

— Ну, медицина у них странная и противоречивая. Они используют некоторые травы, которые могли бы облегчить болезнь вашего брата — я имею в виду короля — но другие травы могли усилить ее.

Холодный узел скрутил живот Тэсары.

— Какие травы?

— Каробан. Паслен. Феннелсворт. Все это в малых дозах является эффективным снотворным и болеутоляющим средством, но большие дозы в течение длительного времени...

— Могут вызвать безумие, паралич и даже смерть.

Глаза Гемены расширились от удивления:

— Откуда вы это знаете?

— Я кое-что узнала о травах и лечении за годы, проведенные среди сестер.

Мага-воительница усмехнулась.

— В Мойсехене мы называем это простой магией. Знаете, это делает вас магой в наших глазах.

— Я привела тебя сюда не для того, чтобы терпеть оскорбления

— Ничего подобного, миледи королева.

— С кем еще ты говорила об этом?

— Ни с кем.

— Ты должна хранить молчание по этому поводу, — сказала Тэсара. — Ты ни с кем не поделишься тем, что сказала мне.

— Я понимаю, миледи королева.

— И ты никому не скажешь, что я обладаю знаниями о травах и лекарствах. Я могу доверить тебе это?

— Да, миледи королева.

Тэсара с сомнением посмотрела на нее.

— Посмотрим. Есть еще одно задание, которое я хотела бы дать тебе, Гемена. Я бы хотела, чтобы ты присматривала за меня.

— За чем?

— За всем. Ты говоришь, что среди нас нет таких, как ты, и, тем не менее, утверждаешь, что мага может пройти незаметно.

Гемена сморщила нос.

— Если за всем этим стоит практик, то он почти наверняка маг. Маги гораздо чаще делают что-то подобное.

— Маг или мага, мне все равно. Если ты подозреваешь кого-либо при дворе моего дяди в занятиях магией, немедленно сообщи мне об этом. Мне и никому другому.

— Будет так, как вы пожелаете, миледи Королева.

— Очень хорошо. Иди, Гемена. Мы поговорим снова завтра.

Гемена осталась, переминаясь с ноги на ногу.

— Могу я задать еще один вопрос, миледи Королева?

Тэсара подавила свое нетерпение.

— Сделай это быстро.

— Если король — ваш брат, то почему ваш дядя — регент, а не вы?

Тэсара огляделась, чтобы увидеть, кто находится в пределах слышимости.

— Разве это не очевидно? Я женщина.

— Но во всех северных королевствах есть прецедент, когда женщина становится регентом. И любой, кто знает их историю, может видеть, что женщины становятся гораздо лучшими правителями, чем мужчины, которые были до или после.

— Следи за своим языком, Гемена, чтобы он не привел тебя к предательству.

— Я просто говорю, что вы могли бы быть регентом, и при этом хорошим регентом. Я вижу это в ваших глазах, в ваших плечах, в том, как все смотрят на вас при дворе вашего дяди. Люди пошли бы за такой женщиной, как вы. Все, что вам нужно сделать, это...

— Довольно! Я отпустила тебя. Теперь иди.

Гемена стиснула зубы. Она поклонилась и скользнула в тень.

Встревоженная, Тэсара наклонилась, чтобы взять чашку. Дрожащими руками она снова наполнила сосуд, но обнаружила, что чай стал холодным и горьким.

С отвращением она швырнула чашку через стену в темноту за ней.

«Мой дядя — регент, потому что он честолюбив и хитёр».

Гнев поднялся в ее крови.

Гнев, разочарование и новое чувство ненависти к себе.

«Я же — трусиха и дура».

Глава тринадцатая

Мариэль и Маркл

— Не собираешься улетать?

Мариэль подпрыгнула, пораженная, услышав рядом с собой Маркла. Нечесанные каштановые волосы скрывали его темный озорной взгляд.

— Боги, не подкрадывайся ко мне так, — она оглядела свою новую тюрьму, удобную и хорошо освещенную, хотя и скудную в своей мебели. Укол вины сжал ее сердце, когда она вспомнила своих сестер, все еще запертых в подземельях внизу. — Как ты сюда попал?

Мариэль не слышала ни скрипа двери, ни звука его шагов по только что насыпанной соломе.

Маркл пожал плечами.

— Может, я и оруженосец великого лорда Бортена, но я по-прежнему лучший вор, чем кто-либо. Я иду, куда хочу, когда хочу.

— Ты нашел скрытый вход?

— Может быть, да. Может быть, нет.

Он достал из своей туники два яблока и предложил одно ей. Она приняла подарок с улыбкой. Фрукт был хрустящим и терпким, на ее языке ощущался всплеск сладкого вкуса.

— Я здесь, чтобы проводить вас, миледи Мариэль, — объявил Маркл с преувеличенным поклоном. — Из этого города и обратно домой в Моэн.

— Ты? Мое сопровождение?

— Ты удивлена? — он наклонился ближе и выглянул в окно. Туника Маркла была свежестыранной и пахла мятой. — Сегодня утром во дворах у нас настоящее лицедейство. Я понимаю, почему ты отвлеклась. Мужчины кричат, слуги бегают вокруг, и хо! Принц Эоган на уроках. Он растет красивым мальчиком, этот Эоган. Немного молод для тебя, сказал бы я, но такие вещи не останавливают мага, не так ли?

Она толкнула его локтем в ребра.

— Ой! Не хотел оскорбить, миледи. Я просто говорю... неудивительно, что ты не слышала, как я вошел.

— Я не наблюдала за ним.

— Тогда за кем ты наблюдала? Сэр Гэорин? Молодой лорд Мерит? Лучше бы это был не лорд Бортен, так как он занят вдвойне.

— Ради богов, Маркл. Не каждая женщина, которую ты знаешь, мечтает о каком-нибудь мужчине.

— Надеюсь, что нет. Если, конечно, они не мечтают обо мне.

— Я не слышала тебя, потому что все мои чувства притупились. Вот что бывает, когда магия ограничена. Как будто кто-то надел мне на голову ведро, — и поводок вокруг ее горла. Каждый раз, когда она тянулась к своей магии, привязь натягивалась. Болезненно.

Маркл окинул взглядом просторные дворы и пышные сады, окруженные каменными стенами Вортингена.

— Ах-ха! Я вижу комедию, которая тебя так отвлекла. Маг Кори там, в северных садах, накладывает заклинание на леди Раэллу.

Мариэль бросила бы его в гнев, если бы ей позволили выйти из комнаты. Вместо этого она повернулась и прошла круг, прежде чем сесть на стул и яростно откусить яблоко.

Маркл сел рядом с ней.

— Ты все еще мила с ним, не так ли?

— Маг Кори меня меньше всего беспокоит, — хотя она наблюдала за ним, интересуясь природой его интереса к леди Раэлле. — И я не в восторге от него. Не так, как ты думаешь.

— Ты мила с ним только в том смысле, в котором это имеет значение.

— Это не правда. Кори и я... — она подыскивала слова, чтобы объяснить. — Мы маг и мага. Иногда нас зовет дух леса, вот и все.

— Дух леса? — он откинул голову в насмешливом хохоте. — Прекрасное оправдание, которое вы придумали, маги. Что, если я скажу, что Дух леса тоже зовет меня?

— Я бы сказала, что это хорошая и здоровая вещь.

— Тогда я слышу дух леса каждую ночь, Мариэль. Она шепчет твое имя мне на ухо и говорит, что мы созданы друг для друга.

Смех сорвался с губ Мариэль.

— Это не было шуткой.

— О, Маркл, — Мариэль изо всех сил пыталась дышать ровно. — Дело не в том, что ты говоришь, а в том, как.

— Значит, ты тоже хочешь меня?

— Нет! — она снова засмеялась и взяла его за руку. — Я имею в виду, ты мне нравишься, но нет. Зато у тебя хорошее чувство юмора. Кажется, я давно так не смеялась.

Оруженосец покачал головой и поднялся.

— Мужчине действительно не везет, если ему не везет с магой.

Он с важным видом отошел на несколько шагов, чтобы прислониться к стене, где он смотрел на нее прикрытыми глазами, жуя свое яблоко.

— Значит, тебя отправят обратно в Моэн, — сказал он, — чтобы ты свободно бродила по высокогорью.

— Не бесплатно, не совсем. Я буду под присмотром, и моя магия останется связанной. Тем не менее, Бортен и Кори говорят, что это к лучшему.

— Но ты не хочешь идти?

Мариэль покачала головой. Она оглянулась на окно.

— Из-за мага Кори?

— О боги, нет, — она закатила глаза. — Не из-за него. Из-за Магу Эолин и за всех моих сестер. Я не желаю расставаться с ними сейчас, хоть мне не разрешали их видеть. И из-за моего короля и моего народа. Я надеюсь, что эти ужасные подозрения пройдут, и скоро, так что он позволит нам снова взяться за оружие и сражаться на его стороне против узурпаторов из Рёнфина.

Низкий свист вылетел сквозь зубы Маркла.

— Ты благородная, не так ли? Я не понимаю вас, мага-воительницы. Война — скверное дело, и у тебя есть легкий выход из нее, просто будь женщиной. Тем не менее, вы настаиваете на изучении мечей и копий и магии военного времени. Мне это кажется более чем глупым.

— То, что я — женщина, не спасает меня от войны. Я достаточно хорошо усвоила это, когда была девочкой.

Ужас и трагедия вторжения Сырнте все еще горели глубоко внутри. Рената обезглавлена, Адиана поработана, Таша и Катарина убиты в кровавой жертве. И Сирена, милая, любимая Сирена. Образ прекрасной фигуры ее подруги, разорванной демоном Наэтер, с сердцем, пульсирующим в тисках его черных когтей, до сих пор преследовал

Мариэль в кошмарах. Она вздрогнула и загнала эту мысль глубже в тайники своего разума.

— Нет спасения от войны, — сказала она. — В следующий раз, когда эта дверь откроется, чтобы выпустить кровожадных монстров, я предпочту противостоять им хорошо вооруженной.

Маркл пожал плечами и бросил огрызок яблока в угли в очаге. Яблоко лопнуло и стало выпускать пар, почерневшие края свернулись в пламя.

— Что ж, — сказал он. — Это была милая беседа, сэр Мариэль, но у меня есть приказ, и мой приказ — отправиться с вами сегодня в Моэн. Мы уже опаздываем, из-за некоторой путаницы с эскортом. Это и мимолетное, скажем так, отвлечение на одну из посудомоек. Я лучше уйду сейчас, пока Бортен не заметил, что мы еще не ушли.

— Ты пытаешься избежать Бортена или той посудомойки?

— Оба могут быть одинаково неприятны в данный момент.

— Я просила, чтобы сэр Бортен подал петицию за меня, — сказала Мариэль. — Ты что-то слышал об этом?

— Нет. Что за петиция?

— Я хочу увидеть Магу Эолин, я имею в виду, нашу Королеву, прежде чем мы уйдем.

Маркл нахмурился и покачал головой.

— Ничего не слышал об этом.

— Хорошо, значит, нужно еще подождать.

— Бортен не думает ни о тебе, ни о твоих петициях, Мариэль. Король хочет, чтобы армия выступила через три дня, поэтому верный Бортен выполняет его приказы. Тебя отправляют в Моэн, потому что чем раньше ты уберешься с дороги, тем лучше.

— Но он сказал...

— Придется долго ждать, если ты ожидаешь, что Бортен выполнит твою просьбу. Ты будешь ждать, пока эта война не закончится.

— Он знает, как это важно для меня, — настаивала Мариэль. — Я не хочу уходить, не попрощавшись.

Маркл сел рядом и обнял ее за плечи. Этот жест должен был утешить, но он наполнил ее беспокойством. Почему он так старался отговорить ее от этого?

— Пойдем, Мариэль, — сказал он. — Ты не хочешь задерживаться в этом месте. Здесь все в дурном настроении. Будет весело снова вернуться домой. Когда мы доберемся до Моэна, мы выпьем пинту или две в таверне Оллео. Мы поговорим о былых временах, когда ты была невинной молодой магой, а я — вором из переулка Моэн. И мы будем танцевать. И немного споем. И проедем верхом по полям; может, даже посетим те леса, которыми ты никогда не можешь насытиться.

— У тебя не будет времени на все это. Полагаю, Бортен хочет, чтобы каждый здоровый мужчина из Моэна вернулся сюда, чтобы помочь королю. В твои приказы должно входить немедленное возвращение.

— Пха, — он отмахнулся от ее слов рукой. — Я не вернусь сюда.

Она разглядывала его, озадаченная.

— Ты серьезно?

— Мне нет дела до Бортена или короля. Не тогда, когда мы с тобой можем быть наедине в высокогорье, следуя сладостному зову эн-ласати.

Смех вырвался из груди Мариэль. Ей всегда нравился Маркл, даже когда он был неуправляемым мальчишкой, бегущим по улицам Моэна в полудиком состоянии. На

мгновение ей захотелось прислушаться к его совету.

— Мы скоро будем в Моэне, — тем не менее, сказала она. — Но прежде чем мы уйдем, я должна поговорить с королевой.

Маркл хмурился и ворчал всю дорогу до Восточной Башни. Он сказал, что у них не было приказа от короля и доказательств петиции Бортена от ее имени. Без этого их никогда не пустили бы к королеве, так как она находилась в строгом заточении и едва ли имела право впускать гостей, особенно если этот гость был магой.

Его пессимизм просочился в дух Мариэль, она почти ожидала, что ее свяжут и отправят в подземелья, если она хотя бы появится у подножия Восточной башни. Тем не менее, она твердо держалась своего курса и своих намерений, не бросила это желание.

К тому времени, когда они подошли к первому барьеру охранников, Маркл впал в раздраженное настроение. Оруженосец попятился, вынуждая Мариэль в одиночку подойти к воинам-магам, мужчинам с мрачными лицами, с которыми она тренировалась. Во главе их стоял Реннерт, похожий на медведя, с историей битв, написанной на его широком лице. Кровь прилила к щекам Мариэль под стальным взглядом Реннерта. В его присутствии она чувствовала себя ребенком, дурой, раз даже подумала о том, чтобы разрушить эту тюрьму, воздвигнутую Королем-Магом вокруг ее наставницы.

— Если можно, добрый сэр, — она подавила дрожь в голосе. — Я пришла на аудиенцию к королеве.

— Она ждет тебя? — рявкнул Реннерт.

— Я не уверена, — призналась Мариэль, — хотя петиция была отправлена. Может, вы могли бы сообщить ей, что я здесь?

Реннерт оглядел ее с ног до головы, прежде чем выражение его лица расплылось не столько в улыбке, сколько в более расслабленной версии надежного хмурого взгляда.

— Ты всегда была слишком честной для своего же блага, Мариэль.

Она моргнула.

— Извините?

Он кивнул в сторону лестницы.

— Иди. Я уверен, она будет рада тебя видеть.

Мариэль перевела взгляд с него на других, ошеломленная.

— Это шутка?

— Ты считаешь меня шутником? — рычание Реннерта заставило ее отступить на шаг.

Он кивнул одному из своих спутников.

— Сопровождай ее.

Мужчина двинулся, чтобы подчиниться, но ноги Мариэль так и остались прикованы к земле, не в силах сопротивляться силе ее сомнений.

— Несколько дней взаперти, а ты уже стала нахальной девкой, — слова Реннерта прозвучали резко, хотя на его лице мелькнуло веселье.

— Прошу прощения, сэр Реннерт, я просто подумала...

— Что мы повернулись к тебе спиной?

— Нет, но после того, что сделали Гемена и другие, я скорее ожидала...

— Ты не похожа на ту предательскую ведьму. Все плюются и злятся на ту женщину, а ты неизменная, и мы не забыли. Люди были рады, когда король освободил тебя. Думаю, ты должна это знать. Хотел бы, чтобы ты тоже поехал с нами в Рёнфин. Видят боги, нам было бы лучше, если бы вы это сделали.

Мариэль удивленно глядела на него. Любой намек на похвалу от Реннерта был редкостью, такое заявление было почти невозможным. За годы своего обучения Мариэль сильно пострадала от его бесконечной и язвительной критики. Тем не менее, она всегда считала, что стала лучшим воином благодаря ему. Она была глубоко тронута, обнаружив, что он верит в то же самое.

— Спасибо, Реннерт.

Он пожал плечами и отвел взгляд.

— Только не забудь, что я это сказал, потому что больше я этого не повторю.

Мариэль кивнула и пошла вверх по лестнице, ускорив шаг от внезапной легкости на сердце.

— А я? — скуление Маркла эхом разнеслось за ее спиной. К тайному облегчению маги, Реннерт не позволил ему пройти.

Эолин встретила внезапное появление Мариэль криком радости. Она обняла Мариэль и поцеловала ее в лицо, бормоча благодарности богам.

С неохотой юная мага вырвалась из объятий Эолин. Она поклонилась, как того требовал протокол, зная о косых взглядах фрейлин королевы и скрытом интересе ее охранников.

Быстрой командой Мага Эолин отправила всех прочь.

— Они не причинили тебе вреда? — Эолин положила руки на плечи Мариэль, скользя взглядом по лицу и ауре мага. На лице Эолин отразились тревога и благодарность, ни одна эмоция не победила, они сливались.

— Нет. С тех пор, как они связали нашу магию со мной обращались настолько достойно, насколько позволяла ситуация.

— А другие?

— Я не знаю, — разочарование Мариэль отразилось в ее голосе. Она надеялась, что у Маги Эолин есть информация о ее сестрах, и ее обеспокоило узнать обратное. — Нас держали в отдельных камерах. Никто не говорит мне о них, даже маг Кори или Бортен.

— О, Мариэль, — прошептала Эолин. — Ты когда-нибудь сможешь простить меня?

— Простить? — этот вопрос удивил ее. — Нечего прощать. В самом деле, Бортен говорит, что если бы не твое вмешательство, я все еще была бы в тюрьме.

— Я должна была сказать тебе бежать, когда у нас был шанс.

Мариэль покачала головой.

— Это не имело бы никакого значения. Они пришли готовыми выследить нас. Теперь я это понимаю.

Эолин нахмурилась. Она подвела Мариэль к дивану у окон и наложила вокруг них звуковую защиту.

— Лорд Бортен сказал мне, что король разрешил тебе посещать Восточную Башню перед отъездом.

— Да? Но Маркл сказал...

— У нас не так много времени, Мариэль. Есть маги, которые следят за этой башней днем и ночью. Скоро они обнаружат мою защиту от звука и сразу же начнут ее распутывать.

— Конечно, их магия не сравнится с твоей.

— Более сильный оберег или еще один искусно созданный мог бы противостоять их контрзаклинаниям, — признала Эолин, — но в этом случае я предпочитаю, чтобы они верили, что у них все еще есть преимущество.

Мариэль улыбнулась.

— Кажется, эта игра больше подходит магу Кори, чем тебе, мага Эолин.

— Мне кажется, что Восточная башня преподает одни и те же уроки всем своим гостям.

Мариэль, я хочу, чтобы ты знала, что я хочу, чтобы ты вернулась в Моэн.

— Но я думала, что лорд Бортен решил...

— Я поручила Бортену подать петицию и посоветовала королю одобрить ее.

— Я предпочла бы остаться здесь, — растерянно ответила Мариэль.

— Я знаю, — Эолин взяла Мариэль за руки. — Мое сердце разрывается от разлуки с тобой, Мариэль. После вторжения Сырнте я пообещала себе, что никогда больше не позволю этому случиться, Но эти обстоятельства... мага сосредоточилась, обремененная какой-то тяжелой мыслью. — Эти обстоятельства я не ожидала, хотя, если быть честной с собой, я должна была предвидеть все это давным-давно.

— Никто из нас не ожидал, что Гемена когда-нибудь...

— Я не говорю о Гемене, — выражение лица Эолин стало жестким, как камень. — Я говорю о людях Мойсехена, их непостоянном настроении и их яростной зависти. Гемена была их предлогом, но если бы они ее не нашли, то нашли бы кого-то или что-то еще, еще какую-нибудь причину, чтобы снова посадить нас в тюрьму.

Это нехарактерное проявление пессимизма смутило Мариэль.

— Думаешь, это не закончится? Что даже король больше не защитит нас?

— Не знаю, — тон Эолин смягчился. — Но я сделала свой выбор, Мариэль. Я буду рядом с мужчиной, которого люблю, и буду защищать своих детей, какой бы горький конец меня ни ждал. Однако у тебя впереди жизнь и все ее волшебство. Ты выбрала путь Эйтны. Я желаю, чтобы ты продолжала идти по ее стопам.

— Я не продвинусь дальше с моей связанной магией.

— Ты забываешь, что у нас есть друзья в Моэне. Эхиор отправил инструкции от моего имени магу Тэнлеру. Твоя магия будет восстановлена, как только тебя доставят к леди Винелии.

— Восстановлена? — надежда вспыхнула в сердце Мариэль.

— После этого ты можешь оставаться в гостях у Бортена, но ты должна быть бдительна. Если события повернутся против нас и дальше, если Рёнфин выиграет эту войну или чистки возобновятся, ты должна найти убежище в Южном Лесу. Не возвращайся, пока Боги снова не сделают эту землю безопасной для магов.

— Ясно, — Мариэль вспомнила дом, в котором провела детство Эолин, скромный коттедж дуайен Гемены, приютившийся в дальних уголках древнего леса. Она любила его тишину и покой, но не думала, что однажды сможет найти там убежище, как это сделала ее наставница.

Мысль была более чем отрезвляющей.

— Это не конец, — Эолин продолжила, будто почувствовав тревогу Мариэль. — Это просто другое начало. Сейчас твое время. Я дала все, что могла, как твоя Дуайен; Остальному научат боги. В высокогорьях Моэна есть женщины, которым суждено пройти с тобой по пути волшебства. Найди своих сестер и держи их рядом. Научи их путям Эйтны и Карадока. Вместе вы сможете пережить эту бурю и сохранить традиции нашего народа. Ты наше будущее, Мариэль. Ты всегда была такой.

Слезы затуманили зрение Мариэль. Неужели Мага Эолин прощалась навсегда? Тысячи вопросов роились у нее в голове, но когда она открыла рот, чтобы заговорить, Эолин заставила ее замолчать, внезапно взмахнув рукой.

Королева напряглась, как лань, учуяв запах хищника. Мариэль услышала продолжительное шипение, за которым последовал тонкий треск, будто кусок тонкой ткани рвался на части. Защита, которая скрывала их разговор, была взломана.

— Становится поздно, — Эолин встала, приглашая Мариэль подняться. — Я полагаю, тебя ждет эскорт,

— Мага Эолин, я... — слова Мариэль прервались сдавленным всхлипом.

Она не была готова взять на себя бремя наихудшего будущего. Как могла Мага Эолин отослать ее вот так? Как могла она, женщина скромного происхождения, когда-либо надеяться продвинуть вперед это великолепное наследие в одиночку?

— Все, что ты сделала для меня, — прошептала Мариэль. — Эта жизнь, которую ты нам дала... я бы потеряла. Я бы пропала, Мага Эолин, если бы не ты!

Эолин смотрела на нее с выражением сильной радости и невыносимой боли. На мгновение она сжала руки в кулаки, а затем обняла Мариэль в сокрушительном объятии.

— Ты ошибаешься, Мариэль, — пробормотала она. — Это я потерялась бы без тебя. Потерялась бы и больше не нашлась. Вспомни, чему я тебя учила. Доверься воле Дракона. Де хранят тебя Боги в своей любви и волшебстве. Пусть они укажут путь к лучшему будущему.

Глава четырнадцатая

Предательство

К полудню Маркл остановил свою лошадь и приказал всем в сопровождении Мариэль спешиться у большой ветхой таверны на берегу реки Фурма. Это казалось популярным водопоем для путешественников между Королевским городом и Римсавеном. Шутки и игроки, торговцы и воры, музыканты и проститутки высыпали из полумрака на столы, расставленные на берегу реки. Даже в этот час дня воздух был наполнен болтовней и криками, смехом и песнями,

Мариэль никогда не нравились такие захудалые таверны, как эта. Ее дух чувствовал себя

гораздо лучше на открытом, продуваемом ветрами высокогорье Моэна. Внутри таверны пахло несвежим элем и жареной свининой, блохастыми собаками и грязной одеждой, человеческим потом и тайным сексом. Она настояла на том, чтобы найти столик снаружи, и Маркл, к счастью, согласился.

Пока Мариэль занимала место, Маркл отправился за элем. Он принес две деревянные кружки и поставил одну перед ней. Мага-воительница с благодарностью обхватила руками прохладный напиток.

— А охранники? — спросила она. — Они же тоже хотят пить?

— Какие стражи?

Мариэль взглянула на соседнее дерево, где несколько мгновений назад люди из ее эскорта отдыхали в тени и не сводили с нее ястребиного взгляда.

— Куда они все делись? — удивилась она.

— Не нужно, чтобы ты чувствовала себя заключенной за едой, — глаза Маркла, как обычно, метались по толпе. С первого взгляда он мог отличить остроумных от дураков, убийц от трусов и добродетельных от распутников.

— Их всего полдюжины. Больше похоже на разведывательную экспедицию, чем на настоящий эскорт.

— Ты бы предпочла, чтобы за тобой присматривали тридцать человек?

— Ну, нет. Я просто думала, что это будет по-другому, вот и все.

Она не узнала никого из сопровождавших их солдат. Не то чтобы она знала всех солдат в королевстве, но Мариэль предположила, что эскорт мог включать кого-то из королевской гвардии или, по крайней мере, людей, служивших Бортену.

И королю, и лорду прямо сейчас нужны были их лучшие воины для других целей.

— Не волнуйся, — Маркл пригвоздил ее острым взглядом. — Я не выпускаю тебя из виду.

— Это точно, — она сделала еще один глоток эля, освеженная его горько-сладким привкусом. — Сколько слуг ты соблазнил на этот раз, Маркл, за наше короткое пребывание в Городе?

Он выпятил грудь и стал считать на пальцах.

— Думаю, в этот раз я каждый день ловил разных. Это легкая добыча для красивого юноши благородных кровей.

— И ты не сомневаешься в этом?

— Должен?

— Это не очень честно.

— Что нечестного в моей благородной крови?

— Не твоя родословная; то, как ты используешь ее, чтобы задобрить их.

— Я не говорю ничего, кроме правды. Они делают свой выбор. Кроме того, нет ничего более честного, чем хорошие объятия. Я думал, маги это поняли. В этом суть ваших великих традиций, не так ли? Высокая церемония Бел-Этне, священные подношения Зимнег Солнцестояния?

— Это не то же самое.

— Ба! — он отмахнулся от ее возмущения. — Ты просто ревнуешь.

— Я не ревную. У этих девушек так мало вариантов в жизни, и у них тоже есть иллюзии, знаешь ли. Они могут подумать, что ты заботишься о них, что ты намерен дать им лучшую жизнь в обмен на их благосклонность.

— Я забочусь о них, по-своему.

Мариэль бросила на него испепеляющий взгляд.

Он скрестил руки.

— Если тебе есть, что сказать, лучше сказать сейчас.

— Просто... Ну, дело не столько в девушках, Маркл. Хотя это меня расстроило. Но в основном это ты. Ты всегда так рассеян во всем, как свержактивный щенок.

Он закатил глаза.

— Теперь я понимаю, почему маги никогда не выходят замуж. Вы клячи, многие из вас. Из вас получились бы мерзкие жены.

— Я не кляча, — отрезала Мариэль. — Боже, Маркл. Ты попросил меня говорить прямо. Мы давно знаем друг друга, и ты мне нравишься, но ты всегда казался рассеянным, будь то оружие, девушки, требования твоего лорда...

— Моего лорда?

— Или просто повседневные задачи. Кажется, ты не знаешь, чего хочешь от жизни или от себя.

Выражение его лица стало жестче, и его взгляд остановился на кружке.

— Я знаю, что я хочу. Я хочу, чтобы мир вернулся к нам таким, каким он был. До того, как вторглись Сырнте, до того, как моя семья была убита и все наши земли потеряны.

Мариэль затаила дыхание, смущенная собственной бессердечностью. Маркл потерял все, когда был мальчиком. Почему ей не пришло в голову, что за этой циничной, беззаботной внешностью скрывается мир боли, такой же глубокой, как и ее собственная? Она потянулась вперед и положила свою руку на его.

— Прости, Маркл. Правда. Я не думала, когда говорил все это.

Он пожал плечами.

— Не имеет значения. То, что я хочу, не существует. Не в этом уродливом мире. Так что я просто делаю, как и все остальные, радуюсь, когда могу.

Их разговор прервал шум за соседним столиком. Двое мужчин встали, чтобы противостоять друг другу. Кулаки стучали по столу, а затем врезались в плоть. Предметы полетели в воздух, и Мариэль пригнулась, когда мимо ее головы пролетела чашка. Работники таверны набросились на дебоширов и утащили их под смех и крики посетителей.

Когда шум стих, Мариэль ухмыльнулась.

— Я презираю эти места, — сказала она, — но, признаюсь, наблюдать за потасовкой довольно освежающе.

— Да? — Маркл бросил на нее косой взгляд. Его глаза блестели, как осколки стекла.

Тревога закралась в ее сердце.

— Все было бы иначе, не так ли? — сказала она. — Если бы не вторжение Сырнте, все мы до сих пор жили бы в высокогорье Моэна. У Маги Эолин был бы свой Экелар, а у тебя — земли семьи. Сирена осталась бы жива, а мы были бы целителями и травниками, не более того. Возможно, я никогда не стала бы воином. Сейчас трудно представить, что вместо меча рядом со мной была бы Сирена.

— Мы собирались жениться на девушках Маги Эолин, моя банда, — сказал Маркл. — У нас были выбраны наши фавориты. Конечно, сначала мы собирались изнасиловать вас всех. Но после того как мы повеселились, мы намеревались совершить благородный поступок.

Мариэль рассмеялась.

— Ты и благородный поступок?

— Это так трудно представить?

— Нет, я полагаю, что нет, — уступила она. — Кто был твоим фаворитом?

— Сирена, — его глаза затуманились. — Не в обиду тебе, конечно, но она была моей любимицей. Самая красивая из всех.

— Она была самой красивой из всех нас, — Мариэль сделала еще один долгий глоток эля, оставив кружку почти пустой. — Одна из самых верных друзей, которые у меня когда-либо были. Я все еще скучаю по ней.

Когда она поставила кружку, земля задрожала.

— Иногда мне хочется... — желудок Мариэль сжался. Она ахнула и схватилась за стол. Инстинктивно она потянулась к магии, которая могла бы заземлить ее, но была задушена этой мучительной невидимой связью.

Маркл мгновенно оказался рядом с ней.

— Эй! Ты в порядке?

— Я не знаю, — на ее коже выступил холодный пот. — Я чувствую себя плохо.

— Ну-ка, — он помог ей подняться, но колени Мариэль подогнулись. Ей пришлось прислониться к нему для поддержки.

— Боги, — она попыталась не обращать на это внимания, но ее желудок содрогнулся, а дыхание стало затрудненным. — Сначала моя магия, сила. К тому времени, как мы доберемся до Моэна, ничего не останется.

— Может быть, у них есть свободная кровать, где ты можешь немного полежать. Боюсь, я позволил тебе слишком много выпить.

— Всего одну кружку.

Маркл наполовину оттащил, наполовину унес ее от реки. Лица вырисовывались и удалялись. Смех и насмешки звенели в ее голове.

— Здесь жарко! Похоже, маленькая леди впервые попробовала эль Парсона.

— Смертельный яд.

— Лучше пусть она отоспится здесь на столе. Сюда, я говорю!

— Маркл, — голос Мариэль понизился до хриплого хрипа. — Вытащите меня отсюда, пожалуйста.

Усиливая хватку, оруженосец унес Мариэль подальше от похотливых освистываний и перекошенных лиц.

— Думаю, я сейчас потеряю сознание.

— Продолжай дышать.

Маркл помог ей найти место у боковой стены таверны, в тени деревьев и соседнего здания. В этом месте пахло конским навозом, гниющими фруктами и человеческими экскрементами, но, по крайней мере, оно было вдали от толпы. Он наклонился ближе, поддерживая ее и убирая волосы с ее лица. Она чувствовала тепло его тела.

— Может, Сирена и была самой красивой, — сказал он, — но я научился любить тебя, знаешь ли. Сильно любить тебя.

Его губы коснулись ее.

Мариэль отпрянула.

— Нет! Не сейчас.

— Ты бы вышла за меня замуж?

— Что? — вопрос смутил ее.

— Если бы мы выросли в Моэне, если бы я был лордом, которым должен был быть, ты

бы вышла за меня?

— Перестань говорить глупости.

— А ты бы хоть захотела?

— Маги не выходят замуж!

— Твоя наставница вышла замуж за короля.

— Это было по-другому, — Мариэль с трудом переводила дыхание между словами. —

Исключительно. Необходимо.

— Ну, если бы ты не вышла за меня, может, если бы я был великим лордом, ты бы в хоть согласилась...? — он обвел ее шею, позволил своей ладони остановиться на ее груди.

— Убери от меня руки, — она попыталась дать ему пощечину, но ее конечности онемели. — Глупый разговор, Маркл. Я устала, и мне плохо. Мне нужно место для отдыха.

Маркл освободил ее.

Мариэль соскользнула, не найдя опоры на стене, потащила тело и душу в какую-то глубокую темную яму. Тени затмили ее зрение.

Смех Маркла эхом звенел вслед ей, язвительный и жестокий.

— Ты даешь все неправильные ответы, Мариэль, — сказал он. — Но, полагаю, правильного ответа не было бы. Не сегодня. Никогда.

Глава пятнадцатая

Бэдон

Мариэль с трудом проснулась, сидя прямо на твердом деревянном стуле. Руки и ноги ее были связаны грубой бечевкой.

Выплюнув неприятный привкус изо рта, она осмотрела окрестности, тускло освещенную комнату, украшенную пустыми и гниющими полками. Каменные стены были почерневшими и сырыми. Одно маленькое окно было высоко поднято и плотно закрыто ставнями. Звуки людей просачивались в комнату словно издалека, а затхлое дыхание реки Фурмы проникало в ее чувства.

Как долго она отсутствовала?

Куда они ее увезли?

— Маркл, — гнев превзошел ее трепет. Какой бы ни была его игра, она презирала ее, и она поклялась, что он заплатит за это. — Покажись.

Тень в одном из углов сдвинулась, и скрюченная фигура отделилась от стены. Он был в плаще и капюшоне, с посохом из черного дерева в костлявой руке.

— Мариэль, — он говорил так, словно таскал ее имя по гравию. — Верная ученица Маги Эолин, представительница нового поколения женщин-воинов. Я очень рад познакомиться с тобой.

Мужчина снял капюшон, обнажив сморщенное лицо. Тонкие седые волосы короткими пучками торчали из его лысеющей головы. Один глаз был затуманен и расфокусирован, зато другой был острый как кинжал. Приковав взгляд к Мариэль, он постучал в дверь своим посохом.

Дверь открылась на смазанных петлях. Появился молодой человек, дородный и невзрачного роста, с крысиными глазами, впавшими в вялом лице. Он закрыл за собой дверь и запер ее.

Старик сел напротив Мариэль. Он изучал ее, будто она была очаровательным существом, вытасканным из глубин реки. Он кивнул юноше, тот придвинул стол, зажег свечу и положил лист бумаги рядом с изящным пером.

— Меня зовут Бэдон, — сказал волшебник. — Я подозреваю, что ты слышала обо мне.

— Нет.

Его смешок был тихим, с ноткой покорности.

— Величайшие слуги Дракона всегда забыты, их тихую и тщательную работу забывают хранители истории, которые любят искателей славы. Я был одним из величайших магов своего поколения. Я бился на стороне Кедехена против маг. Я был правой рукой благородного волшебника Церемонда и архитектором чистки, которая должна была навсегда очистить нас от маг и их мерзкой магии.

— Наша магия не мерзкая. Мы Дочери Эйтны, избранные Дракона. Хранители самых священных традиций Мойсехена.

— Ты была молода, когда мага взяла тебя под контроль, Мариэль, и ты была введена в заблуждение. Было бы бессердечно с моей стороны обвинять тебя в этом. По правде говоря, я верю, что ты способна распознать обман, которому подверглась, и отвернуться от заблудших путей. Я верю, что сегодня ты искупишь грехи.

Мариэль неглубоко вдохнула, отгоняя струйку страха, охватившую ее сердце.

— Где Маркл?

— Он наблюдает поблизости, чтобы убедиться, что нам не помешают. Не суди своего друга слишком строго, юная мага. Он привел тебя к нам с условием, что мы вернем тебя целой, обещание, которое я намерен сдержать.

— Зачем же вы меня связали?

— Чтобы ты меня послушала, — его улыбка, похожая на ящерицу, вызвала у нее мурашки. — Я старик, Мариэль, и мой вид, скажем так, не может согреть сердце.

— Тогда говори и отпусти меня.

Бэдон откинулся на спинку стула, оторвавшись от настоящего, и погрузился в долгое молчание.

— Это о твоей наставнице, Эолин, той, что называет себя Королевой и Верховной Магой, хотя она не более чем блудница и ведьма.

— Вам лучше не оскорблять мою дуайен.

— Какие у тебя прекрасные рефлексы, Мариэль. Как ты привыкла вставать на ее защиту. Но не нужно бояться говорить правду в этом месте. Я выделил этот подвал как убежище для нас обоих и защитил его сильно. Здесь мы можем поделиться правдой, ты и я. Это все, что я хочу от тебя, Мариэль. Правду.

Он взял лист бумаги, лежащий перед ним. Мариэль увидела слова, написанные там. Высококачественная каллиграфия, выложенная аккуратными рядами, тревожно напоминала ее почерк.

— Что это? — осторожно спросила она.

— Осталось так мало свидетелей тех драгоценных недель, прежде чем мага, наконец поймала в ловушку Короля-Мага. Твоя спутница, Гемена, возможно, и сотрудничала со мной, но теперь она совершила открытую измену. Кто поверит ей на слово? Мага Кори можно побудить к действию, но как бы я ни обдумывал этот путь, мне еще предстоит понять, как сделать это в его интересах. Бортену, конечно, больше всего терять во всей этой истории. Он не говорил бы, если бы этого не потребовал сам король, и то только при самых неотложных обстоятельствах. Остаешься только ты, Мариэль. Только ты. Сначала я подумал, что, возможно, боги оставили меня, но теперь я понимаю, что это поистине чудесный поворот событий. Из всех игроков в этой коварной игре ты единственная, чей благородный

дух никогда не подвергался сомнению. Единственная служанка Короля Магов без единого пятна на репутации. Все уважают тебя, Мариэль. Все поверят тебе.

Пульс Мариэль учащался. Она сосредоточила дыхание и заземлила свой дух, насколько могла, но путы, удерживавшие ее магию, обожгли ее горло, препятствуя ее усилиям.

— Этот разговор бесполезен, мастер Бэдон, — сказала она. — Пустая трата вашего и моего времени. Я не могу сказать правду, которая еще не была сказана. Даже если бы и знала, я бы не призналась вам в этом.

— Тут ты ошибаешься, Мариэль. Правда в твоём искусстве, — он указал кривым пальцем на ее грудь. — И ты обязуешься это сделать, подписав эту бумагу. Остается только один вопрос: сколько убеждений потребуется.

В нос Мариэль ударил металлический запах. Комната дрогнула. Ее глаза начали слезиться.

— Я знаю, что вы пытаетесь сделать. Заклинание, которое вы наложили, не сработает.

— О, сработает. Твоя наставница, возможно, рассказывала тебе об Ахмад-мелан, но я уверен, что она никогда не готовила тебя к противостоянию с магом, столь искусным в этих тонкостях, как я. Даже если бы она это сделала, с твоей связанной магией... — он дал словам повиснуть в воздухе, провел по ее щеке.

Она вздрогнула и плюнула ему в лицо.

Губы Бэдона тронула улыбка. Он достал чистую тряпку и вытер ее оскорбление.

— Должен признаться, я нахожу соблазнительное удовольствие в твоём стремлении сопротивляться. Знаешь, кто был последней магой, которую я допрашивал?

— Мне нет никакого дела до того, чтобы знать что-либо о вас или о том, что вы сделали.

— Мать твоей наставницы, воительница Кайе.

Весь ужас ее положения кристаллизовался в сознании Мариэль. Кайе оказала последнее и величайшее сопротивление амбициям Кедехена. Если этот маг сломил ее, его не превзойти в жестокости,

— Кажется, это было очень давно, — продолжил Бэдон. — Потерянный сон из великой, более просвещенной эпохи. Мои обстоятельства были не так ужасны, как все это, но Кайе обладала грозной волей. Она упрямо молчала в течение долгого, мучительного пути к капитуляции. Но, в конце концов, она была побеждена. Мы получили от нее то, что нам было нужно, и многое другое. Мы искали ее дочь, Эолин, но девочку было невозможно найти. Потом ее нашли, но достать не удалось. Она уже соблазнила моего сюзерена, и по сей день принц Акмаэль барахтается в тених, которые она вызывает. Но теперь судьба, наконец, повернулась в нашу пользу. Я ждал, Мариэль. Ожидал и наблюдал. В нужный момент, в подходящих обстоятельствах. Действия твоей сестры Гемены наконец-то вбили клин между королем и его шлюхой. Пришло время разорвать их связь раз и навсегда и вернуть моего сюзерена к свету.

— Вы не можете преуспеть в этом. Они увидят, что меня пытали. Они узнают, что любое мое признание является ложным.

Волшебник цокнул языком.

— Юная Мариэль, мои методы не такие грубые. Высшие Маги не бьют, не режут и не калечат во время допросов. Мы не оставляем никаких следов.

Бэдон наклонился ближе и подул Мариэль в лицо, затуманив ее чувства пылью руты, горькоцвета и пасленовых грибов.

— По крайней мере, — пробормотал он, — не в местах, которые может видеть кто-то еще.

Глава шестнадцатая

Крик помощи

Снег падает с небо и резко несется над лесами Восточной Селен; крошечные кристаллики-кинжалы, способные содрать с человека кожу.

Кори, удобно устроившись в доме, слушает завывание ветра снаружи. Вино согревает его желудок и успокаивает беспокойные мысли. Огонь горит слабо, его золотое пламя — небольшая, но надежная защита от натиска середины зимы. Маг познал много суровых

зим, но холодный натиск этой бури кажется дыханием самой смерти. Он слышит ярость предков в этих криках; воображает, как они бьют по ставням и царапают крышу.

«Они не забыли, — думает он. — Как и я».

По телу мага пробегает дрожь. Он поправляет плащ на плечах и слышит новый звук на ветру: животное, попавшее в бурю, отчаянно скребется в окно.

Озадаченный и любопытный, Кори поднимается, чтобы открыть ставни. Снег врывается в комнату. К его ногам приземляется пучок белого меха. Зимняя Лиса стряхивает влагу с шерсти. Она потягивается, а затем делает небольшой круг, прижав уши и поджав хвост между лап. Она не смотрит на него, но Кори узнает темноту, глубину этих глаз и резкие цвета ее ауры. На мгновение он испытывает искушение бросить ее в бурю, но голоса на ветру убеждают в обратном.

Он закрывает ставни и кивает на очаг.

— Согревайся, — говорит он, — если тебе угодно

Ее уши поднимаются, хотя движения остаются робкими. Она подходит к огню и садится перед пламенем, обвивая пушистым хвостом шустрые лапки.

Кори наливает вторую чашу вина и садится рядом с ней. Он чешет лисе уши и гладит мягкую кремовую шерсть на ее спине. Она прижимается влажным носом к его ладони.

— Ты, — бормочет он, — сюда.

Два слова, наполненные тайной и обещанием.

Сквозь нее проходит луч света. Шкура Зимней Лисы сброшена, и женщина становится перед ним на колени. На ее наготу приятно смотреть, но Кори накидывает ей на плечи свой плащ, чтобы защитить от зимнего холода.

Здесь действует глубокая магия, сила, пробужденная из сердца Восточной Селен, заклинание, возвращенное далекой жестокой ночью и затем остававшееся бездействующим все эти годы с тех пор, как его люди погибли.

Кори касается щеки мага, позволяя шелковистым прядям ее волос касаться тыльной стороны его пальцев. Его сердце сжимается под тяжестью желания, подавляемого так долго, что он едва признает его горько-сладкую сущность своей.

— Меня здесь быть не должно, — шепчет она, не встречаясь с ним взглядом. — Я не должна этого хотеть.

Кори закрывает глаза и прижимается губами к ее лбу. Лица всех тех, кто погиб, проносятся в его уме, их потеря и боль искуплены в этот момент нежности,

— Ты почтила меня своим присутствием, дочь Эйтны, — говорит он.

И этого должно быть достаточно.

Достаточно просто увидеть ее здесь.

Благоразумный мужчина больше ничего не попросил бы.

Благоразумный мужчина отослал бы ее.

Вместо этого Кори притягивает мага ближе.

Она двигается под его прикосновением и тает в его объятиях.

Его губы находят ее, и они сливаются друг с другом, призывая наслаждение богов, когда буря снаружи возобновляет свою ярость.

** * **

Кори проснулся с ножом в руке. Быстрым заклинанием он зажег свечи в своей комнате.

Освещение отогнало тени. Летний ветерок дул в занавешенное окно. Шквал дерущихся котов эхом отразился от соседней крыши и внезапно стих.

Ее дыхание задержалось на его губах.

«Я не должна тут быть. Я не должна этого хотеть».

Встревоженный, Кори поднялся. Он освежил лицо водой из чаши.

Раздался стук в дверь.

— Войдите.

Слуга просунул голову в комнату.

— Простите за поздний час, маг Кори. У черного входа стоит молодой человек, который настаивает на встрече с вами.

— У него есть имя?

— Он называет себя Маркл, подопечный и оруженосец лорда Бортена.

Кори насмешливо фыркнул.

— Маркл уже на полпути к Моэну. Дай ему кусок черствого хлеба и скажи, чтобы он возвращался в переулочек для нищих, откуда он пришел.

Мужчина неловко переминался с ноги на ногу.

— Не знаю, сэръ. Мальчик говорит, что это срочно. Если бы вы могли видеть его взгляд...

— Ты слышал меня. Избавься от беспризорника! Позови стражу, если потребуется помощь. Меня не беспокоят в этот час.

— Да, маг Кори.

Мужчина удалился.

Кори запечатал за ним дверь заклинанием.

Когда шаги слуги затихли, маг достал пояс целителя и выхватил глиняный амулет, хранившийся в безопасности среди его священных камней. Затем он призвал образ Совы и бесшумно вылетел в окно.

Когда он приземлился на крышу над входом для прислуги, страж дал Марклу подзатыльник. Мальчик пошатнулся от удара. Кухонная дверь захлопнулась прямо перед его носом.

Маркл стучал в дверь и плакал в затемненные окна.

— Пожалуйста, маг Кори. Мне нужна ваша помощь.

В Квартале Магов воцарилась тишина, хотя острый слух Кори уловил тихий шорох человеческого движения в соседнем доме, за которым последовало более тонкое шуршание сочной мыши внизу. Он отметил, кто из его соседей мог быть свидетелем этого несвоевременного визита и что они могли слышать. Мальчик ходил внизу в темноте, ударяя кулаками по закрытым окнам. Когда никто не ответил, он с поражением отступил.

Кори расправил крылья и бросился в погоню.

Следуя извилистой тропе Маркла, маг летал от укрытия к укрытию, прячась под нависающими крышами и в неглубоких подоконниках. Маркл не вернулся в замок, а бродил по улицам, пока не образовался узор из грубых кругов, один уже другого. В конце концов, оруженосец остановился в кривом переулочке в одном из самых жалких районов города. Там он привалился к гниющей стене и так и остался, сжавшись в грязи, скрестив руки и свесив голову на колени.

Кори спустился с высоких крыш, приземлился рядом с Марклом и снова принял человеческий облик. Прежде чем мальчик понял, что происходит, Кори схватил его за горло и прижал к стене.

Он выждал мгновение, пока мальчик задыхался и корчился. Затем он сказал тихим,

ровным голосом:

— Я отпущу тебя, Маркл. Когда я это сделаю, ты не убежишь. И ты не будешь шуметь, даже чтобы отдышаться. Делай, как я говорю, или я сожгу кожу с твоего лица.

Маркл перестал сопротивляться и кивнул, его глаза расширились от ужаса.

— Зачем ты искал меня? — спросил Кори, отпуская его.

Мальчик закашлялся и пролепетал:

— Мариэль... Мариэль в беде.

— Что случилось?

— Они взяли ее и увезли в город. Они держали ее вечность. Там, — Маркл кивнул в сторону переулка.

— Кто?

— Старик и мальчик.

— Сколько они заплатили тебе за то, что ты отдал ее им?

— Заплатили мне? Мне не заплатили!

— Не держи меня за дурака.

— Клянусь богами! Я ничего не получил.

— Может, обещание? Человек, уничтоженный за измену, провинция, созревшая для захвата. Почему ты искал меня, а не лорда Бортена?

— Я не мог... — Маркл запнулся и отвернулся.

— Ты не мог встретиться с человеком, которого собираешься предать?

— Это волшебник заполучил ее, говорю вам! Бортен не ровня этому старику, но вы можете помочь. Я знаю, что вы можете. Вот почему я пришел к вам.

Кори сильно ударил Маркла по лицу.

— Это за твою ложь и за твои глупые амбиции.

— Они сказали, что не причинят ей вреда! — Маркл сплюнул кровь изо рта.

— Покажи, где она.

Здание, расположенное в глубине квартала для нищих, представляло собой груды почерневших бревен. Строение ненадежно нависало над фундаментом, восходящим к временам первых королей Вортингена, незыблемым каменным сердцем, которое, вероятно, видело взлеты и падения бесчисленных домов. Кори заметил красноватое свечение чар, защищавших подвал, грозных по своей магии, но ничего, что он не смог бы преодолеть.

— Что это за ловушка, Маркл?

— Это не ловушка. Она там, клянусь.

Кори обездвижил Маркла проклятием. Затем он связал мальчику руки и ноги, на всякий случай.

— Я давно должен был тебя устранить, Маркл!

— Устранить? Я никогда не делал ничего, чтобы...

— Ты опасен и глуп. Это все оправдание, которое мне было нужно. Но вот в чем печальная ирония: я пощадил тебя, потому что вполне мог представить ужас нашей Леди Королевы при одной мысли о прекращении твоего жалкого существования. Ты понимаешь, что это значит, Маркл? Ты жив сегодня благодаря той самой женщине, которую хочешь уничтожить.

— Эта ведьма произвела на свет бастарда, — возразил он. — Она хочет посадить его на трон.

Кори окунул тряпку в грязь у их ног и засунул мальчику в рот.

— Повтори эти слова, и тебя повесят.

Маркла повесят, несмотря ни на что, но пока не было смысла говорить об этом мальчику.

— Ты не уйдешь отсюда, пока я не вернусь, — сказал Кори.

Маркл кивнул, его глаза слезились от едкого запаха его кляпа.

Призвав образ Крысы, Кори пробежал сквозь грязь и тени к краю здания. Он нашел дыру в его хрупком корпусе и проскользнул внутрь.

Запахи гниения и разложения ударили ему в нос, но он уловил струйку аромата Мариэль, свежей травы и летних цветов, приглушенного ледяной пеленой мучений и ужаса. Маг следовал за ее сущностью через лабиринт бревен, пока не пришел к двери, от которой исходил нелепый запах свежей сосны. Полоса желтого света была у его основания.

Кори сделал паузу и привел себя в порядок. Приглушенные звуки страданий Мариэль навострили ему уши. Каждое мгновение, проведенное ею с этими мужчинами, приближало ее к пропасти, из которой нет возврата. Тем не менее, прерывание их могло означать поимку самого Кори — на такой риск он не мог пойти.

Дверь открылась без предупреждения и залила светом узкий коридор. Кори издал испуганный писк и понесся в тень, сердце колотилось в его маленькой пушистой груди.

Дверной проем заполнил силуэт мага, высокого, согнутого в позвоночнике, с длинным посохом в руке и капюшоном, скрывающим черты лица. Звук плача Мариэль лился на пол и клубился вокруг его ног, словно алый туман.

— Молодец, мой мальчик, — он говорил голосом старого и терпеливого человека, голосом, который Кори узнал с внезапным страхом.

Бэдон.

Аура волшебника сияла ярко, как всегда, сотканная из бронзовых нитей хитрости, гнева и убежденности. Кори изучал магию у Бэдона и слишком хорошо понимал силу этого человека. Прямая конфронтация была нецелесообразна, отчасти из-за того, что она привлекла бы внимание, но, что более важно, потому что Кори, скорее всего, проиграет.

— Развлекайся до моего возвращения, — сказал Бэдон, — но помни: никаких следов и синяков. Мы еще будем нуждаться в ней, прежде чем все это закончится.

Дверь в тюрьму Мариэль закрылась, снова погрузив все во тьму.

Бэдон ушел, тихонько шурша шерстяной мантией.

Кори оставался неподвижным, щелкая зубами и хвостом, поглядывая вслед Бэдону, а потом на дверь, которая отделяла его от Мариэль.

Чтобы понять намерения Бэдона, Кори должен был последовать за этим человеком. Но это означало бы бросить молодую магу.

«Проклятье».

Он подождал, пока сущность Бэдона исчезнет вдалеке, а затем снова принял свою человеческую форму, высвободив всю силу своей магии. Дверь треснула от удара. Осколки дерева ворвались в комнату, открыв молодого мага с глазами-бусинками на вялом лице, его мантии были задраны, обнажая перекатывающийся жир на бедрах.

Фэом думэ, — прогремел Кори.

Юного мага отшвырнуло к стене. Его череп треснул о древний камень. Его глаза закатились, и он безвольно рухнул на пол, кровавая дорожка отмечала его падение.

Встав на колени рядом с Мариэль, Кори снял путы, врезавшиеся в ее лодыжки и запястья. Мага рухнул вперед. Глаза Мариэль метались в орбитах, сражаясь с каким-то

кошмаром, сотворенным Бэдоном. Ее кожа горела, а одежда была влажной от пота.

— Мариэль, — сказал Кори. — Услышь меня.

Она плакала и била его в грудь.

— Мариэль, — Кори поймал ее кулаки и крепко сжал. — Я Кори из клана Восточной Селен, верховный маг и друг твоей Дуайен, Эолин. Я пришел, чтобы вывести тебя из тьмы. Услышь меня и увидишь меня сейчас.

По ее вискам струились ручейки пота. Ее глаза расширились, а затем на мгновение сфокусировались.

— Кори? — прошептала она.

Он сорвал с шеи глиняный амулет и разломил его, выпустив ей в лицо облако медного порошка.

— Дыши, Мариэль. Глубоко дыши.

Она кашляла и хрипела, отбрасывая голову от жгучей пыли. Поднявшись, Кори встал позади нее, крепко прижимая одну руку к ее лихорадочному лбу, а другую положив на пульсирующую грудь. Направив свой дух глубоко в землю, он сосредоточил все свои силы на том, чтобы вырвать проклятие с корнем.

Эхекату

Нэом дэне даум

Эренам реборнем эхекат

Бенобм энем

Мариэль пошатнулась, и ее обильно стошнило желчью. Лихорадка спала, и она неудержимо дрожала. Кори поспешно снял свой плащ и укутал ее.

— Мариэль, послушай.

— Оставь меня! — воскликнула она.

— Я собираюсь развязать твою магию.

— Нет, — она попыталась оттолкнуть его. — Оставь меня. Я недостойна.

— Достойнее многих.

Ее глаза остановились на нем, приглушенно-зеленые под ее агонией, как трава, окутанная ядовитым туманом.

— Ты не знаешь, что я сделала.

— Это не имеет значения. Тебе нужно вернуть свою силу, чтобы я вытащил тебя отсюда.

— Кори, пожалуйста. Я хочу умереть.

— Дыши, Мариэль. Просто дыши.

Она повиновалась. Кори ухватился за веревку, удерживавшую ее магию, и ослабил ее заклинанием тишины. Свет хлынул через ауру Мариэль, и она прильнула к нему, задыхаясь. Цвет вернулся к ее лицу и кончикам пальцев.

— Ты можешь изменить форму, Мариэль? — он опасался толкать ее слишком сильно и слишком быстро, но только боги знали, как долго Бэдон будет держаться подальше.

— Не знаю... Везде тени.

— Позволь мне преобразить тебя.

Она покачала головой.

— Тебя вернули в Город, — настаивал Кори. — Мы не можем рисковать тем, что кто-нибудь узнает тебя.

— Ни один животный дух не примет меня сейчас.

— Пусть боги рассудят это.

— Мага Эолин сказала, что никогда не следует изменять форму, когда...

— Я понимаю риски, — больше, чем Мариэль знала. — Все, что ты должна сделать, это получить мою магию и оставаться на связи со своим духом. Ты сделаешь это?

Она оглядела комнату, задержав взгляд на обмякшем теле мальчика.

— Где другой?

— Ждет моего гнева, — Кори поднял магу на ноги. — Ты доверяешь мне, Мариэль?

Она кивнула.

Он прижался губами к ее лбу.

Эхекату нэом хабей.

Мага рухнула в себя, приняв форму Кролика. Не смелого зайца северных равнин, а тихого существа из высокогорья Моэна, с пятнистой шерстью и безмятежными, но настороженными глазами.

Подхватив Мариэль под руку, Кори подобрал свой плащ, а также плащ павшего ученика и вышел из подвала. Он прокрался по темному коридору на улицу. Близился рассвет. Сознавая время, Кори нашел Маркла и развязал его. Мальчика стошнило, когда Кори поднял его на ноги.

— Что это? — спросил Маркл, когда Кори взял кролика на руки.

— Все, что осталось от Мариэль, благодаря тебе.

— Боги. Вы шутите, да?

Кори набросил плащ ученика на плечи Маркла. Он застегнул плащ и закрыл лицо мальчика широким капюшоном.

— Потребуется мощная магия, чтобы вернуть ее. Ты знаешь резиденцию Высшего Мага Эхиора?

— Придворный врач? Да, я знаю, где он живет.

— Отнеси ее туда непрямым путем. Войди через заднюю дверь, как ты пытался сделать со мной. Не говори им, что я послал тебя. Говори только с Эхиором и отдай Мариэль только ему.

— А вы?

— Я буду следить за тобой, Маркл. Если ты проигнорируешь мои инструкции или не доставишь магу в целостности и сохранности, я позабочусь о том, чтобы ты умер медленной и мучительной смертью.

— Я понимаю, маг Кори.

— Да? — Кори пронзил его взглядом.

Мальчик покраснел и отвернулся.

— Я еще не закончил с тобой, Маркл. Тебе еще предстоит искупить свои проступки.

Маркл кашлянул и кивнул.

— Тогда продолжай, — сказал Кори. — Я буду следовать.

Когда Маркл ушел, Кори повернулся к полуразрушенному дому.

— *Эхекат наэму,* — пробормотал он.

С оглушительным треском сломалась одна из гнилых колонн, в результате чего вся конструкция рассыпалась в облаке пыли.

Глава семнадцатая

Танец на ноже

Они провели большую часть дня, пытаясь найти Мариэль. Прошли долгие и ужасные часы, Кори боялся, что может потерять юную магу, как он потерял подругу Эолин, Адиану, во время вторжения сырнте. К его большому облегчению, Мариэль, наконец, вернулась в свою человеческую форму, целая, но без сознания. Когда Кори и Эхиор уложили ее на кровать, она забилась в конвульсиях под остатками проклятия. Эхиор послал за Жакеттой, которая вскоре появилась с каштановыми волосами, свободно перевязанными яркой лентой. Она вскрикнула и бросилась к сестре. Сжав руку Мариэль, Жакетта проверила пульс маги, ее дыхание, ее глаза.

— Я никогда не видела Мариэль такой бледной, — сказала Жакетта, — и она холодна как лед. Что случилось?

— Ахмад-мелан, — ответил Эхиор.

— Хуже, чем Ахмад-мелан, — сказал Кори. — Это начало одержимости, Жакетта. Опустошение души мага, извлечение всей магии с помощью проклятий и насилия, пока ее сила не будет поглощена атакующим магом.

— Мага Эолин говорила об этой практике, — сказала Жакетта. — Я подумала, что это

слишком ужасно, чтобы быть правдой.

Эхиор покачал головой.

— Эта практика должна была умереть вместе с Церемондом. Среди Сынов Карадока нет места такой злобе.

— Тут ты ошибаешься, старый друг, — сказал Кори. — История показала, что для любой злонамеренности, которую мы можем представить, есть место.

— Кто это сделал? — спросила Жакетта.

— Союзник Церемонда, — ответил Кори. — Волшебник великой силы. Он был известен нам как Бэдон.

— Бэдон? — голубые глаза Эхиора расширились от изумления. — Я думал, что этот старый ублюдок погиб в битве при Эрундене.

— Как и все мы, — Кори устало вздохнул. — Я послал двух магов тайно следовать за эскортом Мариэль, но я не ожидал, что они могут столкнуться с таким грозным врагом, как этот. Теперь они мертвы или прячутся под крылом Бэдона.

Жакетта укрыла Мариэль еще одним шерстяным одеялом и подоткнула края вокруг ее бессознательного тела.

— Может ли она исцелиться?

— Я поймал их на раннем этапе, — сказал Кори, — и они не торопились выполнять задание. Это сыграет ей на руку. Мариэль сильна, но исцеление после такого нападения требует терпения и умения. А пока мы должны убедиться, что они не найдут ее снова.

— Она может остаться здесь, — сказал Эхиор, — я наложу необходимые чары, чтобы скрыть ее. С твоей помощью, Кори, их можно сделать почти непроницаемыми. Жакетта будет с Мариэль день и ночь. Поскольку ей не разрешается покидать помещение, никто не будет спрашивать о ее отсутствии при дворе.

— Я рассчитывал на помощь Жакетты, — ответил Кори, — и на твою, Эхиор.

Старый маг кивнул.

— Жакетта, нам нужны большие запасы зимнего шалфея, розмарина, спор ржавой ромашки, белый альбанет и свечи из ежевики. И немедленно пошли за водой, свежей родниковой водой.

— Да, маг Эхиор, — мага поспешила подчиниться.

— И Жакетта, — голос Кори остановил ее у двери. — Будь осторожна.

— Конечно, маг Кори. Я понимаю, — Жакетта закрыла за собой дверь.

Кори обратил внимание на Маркла. Снова связанный по рукам и ногам, мальчик забился в угол.

— Что нам с тобой делать, Маркл? — Кори не потрудился скрыть угрозу в своем голосе. — Что может быть справедливым покаянием за преступления, которые ты совершил?

— Клянусь богами, они сказали, что не навредят ей! Я бы не привел ее к ним, если бы знал.

Зловещая магия зашевелилась в жилах Кори. Он приподнял Маркла за плечи и прижал ладонь к груди мальчика.

— Ты прекрасно знал, что они намеревались сделать, Маркл. Чего ты не ожидал, так это того, как ее страдания заставят тебя чувствовать себя.

С губ Кори сорвалось проклятие, которое он не произносил с первых лет своего ученичества у Церемонда. Обжигающий жар хлынул из руки мага в грудь Маркла. Глаза

мальчика расширились от ужаса и агонии. Он захрипел, задыхаясь, и начал биться в конвульсиях.

— Знаешь, что горит внутри тебя, Маркл? — пробормотал Кори с ледяным спокойствием. — Это твое сердце. Жаль, что ты обнаружил, что у тебя оно есть так поздно.

Эхиор подошел и положил руку на плечо Кори.

— Оставь его в покое, старый друг. Он просто мальчик и дурак.

— Больно, не так ли, Маркл? — сказал Кори. — Ты чувствуешь, как плоть закипает внутри. Но уверяю, это не так больно, как то, что они сделали с ней.

— Кори, — настаивал Эхиор. — Я не хочу начинать день с трупа в моем доме.

Маг выпустил оруженосца, который с хриплыми вздохами рухнул на пол. Запах паленой плоти пропитал комнату.

— Тебе не о чем беспокоиться, Эхиор. Сегодня не день смерти Маркла. Я бы хотел, чтобы ты оставил его здесь. Связанного, с кляпом во рту и вне поля зрения.

— Как скажешь, старый друг.

Кори вернулся к Мариэль и взял ее ледяную руку в свою.

— Я должен исчезнуть на время.

Эти слова отрезвили Кори. На протяжении многих лет он использовал почти все мыслимые стратегии, чтобы обеспечить собственное выживание. Однако до сих пор ему всегда удавалось избегать самой отчаянной меры: добровольного изгнания.

— Мага Эолин должна быть проинформирована о том, что произошло, — ответил Эхиор, — а также король. Если эти люди охотятся на мага...

— Бэдон и его союзники делают это не из жадности магии. Здесь вынашивается более амбициозный план, который может погубить Дом Вортинген. Если мои подозрения верны, моя жизнь вполне может висеть на волоске.

— И ты ценишь свою жизнь выше их?

Смелое оскорбление, особенно со стороны Эхиора.

— Я должен расшифровать эту паутину предательства, чтобы должным образом бороться с ней, — ответил Кори. — Я не могу этого сделать, если враги Мойсехена не поверят, что они все еще командуют.

Эхиор позволил своему взгляду остановиться на Мариэль.

— Я думаю, что они командуют.

— Не долго.

— Твоя уверенность предает тебя, Кори. Ты прожил свою жизнь, переходя от одного невозможного риска к другому. Когда-нибудь ты наткнешься на пропасть, которой позволили открыться, и погибнешь в ее глубинах. Ты и все остальные, кого ты умудряешься утащить за собой.

Кори цокнул языком.

— Я не знал, что ты такой пессимист. Будем надеяться, что ты ошибаешься, Эхиор. И если ты прав, будем надеяться, что сегодня не тот день, когда моему счастью суждено закончиться.

— Мы должны сказать королю.

— Я скажу королю, — нетерпеливо сказал Кори. — Но сначала я поговорю с Марклом, чтобы узнать, что он знает о Бэдоне и его союзниках. Можешь предоставить мне место, где я мог бы поговорить с мальчиком наедине?

Дородный маг кашлянул. Он огляделся, словно стены могли его слушать, несмотря на

множество воздвигнутых ими защит.

— Это грязное дело.

— Необходимое, Эхиор. Ничего, кроме необходимого.

Старый целитель заламывал руки.

— Очень хорошо, Кори. Я прослежу, чтобы коридоры были пусты, и помогу тебе затащить мальчика в подвал. Пусть будет тихо. И чисто.

Глава восемнадцатая

Ахмад-мелан

В дни после последней встречи Эолин с Советом она отказалась от всех приглашений Акмаэля. Она не обедала с ним, не присоединялась к нему на дневных прогулках по саду и не появлялась на западных валах на закате. Дневные визиты Акмаэля в Башню встречались с жесткой формальностью. Его королева всегда была почтительна и послушна, но не любящая. Ночью она его вообще не принимала.

Внезапное похолодание в их отношениях заметили и слуги, и охрана, и дворяне; действительно всем двором.

Акмаэль бесчисленное количество раз терпел физическое отсутствие Эолин на долгом и мучительном пути их любви, но никогда он не сталкивался с полным и болезненным разрывом всякой близости. Отсутствие привязанности Эолин преследовало его, как тени Потерянных Душ, грызло его сердце и истощало его магию. Он чувствовал себя рассеянным и усталым, постарел раньше времени.

«Это пройдет, — успокоил он себя, усаживаясь за длинный дубовый стол, возвышавшийся над залом Совета. — Как только Рёнфин будет побежден и последний заговор против трона будет прекращен, как только маги будут возвращены на свои места, я верну сердце Эолин».

Слуги поставили вино и зажгли свечи.

Заходящее солнце бросало в окна темно-красный свет. Ржание лошадей и крики мужчин доносились со двора внизу. За стенами города мерцали факелы над огромным лагерем, где под знаменами Мойсехена и Селен собрались наемники. На столе перед ним внимания короля ждала стопка посланий.

Акмаэль кивнул своему писцу. Молодой маг сел рядом и приготовил перо.

Внимание Акмаэля вернулось, пока он читал и отвечал на каждый отчет. Его мускулы напряглись, а пульс синхронизировался с сердцем горы — хищное осознание, которое часто приходило к нему накануне битвы. Он чувствовал, что внутри живет дух его предков, огромный каменный дракон, готовый вырваться из своего основания и поглотить всех врагов в дыму и огне.

Завтра они отправятся на запад, в Римсавен, чтобы соединиться с силами, которые лорд Бортен призвал из Моэна. Оттуда армия Акмаэля продолжит свой путь к Селкинсену в надежде встретить врага до того, как он осадит этот светлый город.

«Мы добьемся победы. Я обеспечу сыну трон, даже если это лишит меня жизни».

Акмаэль давно научился чтить свою смертность. На войне смерть могла прийти к любому, даже к королю. И все же перспектива не вернуться с поля боя никогда не тяготила его так, как теперь. Тень Преисподней зависла рядом, дразня края его зрения, насмехаясь над ним, как холодный нож в спине.

«Если бы только Эолин дала мне еще одну ночь до нашего отъезда».

Если бы только он мог быть уверен в ее любви.

Он продиктовал ответ каждому из своих капитанов, поздравляя их с их усилиями, давая дальнейшие инструкции и заверяя их, что подкрепление скоро будет под рукой.

Молодой писец, хотя и компетентный, оказался плохой заменой Эолин, Акмаэлю не хватало ее задумчивого взгляда и нежной мудрости, неизменной пронизательности ее совета, нежности ее руки на его руке.

Как могло так резко и неизгладимо ощущаться отсутствие одного человека?

Закончив с отчетами Селкинсена, Акмаэль перешел к следующему набору писем, менее громоздкому по размеру. Из стопки выпал листок сложенной бумаги с невзрачной печатью. Акмаэль попытался вернуть его на место, а затем остановился, его внимание привлекла знакомая магия, покалывающая пальцы, женская по своему характеру, хотя он не мог определить ее происхождение.

Озадаченный, Акмаэль сломал печать, выпустив странный металлический запах. Он развернул записку и узнал почерк ученицы Эолин, Мариэль, прошитый дрожащими нитями раскаяния.

— *Милорд Король,* — начала Мариэль. — *Я молю богов, чтобы это письмо дошло до вас, несмотря на то, что многие хотели бы увидеть его уничтоженным...*

Дрожь охватила руки Акмаэля.

Я пишу в спешке и раскаянии, зная, что я слишком долго хранила правду...

Страх стал призрачными пальцами вокруг его сердца, и инстинкт подсказывал ему, что ему следует прекратить читать. Но он этого не сделал.

...Так что с горестным сердцем я, Мариэль, Высшая Мага и Воительница Моэна, подтверждаю, что одиннадцать лет назад, в дни, предшествовавшие вторжению сырнте, я участвовала в древних обрядах, которые провела со мной моя наставница, Мага Эолин, которая велела мне и моей сестре Сирене, ныне покойной, привести к ней рыцаря нашей гвардии по имени Бортен, чтобы она могла использовать его для своих удовольствий...

Зрение Акмаэля дрогнуло. Его сердце остановилось.

...и там, под второй луной Бел-Этне, мы подготовили ночь Короля, как и положено, с вином, песнями и чувственными наслаждениями. Когда огонь его мужественности ярко вспыхнул, Мага Эолин пришла к нам и обняла его своей плотью, позволив Духу Леса поглотить их, пока она не воззвала к небесам: «Твой сын, мой лорд! Твой сын будет королем!».

Письмо смялось в кулаке.

— Мой Король?

Акмаэль поднял взгляд, пораженный, увидев, что писец все еще здесь. Брови молодого человека были нахмурены.

— Это плохие новости, мой Король?

Внезапно Акмаэль встал, дерево резко заскрежетало о камень, когда он оттолкнулся от стола.

— Оставьте меня.

Маг поспешил подчиниться. Слуги и стражи вскоре последовали за ним.

Беспокойный, как волк в клетке, Акмаэль в одиночестве расхаживал по комнате, и шаги эхом отдавались от пола. Он остановился перед очагом и поднес письмо к тлеющим углям.

Сожги это.

Одно горячее дыхание этого голодного пламени обратит признание Мариэль и все предосудительные обвинения в пепел.

Сожги сейчас.

Акмаэль выпустил записку.

Сквозняк подхватил лист бумаги. Он отлетел от огня и остановился у его ног.

Слова Мариэль глядели на него, выкрикивая свое безмолвное послание, в которое невозможно было поверить, и все же они питали единственное сомнение, которое уже поселилось в его сердце, как шип.

«Что, если она сказала правду?».

Бортен два года служил капитаном стражи Эолин в высокогорьях Моэна, в то время, когда Акмаэль был занят молодой и трудной женой Тэсарой и укреплением своего правления.

Какой мужчина не влюбился бы в Эолин?

И какая мага отказалась бы от мужчины?

Акмаэль заткнул уши, пытаясь заглушить голос своего мертвого наставника Церемонда, чьи предупреждения теснились в его памяти, как резкие крики вороны:

Они неспособны к верности, вне всякой дисциплины или контроля.

Огненные годы войны они навлекли на Мойсехен, настраивая наш народ друг против друга, проклиная нас разделением и кровопролитием, сжигая поля, опустошая города, оставляя за собой бездомных сирот, И с какой целью? Чтобы ваш отец не носил корону, назначенную ему богами!

— Мы со всем этим покончили, — резко сказал Акмаэль. — Мы поднялись над войнами прошлого и начали новое будущее. Эолин никогда бы...

Разве я не учил тебя, что их хитрости нет предела? — Церемонд материализовался рядом с Акмаэлем, его янтарные глаза светились под затемненным капюшоном, костлявая рука сжимала рябиновый посох. — *Разве я не говорил тебе, что они ползают, как бархатные змеи, под самыми нашими ногами? Какое у тебя глупое сердце! Это их последняя месть. Они выиграли свою войну с иллюзией любви. Они заканчивают твой род с принцем-бастардом.*

— Нет! — голос Акмаэля прервался на этом слове. — Она пришла ко мне по собственной воле, отдала свою магию без оговорок и сожалений.

Смех Церемонда был насмешливым и жестоким.

Мага не отказывается от магии. Она должна быть заключена в тюрьму, или ей должны выставить счет. Это так просто.

— Нет! — взревел Акмаэль.

Церемонд растаял.

— Это не так, как ты говоришь...

Стук в дверь вывел Акмаэля из размышлений.

— Входите, — сказал он.

Появился писец и оглядел комнату.

— Мой Король, я подумал... Вы звали, мой король?

— Да. Я хочу увидеть свою королеву. Пошли за слугами и посоветуй стражу, — Акмаэль достал письмо и сунул его под свой камзол. — Я хочу, чтобы все посыльные, прибывшие за последние три дня, были найдены и помещены под охрану.

— Как пожелаете, мой Король.

— Сообщи лорду Бортену, что... — Акмаэль нахмурился, вспомнив, что в тот же вечер он разрешил Бортену посетить королеву. Возможно ли, что даже сейчас они были...?

«Перестань, дурак! Ты знаешь сердце Эолин с тех пор, как она была девочкой, то, чем она пожертвовала, чтобы быть рядом с тобой, Не позволяй этому письму ослепить тебя, В

нем нет ничего, кроме лжи».

— Немедленно пошли за Верховным магом Телином и Кори из Восточной Селен.

Писец поклонился и удалился.

Ночь сжимала замок своей тяжелой хваткой, когда Акмаэль покинул королевские покои, окруженный личной охраной. Часть его была рада необходимости этого визита, несмотря на его мрачную цель. Он тосковал по освежающему присутствию Эолин, по тому, как ее дух всегда сдерживал тьму.

«Будут прокляты те, кто усилил расстояние между нами!».

Гнев вспыхнул от бесконечных и злонамеренных интриг его двора. Во имя любви к богам, была война! К чему это предательство женщины, которую он любил? И почему сейчас?

Письмо горело на груди Акмаэля, шипя и отплевываясь, как факелы, расставленные по коридорам. Едкий укус атаковал его чувства. Акмаэль хрипел и кашлял, останавливаясь, чтобы восстановить равновесие.

В этот момент он понял, что происходит: металлический аромат, иррациональные мысли, лихорадка, поднимающаяся в его венах.

Ахмад-Мелан.

Ужас охватил Акмаэля. Коридор удлинился и сузился; стены сомкнулись с сокрушительной силой.

Эхекату, фэом. Эхекату, нэму.

Но его призыв пришел слишком поздно. Чары не удались. Вкус металла и крови взорвался на его языке. Земля разверзлась под его ногами. Акмаэль боролся с удушающим спуском, но беспомощно падал в бездну. Крики его людей покатались за ним, а затем затихли до неузнаваемости.

Он приземлился в пустоте, месте настолько черном, что он не мог видеть свою руку перед своим лицом.

Шепот Церемонда вернулся в его ухо:

Они змеи, обманщицы и шлюхи. Если не можешь поверить словам, что в твоих руках, тогда поверь тому, что я покажу тебе сейчас.

В лицо Акмаэлю ударил ветерок, запах мха и суглинка переплетался с ароматом желаний. Он встал, как во сне. Вокруг него проявился тихий лес. Его ноги бесшумно ступали по мокрой траве. Его пальцы прошлись по грубой прохладной коре. Когда он обогнул большое дерево, в поле зрения появились Эолин и ее возлюбленный.

Кожа Эолин сияла в чистом и слабом свете луны. Темные волосы каскадом падали на обнаженные плечи и грудь. Ее голова была запрокинута, она оседлала рыцаря, который служил ей.

Агония пронзила Акмаэля. Он вскрикнул, но Эолин не обратила внимания, поглощенная экстазом. Каждый стон удовольствия прорезал неровный путь в душе Акмаэля. Он пытался отвести взгляд, но какая-то невидимая сила парализовала его, заставляя наблюдать за каждым голодным толчком, пока дикие стоны Бортена не наполнили залитую лунным светом рощу, а Эолин не захохотала от торжества.

Твой сын, мой лорд! — воскликнула она. — *Твой сын будет королем.*

Лес померк.

Вокруг него проявилась крепость Вортинген.

Акмаэль оказался на полу, трясась от ярости. Горькое видение поселилось в его животе,

приняв твердую форму правды.

Он был там, не так ли?

Он все это видел.

Стражники наклонились, чтобы помочь своему королю, но он в гневе оттолкнул их. С трудом встав на ноги, Акмаэль нашел равновесие и поправил плащ. Затем он продолжил путь к покоям своей заблудшей королевы, его походка набирала силу, чтобы соответствовать убийственной лихорадке в его сердце.

Глава девятнадцатая

Гнев

Вечерний визит лорда Бортена принес долгожданную передышку от мрака Восточной Башни. На краткие мгновения Восточная башня, казалось, исчезла, и они снова сидели, глядя на высокогорье Моэна, его продуваемые ветром холмы и древние леса, его темная земля и ароматные посевы будто окружили их. Эолин наслаждалась простыми темами их разговора: изменением погоды, обещанием обильного урожая, недавним рождением четвертого сына Бортена.

— Я так рада за тебя и Винелию! — воскликнула Эолин. — И я бы хотела, чтобы мы были там, чтобы поприветствовать ребенка! Если бы король не позвал меня домой, я бы осталась и помогла с родами. В самом деле, Винелия любезно разрешила тебе сопровождать меня, когда сама вот-вот должна была родить.

Бортен криво улыбнулся.

— Если бы это зависело от Винелии, она бы оставила мне рождение ребенка и сама сопровождала тебя. Она не хотела, чтобы ты была одна.

Заявление согрело сердце Эолин. Дочь лорда Херенсена, Винелия была первой фрейлиной Эолин. Она неустанно работала над тем, чтобы научить Эолин традициям и

сложностям двора, за эту услугу Эолин навсегда осталась перед ней в долгу. К тому времени, как Херенсен предложил руку молодой женщины Бортену, они стали хорошими друзьями, о таком браке скромный рыцарь и не помышлял. Тем не менее, Херенсен увидел в новом патриархе Моэна восходящую звезду и быстро скрепил союз, который мог оказаться полезным для его собственной семьи.

— Патриарх Селкинсена всегда был таким умным.

— Ты даешь мне победить! — упрек Брианы прервал мысли Эолин.

Принцесса атаковала своего брата деревянным мечом, недавно подаренным ей Акмаэлем.

— Ты не должен этого делать, Эоган, — возмутилась Бриана. — Я не смогу узнать что-нибудь о фехтовании, если ты даешь мне победить.

— Тебе не нужно учиться фехтованию, — в тоне Эогана отразилось легкое раздражение. — Принцессы не обязаны идти в бой.

— Мама пошла в бой, и я буду такой же мага-воительницей, как и она, — Бриана украсила свое заявление энергичными взмахами в воздухе. — Я собираюсь победить наших врагов одним ударом, как это сделала она в битве при Римсавене. Я буду защищать Мойсехен до самой смерти.

Эоган сел и сдул с лица выбившуюся прядь волос.

— Тебя здесь не будет, чтобы защищать Мойсехен. Отец найдет принца, достойного твоего положения, и отправит тебя за него замуж. Ты можешь защищать это королевство, как свое, рядом со своим мужем. Но в основном ты будешь рожать его детей. Это займет твое время и достаточно хорошо займет твою магию.

Брианы нахмурилась.

— Это не правда. Отец ни за что не пошлет меня в другое королевство, мама, скажи ему, что это неправда.

Улыбка Эолин исчезла.

Она всем сердцем хотела оставить Бриану в Мойсехене, но Акмаэль уже обдумывал союзы, которые он мог бы заключить. Его внимание привлекли несколько южных королевств. Упоминалась даже возможность появления поклонника из Сырнте. Эолин горячо возражала против этого. Она не потерпела бы, чтобы ее дочь отправили туда, где правят такие люди, как принц Мехнес. В конце концов, Акмаэль уступил ее доводам, но по общему вопросу союза Брианы с королевским домом другого царства его не удавалось переубедить.

Плечи Брианы опустились от молчания матери. Она бросила свой деревянный меч и побежала к Эолин, найдя убежище в ее объятиях.

— Ты должна сказать папе, чтобы он меня не отсылал.

Эолин крепко держала дочь.

— Не все в моих руках, Бриана.

— Он послушает тебя. Я знаю, что он это сделает.

Эолин моргнула от укола неуместной веры Брианы. Что она сделала, приговорив собственную дочь на такое существование? Бриане суждено было стать настоящей магой, свободной следовать по пути своего сердца.

— Ты будешь магой и воительницей, — сказала Эолин с большей уверенностью, чем чувствовала. — Если это то, чего ты хочешь, и если это угодно богам. Что касается того, куда приведет твой путь женщины и принцессы, то это еще рано видеть.

— Мой путь не может привести в другое королевство! — Бриана заплакала. — Мое место здесь, с тобой, Эоганом и отцом.

— На долгие годы вперед, — Эолин поцеловала Бриану в лоб. — Дадут Боги, и эти годы продлятся до целой жизни.

Вечерние тени к этому времени сгустились, и, поняв который час, она сказала своим детям, что пора спать.

После того, как Эоган и Бриана неохотно ушли, разговор с Бортенем зашел о грядущей войне. Его отчет о призванных новобранцах ясно показал, что Акмаэль собирал армию, еще более могущественную, чем та, что встретила вторжение Сырнте.

В его голосе звучала гордость, когда он описывал размеры своих войск из Моэна. Всего за десять лет этот человек превратил обнищавшую провинцию в силу, с которой нужно считаться. Эолин была рада за Бортена и за счастье, которое он обрел. Она была рада и за своего мужа, что этот способный воин будет рядом с ним, когда он встретит Рёнфин в бою.

Свечи догорали, когда, наконец, Бортен встал, чтобы проститься.

— С вашего позволения, моя Королева, — сказал он. — Король приказывает, чтобы мы выступили на рассвете, и многое еще предстоит сделать.

— Ты так скоро покинешь мою компанию? — слова вырвались прежде, чем Эолин успела их обдумать.

Она отвела взгляд, румянец выступил на щеках. Их разговор отвлекал ее от боли отсутствия Акмаэля. После того, как Бортен уйдет, останется только молчание ее ноющего сердца.

«Что, если Акмаэль не придет сегодня вечером? Что, если он не вернется с этой войны? Что, если мы потеряем эту последнюю возможность поделить своей любовью?».

— Я уверен, что скоро прибудет король, чтобы составить компанию гораздо более достойную, чем моя, — тихо сказал Бортен.

— Конечно, — она встала, взволнованная его тоном. — Тогда прощаемся. Не пройдет и дня, чтобы я не взывала к богам, прося их сохранить всех вас в безопасности и даровать нашему народу победу.

— Спасибо, моя Королева, — Бортен поклонился и коснулся пальцами своего лба.

Когда он повернулся, чтобы уйти, волосы на затылке Эолин зашевелились. У нее было мимолетное предчувствие опасности, как у оленя, почуявшего запах волков.

— Лорд Бортен.

Он остановился и посмотрел на нее, его взгляд был ожидающим.

Она колебалась, не зная, что хотела сказать.

Затем двери комнаты с грохотом распахнулись, и ворвался Король-Маг с пылающим от ярости лицом. Взгляд Акмаэля метался от Эолин к Бортену и обратно. Громовым проклятием он отправил Бортена в каменную стену.

Леди Талия закричала.

Эолин бросилась вперед и схватила Акмаэля за руку.

— Моя любовь! — воскликнула она. — Что случилось?

Акмаэль ударил Эолин тыльной стороной руки, отчего она отлетела на пол.

Она лежала, ошеломленная, цепляясь за каменный пол, не в силах понять, что только что произошло. В ушах звенело. Ее лицо пульсировало от боли. Когда ее голова прояснилась, она услышала звук ударов кулаков по плоти. Когда, наконец, комната снова стала ясной, Бортен безвольно лежал у ног Акмаэля. Он не поднял руку на короля, даже чтобы защитить

СВОЮ ЖИЗНЬ.

— Акмаэль, остановись! — взмолилась Эолин. — Ты убьешь его.

Король-Маг застыл, повернувшись к ней широкой спиной, сжав кулаки в крови.

— Это разобьет тебе сердце, Эолин? — спросил он.

Ледяной страх пробежал по спине Эолин.

Это не голос мужчины, которого я люблю.

Он издал сухой, горький смешок.

— Нет, я полагаю, что не разобьет. В конце концов, сердце маги нельзя разбить.

— Акмаэль...

Он снова пнул Бортена. Эолин вздрогнула от тошнотворного хруста костей.

— Уберите этого предателя с глаз моих! — кричал он страже, замершей в дверях. — Я не хочу его больше видеть, пока он не будет на виселице.

Люди оттащили бессознательное тело Бортена, на их лицах было явное замешательство.

Акмаэль подошел к Эолин, крепко схватил ее за руку и поднял на ноги.

— Ты любишь его? — взревел он.

Охваченная ужасом, Эолин безмолвно смотрела на своего мужа, двигая ладонями, пытаясь ослабить его хватку.

— Ты любишь его? — повторил он, чеканя каждый слог холодно и преднамеренно.

— Мама? — между ними прорезался испуганный всхлип Брианы.

Девочка стояла в дверях детской спальни. Она прижалась к своему брату, который настороженно наблюдал за королем с маленьким мечом в руке.

— Что происходит, мама? — спросила Бриана.

Что-то дрогнуло за выражением лица Акмаэля. Он отпустил Эолин и принялся ходить по комнате, как бешеный волк, попавший в яму.

Магия Эолин объединилась вокруг присутствия ее детей. Она расправила плечи и разгладила платье, вытерла кровь с губ. Прикрепив свой дух к ядру горы, она безмолвно возвала к Дракону о защите и силе.

— Эоган, — сказала она, пытаясь успокоить свой голос, — возьми свою сестру и возвращайся в свою комнату. Не возвращайтесь, пока вас не позовут.

— Но мама...

— Делайте, как я говорю.

Эоган бросил подозрительный взгляд на отца, крепче сжимая меч.

— Эоган, пожалуйста, — настаивала Эолин. — Все будет хорошо. Оставьте нас сейчас. Я должна поговорить с вашим отцом. Наедине.

Темные брови Эогана сдвинулись, но мальчик отступил и увел с собой Бриану.

— Ты должна поговорить с его отцом, — пренебрежительно передразнил ее Акмаэль. — Скажи мне, кто его отец, Эолин, я хочу услышать это из твоих уст.

Ярость бурлила в ауре Акмаэля. Его глаза были расширены, один из них дергался. Эолин видела это проклятие когда-то давно, в лице своего брата Эрнана, за несколько мгновений до того, как он попытался ее убить.

Проклятие Ахмад-мелана.

Любовь моя, кто это сделал с тобой?

— Ты хоть знаешь отца? — Акмаэль усмехнулся. — Говорят, мага теряет счет своим любовникам.

— Акмаэль, — сказала она, — Я Эолин, Верховная Мага и Королева Мойсехена. Я

любила тебя с тех пор, как была девочкой, и служила тебе как твоя верная королева последние десять...

— Нет.

— Я здесь, чтобы вернуть тебя из тьмы.

— Замолкни!

— Посмотри на меня. Сейчас.

— Не будет больше твоих ведьминских заклинаний! — он схватил Эолин за горло.

Ужас снова нахлынул, разбрасывая ее магию, как семена.

— Увидь меня, Акмаэль, — умоляла она, едва дыша. — Ради любви к нашим богам, по воле Дракона, увидь меня той, кто я есть.

— Я вижу тебя, — прорычал он. — Ты больше меня не обманешь. *Бенаум укат!*

Проклятие Акмаэля пронзило дух Эолин диким вихрем, лишившим ее дыхания и сознания. Отлетев от Акмаэля, она покатила сквозь тьму и ударила о каменный пол у его ног.

Ее кожа дрожала от ледяного пота. Она ловила ртом воздух и хваталась за пространство перед собой. Ее конечности онемели и ослабели, а тело стало тяжелым, как труп. Ее зрение прояснилось, но даже при этом она была ослеплена. Все цвета были высосаны из мира, его магическая аура замолчала, его нити силы были отрезаны от ее досягаемости,

«Моя магия! — поняла она в отчаянии. — Он связал мою магию».

Она услышала душераздирающий вой волка, разлученного со своей половинкой.

— Эолин! — Акмаэль взывал к небесам, будто она была потеряна для него. Мертва. — Эолин...

Его боль и отчаяние сплелись вокруг ее собственных, превратившись в чудовищную тень, поглотившую их обоих.

Свечи лопнули и погасли.

Тишина заполнила комнату, тяжелая и зловещая.

Эолин замерла на полу, не решаясь пошевелиться из страха, что Акмаэль может лишить ее жизни и магии. Он стоял над ней, поглощенный Ахмад-меланом, проводя пальцами по влажным волосам, оглядывая комнату, словно пытаясь вспомнить, что именно он искал.

Затем его взгляд остановился на Талии и Раэлле, и его мускулы напряглись, как у хищника, жаждущего новой добычи.

Талия испуганно всхлипнула и боком направилась к двери.

— Моя Королева, — сказала она. — Прости меня, умоляю.

— Нечего прощать, — сказала Эолин. — Идите обе. Найдите Верховного Мага Телина Кори или Эхиора. Любого из них. Скажите им, чтобы пришли сюда немедленно.

Талия выбежала из комнаты, но Раэлла не обратила внимания на свою Королеву, решив вместо этого встретить смертоносный подход Короля. Она качнула бедрами и позволила ему прислонить ее к стене.

— Как тебя зовут? — Акмаэль прижался ближе и потрогал прядь ее каштановых волос.

— Раэлла, мой Король. Дом Лангерхаансов.

Он провел рукой по ее горлу, опустив ладонь на изгиб ее груди.

— Ты такая же шлюха, как твоя Королева, Раэлла?

— Нет, мой Король, — сказала она. — Я добродетельная женщина из знатной семьи.

Акмаэль расстегнул лиф Раэллы. Она не сопротивлялась, но прикоснулась к его губе, вызывая его голод.

Слезы затуманили зрение Эолин.

— Нет, Акмаэль, — прошептала она. — Умоляю тебя, только не это.

Акмаэль сделал паузу, и его лицо омрачилось.

Он напрягся и закрыл глаза, затем снова открыл их.

Взяв лицо Раэллы в свои руки, он сказал:

— Чувство, которое связывает наши сердца, — это дар. Отрицать это было бы оскорблением богов.

Эолин резко вдохнула. Проклятие перенесло Акмаэля в другое место, в другое время, которое он теперь переживал заново. Давняя ночь, с ней и только с ней, в древних лесах Восточной Селены.

Всхлип вырвался из его горла.

— Вернись со мной!

Он зарылся лицом в каштановые локоны Раэллы, плечи тряслись от его горя.

— Как твоя пленница? — пробормотала Эолин.

— Как моя королева.

Затем Король-Маг прислонил фрейлину Эолин к стене.

Раэлла обернулась вокруг него, не сводя надменного взгляда с королевы, пока Акмаэль брал ее с нарастающей силой.

Эолин отвернулась, не в силах признать безжалостную правду своего собственного пророчества.

«Разве ты не видишь, Акмаэль? Это одно и то же».

Пустошь боли охватила ее, как если бы Акмаэль обнажил свой меч и разрезал ее сердце, сердце, которое она доверила ему сохранить или уничтожить по своему усмотрению.

Она не могла смотреть на них, но не могла и не слышать их дикое совокупление. Наконец, они закончили, Король высвободился внутри Раэллы с диким стоном. Шелковые юбки зашуршали, когда он опустил ее на землю.

— Вернись со мной, — снова сказал он хриплым голосом.

Раэлла улыбнулась и поцеловала руку Короля. Затем она увела его, лицо сияло торжеством, смех лился из ее рта.

Позади них захлопнулись тяжелые двери Восточной Башни, шипение множества чар лишило ее всякой надежды на побег.

Глава двадцатая

В ловушке

Эолин узнала это место вечной ночи, где воздух застыл, и смерть проникла в душу. Она вспомнила его соблазнительный покой, как его плащ тьмы окутывал обещанием забвения. Сожаление вытекало из ее души, как высвобожденная река, растекаясь змеиными щупальцами по бесплодному ландшафту, разжигая ненасытную жажду Потерянных Душ.

За сумрачным горизонтом зашевелился более глубокий голод, злобная потребность, рожденная в воздухе с ясным торжествующим воем.

Наэтерские Демоны.

Они шли.

— Мама! — голос Брианы эхом разнесся в темноте.

Эолин слышала чей-то плач, женщину, сокрушенную горем и потерей. Рыдания растрогали ее, но она отказалась приблизиться или окликнуть. Она не хотела ни частички этого мира, ни вкуса его ужасных истин.

— Мама, — маленькая рука обвила шею Эолин. Мягкие пальцы неловко коснулись мокрых щек. — Мама, не плачь.

Эолин громко застонала, выброшенная в бодрствующий мир прикосновением дочери. Боль пронзила ее тело и вызвала судороги в конечностях.

Эоган поймал дрожащие руки матери и положил их на теплую чашку, крепко удерживая ее в своей хватке.

— Выпей это, матушка.

Он поднес к ее губам чашку с простым напитком из мяты и ромашки, наполненным целительной силой детской любви.

Эолин позволила эликсиру согреть горло и почувствовала, что зрение прояснилось, когда чай осел в желудке. Она закашлялась и снова выпила. Бриана крепко вцепилась в нее, уткнувшись головой в плечо Эолин. Эоган стоял рядом со сжатыми кулаками, его челюсти двигались от размышлений.

— Почему он так сказал? — спросил Эоган. — Зачем ему спрашивать, кто мой отец? Разве он не знает? Разве он не знает, что я его сын?

Эолин решительно остановила собственные слезы. Она встала на колени и крепко положила руки на плечи Эогана.

— Послушай меня, Эоган, принц Вортингена, — ее голос был резким, взгляд был непреклонен. — Ты — истинный наследник Акмаэля, сына Кедехена, в жилах которого течет кровь тысячи королей. Ты несешь священное семя Вортингена, доставленное в мое

чрево женщиной, которого я люблю, в назначенную богами ночь. Ничто из того, что произошло здесь сегодня, никакая ложь в проклятиях, наложенных нашими врагами, никогда не сможет этого изменить. Помни об этом. Помни об этом всегда. Никогда не сомневайся в том, кто ты и откуда пришел.

— Но отец сомневается, — сказала Бриана.

— Отец заколдован, — резко сказала Эолин. — Сильное проклятие лишает его возможности видеть мир таким, какой он есть.

— Кто мог сделать такое? — спросил Эоган. — Он Король-Маг! Никто не должен иметь над ним такой власти.

— Не знаю, Эоган. Но я намерена это выяснить.

Эолин оглядела их тюрьму. Боль в мышцах была невыносимой. Усталость и горе брали свое. Она чувствовала себя слишком утомленной, чтобы здраво мыслить, но ее дети нуждались в ней, и она не могла их подвести.

— Нам нужно покинуть это место, — сказала она.

— Как? — спросила Бриана.

Эолин встала и, спотыкаясь, побрела к двери. Она ударила кулаками по резному дубу.

— Тибальд! — воскликнула она. — Кто-нибудь из охранников, послушайте меня! Я должна немедленно поговорить с Высшими Магами.

Никто не ответил.

— Он сказал им, что к твоим приказам не следует прислушиваться, — мрачно сказал Эоган.

Эолин опустилась на пол, отчаяние снова захлестнуло ее грудь.

— Нам нужен союзник, — пробормотала она. — Кто-то, кто сможет вытащить вас обоих из этой крепости и доставить в безопасное место как можно скорее.

— Дядя Кори поможет, — сказала Бриана.

— Возможно, — если только маг как-то не стоял за этим или не собирался извлечь из этого выгоду. — Я просто надеюсь, что Талия сможет найти кого-нибудь и привести сюда. Чем дольше мы ждем, тем более опасным становится наше положение.

— Даже если мы найдем выход из башни, — сказал Эоган. — Куда мы пойдем?

— Я не знаю. Возможно, глубоко в Моэн. Мимо Южного леса. Высоко в Параменские горы.

— Мы увидим горцев? — тон Брианы немного прояснился.

— Хелия когда-то была моей подругой. Возможно, сейчас она предоставит вам убежище.

— Даст нам убежище? — голос Эогана задрожал. — А ты, мама? Ты тоже должна пойти.

— Я не могу бросить вашего отца. Я должна освободить его от этого проклятия и помочь найти людей, которые это сделали.

— А если он попытается убить тебя?

Эолин перехватила взгляд сына. В его глазах тлели страх и гнев.

«Какая судьба постигла нас, что мой сын был вынужден спрашивать такое о собственном отце?».

— Этого не будет, — она говорила с большей уверенностью, чем чувствовала. — Кто-то скоро будет здесь, чтобы разрушить проклятие и исправить все, что пошло не так в эту ночь. А пока мы должны отдохнуть и восстановить силы. Я хочу, чтобы вы оба были в моей

комнате со мной.

Эолин встала. Вместе они отступили в спальню, где она заперла дверь. Эоган тщательно спрятал свой меч под подушкой. Эолин положила Кел'Бару рядом с собой. Галийский клинок издал низкий и нежный гул, не соответствующий текущему моменту, но, тем не менее, успокаивающий.

Бриана свернулась клубком в объятиях Эолин. Слезы текли по щекам девочки. Эолин гладила волосы дочери и тихо пела бессловесную мелодию, которая переплеталась с более глубоким резонансом Кел'Бару.

Медленно рыдания Брианы стихли. Наконец ее дыхание вошло в такт колыбельной, и девочка предалась беспокойному сну. Только тогда Эолин прошептала:

— Сколько Бриана видела?

Эоган лежал, уставившись в потолок, сложив руки за головой.

— Я держал ее подальше, как ты и просила, — сказал он. Затем через мгновение он добавил. — Дело не в том, что мы видели. Дело в том, что мы слышали.

Буря эмоций исказила ауру Эогана, хотя ему удалось скрыть все под каменным лицом, унаследованным от отца.

— Какое проклятие они наложили? — спросил он.

— Ахмад-мелан, — Эолин изо всех сил старалась, чтобы ее голос звучал ровно.

«Я должна показать Эогану силу и спокойствие. Что бы ни случилось, я должен воспеть веру».

— Это проклятие военного времени. Ты научишься этому, как только получишь посох Высшей Магии.

— Нет ни контрзаклинания, ни чар, которые могли защитить от него?

— Защиты есть, но обычно они вызываются только во время боя, когда ожидается такая атака.

— И однажды наложенное проклятие не может быть снято?

— Твой отец попал в ловушку страшной магии. Мои силы... — Эолин подавила вскрик, чувствуя себя так, словно осколки стекла застряли у нее в груди. — Прости меня, Эоган. Я слишком быстро поддаюсь своему страху. Я не мог найти способ вызвать его.

Эоган посмотрел на нее с обеспокоенным выражением лица.

— Если ты не смогла вернуть его, то никто не сможет.

— Это не правда. Телин, или Кори, или кто-то из других Высших Магов могли бы сделать то, чего не смогла я.

— Если ты права, если они смогут разрушить проклятие, отец поймет, что произошло, и примет меры, прежде чем на нас снова нападут, — в голос Эогана закралась надежда.

Рука Эолин скользнула к ее глазам, пока она пыталась привести мысли в порядок.

«Даже если проклятие будет снято, что останется от нас?».

Жестокая атака Акмаэля не могла быть отменена. Насилие, совершенное над ней на глазах у детей, будет преследовать Эолин до конца ее жизни.

— Мама? — сказал Эоган. — Когда проклятие будет снято, отец вспомнит, что произошло, и все исправит?

Эолин посмотрела на сына, понимая, что ему нужно утешение. Она протянула руку и погладила его каштановые волосы.

— Боги Дракона укажут нам путь вперед, Эоган. А пока ты должен отдохнуть. Я разбужу тебя, когда помощь придет.

Она подозревала, что он не заснет, но Эоган повернулся на бок и закрыл глаза.

Эолин поправила подушки за спиной. В комнате воцарилось настороженное спокойствие. Она молилась, чтобы он не сломался, пока не подоспеет помощь.

Кто-то.

Кто угодно.

Схватив рукоять Кел'Бару, Эолин не сводила глаз с дверного проема, прислушиваясь к приглушенным звукам крепости за ним.

Глава двадцать первая

Демоны выпущены

Волк шагает по полуночному лесу, низко опустив голову, он нюхает суглинки и листья, Ароматы наполняют его нос: сладкие травы и плодородная земля, едкая моча и дымная кора, гниющая древесина и прорастающие семена — все окутанные облаком ароматной сосны.

Он останавливается от запаха теплой плоти оленя, его мускулы напрягаются. Его уши вслушиваются в шепот листьев наверху и царапанье кротов под землей.

Лань прошла через это место не так давно. За ней следовал олененок, может, два.

Волк ускоряет шаг. Лунный свет скользит сквозь высокие ветви, отбрасывая осколки бледного света. Корявые корни мешают его продвижению, но он знает этот лес, он уверенно передвигается по пересеченной местности.

Их запах усиливается, распространяясь по листве широкой полосой мускусного меха и свежего помета, иногда с оттенком теплого молока.

Рот Волка наполняется слюной в предвкушении того, что на его язык ляжет кровь. Он

замедляется и останавливается, прислушивается к движению, дыханию, шевелению ночью. Лань и ее детеныши близко, очень близко. Все, что ему нужно, это один всхлип, один неуверенный стук копыт, чтобы показать их местонахождение.

Шум поблизости пугает его. Он приседает, настороже, низко поджав хвост.

Лай и рычание эхом разносятся по лесу, щелканье челюстей, когти вонзаются в плоть.

Прямо по курсу Лань бросается в движение, преодолевая большой куст и спасаясь от беспорядков. Ее детеныши быстро следуют за ней по пятам.

Охота проиграна, но любопытство тянет Волка в другую сторону, на звуки борьбы. Он ожидает найти двух себе подобных, борющихся под полуночной луной, но когда он прибывает на поляну, их волчьи формы полностью исчезают. Мужчина и женщина спорят резкими тонами и гневными жестами, будто от этого момента зависит судьба мира.

Волк не может оторвать глаз от мужчины. Он узнает сжатые челюсти, жар этого взгляда, темные локоны, обрамляющие молодое и серьезное лицо.

Акмаэль.

Имя растет, рычание вырывается из горла.

Они едины, этот Акмаэль и он. Сердце Волка тянется к его человеческому облику, Он смотрит на женщину глазами мужчины. Он знает, что будущее волшебства живет в его сердце, что она несет в себе его собственное спасение. Тут приз, который никто из Вортингена еще не осваивал: Любовь.

Маг должен научиться любить. Она может показать ему, как.

— Ты позволил превратить твои способности во зло, — говорит женщина. — Дракон не дал нам эти силы, чтобы вызывать страх или использовать в своих интересах тех, кто слабее нас.

— Возможно, так оно и есть, — отвечает Акмаэль, — но твой вопрос о третьей ночи Бел-Этне... Он возник не из-за беспокойства о правильном применении магии, не так ли?

Женщина колеблется. Ее щеки вспыхивают жаром:

— В сердце мага нет места ревности.

Он заключает ее в объятия и опускает губы на ее губы.

Волк чувствует женщину как свою, аромат кости и дерева, шелковистую ласку ее волос, нежные очертания лица и горла. Их волшебство переплетается, лес и камень, жизнь и смерть, вечность, заключенная в одном мгновении трепетной надежды. Его дыхание обжигает ее кожу. Запах ее крови, бегущей по жилам, опьяняет его чувства. Она зажгла незнакомый огонь, глубокую и болезненную потребность в страхах, которые никогда не будут удовлетворены. Он опускается на колени и покрывает ее ладони поцелуями.

— Вернись в Город со мной, — он не скрывает отчаяния в голосе, страха, что его дух погрузится в крошечную тьму, если она откажется. — Вернись со мной, Эолин.

Печаль затемняет ее ауру:

— Как твоя пленница?

— Как моя королева.

Мага осторожно вырывает руки из его хватки и отступает.

— Разве ты не видишь, Акмаэль? Это одно и то же.

Уходя в полуночный лес, она становится единым целым с тенями. Остается только ее голос, обвивающий нитями с осколками его разбитое сердце.

* * *

Акмаэль слетел с кровати и пошатнулся в темноте. Судороги сотрясли его тело. Боль

пронзила его череп. Как только он добрался до чаши воды, из него вырвалась рвота, обжигающая язык и оставляющая першение в горле.

Привалившись к столу, он вытер слюну с губ. На его коже выступил пот.

— Эолин.

Он цеплялся за ее имя, полоску света среди теней. Скорбь змеилась вокруг его сердца. Каждая мышца была скована от страха.

— Мой король?

Акмаэль вздрогнул от голоса, странного по звучанию. Нахального. Торжествующего.

Он уставился на свои руки, пытался их видеть. Ладони были созданы для войны, для смерти.

Сегодня вечером он что-то разрушил. Что-то, что нельзя заменить.

Кошмары плясали перед глазами. Ярость и насилие, brutальное высвобождение. Погоня по залитому лунным светом лесу, Эолин в его руках, вкус меха на его языке, плоть под его клыками. Что случилось?

Время вырвалось из его рук.

Все только начиналось.

Или все только что подошло к концу?

— Мой король, — в голосе женщины прозвучало нетерпение.

Акмаэль не мог видеть ее лица, но слышал, как она потянулась, как сытая кошка.

— Вы не вернетесь в постель?

Его возлюбленная Эолин не вернулась в Город. Она осталась со своим братом, чтобы вести войну против него.

Две войны.

Одна как враги, другая как союзники.

Расстояние и смерть. Любовь и исполнение.

Дочери и сын.

Один драгоценный сын.

Дрожащая рука Акмаэля нашла кувшин. Он вылил на голову прохладный поток, дал воде намочить бороду, стекать по шее и груди. Комната стала четче, но его магия раскололась, рассеявшись вне досягаемости.

«Это проклятие, темное волшебство затуманивает мое сознание».

— Кто ты? — спросил он. Его голос звучал хрипло и отстраненно. Его дыхание собиралось паром в зимнем воздухе.

— Раэлла, мой король из дома Лангерхаанс.

— Каким колдовством ты сюда попала?

— Никакого колдовства, мой Король, — странный свет осветил ее, словно свечу за туманом. Она вздрогнула и натянула простыню на голые плечи. — Вы разрушили чары единственной ведьмы, имевшей над нами власть. Вы уничтожили ее и удостоили меня своей близостью.

— Уничтожил? — ужас охватил его, и он вспомнил.

«Эолин у моих ног, разбитая, как хрусталь».

Угрызения совести сдавили его грудь, лишив его дыхания. Комната расплылась. Туман сгущался за Раэллой и тянулся к ней туманными щупальцами.

— Что я сделал? — Акмаэль задыхался.

Раэлла ответила пронзительным криком.

Туман слился, и рядом с ней материализовался демон Наэтер. Его аморфное лицо исказилось от неуголимого голода. Костяными когтями зверь схватил Раэллу и разорвал ее от горла до груди. Кровь брызнула на столбики кровати.

Очнувшись от шока, Акмаэль призвал свой посох и меч, но инструменты не ответили. Пока он смотрел, парализованный, демон Наэтер вырвал сердце Раэллы из ее груди и засунул его, капающее, в зияющую пасть на бесформенном лице.

Затем пустые ямы его глаз остановились на Короле-Маге. Он раскачивался на длинных конечностях, сияя, как бледная нефритовая луна. По комнате прокатилось голодное урчание. С воплем вневременной ярости демон Наэтер прыгнул на Акмаэля, вытянув окровавленные когти.

* * *

Эолин резко проснулась, ругая себя за то, что заснула.

— Эоган? — сказала она с колотящимся сердцем. — Бриана?

В одно мгновение принц сел с мечом в руке. Он толкнул сестру.

— Что такое? — сказала Бриана, сонная и дезориентированная.

Эолин произнесла заклинание, чтобы зажечь свечи, но ее душила петля, связывающая ее магию.

— Эоган, зажги свечи, ладно? Нет, подожди.

Гул Кел'Бару стал зловещим. Эолин сжала рукоять и встала. Каменный пол казался холодным под ее босыми ногами, несмотря на теплую летнюю ночь. Звуки тревоги эхом разносились по оберегавшим их чарам, сопровождаемые неземными криками.

«Не может быть».

Эолин осторожно посмотрела сквозь задернутые шторы в окно. Светящиеся силуэты Наэтерских Демонов роились на территории замка, появляясь из затемненных окон, карабкаясь по стенам, прыгая вдоль зубчатых стен. Крики испуга эхом разносились по крепости Вортинген. Трубы призывали людей к оружию. Пламя воинов-магов начало освещать ночь; воздух наполнился запахом серы и крови.

Ужас скользнул своими желатиновыми пальцами по венам Эолин.

— Боги, помогите

— Что такое, мама? — голос Брианы стал напряженным и настороженным.

Эолин оглядела комнату, но не нашла ничего лишнего. Ее зрение не помутнело, не было предательского тумана, предвещавшего побег этих монстров из их темницы Подземного мира.

Возможно, их защищали чары Восточной Башни, или, возможно, Демоны Наэтер не могли найти магу, чья магия была ограничена. Что бы ни удерживало их, все инстинкты подсказывали Эолин, что барьер не продержится долго.

— Эоган, Бриана, пойдете со мной.

Они последовали за ней в приемную, сердце Восточной Башни, место, где магия башни слилась в единую яркую нить, тянущуюся к подножию горы Вортингена.

Крики битвы доносились из-за тяжелых дубовых дверей, стражи предприняли отчаянную попытку защитить королеву и ее детей. Иней начал скапливаться вокруг дверной рамы. Сквозь щели в древесине пробирался темно-зеленый туман.

Быстро, одним глазом следя за дверью, Эолин собрала шалфей зимний, белый альбанет и пасленовые грибы из трав, которые хранила в башне.

— Бриана, — сказала она. — Возьми это и начерти перед камином круг, достаточно

большой, чтобы мы все могли стоять внутри. Эоган, помоги мне с факелами. Нам нужно больше света.

Принц и принцесса повиновались быстро и без протеста.

Громовой грохот сотряс дверь. Эолин развернулась с мечом в руке, но, к ее облегчению, чары устояли.

Когда круг был отмечен и зажжены факелы, Эолин собрала своих любимых детей рядом. Она опустилась на колени, встречая их взгляды, голос и поведение были спокойными, хотя ужас овладел ее сердцем.

«Если боги сегодня кого-нибудь принесут в жертву, то пусть это буду я, а не мои дети».

— Я не могу создать круг, — сказала она, — не с моей связанной магией. Я научу вас заклинанию, и мне нужно, чтобы вы сотворили его вместе. Привяжите свой дух к горе. Объедините свою магию, чтобы сделать ее настолько сильной, насколько это возможно.

Снова существа Преисподней бросились в дверь. От удара каменный пол задрожал.

— Это папа, да? — прокричала Бриана. — Он превратился в людоеда и собирается убить нас всех!

Эолин взяла лицо Брианы в свои руки.

— Послушай меня. Твой отец любит вас, и скоро он будет здесь, чтобы защитить вас. Но до тех пор мы должны защищаться от этих монстров. Их называют Наэтерскими Демонами, и они — одни из старейших врагов Мойсехена. Они жаждут нашей магии, и этой ночью они сбежали из своей тюрьмы Подземного мира.

— Но папа сказал, что их всех убил сэр Дростан! — запротестовала Бриана.

— Сейчас не время обсуждать истории отца. Мы сталкиваемся с нашей первой битвой как семья. Все ваши чувства должны быть открыты, весь дух должен быть сосредоточен на поставленной задаче. Понятно?

Бриана поджала губы и кивнула.

— Хорошо. А теперь слушайте меня.

Эолин взяла их за руки и дала им священный стих, тщательно произнося каждый слог. Убедившись, что они поняли, она попросила Бриану и Эогана повторить заклинание в унисон. К великому облегчению Эолин, травы вспыхнули, окутав их завесой полупрозрачного огня и ароматного дыма.

Эолин встала, держа наготове Кел'Бару. Дверь вздрагивала от каждого удара. На ней начали появляться трещины. Когти царапали дерево в бешеной ярости.

— Что бы ни случилось, — сказала Эолин своим детям, — вы должны делать то, что я говорю.

* * *

Акмаэль нырнул в сторону, когда Наэтерский демон навис над ним.

Черный коготь задел его бедро и разорвал его. Он покатился по полу и поднялся на дрожащих ногах. По ноге текла горячая кровь. Ни посох, ни меч не откликнулись на его зов. Его магия колыхалась, как трава на ветру, ослабленная наложенным на него проклятием.

Демон Наэтер снова атаковал, низко опустив голову, его неземной вой звенел в ушах Акмаэля. Он поймал короля и швырнул его о каменную стену.

Оглушенный, Акмаэль рухнул на землю. Звезды мелькали перед его глазами, он пытался найти опору руками. Он услышал, как монстр приблизился, и довольное урчание сотрясло его широкие плечи.

— Дростан, — пробормотал он в отчаянной просьбе к своему покойному наставнику. —

Помоги мне.

Демон Наэтер схватил Акмаэля за горло и прижал к стене. Акмаэль видел пустые глаза. Дыхание демона пахло гнилью и замороженными отходами.

Задышавшись в хватке Демона Наэтер, Акмаэль закрыл глаза и попытался соединить свой пульс с сердцем горы. Призвав всю силу, которую он мог, он снова призвал свой посох. К его облегчению, гладкий дуб нашел его. Его хрустальная головка загорелась белым огнем Эйтны.

Фэом думэ.

Из посоха грянул гром. Демон Наэтер завыл. Выпустив свою добычу, демон отшатнулся, царапая воздух перед собой.

Акмаэль нашел свой меч в тот момент, когда существо снова атаковало. Демон Наэтер поднялся на дыбы, возвышаясь над королем. Акмаэль бросился вперед и глубоко вонзил меч ему в живот. Лезвие вонзилось не в плоть, а в вязкую светящуюся жидкость, откуда потекла густая черная жижа. С громopodobным ревом существо схватило Акмаэля, но когти не попали в цель.

Упав на четвереньки, демон Наэтер отступил.

Акмаэль попятился, пытаясь сохранить равновесие и дыхание.

Тело демона вздрогнуло. Тени текли из его ран. И все же пустые черные ямы его глаз не сводили с Короля-Мага взгляд. Он снова начал шагать вокруг своей добычи.

Акмаэль поправил свою хватку на мече и посохе. Боль пронзила его бедро. Судороги угрожали нарушить его равновесие, Каждый вздох был затруднен. Он попытался позвать своих людей, но его голос превратился в хриплый шепот. Звуки ужаса и смерти эхом разносились по крепости. Его люди были осаждены, его королева и дети были в опасности.

«Я навлек это на нас, — подумал он с горьким стыдом. — Я, Король-Маг, не смог сопротивляться проклятию колдуна».

Мысль об Эолин, одинокой и незащищенной, вызвала гнев Акмаэля. Он прыгнул вперед, лезвие врезалось в монстра и проделало черную рану от плеча до грудины. Демон Наэтер взмахнул здоровой рукой, оставляя глубокие раны на теле Акмаэля и выпуская реку крови.

Акмаэль пошатнулся. Яма Подземного мира вторглась в его внутренности. Холодные потоки смерти начали течь по его конечностям, и он понял, как понимает каждый воин, когда настал его час, что он не доживет до конца этой ночи.

Его дух смотрел на пустоши мертвых, и он слышал голос своего наставника.

«Расчлени их с помощью стали, — сказал сэр Дростан. — Сжечь останки».

Выпустив посох, Король-Маг взял меч обеими руками. Демон Наэтер рванулся вперед и снова ударил, но клинок Акмаэля нашел свою цель и отрубил предплечье.

Нэом антэ!

Белое горячее пламя вырвалось из ладони Акмаэля и охватило эбонитовую когтистую лапу, когда та упала на пол.

Леденящий кровь крик Наэтерского Демона сбил Короля на колени. Акмаэль вслепую, яростно развернулся, когда монстр двинулся к нему. По милости богов упала еще одна конечность. Искалеченный и стонущий демон отполз в сторону, ища укрытие в тенях.

Акмаэль поднялся и со злобным криком бросился вперед. Каждый удар был смелее предыдущего, вызывая крики агонии, демона Наэтер разрывали на части. Наконец, существо замолчало, его аморфная плоть превратилась в горящие комья.

Комната закрыжилась. Звуки живых исчезли из сознания Акмаэля. Измученный, он упал

на колени.

«Эолин».

Пробираясь сквозь тени, Король-Маг нашел свой посох. Он медленно встал и направился к кровати, где разорвал грязное белье и перевязал полосками свое израненное тело.

Останки его поверженного врага валялись на полу, как угли цвета нефрита. Снаружи продолжалась битва, отмеченная хриплым ревом и криками боли.

Факелы мерцали в коридоре. Галисон и еще двое ворвались в комнату, их тела были изранены, лица — покрыты кровью и сажей.

— Мой король!

— Где остальная часть моей охраны? — спросил Акмаэль.

Галисон покачал головой.

— Мертвы, мой Король. Мы — все, что осталось от ночного дозора.

Конвульсии сотрясали Акмаэля, когда он поднял меч с того места, где он лежал. Галисон бросился вперед, чтобы поддержать его. Акмаэль опирался на своего капитана, тяжело дыша, борясь с мучительной болью, разрывавшей его внутренности. Его импровизированные повязки уже были пропитаны кровью.

— Моя королева! — его голос сорвался. — Где Эолин?

— У нас нет ни слова о ней, мой Король. Восточная башня осаждена. Никому не удалось пройти.

Акмаэль отошел от Галисона и занял устойчивую позицию. За пределами своих покоев он слышал крики людей и зверей, сошедшихся в битве.

Тени мешали видеть. Голоса его предков звали, но он отказывался сдаться в их объятия.

Нет, пока Эолин не будет в безопасности.

— В Восточную башню, — сказал он. — Пусть боги помилуют нас всех.

* * *

Тяжелая дубовая дверь содрогнулась от очередного удара, петли застонали от давления.

Эолин глубоко вдохнула. Она наклонилась, чтобы поцеловать и обнять своих детей.

Затем она взяла свой меч и решительно вышла из круга.

— Мама! — Бриана схватила Эолин за юбку.

— Отпусти меня, Бриана.

— Но, мама...

— Ты должен отпустить меня, чтобы я защитила вас.

— Ты сказала, что мы не должны покидать круг!

— Ты и твой брат не должны покидать круг. У Богов на меня другие планы. Эоган, возьми сестру за руку.

Боль перехватила горло Эолин, когда она смотрела на них, таких маленьких, но таких храбрых.

«Милостивые боги Этны, если вы намерены позвать меня домой этой ночью, я прошу вас избавить их от ужаса видеть мою смерть».

— Оберегай ее, Эоган. Не отпускайте магию друг друга. Если скажу бежать, вы побежите, Не оглядываясь.

Эолин прокралась вдоль стены к сломанной двери и прижалась к каменной стене рядом с рамой.

Каждый удар отдавался ей в спину. Схватив рукоять обеими руками, она держала

Кел'Бару наготове и закрыла глаза. Гул галийского оружия проникал сквозь ее пальцы, распространяясь по рукам и груди. Она услышала крики многих, кто пал под его атакой, и почувствовала, как дух смерти окутывает ее.

«Покажи мне, что делать. Покажи мне, как победить врага».

Дверь разлетелась на тысячу осколков. Ледяной туман ворвался в комнату.

«Подожди», — прошептал Кел'Бару.

Демон Наэтер прошел сквозь туман, за ним последовал еще один. Они прошли мимо Эолин, не заметив ее, и остановились, поворачивая головы, словно осматриваясь.

Она заметила настороженность в их взгляде, возможно, вызванную светом факела или чарами ее детей. Кел'Бару замолчал, его свечение погасло.

Демоны Наэтер разделились и пошли к детям, опустив головы в кошачьей позе. Эолин шагнула к ним, но Кел'Бару остановил ее.

Жди.

Она охнула, когда Демоны Наэтер врезались в барьер, воздвигнутый ее детьми. Тонкая стена пламени дрогнула, но не сломалась. Наэтерские демоны отшатнулись и издали скорбный вой.

Тогда через разрушенную дверь прошел третий Демон Наэтер.

Эолин втянула воздух и прижалась к стене. Тяжелое тело демона пронеслось мимо нее, его внимание было приковано к детям.

Сейчас.

Эолин рванула вперед, провела мечом по спине демона и выпустила реку черной слизи. Существо развернулось и ударило предплечьем. Эолин оказалась в воздухе, прежде чем упала на каменный пол. Избитая и измученная, она вскочила на ноги. Кел'Бару остался в ее руке, черная кровь демона Наэтер капала с его клинка.

— Мама, не надо! — воскликнул Эоган.

— Оставайтесь на месте!

Демон Наэтер атаковал.

Эолин отскочила с его пути, но недостаточно быстро, чтобы избежать еще одного удара, от которого она растянулась на земле. Перевернувшись на спину, она поставила Кел'Бару между собой и чудовищем. Меч пронзил горло демона, когда тот прыгнул на нее, превратив его неземной крик в жалкое бульканье.

Демон Наэтер схватился за лезвие, пытаясь выбить его, но преуспел только в том, что разрубил себе лапы. Эолин крепко держала Кел'Бару, вонзая галийский клинок глубже, пока пыталась оттолкнуть монстра, его тело удерживало ее не столько земной тяжестью, сколько холодной, удушающей пустотой.

Наконец, он перестал махать конечностями.

Задыхаясь, Эолин выбралась из-под ледяной массы плоти. Она с трудом поднялась на ноги, голова болела, мышцы были ушиблены. Дрожь охватила ее ноги. Инстинктивно она попыталась привязать свой дух к сердцу горы, но подавилась, когда путы, наброшенные Акмаэлем, сжались вокруг ее горла.

Два других монстра прекратили нападение на Эогана и Бриану, вместо этого повернувшись к Эолин.

Четвертый демон прошел в комнату, щелкая черными когтями по каменному полу, пустые глаза остановились на ней.

— Милые Боги Дракона, — пробормотала она, концентрируя свой вес и готовя меч. —

Помогите мне.

Все трое прыгнули одновременно.

Эолин охватила отчаянная пляска инстинктов. Шепот Кел'Бару слился с ее телом и разумом. Его песня эхом отдавалась в ее духе, побуждая ее к ответным действиям и направляя атаки. Яростно она атаковала древних врагов, неизвестных, но наложенных на бесформенные лица демонов Наэтер. Серебристо-белое лезвие сверкало, как молния, в беззвездной ночи, рисуя черные ленты поверх нефритового цвета плоти, вызывая вой ярости и боли. Эбеновые когти Наэтерского Демона нашли ее, разрезав одежду и плоть, оставив горящие раны на ее лице, руках и ногах.

Наконец, один из демонов упал, его длинные конечности превратил в бесформенные обрубки безжалостный укус Кел'Бару. Эолин прислонилась к каменной стене, когда Демон Наэтер рухнул. Ее дыхание стало хриплыми, болезненными вдохами. Ее ноги дрожали от усталости.

Оставшиеся Наэтерские Демоны наблюдали за ней в нескольких шагах, раскачиваясь на длинных конечностях, и урчание удовлетворения сотрясало ее плечи.

«Они понимают, что у меня почти не осталось сил».

Эолин глубоко вдохнула и подняла Кел'Бару, опираясь на стену и отодвигаясь от детей. Ничто не разрушит их чары быстрее, чем наблюдение за ее смертью, и Эолин с мрачной уверенностью знала, что ее скоро ждет конец.

— Эоган, — сказала она, — когда я снова нападу на них, бери свою сестру и беги отсюда. Не смотрите назад. Найдите дорогу в сады и оставайтесь высоко на деревьях до рассвета.

— Я не оставлю тебя!

— Делай, как я говорю! — ее слова были резкими и рваными. Слезы защекали глаза. — Не слушайся меня в этот момент. От этого зависит ваше выживание.

Монстры фыркнули глухим чавкающим звуком, следя за ее движением, опустив головы. Внимание Эолин было настолько приковано к их приближению, что она не заметила кусок дерева у ее ног. Она споткнулась, потеряла равновесие. Наэтерские Демоны бросились.

Боль пронзила тело Эолин, когда один из них швырнул ее на пол. Его пронзительный вой лишил ее чувств. Затем она увидела, как его коготь, черный, как бездна Подземного мира, опустился к ее груди. Испуганные крики детей эхом отдавались в ее сознании.

— Бегите! — крикнула она.

С маленьким мечом в руке Эоган атаковала нападавших сзади. Они развернулись к мальчику и ударили его с яростью зимней бури. Эоган упал и сильно ударился об пол. Выбитый из его рук меч с лязгом улетел за пределы досягаемости.

Тени заполнили поле зрения Эолин. Ее сердце сжалось. Она больше не могла дышать.

Демон Наэтер схватил ее сына за лодыжку и поднял его высоко, царапая когтями его маленькую грудь.

— Нет! — воскликнула Эолин.

Ветер ревел в окна башни. В них влетел хищник. Свет вспыхнул на Полночной Сове. Крылья и перья приняли форму человека. С посохом в руке он выпустил громоподобное проклятие.

Демон Наэтер уронил мальчика. Поднявшись к своей цели, Эолин вонзила Кел'Бару глубоко в зверя, повернула и протащила клинок сквозь его туловище, терпя мучительный вой существа.

Нэом антэ! — воскликнул маг.

Огонь, белый и чистый, вырвался из хрустального наконечника посоха мага и впечатал другого демона в стену. Когда пламя погасло, зверь скорчился на полу, хрипя,

Эолин шагнула вперед, отрубила ему голову и расчленила тело. Куски растворились в тонком сером тумане, который завис над полом. Пока Эолин наблюдала, призрачная плоть исчезла. Она почувствовала жгучие рубцы, покрывавшие ее тело, пот и кровь, пропитавшие ее платье. Ее конечности охватила неконтролируемая дрожь.

Акмаэль подошел сзади и накинул свой плащ на плечи Эолин. Она развернулась, готовая сдаться силе объятий своей любви, но в изумлении отступила назад.

— Кори? — сказала она, сбитая с толку.

Маг увидел ее потрясенное выражение и слегка пожал плечами в смирении.

— Никогда не пойму, почему ты так удивляешься каждый раз, когда я прихожу к тебе на помощь, — сказал он.

Бриана выбежала из круга и прыгнула в объятия своего дяди. Он покрыл ее лицо поцелуями, прежде чем усадить принцессу. Затем он помог Эогану подняться на ноги, осматривая принца на предмет синяков и признаков сотрясения мозга. Убедившись, что мальчик не пострадал, Кори повернулся к Эолин.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Насколько могу быть.

Глаза Кори сузились.

— Не очень, я бы сказал. Кто-то связал твою магию. Почему?

Колени Эолин подогнулись под давящей разбитого сердца, горя и ужаса, которые она испытала этой ночью.

Кори поймал ее.

— Что такое? Эолин, что случилось?

— Акмаэль, — рыдания прервали ее слова. Воспоминания о жестокости мужа вернулись с полной силой. — Он пришел... в ярости, а я не смогла... и дети... О, Боги, все разваливается.

Кори прижал ее к груди и держал, пока дрожь не прекратилась. Затем он прижался губами к ее волосам.

— Не все потеряно, — пробормотал он. — Мы живы, да? А там, где есть жизнь, всегда есть надежда.

Его пальцы скользнули к ее затылку. Она расслабилась от его прикосновения, привлеченная знакомым волшебством, ароматом древних лесов и зимних ветров.

Кори прошептал заклинание на ухо Эолин, и по его призыву печаль отступила. Цвет, свет и звук ворвались в ее сознание. Одним блестящим вдохом вернулась полнота ее магии.

Смущенная, она вырвалась из его объятий.

— Не уверена, что это была хорошая идея.

Кори закатил глаза.

— Ты — источник благодарности этим вечером, моя Королева.

— Я не неблагодарна. Я имею в виду, что моя магия может быть обузой. Чтобы попасть сюда, демонам Наэтер пришлось прорваться через чары. Это было не так, как в прошлый раз, когда меня просто находили, где бы я ни была. Возможно, моя связанная магия держала их в страхе.

Кори изучал ее с задумчивым выражением лица.

— Возможно, ты права, но я не хочу тратить ни единого вдоха, высвобождая твою магию, если мы снова столкнемся с ними. Мы должны быть готовы. Демоны Наэтер еще не закончили с нами.

Чары этой короткой передышки рассеялись. Крики, взрывы и вопли агонии все еще были слышны по всей крепости.

— Где король? — спросила она. — Почему он не пришел?

— Я не знаю. Ты и дети были моей первой заботой. Возможно, это преступление против короны, но я уверен, что заслуживаю твоего прощения. Акмаэль сломал твой посох?

— Нет.

— Тогда возьми его и галийский меч. Они нам понадобятся.

Они вместе покинули башню. Холодный туман Наэтерских демонов окутывал все. Коридоры были усеяны телами мужчин и женщин с отсутствующими конечностями или искривленными под странными углами, грудями, разорванными и опустошенными, внутренностями, вываливающимися из них. Резня заставила желудок Эолин сжаться. Она попросила Бриану отвести взгляд, но Кори возразил.

— Пусть она посмотрит на это, — сказал он. — Пусть она никогда не забудет, что наши враги могут сделать с нами.

Они спускались по темной лестнице, пробираясь по трупам. Где-то еще бушевали звуки битвы, но здесь все было тихо и окутано смертью.

Кори остановился в том месте, где узкая лестница выходила в большой коридор. Он внимательно посмотрел в темный коридор, затем заставил их вернуться в тень. Эолин прижалась к своим детям, все они замерли в тишине. Звук когтей, царапающих камень, эхом разносился по коридору. Луч слабого изумрудного света скользнул к лестничной клетке. Эолин затаила дыхание, пока свет снова не померк.

— Сейчас, — прошептал Кори. — Скорее!

Они последовали за ним через коридор и вход для прислуги. Кори вызвал мягкое свечение в хрустальном наконечнике посоха, освещая еще одну безмолвную лестницу.

— Почему они не могут найти меня? — прошептала Эолин. — Почему они не приходят прямо к нам, как раньше?

— Возможно, брешь в твоей душе больше не может вместить их проход.

— Но почему?

Кори сделал паузу:

— Как закрывать порталы в Преисподнюю, Мага Эолин?

— Сажая новую жизнь, покрывая наши поля сражений деревьями и полевыми цветами. Но портал, который я несла, был не таким. Брешь была частью моей ауры, моей души.

— И все же в последние годы ты принесла в мир новую жизнь. Сын и дочь, посаженные семенем мага. Возможно, этого было достаточно, чтобы залечить рану.

— Если ты прав, — сказала Эолин, — значит, Акмаэль тоже в безопасности. Когда он стал отцом, его тень, омрачающая его ауру, тоже исчезла.

Кори взглянул на нее в тусклом свете. Эолин заметила едва заметное ожесточение в выражении его лица.

— Я не знаю, действует ли эта магия так же и на мужчину. Инстинкт подсказывает мне, что это не так.

— Тогда мы должны найти его.

— У нас есть более важная задача.

— Какая задача может быть важнее?

— За то время, которое потребуется, чтобы выследить твоего любимого короля, демоны Нэтер прикончат тех немногих воинов, что остались в этом замке, — слова Кори были окрашены гневом и нетерпением. — Мы должны немедленно отправить этих монстров туда, откуда они пришли. Все остальное вторично.

Эолин нахмурилась, призрак поражения вернулся к ее духу.

— Но мы не знаем, как, — сказала она.

— Я знаю, как, — Кори взял ее за руку, призывая следовать за собой. — Я не бездельничал последние десять лет.

Глава двадцать вторая

Передышка

Эолин, Кори и дети вышли в один из внутренних дворов. Ароматы ночных цветов и свежих листьев сдерживали смрад разложения, проникший в крепость. Небо было чистым, яркие звезды были равнодушны к ярости и страданиям внизу.

Кори нашел высокий бук и поднял Бриану на ветку.

— Забирайся, маленькая принцесса. Вы тоже, милорд принц.

— Я бы остался и сражался, — возразил Эоган.

— Ты должен защитить свою сестру, — сказал Кори. — Поднимитесь как можно выше.

Если мы не вернемся, вы должны скрываться в этих ветвях до рассвета.

Эоган напрягся и посмотрел на мать.

— Маг Кори прав, любовь моя, — сказала Эолин.

— Но я...

— Это угроза, противостоять которой может только Высшая Магия. У тебя еще нет навыков, чтобы противостоять этим существам.

Эоган сжал кулаки, выражение его лица застыло между гневом и неуверенностью. Затем без предупреждения он обнял свою мать.

— А если они разорвут тебя на куски? — завопил он.

Эолин нежно поцеловала его.

— Тише, мой храбрый принц.

— Уверю вас, мой принц, — сказал Кори, — у меня есть все намерения пережить эту ночь.

— Я не могу позволить вам встретиться с ними в одиночку!

— Мой любимый сын, — сказала Эолин. — Не нужно бояться. Делай, как говорит Кори. Доверь свой дух защите деревьев.

Он подавил всхлип.

— Я никогда себе не прощу, если...

— Эоган, ты знаешь природу нашего долга. Если меня позовут домой этой ночью, ты должен помнить, что сказал тебе твой отец: «Конец нашего времени станет началом твоего». Так было всегда.

— Нет!

— Отпусти меня, милый принц, — она снова поцеловала его. — Дракон зовет меня защищать наш народ.

Эоган на мгновение усилил хватку, а затем отпрянул. Вытирая слезы со щек, он ухватился за ветку и забрался к сестре. Затем он продолжил путь наверх, исчез в густой листве, не оглядываясь.

— Пойдем, Бриана, — его призыв прозвучал резко и нетерпеливо.

Принцесса прикусила губу, сурово глядя на Кори и мать. Затем она повернулась к магу и сказала:

— Не допускай, чтобы моей матери причинили какой-либо вред, дядя Кори. Если она не вернется в целостности и сохранности, ты ответишь мне. И я не окажу тебе пощады.

С тем она последовала за своим братом,

Кори улыбнулся.

— У твоей дочери есть особая магия, Эолин, она может согреть мое сердце в такую холодную и жуткую ночь.

Он взял Эолин за руку и повел ее к сердцу сада. Несмотря на поздний час, огненные жуки и лунные пауки светились. Они рассеялись по саду, образуя сеть эфемерного света, которая заглушала звуки битвы за его пределами.

— Они защищают это место, — с удивлением поняла Эолин.

— Как могут. Их усилия сойдут на нет, если демоны Наэтер закончат свою задачу на зубчатых стенах и в коридорах этого замка.

— Что ты собираешься делать, Кори?

Они подошли к центру двора, где свет луны отражался в широком круге мелких белых тонов. Кори изучал небо и сад, прежде чем посмотреть на Эолин.

— Мы собираемся произнести старое и забытое заклинание, — сказал он. — Иллюзия, которая, я надеюсь, отправит их обратно в недра Преисподней.

— Какая иллюзия?

— Я не могу раскрывать подробности.

— Боже, Кори! Твои секреты погубят всех нас. Почему ты не говорил об этом раньше?

Мы могли бы быть готовы к такой ночи.

— Церемонд всегда говорил, что хорошо хранимый секрет — это путь к безопасному будущему.

— И ты посвятил свою жизнь тому, чтобы доказать его правоту?

— Пожалуй, так.

— Где ты нашел эту магию, которую мы собираемся призвать?

— Надежно скрывалась среди анналов библиотеки Мастера. Если мы переживем эту ночь, я с радостью поделюсь ею с вами. Увлекательное чтение, правда. Из заметок Церемонда видно, что существование этого проклятия разожгло в его сердце великий конфликт.

— Как так?

— Потому что это проклятие требует добровольного участия Высшей Маги, практикующей женщины, которая уверена в своей силе и положении. Это был один из многих фрагментов истории, которые могли положить конец кампании Кедехена по полному уничтожению маг.

— Хорошо. Это объясняет, почему Церемонд скрывал это, но ты?

Кори нахмурился и отвел взгляд. Он сделал медленный вдох.

— Возможно, я питал слабую надежду, что нам никогда не придется его использовать.

Пронзительный вой Наэтерских демонов прервал их разговор, злобный триумф, возвышающийся над террором и нищетой.

— Мы не можем больше откладывать, — сказала Эолин.

— Согласен, моя королева.

Кори занял позицию в центре круга, призвал силу Дракона и привязал свой дух к сердцу горы. Оттуда он прошел на восток тринадцать шагов и воткнул свой посох в землю на краю круга, обозначив направление к месту своего рождения в Восточной Селен.

Эолин повторила заклинание, твердо вонзив свой посох в землю на южной границе каменного круга. Хрустальный наконечник ее посоха вспыхнул с низким гулом, соединившись с источником ее силы в далеком Южном Лесу.

Эолин почувствовала, как сознание замка обратилось внутрь, злобный голод сосредоточился на саду, где они стояли.

Крики Наэтерских демонов прекратились.

Листья сада задрожали.

— Они чувствуют нашу магию, — прошептала она.

— Идем, — Кори протянул руку. — Мы должны действовать сейчас.

Маг и мага встретились в центре круга, создав завесу пурпурного огня, которая поднялась по краю.

— Дай мне свой меч, — сказал Кори.

Эолин инстинктивно отпрянула.

— Я не думаю, что Кел'Бару...

— Галийское оружие понимает, что нужно делать. Дай мне меч, Эолин.

С неохотой она обнажила Кел'Бару и протянула его магу Кори. Серебристо-белый клинок светился в слабом свете луны. Кори взял рукоять обеими руками и зашагал к северо-западному краю круга, в сторону пустошей Фэрнворна.

Нэом авигнэс сатуэ.

Он вонзил лезвие в землю, вызвав дрожь глубоко внутри земли. Жидкое пламя струилось из лезвия, переплетая медные ленты сквозь фиолетовую завесу. Эолин почувствовала внезапную тягу под ногами, такую сильную, что потеряла равновесие. Кори поймал ее за локоть и крепко держал, встав позади нее в центре круга.

Один за другим Наэтерские демоны покидали битву. Они начали с шумом спускаться по стенам, рой сияющих тел с пустыми глазами тянулся к свету сада.

Страх поколебал решимость Эолин.

— Их так много! — сказала она. — Как их может быть так много?

— Сосредоточься, Эолин. Свяжись со мной.

— А если они найдут детей?

— Нет. Теперь они смотрят только на нас.

Она положила свои ладони на руки Кори, воздев их ладони к небу. Это были странные объятия, одновременно формальные и интимные. Украшение на руке Эолин, серебряная змея Восточной Селен, ожила, поползла к ее руке и переплела ее запястье с его. Дыхание Кори согрело ее ухо.

— Это проклятие потребует от нас многого, — сказал он.

Сердце Эолин екнуло. Она сглотнула и сказала:

— Кори, прежде чем мы начнем, я должна кое-что сказать...

— У нас не осталось времени на разговоры. Что бы ни случилось, не отказывай мне в своей магии. Повтори мой призыв, Ты не поймешь слов, но это неважно. Пусть магия приведет тебя туда, куда оно пожелает. Я займусь остальным.

Эолин кивнула и прижалась спиной к его груди.

Наэтерские демоны подошли к краю сада. По их светящимся телам прокатилось урчание. Монстры низко пригнулись и обнюхали деревья и кусты, по-видимому, опасаясь пересечь барьер из огненных жуков и лунных пауков.

Кори начал заклинание, произнося слова на незнакомом Эолин языке, гортанные, но странно мелодичные. Закрыв глаза, мага сосредоточилась на звуке и голосе, пока стих не начал падать с ее губ в своей чуждой мелодии, навязчивой и прекрасной, наполненной вневременной тоской.

Пальцы Кори сдвинулись, и по коже Эолин замерцали искры. Между ними вспыхнул импульс магии, увлекая Эолин к неизведанным землям. Древние леса возвышались над ней, возвышаясь над черными елями, скрытыми под зимним небом. Кристальные воды прорезали ландшафты, выжженные дыханием Дракона. Поколения магов и маг пели, танцевали, поклонялись и умирали. Эолин узнала каждое лицо, хотя и не знала их. Она ходила по местам, затерянными во времени, но живым в ее памяти, и вспоминала сны, сокрытые в лабиринте ее сердца.

Черный лес растаял, и появился Южный Лес, укутав ее мшистым плащом. Золотой свет прорезал пышные летние деревья. Воздух гудел от насекомых и птиц; прохладная грязь хлюпала между ее пальцами ног. Рысь скользнула в тени, ведя Эолин по извилистой тропинке через густые заросли деревьев. Обогнув большой ствол, она наткнулась на Дуайен Гемену, сгорбленную от старости, с серыми глазами на морщинистом лице, скрюченными

руками, сжимающими посох из розового дерева. Аура старой маги резонировала радостью и печалью.

— Ты обязана служить им ремеслом, — сказала она. — Неважно, что они сделали с нами в прошлом, неважно, что они могут сделать с тобой в будущем. Когда придет время нужды, ты должна ответить.

Наставница Эолин исчезла. Позади нее появилась река Тарба, вода бежала высоко по ее каменистому руслу. Акмаэль стоял на дальнем берегу, мальчик в плаще и короне. Его лицо было омрачено трауром.

Эолин позвала его, но ни слова не сорвалось с ее губ. Акмаэль поднял руку и указал на небеса, на источник света, освещавший их мир.

Кел'Бару стал четким на фоне звездной ночи, его клинок превратился в обсидиановый стержень, который вырвался из-под земли и поднялся, чтобы затмить луну. Пейзаж погрузился во тьму. Тень ночи раскинула крылья над землей.

В чувства Эолин вернулись сладкие ароматы сада, смешанные со зловонием приближающейся смерти. Она услышала Наэтерских Демонов, неуклюжее стадо всего в нескольких шагах от нее, и открыла глаза.

За занавесом света они смотрели на нее пустыми глазами. Их пасти двигались в беспокойном голоде. Они присели на светящиеся конечности и ждали.

Земля ушла из-под ног Эолин.

Неуверенность дрожала в ее голосе.

— Кори?

Его губы коснулись ее виска.

— Прости меня, Эолин.

Кел'Бару вонзился Эолин в грудь. Галийский меч разорвал ее грудину, выпустив реку, которая была ее душой. Эолин упала и потекла в пропасть, зияющую у ее ног, ее дух превратился в бурлящий поток печали, предательства, ужаса и неверия.

Наэтерские Демоны прыгнули за ней, раскинув конечности и выпустив когти, лица исказились в нестройном реве. Вместе они спускались в крутящемся вихре света и тени. Когти вцепились в юбку Эолин, челюсти впились ей в лицо. В отчаянии она попыталась вызвать чары, но ткань ее магии была разорвана, ее нити крепко сжимались в далекой хватке Кори.

Внизу маячила бездна Подземного мира, холодная и безмолвная, терпеливо ждущая последних объятий. Спуск Эолин замедлился, словно подхваченный вязкой субстанцией, а затем и вовсе остановился. Демоны Наэтер собрались вокруг нее. Вечная ночь поглотила крики маги. Ее удары бессильно попадали по нефритовой плоти. Эбонитовые когти обездвижили ее конечности и поразили ее дух. Рычание звучало резко в ее ушах. Щупальца тумана пробивались сквозь массу демонов, вцепляясь в запястья и лодыжки, туго обвивая ее горло, душили остатки ее магии.

Эолин почувствовала внезапный сильный толчок оставшейся позади жизни, ее триумфы и печали, ее страсти и разочарования, ее чувственную красоту и неисполненную любовь. Голоса семьи, друзей, союзников и врагов то поднимались, то стихали в одной трагической ноте прощания. Затем вся душевная боль, все осознание, вся надежда были поглощены пустотой.

Глава двадцать третья

Смерть

Мягкая трава стелилась ароматным ковром, приглушенные цвета отодвигали ночные тени. Деревья стонали, обретая форму под звездами. Ветки скрипели, листья шелестели на нарастающем ветру.

Одинокая сова тихо ухала.

Воздух вернулся в легкие Эолин внезапным болезненным потоком. Она ахнула, а затем закашлялась, согнувшись пополам на коленях. Кори крепко обнял ее, губы прижались к ее волосам.

Борясь с приступом тошноты, Эолин оттолкнула его: она схватилась за грудь, обнаружив, что цела и невредима. Неистовая ярость привела ее туда, где на земле лежал брошенный Кел'Бару. Она поднялась, дрожа, на ноги и направила лезвие на Кори.

Он поднял руки в жесте умиротворения.

— Эолин...

— Не говори со мной! — она позвала к себе посох, но тот не ответил. В ярости Эолин схватила его рукой, все еще направляя меч на мага.

— Это был единственный путь, — сказал он.

— Я убью тебя, маг Кори, как и должна была сделать раньше.

— Убивать меня не в твоих интересах. Даже если бы это было так, у тебя сейчас нет на это сил.

Сад заколебался. Колени Эолин угрожали подогнуться.

— Меня тошнит от твоих предательских игр.

— Ты не можешь обвинить меня в предательстве тут.

— Будь ты проклят, Кори! — воскликнула она. — Дай мне жить или дай мне умереть, но перестань использовать меня как свою пешку!

Кори сжал губы в тонкую линию.

— Как пожелаете, моя Королева.

Сознание Эолин открылось для окружающего мира. Вой демонов Наэтер был заглушен. Крики битвы и хаоса уступили место беспокойному затишью, прерываемому стоном раненых и отдаленными возгласами ужаса.

Ее дети кричали.

Бросив мага Кори, Эолин бросилась к Бриане и Эогану, выронила меч и посох, когда нашла их. Их любящие объятия растворились в ее; их сладкий аромат наполнил ее сердце радостью и облегчением, она осыпала их лица поцелуями.

— Живые! — воскликнула она. — Слава богам, вы оба живы и целы.

Затем голос Акмаэля прозвучал над ее ухом:

Эолин.

Она подняла глаза, осознавая темную магию, которая все еще витала в ночи. Ее дыхание сбилось от ужасного предчувствия.

Приходи скорее, моя любовь.

Поднявшись, Эолин вложила меч в ножны и взяла посох. Пытаясь подавить дрожь, вновь охватившую ее душу, она взяла Бриану за руку и кивнула сыну.

— Пойдем, мы должны немедленно найти твоего отца.

Они шли по освещенным факелами проходам, усеянным павшими. Останки Наэтерских демонов светились в темноте, испуская ледяной туман, пока они таяли. Выжившие приступили к мрачной задаче отделить живых от мертвых, вернуть хоть немного порядка в оставленные руины. Они молча кланялись, когда Эолин и дети прошли мимо. Замешательство и отчаяние тяготили их ауры.

Эолин наткнулась на Акмаэля в одном из широких коридоров, выходящих на дворы внизу. Они положили его на стол. Его грудь и ноги были покрыты пропитанной кровью тканью. Несколько солдат собрались рядом, некоторые опирались друг на друга, их раны были перевязаны самодельными повязками.

С появлением Эолин их тревожный ропот прекратился. Они приветствовали ее, преклонив колени, мрачные и почтительные в своем молчании. Только маг Эхиор не встал на колени, пытался оказать помощь королю.

Увидев мужчину, которого она любила, Эолин почувствовала сокрушительную тяжесть в груди. С ее губ, должно быть, сорвался крик, потому что Эхиор прервал свой осмотр и поднял к ней лицо. Он нахмурился. Он отвел взгляд и покачал головой.

Вой Брианы пронзил комнату. Ее излияние горя было быстро заглушено крепкими объятиями Эогана. Взгляд принца был прикован к отцу. Он держал подбородок высоко поднятым, сила его эмоций была скрыта за каменной маской Вортингена.

Эолин заставила свои онемевшие конечности двигаться. Стража короля отступила, когда она подошла ближе. Она убрала спутанные от крови волосы с бледного и осунувшегося лица Акмаэля.

По ее приказу Эхиор поднял окровавленную простыню, обнажив ужасающие раны Акмаэля. Наэтерские Демоны глубоко вонзились в его плоть, разорвав конечности и туловище. Органы его средней части были обнажены. Его кожа стала болезненно-серой. От его ауры не осталось и следа.

— Моя Королева, если позволите... — Эхиор поманил ее рукой. Она вложила пальцы в его ладонь, позволив ему направить ее прикосновения к груди Акмаэля. Плоть здесь была все еще целой и невредимой, но кожа была такой холодной, что обжигала.

— Что это? — Эолин в страхе отпрянула. — Какая темная сила оставила его таким?

— Не знаю, моя Королева, — признался Эхиор. — Каким бы ни было заклинание, я подозреваю, что оно удержало демонов Наэтер от поглощения его сердца и тем самым помешало их худшим амбициям.

— Может, это спасло его? — ее голос превратился в шепот, полный надежды. — Может ли он жить внутри этой ледяной оболочки?

— Я не могу найти ни пульса, ни дыхания, ни мерцания его ауры. Он был таким с тех пор, как мы его нашли. Каждый инстинкт подсказывает мне, что он потерян для нас. Тем не менее, пока мы не поймем эту магию, я смиренно предлагаю отложить заключительные обряды.

Эолин кивнула. Ухватившись за этот лучик надежды, она взяла застывшую руку Акмаэля и наклонилась, чтобы поцеловать его.

— Вернись к нам, любовь моя. Не позволяйте этому быть концом.

Пальцы Акмаэля дернулись. Его тело содрогнулось. Воздух хлынул в его легкие, с резким и пустым звуком, как у человека, поднимающегося со дна реки.

Солдаты ахнули и отступили, некоторые вытащили мечи.

Железная хватка короля обездвижила Эолин. Она со страхом и трепетом наблюдала, как дыхание Акмаэля выровнялось, а глаза открылись. Он сосредоточился на Эолин и пробормотал ее имя.

Смех смешался с рыданиями, сорвавшимися с ее губ.

— Акмаэль, слава богам! Мы все думали...

— Нет, — серьезность его тона погрузилась в нее, как камень, брошенный в темный колодец. — Нет, Эолин.

Тело Акмаэля оставалось неподвижным, его хватка была холодной, как лед. Он не повернул головы, а посмотрел на нее серыми и остекленевшими глазами.

— Трижды я использовал твою магию, чтобы вернуться из мира мертвых. Боги не позволят мне больше оставаться на этой стороне.

Она покачала головой.

— Я не понимаю. Что ты говоришь?

— Эолин, где мой сын?

— Тут, отец, — Эоган поспешил к отцу, Он положил ладонь на плечо Акмаэля.

— Эоган, — голос Акмаэля был хриплым, — ты мой единственный сын, настоящий принц Вортинген. Я оставляю тебе венец моих отцов и поручаю такую задачу: найти тех, кто сделал это с нами. Найди их и уничтожь.

— Я прослежу, чтобы это было сделано, отец.

— Акмаэль, пожалуйста. Ты не должен.

— Принцесса, — сказал Акмаэль. — Где Бриана?

— Вот, мой Король, — Кори шагнул вперед, держа Бриану на руках. Девочка бросила настороженный взгляд на оживший труп Акмаэля и с испуганными рыданиями вжалась в объятия мага.

Глаза Акмаэля повлажнели. Его голос сгустился от эмоций.

— Дочь Восточной Селен, не бойся. Все так, как должно быть. Найди ей достойного спутника, Эолин. Благородного мужчину хорошего происхождения. Если ее муж когда-либо будет плохо обращаться с ней, он встретит мой гнев в загробной жизни.

— Любовь моя, не говори так, — в голосе Эолин прозвучало отчаяние.

— Я бы попросил у тебя прощения, но за это прощения быть не может. Только

искупление.

— Акмаэль, не надо! — ее печаль сменилась гневом. — Мы можем обратить это вспять. Мы вернем тебя.

Сжав ее крепче, Король возвысил голос, как только мог, и сказал:

— Кто является свидетелем последних слов Акмаэля, сына Кедехена и короля рода Вортингена?

— Я, — голос Эогана дрожал, хотя его поза была твердой, а выражение лица решительным.

— Как и я, — сказал Кори.

— И я, — Эхиор подошел ближе.

Все мужчины в комнате последовали его примеру, объявив себя присутствующими и преклонив колени в напряженном молчании.

— Эта женщина, которая стоит рядом со мной, — сказал Акмаэль, — Эолин, верховная мага Мойсехена, ваша истинная и законная королева. Я выбрал ее, чтобы носить Корону Вортингена и рожать моих детей, долг, который она выполнила с большой любовью и непоколебимой преданностью. Всякий, кто утверждает обратное, виновен в государственной измене и подлежит повешению.

Акмаэль сделал паузу и закрыл глаза. Слабая искра, удерживавшая его в мире живых, дрогнула.

— Нет никого достойнее ее, — продолжал он с затрудненным дыханием. — Никто более не способен повести за собой наш народ в грядущие трудные времена. Она будет править вместо меня, она и никто другой, пока мой сын Эоган не достигнет совершеннолетия. Это последний приказ вашего суверенного короля.

За ним последовала тишина. Горстка мужчин переминалась в неуверенности

— Так и будет, — сказал маг Кори.

— Так и будет, — повторили остальные неровным хором.

Акмаэль устало выдохнул.

— Теперь идите. Оставьте нас, все вы. Я бы провел эти последние минуты наедине со своей королевой.

Они ушли, Кори и дети ушли последними, Бриана безутешно рыдала.

Эолин подошла ближе, согревала губы Акмаэля своими.

— Твоя жизнь не закончилась. Мы найдем способ вернуть силы обратно в твое тело, как мы это сделали в Римсавене.

На его пепельном лице расплылась улыбка, натянутая и неестественная.

— Я не был по-настоящему мертв, Эолин.

— Ты не мертв сейчас!

Его улыбка исчезла, а глаза затуманились.

— Эолин... Я мог бы остаться в твоём мире, в том домике в Южном лесу. Я мог бы состариться с тобой, отшельником и магом.

— Останься сейчас, — попросила она. — Останься со мной.

— Вместо этого я привел тебя в мой мир. Прости меня.

— Нечего прощать.

— Я вывел тебя из твоего дома и доставил в это место предательства и смерти. Я разрушил нашу любовь.

— Нет! — всхлип вырвался из ее рта. Эолин в отчаянии вытерла слезы, изо всех сил

пытаясь найти свой голос.

— Эолин, — прошептал он. — Я видел дом своего отца. Я перешагнул порог места, которое он уготовил для меня.

Хватка Акмаэля на ее руке ослабла, иней на его коже таял мягким белым туманом.

— Нет, — Эолин трясущимися пальцами натянула простыню на его грудь. — Это был всего лишь сон, Акмаэль. Понимаешь? Тепло вернется твоему телу. Битва окончена, и теперь я вылечу тебя.

— Я слышу его голос. Я не могу больше медлить, но я не останусь с ним. Эолин, я возвращаюсь в лес, где мы с тобой впервые встретились. Там я приготовлю для нас место, место, где сможет расцвести твоя магия.

— Ради богов, Акмаэль, я не могу...

— Обещай, что будешь искать меня, когда придет твое время. Я буду ждать у реки. Обещай, что мы снова будем вместе, как прежде.

— Обещаю, — слезы затуманили ее зрение. — О чем бы ты ни попросил, Акмаэль, только не...

Улыбка пробежала по его чертам.

— Я люблю тебя, Эолин. Всегда.

И Акмаэль, помазанный король рода Вортинген, испустил последний вздох и отпустил руку своей истинной любви.

Эолин охнула, часть нее пропала вместе с ним, став единым целым с Акмаэлем после смерти, даже когда она осталась в этом мире, сбитая с толку телом и душой внезапной, необъяснимой потерей. Она наклонилась, чтобы поцеловать его, но обнаружила, что его губы были холодны и безразличны.

— Вернись, — прошептала она. — Пожалуйста, Акмаэль. Вернись.

Он не ответил.

Положив голову на грудь мужа, она ждала его тихого дыхания, знакомого биения его сердца, силы объятий, но нашла лишь мертвую тишину.

Горе поднялось, как тень, за ее спиной, заглушая весь свет, пронзая ее сердце горьким отчаянием, вырывая ее дух длинными рваными клочьями.

Долгий ужасный вопль вырвался из ее груди.

Брошенная в море разрушения, Эолин прильнула к трупу Акмаэля и плакала без передышки до рассвета.

Одна

Леди Талия пробормотала слова утешения, уводя Эолин от Акмаэля.

Мага не сопротивлялась, опустошенная страданием. Когда Талия вывела ее из комнаты, маги, словно живая пелена, окружили ее мужа, распевая мрачные заклинания. Они зажгли свечи из ежевики и зимнего шалфея. Вскоре они начнут готовить его тело к последним обрядам.

Не обращая внимания на осанку или достоинство, Эолин оперлась на Талию в поисках поддержки. Ноги дрожали под ней. Лица людей расплывались, когда они проходили. Талия повела Эолин не в Восточную Башню, а в ее настоящие покои, расположенные недалеко от покоев Акмаэля. Там служители Эолин раскромсали одежду, обработали ей раны и набрали свежую ванну. Они одели ее в простые серые шелка, расчесали и заплели ей волосы и подали ей завтрак.

Эолин не ела, а смотрела невидящим взглядом в южное окно. День был таким же бесцветным, как и ее сердце.

— Моя Королева.

Эолин вздрогнула от нежного прикосновения Талии к ее локтю. Леди отступила на шаг и почтительно поклонилась.

— Высший маг Телин смиренно просит вас присутствовать в покоях короля, — сказала она.

Телин.

Эолин выдохнула. Даже смерть и трагедия не смогли остановить политику. Маг, несомненно, ждал с тем, что осталось от Совета. Ей придется встретиться с ними лицом к лицу и взять на себя управление этой катастрофой.

Чем скорее, тем лучше.

Она сосредоточилась на комнате вокруг себя.

— Где мои дети?

— Принц и Принцесса отдыхают в своих покоях под присмотром Мага Кори.

Холодный узел скрутил ее живот. Дыхание Акмаэля едва остановилось, а Маг Восточной Селен уже отбрасывал свою тень на наследников Короля.

Поднявшись на нетвердые ноги, Эолин позволила Талии закрыть ее лицо траурной вуалью. Мага забрала свой посох. Когда она вышла из комнаты, вокруг нее собралась небольшая охрана.

Многие тела уже были унесены. Слуги стояли на коленях на полу, оттирая пятна крови. Они остановились в своих усилиях и прикоснулись пальцами ко лбу, когда Эолин прошла мимо.

— Да здравствует королева, — говорили они. — Да здравствует принц Эоган.

Но их голоса были приглушены, а лица мрачны.

Эолин держала подбородок высоко и выпрямила спину. Казалась извращенной игрой эта демонстрация силы вскоре после падения ее Короля и опустошения ее духа. Ее тело было похоже на пустую оболочку. Она держала посох, но не чувствовала его гула. Кристалл потускнел; образ Дракона был омрачен. Эолин с трудом могла вспомнить время, когда ее магия не смешивалась с магией Акмаэля. Он всегда был частью ее путешествия как маги. Действительно, он был тем, кто первым раскрыл истинную природу ее дара.

Когда Эолин вошла в покои короля, все преклонили колени. Она позволила весу их

почтения задержаться, отметив, кто присутствовал. Кори встал на колени рядом с Телином, опустив белокурую голову и устремив глаза в пол.

— Встаньте, все вы, — сказала Эолин, — и присоединитесь ко мне в скорби по нашему королю.

Телин шагнул вперед, взял ее руку и коснулся пальцами своего лба.

— Слова не могут выразить глубину моего горя в связи с этой ужасной трагедией, моя королева.

— Мы скорбим как один народ и одно королевство, маг Телин, — ответила Эолин. — Маг Кори, мне сказали, что вы присматриваете за принцем и принцессой.

— Они ждут в своих покоях, моя Королева. Для их защиты были назначены стражи, и маг Эхиор сопровождает их, чтобы обеспечить все, что нужно. Я надеюсь, что это вам по душе?

— Да, — неохотно признала она. Немногим мужчинам она доверяла больше, чем магу Эхиору. Кори, конечно, знал это.

— Принц и принцесса спрашивали о вас, — сказал он.

— Я пойду к ним, как только закончим здесь. Что у Совета есть для меня? Какой план действий вы рекомендуете?

— Наш приоритет — очистить крепость, — сказал Телин. — Мы должны найти как можно больше порталов и убедиться, что они закрыты до наступления темноты. Я поручил нашим магам выполнить эту задачу, но спальню Короля нельзя взломать, пока мы с моей Королевой не войдем в нее первыми.

Каждая клеточка тела Эолин взбунтовалась при этой мысли.

— Я никогда не слышала о таком протоколе.

Телин нахмурился и отвел взгляд.

— При всем уважении, моя Королева, вы никогда не были свидетелем смерти короля.

— Но я не понимаю, почему...

— Пожалуйста, моя Королева. Необходимо соблюдать определенные обычаи, особенно в такие времена.

Эолин прикусила губу и подавила подступившую к желудку желчь.

— Хорошо. Тогда продолжим, маг Телин. Я бы покончила с этим и пошла к своим детям.

Ничто не могло подготовить Эолин к тому, что их ждало. Мебель была опрокинута, украшения разбиты. Балдахин кровати провис над расщепленными столбиками. Кровь была забрызгана повсюду. Гнилая смесь пота и секса, серы и рвоты, страха и разложения обрушилась на чувства Эолин.

Труп Раэллы лежал на пропитанных кровью простынях. Ее грудь была разорвана; ее глаза смотрели в пустом ужасе. Мухи уже проникли в комнату и жужжали над ее телом.

Перед глазами Эолин пронеслись тени, и она потеряла равновесие.

Телин схватил ее за локоть.

— Моя Королева.

— Я не могу оставаться в этом месте, — она вырвалась, сердце колотилось, когда она, спотыкаясь, направилась к дверному проему.

— Пожалуйста, моя Королева, — Телин остановил ее отступление. — Это ненадолго.

— Хватит настойчивости! Моя магия потрачена! Я бесполезна здесь.

— Если уйдешь, те, кто снаружи, воспримут это как знак того, что они могут войти. Мы

не можем этого допустить. Есть кое-что, что я должен найти в первую очередь.

— Найти?

— Да, письмо, по крайней мере, мне так сказали.

— Я не понимаю.

— Я тоже. Не все.

Эолин закашлялась, когда вонь застряла в горле. Телин достал из своего рукава чистую белую ткань.

— Пожалуйста, моя Королева, используйте это.

Шелк пах мятой и шалфеем. Эолин приняла его и приложила ко рту и носу.

Телин подвел ее к стулу и усадил.

— Это ненадолго, моя Королева, пока я не закончу порученную мне задачу.

— По крайней мере, накрой тело, — прошептала она, слезы наворачивались на глаза.

Телин кивнул и накрыл останки Раэллы простыней.

Завязав рот и нос куском шелка, он начал тщательный осмотр комнаты. Он осторожно тыкал своим посохом в упавшие предметы и брошенные мантии, его взгляд был пристальным, а плечи напряженными, будто он наполовину ожидал появления змеи.

Его прогресс оказался медленным и утомительным. Эолин, не в силах видеть разрушенную спальню Акмаэля, смотрела в окна и на пейзаж за ними. Ее сердце болезненно сжалось.

«О, Акмаэль, Почему Боги допустили, чтобы все так закончилось?».

— Кажется, у вас с магом Кори возникли разногласия, — сказал Телин.

— Что? — Эолин недоуменно посмотрела на него.

Телин продолжал обыскивать обломки у его ног. Он говорил небрежным тоном, словно комментируя погоду:

— Я заметил вспышку в вашей ауре, когда вы только увидели его. А у Кори на плечах странная тень. Если бы я не знал этого человека так хорошо, как знаю, я бы сказал, что он борется с бременем стыда.

Эолин закатила глаза. В других обстоятельствах ее это повеселило бы.

— Кори не из тех, кто сожалеет.

— Возможно, я перехожу границы, говоря это, моя Королева, но сейчас не время злить Мага Кори.

— Думаешь, я вызвала у него неприязнь?

— Было много свидетелей последних слов короля, но ваше положение по-прежнему шаткое, как и положение ваших детей. Тем более теперь, когда королевская семья Рёнфина готова заявить о своих правах, — Телин сделал нажим на слово «королевская», тонкий, но четкий. — Кори управляет почти половиной королевства и знает, как заставить остальных слушаться.

— Я это уже знаю, маг Телин.

— Я рад слышать это. Горе может затуманить суждения, но, конечно же, моя Королева не новичок в трагедиях и потерях. Я верю, что вы примете мудрые решения, как и в прошлом, несмотря на все, что произошло. Ах! — он застыл, его глаза загорелись: — Кажется, я нашел наш приз, — Эолин проследила за взглядом Телина на пол. Любопытный клочок бумаги был приколот к основанию его посоха.

Телин обмотал руку куском черного шелка и нагнулся, чтобы подобрать смятую записку. Из своей мантии он достал маленькую чашу, вырезанную из серого камня, которую

поставил на стол возле окна, прежде чем положить внутрь лист бумаги.

— Что это? — спросила Эолин.

Телин наложил на записку чары.

— Признание, моя Леди Королева. Письмо, написанное вашей Мариэль, в котором подробно описаны ваши измены лорду Бортену.

— Измены с Бортеном? Мариэль не написала бы такую ложь

— Не по своей воле. Смотрите, моя Королева. Видите дым?

От бумаги поднялся призрачный пучок, который свернулся, когда ударился о чары.

— Это Ахмад-мелан, — сказал Телин.

— В письме? Я не знала, что такое бывает.

— Только маг высочайшего уровня может запереть проклятие такой силы с помощью пера и чернил. Это дело рук Бэдона, волшебника старой гвардии, друга и союзника вашего мертвого врага Церемонда. Когда-то он был моим наставником, — эта мысль, казалось, позабавила Телина. — И Кори.

— Вот что свело Акмаэля с ума, — поняла Эолин. Глубочайшие страхи короля вырвались на свободу. — Где Мариэль? Что сделал с ней Бэдон?

— Мариэль в безопасности, отдыхает под присмотром своей сестры Жакетты в резиденции верховного мага Эхиора.

— Я должна отправиться к ней как можно скорее. А ее мучители?

— Мы не нашли Бэдона. Маркл, доставивший Мариэль старому волшебнику, нашел новый дом в подземельях Вортингена.

— Маркл? Но он был ее другом!

— Для некоторых дружба мало что значит по сравнению с амбициями. Вскоре к мальчику присоединится Крамон Лангерхаанс. Маркл назвал Лангерхаанса сообщником Бэдона. Он и его несчастная племянница Раэлла. Оказывается, ваша фрейлина знала об этом письме и его ожидаемой доставке. У нее были особые указания относительно того, как реагировать на ярость короля. Я так понимаю, она идеально сыграла свою роль.

Взгляд Телина метнулся к кровати, выражение его лица выражало холодное безразличие.

— Раэлла всегда была слишком откровенна в своих амбициях. Я полагаю, в ее судьбе есть урок для всех нас.

— Никто не заслуживает такой смерти.

— Вы добры, что так думаете, моя Королева.

Эолин казалось, что ее разум был в тумане. Ужас всего этого был слишком глубок, чтобы его можно было осознать.

— Мы должны сохранить письмо как доказательство измены Бэдона, — говорил Телин. — В то же время мы должны уничтожить его.

— Потому что любой, кто прочтет это письмо, тоже может поддаться его чарам, — сказала Эолин. — Они поверят словам Мариэль и обвинят меня в измене, а моих детей в том, что они — бастарды.

Телин улыбнулся.

— Иногда Кори разочаровывается в вашей способности выжить в этой игре, но я никогда не сомневался в том, что вы схватываете очевидное из-за вашего инстинкта тонкости. И если я позволю себе быть смелым, моя Королева, у вас есть талант не терять голову, даже когда кажется, что мир рушится.

— Эхекат, — пробормотал он. — Рехорнем антэ.

Белый огонь Эйтны полился из ладони Телина струйкой, пробившей чары. Письмо загорелось. Бумага раскрылась, как роза внутри медленного лилового пламени.

Хексуэ.

Внезапно огонь был потушен.

Телин положил пепел и клочки бумаги на кусок черного шелка. Он аккуратно сложил ткань, накладывая другие чары.

— Вот видите, — сказал он, — компрометирующие слова исчезли, но доказательства проклятия Бэдона остались.

Эолин посмотрела на него, не зная, как интерпретировать подарок, который он только что сделал ей.

— Спасибо, — сказала она. — Спасибо за это.

— Вы не обязаны меня благодарить, моя королева, это личная услуга для старого друга. Мы рассчитаемся с ним, когда придет время.

— О, — она сразу поняла, кого он имел в виду. Ожидал ли маг Кори что-то от нее взамен, или это была попытка искупить проступки?

— Я думаю, что мы задержались достаточно, — сказал Телин, протягивая Эолин руку. Когда она встала, он добавил. — Я нашел еще кое-что, что, как я полагаю, принадлежит вам.

Телин раскрыл ладонь и показал Серебряную Паутину. Эолин уставилась на украшение, связывавшее ее и Акмаэля с детства. Его мерцание потускнело, его кристаллы скрывались от света. Ее руки дрожали, когда она сжала украшение в кулаке и прижала его к груди.

Никакая магия больше никогда не соединит нас.

Снова нахлынуло горе. Слезы просили выпустить их наружу, но Эолин заставила их вернуться, осознавая свое место, слуг, которые ждали снаружи, и новую роль, которую она должна взять на себя для своего народа.

Безмолвно она повесила серебряную цепочку на шею, позволив амулету остановиться на ее сердце. Кивнув Телину, она направилась к залу Совета, ее дух был окутан тьмой, а ее мир превратился в ночь.

Глава двадцать пятая

Долг

Тэсара стояла над своим братом, пока он спал. Послеполуденный свет пробивался сквозь окна, освещая его лунные волосы. Она успокоилась, увидев его таким, его иссохшее тело, укрытое мягкими шерстяными одеялами, его дыхание ровное и глубокое.

Сестры Бедных ходили вокруг них, тихо шепча и шурша юбками. Они растирали душистые травы в ступах и нагревали воду над огнем в маленьких горшках. Они возжигали благовония и молились при свечах. Тихие ритуалы заставили сердце Тэсары болеть за дом, который она когда-то знала среди них.

Дверь открылась на смазанных петлях, и появилась Добрая Мать, ее морщинистое лицо было обрамлено угольно-серой вуалью. Единственным ее тщеславием была нить деревянных четок, которые щелкали при ходьбе. Старуха подошла к королю, положила ему на голову

пятнистую руку и тихо благословила.

Затем она подала знак остальным уйти. Они повиновались с быстрыми и благоговейными поклонами. Только когда за последней из них закрылась дверь, Добрая Мать обратилась к Тэсаре:

— Надеюсь, вы удовлетворены нашими приготовлениями?

— Да. Спасибо, Добрая Мать, за то, что позволили некоторым сестрам поселиться здесь. Я знаю, что это решение было сопряжено с риском.

— Мы едва ли могли отказать вам, хотя с вашей стороны было импульсивно отослать Братьев подальше без слов и предупреждений.

— Уверяю вас, мой дядя будет проинформирован, и я прослежу, чтобы он понял.

— Я думала, вы уже ему сообщили.

— Не было времени.

Добрая Мать приподняла бровь.

— Всегда есть время на то, что мы считаем важным.

— Я сама скажу Пенамору. Мне нужно, чтобы он понял, что я приняла это решение из любви к моему брату, не более того.

— Он может видеть, что твои мотивы чисты, Тэсара, но его разозлит то, что ты действовала по собственной воле.

— Тем больше причин откладывать новость.

— Почему так много неповиновения твоему дяде? — старуха обошла кровать и села рядом с Тэсарой. — Почему так много печали, когда твоя дочь была освобождена и вернулась в семью? Тебе не следует размышлять о судьбе своего брата. С этим сейчас ничего нельзя поделать. Гром приготовил для тебя другую судьбу.

— Похоже, судьба быстрее всего ведет к страданиям. Я жила в счастье и покое среди сестер. Я бы отдала все, чтобы вернуться.

— Время с нами было убежищем, не более того. Ты всегда была гостем в наших залах. Ты должна была знать это глубоко внутри.

Разочарование зажгло глаза Тэсары.

— Я не принадлежу к Сестрам. Мне не место при дворе. Где же тогда мое место?

— Рядом с твоей дочерью.

— Элиасара не знает меня! И если быть честной, я ее уже не узнаю. Мне больно находиться рядом с ней, Добрая Мать. Она любит человека, который меня унизил. Она называет его отцом, смотрит на меня с подозрением. Какой же мы можем быть семьей, если у нас нет ничего общего: ни истории, ни воспоминаний, ни пути в этом мире?

— Ваш путь будет проложен, если вы пройдете его с ней.

— Тогда я пошла бы с ней в свой дом среди сестер.

— Если бы Боги хотели, чтобы ты закончила свои дни как невеста Грома, они бы не отправили тебя на ложе Короля-Мага. Они бы не благословили тебя дочерью от его семени. Элиасара — ключ к новому будущему. Она может объединить наши королевства и положить конец ошибочным путям Мойсехена.

— Вы будто выпивали вино с леди Сонеи.

Старуха улыбнулась.

— Леди Соня — мудрая душа и хороший друг вам.

— Да, — Тэсара тихо вздохнула. — За годы, что меня не было, мой дядя сместил своих соперников и забрал все себе. Возможно, он сделал это, чтобы сохранить мир, но иногда я

думаю, как далеко он пойдет в своем стремлении к власти.

— Говори прямо, дитя. Наша связь не для тайн и загадок.

Тэсара кивнула на брата.

— Как думаете, Пенамор сделал бы что-то подобное?

Добрая Мать сделала знак Грома над своим лбом.

— Ты бы обвинила лорда-регента в колдовстве?

— Нет, не его, — Тэсара говорила быстро, чтобы не потерять мужество до того, как слова сложится у нее на языке. — Я сомневаюсь, что Пенамор знает заклинание, но что помешает ему использовать кого-то, кто знает?

— Честь, — сказала Добрая Мать. — Уважение к традициям нашего народа. Твой дядя может быть суровым человеком, но он не без угрызений совести.

— Я знаю своего дядю так же хорошо, как знаю своего брата. Карл был нежной душой. Он никогда не повел бы нас в бой против такого грозного врага, как Мойсехен. Он бы позволил всему этому конфликту умереть тихой смертью. Мой дядя, с другой стороны, хотел этой войны с того дня, как Король-Маг изгнал меня.

— Возможно, поэтому боги наказали твоего брата и дали Силусу Пенамору трон.

— Наказали моего брата? Зачем богам уничтожать скромного принца и оказывать благосклонность безжалостному лорду?

— Безжалостные люди иногда лучшее оружие.

Тэсара удивленно посмотрела на нее.

— Вы всегда говорили, что мы должны свернуть с пути войны.

— С пути необходимой войны, дитя мое. Этот конфликт с последователями Дракона не по нашей вине. Он был с нами с незапамятных времен. Ты и твой дядя призваны к благородному делу, к войне, которая может положить конец линии королей-магов и традициям магии, запятнавшим их народ.

— Все это звучит великолепно, Добрая Мать, но что, если вы ошибаетесь? Что, если единственной причиной Пенамора является расширение его власти? Он может отказаться от меня и моей дочери, как он отказался от моего брата. После того, как Мойсехен будет побежден и корона окажется в руках Пенамора, зачем мы будем ему нужны?

Добрая Мать крепко взяла руки Тэсары в свои.

— Так сделай себя полезной, Тэсара. Возьми мантию, которую Боги оставили на твоём пути. Держись твердо за своего дядю, поддержи его кампанию от имени дочери. Сделай это, и ни он, ни боги, назначившие его, не найдут причины отвергнуть тебя.

* * *

Несмотря на то, что Добрая Мать настаивала на том, чтобы она вернулась к дяде, Тэсара задержалась в Меролине еще на несколько дней. К тому времени, когда она вернулась в Адельрод, Пенамор и его армия уже ушли. Тэсаре сообщили, что лорд-регент двинулся к Мойсехену в компании своих галийских союзников и с Элиасарой.

Странная паника охватила Тэсару при мысли об одиночестве дочери. Она поспешила на восток со своим эскортом. Каждый день они отправлялись в путь задолго до рассвета и ехали так долго, насколько позволяли летние сумерки.

Армия оставила за собой большую полосу расчищенных полей и заброшенных ферм. Тронутая тяжелым положением крестьян, с которыми они столкнулись по пути, Тэсара предложила им все, что могла, но ее маленького кошелька оказалось катастрофически недостаточно, и вскоре его скудное содержимое опустело.

Наконец, однажды днем они поднялись на вершину холма и увидели море палаток, разбросанных по травянистой равнине. Облака, гонимые порывистым ветром, отбрасывали на лагерь эфемерные тени. Смелые флаги изображали зеленые горы, извергающие золотой огонь в сапфировое море, цвета и символы Галии.

Подгоняя лошадь, Тэсара повела свою роту по широкой дуге, полностью избегая галийских палаток. Они вошли в лагерь под флагами Рёнфина, где их встретили трубы и приветственные возгласы.

Пенамор вышел из палатки с сияющим лицом и широко раскинутыми руками. Позади него появился военный совет, мужчины с мрачными лицами, которые встретили взгляд Тэсары уважительными кивками.

Пенамор шагнул вперед, чтобы поприветствовать племянницу. Крепко схватив Тэсару за талию, он стащил ее с коня и закружил в танце, импровизированном и вульгарном.

— Мертв! — Пенамор торжествующе взревел. — Он умер, моя красавица! Король-Маг пал.

Тэсара застыла.

— Что?

— Убит этими тварями из Преисподней.

— Акмаэль был убит Наэтерским Демоном?

— Боги, Тэсара, ты выглядишь так, будто только что потеряла любовника. Да, принц, который использовал тебя, унизил и отослал, как простую блудницу, мертв по справедливости богов.

Тэсара в шоке уставилась на дядю.

«Он был отцом моей дочери».

Ее наполнили угрызения совести, неожиданное и глубокое чувство утраты. Она многое желала Королю-Магу, но ни разу не представляла его мертвым. Как мог такой неукротимый человек уйти из этого мира?

— Говорят, Королева-Ведьма сама вызвала демонов Наэтер, чтобы убить его, — говорил Пенамор.

— Это бессмысленно. Зачем ей желать его смерти?

— Потому что она дура и шлюха! Она будет сожжена через месяц, теперь, когда она одна. Но не раньше, чем она увидит своих бастардов, брошенных волкам, а головы их будут насажены на шипы.

Тэсара огляделась, узел в ее груди затянулся.

— Где моя дочь?

— В своей палатке. Она была в скверном настроении с тех пор, как ты уехала, и ей стало еще хуже, когда пришло известие о кончине Короля-Мага. Иди к ней, Тэсара. Кто-то должен вразумить девчонку.

— Обычай Мойсехена требуют двенадцать дней траура, — сказала Тэсара. — Мы должны чтить это ради Элиасары и ее народа.

— Теперь мы — народ Элиасары, и мы не будем никого оплакивать. Через три дня мы переправимся через реку Фурму и начнем осаду Селкинсена.

— Если они будут оплакивать своего короля, у них не будет времени подготовиться.

— Именно так, моя дорогая племянница. Мы готовы взять Мойсехен. Найди свою дочь и прикажи ей радоваться.

Тэсара поклонилась и попрощалась. Она подошла к покоям Элиасары в изумлении,

почти не замечая придворных и солдат, приветствовавших ее по пути.

Внутри палатки Элиасара лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Рядом с ней сидела мага-воительница Ирэни, гладила девушку по волосам и бормотала слова утешения. При появлении Тэсары Ирэни встала и поклонилась.

Тэсара подала быстрый сигнал Ирэни и слугам, и они молча удалились. Затем она нерешительно села на кровать.

— Моя любимая дочь, — тихо сказала она. — Я сожалею.

— Ты ни о чем не жалеешь! — закричала Элиасара. — Вы радуетесь так же, как Пенамор.

— Это неправда.

— Ты не имеешь права говорить со мной об этом! Он ничего для тебя не значил.

«Он дал мне тебя, — Тэсара прикусила губу, отчаянно желая произнести эти слова, но не в силах раскрыть свое сердце. — Это делает его всем».

— Я ненавижу тебя, — сказала Элиасара. — Я ненавижу Пенамора. Я ненавижу всех в этом заброшенном королевстве.

— Это королевство — твое наследство. Твой дядя, наш лорд-регент, прилагает большие усилия ради тебя. Нравится он тебе или нет, ты должна уважать его.

— Мне было бы все равно, если бы он был императором мира! Я ничего ему не должна. Я хочу вернуться к своей семье. Я должна быть с ними. Я должна быть с ними сейчас.

— Мы — твоя семья.

— Перестань меня оскорблять!

Слова пронзили Тэсару, она изо всех сил пыталась говорить ровным голосом:

— Пожалуйста, Элиасара. Я только пытаюсь утешить тебя. Воистину, я хочу лучшего для тебя. В конце концов, я твоя мать.

— Какая мать бросит свою дочь, когда она еще младенец?

Тэсара резко вдохнула, ошеломленная на мгновение тишиной. Когда ей снова удалось заговорить, ее голос был подавлен:

— Ты же знаешь, что у меня не было выбора.

— Выбор есть всегда! Так говорит Мага Эолин.

— Та ведьма, к которой ты так привязана, не была изгнана королем. Это она...

— Прекрати! Я не буду слушать твою ложь? — она снова зарыдала. Ужасные вопли сотрясали ее плечи. — Мертв! Отец мертв. И ты, и Пенамор смеетесь и танцуете по этому поводу. Вы держите меня здесь в заточении и говорите, что я должна сжечь Магу Эолин, а головы брата и сестры насадить на пики. Но я не буду этого делать! Клянусь богами, я не буду. Я не могу вести войну против людей, которые всегда были добры ко мне.

— Они заперли тебя в башне, — процедила Тэсара. — Ты называешь это добротой?

— Я не была заперта! Отец усилил мою охрану, когда в Рёнфине закончилась война. Он сказал, что пока угроза не будет понята, я должна быть в безопасности. Теперь я знаю, от чего он хотел меня защитить.

Шип впился в желудок Тэсары.

— До этого я могла делать все, что хотела, — продолжила Элиасара. — Мы ездили на север для пикников на реке или в Селкинсен. для летнего солнцестояния. Мы проводили зиму в Восточной Селен, а весну в высокогорьях Моэна. Никто никогда не говорил мне: «Возглавь эту армию» или «Насади голову своего брата на пику», Никто не позволял слугам зашнуровать мое платье так, что я не могла дышать, и не говорил мне, что я должна сесть

рядом с каким-нибудь незнакомцем и дать ему трогать меня, нравится мне это или нет.

Сердце Тэсары остановилось.

— Кто тебя трогал?

— Никто. И никто не будет, особенно он. Я тоже его ненавижу. Он старый. И уродливый.

— О ком ты говоришь?

— Галийский принц, — Элиасара сплюнула. — Пенамор говорит, что я должна быть мила с ним, но я не собираюсь быть милой ни с кем. Пока я не вернусь к моему народу.

Тэсара резко встала и прошлась по комнате. Для этого ли она вернулась? Терпеть ненависть дочери? Увидеть, как ее выдадут замуж против ее воли? Что она могла предложить после стольких лет молчания и разлуки? Какая у нее будет сила, чтобы защитить Элиасару от извращенных игр этого мира?

Тэсара остановилась, чтобы встретиться взглядом с дочерью, и увидела острое отражение собственной юности. На заплаканном лице Элиасары боролись надежда, нужда и страх. Тэсара почти так же смотрела на свою мать в тот день, когда они объявили о ее помолвке с Королем-Магом. Ей хотелось слов утешения, добрых обьятий, твердой уверенности в том, что эта внушительная судьба будет счастливой.

«Роди ему сына, — сказала ее мать, — или у тебя нет будущего».

Сделав тихий вдох, Тэсара вернулась к дочери и положила одну руку на ее ладонь.

— Я рада, Элиасара, что ты хорошо жила с братом и сестрой, и с вашим отцом, пока вы были вместе. Ты должна хранить все эти воспоминания, как сокровище в своем сердце, потому что каждый счастливый момент детства — это драгоценность, которую уже никогда не воссоздать. Но я не могу позволить тебе поддаться иллюзии, что все осталось бы прежним, если бы ты осталась в Мойсехене. Мы связаны нашим наследием, ты, я, твой отец и твой брат. Нравится тебе это или нет, но твоя кровь дает тебе более высокие права на трон Вортингена.

— Мне не нужен трон Вортингена.

— Неважно, чего ты хочешь. Это бремя было дано вам богами, и у тебя нет другого выбора, кроме как принять его. В глубине души ты должна знать это. И твой брат тоже это знает.

Элиасара погрузилась в беспокойное молчание. Она изучала пространство перед собой.

— Ирэни сказала то же самое.

— Конечно. Думаешь, маги рисковали смертью и изгнанием по прихоти? Они знали, что твой единственный шанс на выживание был с нами.

— Все пытаются подтолкнуть меня к войне против моего брата, но я люблю Эогана! Мы выросли вместе. Он всегда был добр ко мне.

— Ты помнишь принца Эогана добрым и любящим, но они научили его быть королем-магом, убийцей людей, разрушителем всех соперников.

— Он всего лишь мальчик.

— В день, когда умер его отец, Эоган стал мужчиной. А ты, Элиасара, теперь женщина. В силу своей крови ты враг своего брата. Будет лучше, если ты примешь эту судьбу здесь, среди народа твоей матери и с армией под своим командованием. Если бы ты была в Мойсехене в ночь, когда умер твой отец, ничто бы тебя не спасло.

— Не смей выдвигать такое обвинение! Эоган никогда бы не причинил мне вреда. Он не монстр. Он мой брат.

— Хуже монстра, он король. Прежде чем труп твоего отца остыл, ты бы погибла, подверглась жестокому обращению и была бы убита людьми под командованием твоего брата. Эта семья и эти люди, которых ты так ненавидишь, спасли тебя от этой участи. Ты должна уважать их за все, чем они пожертвовали, чтобы освободить тебя.

— Но я...

— Послушай меня: если хочешь выжить, ты должна двигаться вперед и принять корону, которая принадлежит тебе по праву. Забери Мойсехен, Элиасара. Забери сейчас, иначе у тебя не будет будущего.

Глава двадцать шестая

Принц Галии

Звезды сверкали на небе, когда Силус Пенамор созвал двор, чтобы отпраздновать возвращение Тэсары. Ряды ярких факелов освещали свежесрубленные столы, на которых лежало мясо с приправами и пикантные овощи. Вино и смех лились рекой; непристойные шутки и хвастовство еще не одержанной победой наполняли воздух. Девушки с манящими улыбками и пронизательными глазами толпились в темных углах, готовые предложить свой товар человеку с самым толстым кошельком.

Тэсара думала оградить свою дочь от такого непристойного веселья, но это была война во всем ее гротескном великолепии. Чем раньше Элиасара поймет природу людей, которые ей служат, тем лучше.

Звук рожков, сопровождаемый ударами барабанов, приглушил праздничную атмосферу. Улыбки исчезли под настороженными взглядами. Мужчины поставили свое вино. Руки скользнули к рукояткам ножей и мечей.

Не испугавшись напряжения, Пенамор встал и раскинул руки, приветствуя свиту ярких флагов и ритмичных движений. Прибыли воины Галии.

Элиасара крепко сжала руку Тэсары.

— Это он, — прошептала девушка. — Это принц Галии.

Тэсара проследила за взглядом дочери и увидела богато одетого мужчину, который шел среди барабанщиков и танцоров. Его осанка была гордой, выражение его лица было теплым и веселым. Его плавная походка отмечала ритм барабанов.

«Он ни старый, ни уродливый», — с удивлением заметила Тэсара.

Если она не считала себя старой. Принц Галии не мог быть старше нее больше чем на несколько лет. У него было широкое лицо с темными глазами и кожа цвета вспаханной земли. Сапфировая мантия скрывала его массивную фигуру под мягкой тканью. Образ его голого, с жилами и твердыми мышцами, вторгся в мысли Тэсары. Румянец залил ее щеки, и

она смущенно отвела взгляд.

Пенамор и принц обнялись, как братья.

Борясь с собственной неохотой, Тэсара велела дочери подняться.

— Пойдем, Элиасара. Надо по примеру твоего дяди поприветствовать нашего гостя.

Элиасара тащила за матерью.

Пенамор встретил их приближение с широкой улыбкой.

— Принц Савегр, вы помните мою внучатую племянницу Элиасару?

Протокол требовал, чтобы Элиасара выступила вперед, но она осталась, угрюмая, рядом с матерью.

Улыбка осветила темное лицо принца. Он преклонил колени перед принцессой.

— Ты прекрасна, даже когда печальна, — акцент Савегра был богатым и глубоким, согласные мягкие, но каждый слог выразительный.

Слезы покатались из глаз Элиасары.

— Элиасара, — Тэсара сожалела о жестокости своего упрека, но с этим ничего нельзя было поделать. Плакать при встрече с гостем было недопустимо.

— Нет, — Савегр дотронулся до щеки девушки. — Вы не должны останавливать эту воду. Эта вода питает огонь жизни.

Он отодвинул руку, на его пальце остановилась одинокая слеза. Придворные ахнули, когда огонь вспыхнул из воды и слился в сферу дымчатого кристалла.

— Мой подарок тебе, принцесса Элиасара, — сказал Савегр, — чтобы помочь тебе во время твоего траура.

Удивление смыло печаль Элиасары. Она коснулась кристалла, а затем взяла его в руки.

— Что это?

— Окно, которое поможет увидеть тех, кого ты любишь.

— Я могу их видеть, даже если они далеко?

Савегр кивнул.

— Даже если они мертвы?

— Иногда, но нужно быть осторожнее и использовать это с открытым сердцем. Тебе может не всегда нравиться то, что вы видите.

— Как это работает?

— Элиасара, — Тэсара не скрывала своего ужаса. — Ты не можешь принять этот дар.

— Почему нет?

— Это объект магии.

— Это безвредно, уверяю вас, — сказал Савегр. — Детская игрушка.

— При всем уважении, принц Савегр, эти устройства могут быть безобидными в глазах вашего народа, но они были давно отвергнуты нашими предками, благородная традиция, которую мы стремимся поддерживать.

Савегр поднялся во весь свой внушительный рост. Он положил руки на свой пояс, переливающийся смесью зеленого и золотого, и посмотрел на нее прищуренными глазами.

Тэсара не дрогнула под его наблюдением.

Пенамор кашлянул.

— Принц Савегр, это мать Элиасары, Тэсара, принцесса Рёнфин и королева Мойсехена.

— Это я уже понял, — сказал Савегр.

— Вы должны быть терпеливы с ней. Она провела годы среди Сестер Бедняков и оказалась довольно... жесткой в своих привычках.

Савегр рассмеялся и наклонился, поймав ладонь Тэсары. Он поцеловал ее пальцы, теплые губы задержались на прохладной коже.

— Это большая честь для меня, Тэсара из Рёнфина, наш народ слышал много историй о вашей щедрости и доброй воле.

Взволнованная, Тэсара отстранилась от его прикосновения.

— И мой народ слышал много историй о вашей магии и военной доблести. Мы очень благодарны вам за то, что вы присоединились к нам, чтобы защитить дело моей дочери, но я прошу вас не истолковывать наши намерения превратно. Нам нужна ваша помощь против Королевы-Ведьмы, но нас нельзя просить принять ваши пути и убеждения.

— Конечно, — Савегр почтительно кивнул и протянул руку к хрустальной сфере, которую держала Элиасара. — Простите меня, принцесса, но мы должны уважать волю вашей матери.

Элиасара отошла и умоляюще посмотрела на мать.

— Пожалуйста, матушка, позволь мне оставить это себе. Я хочу видеть отца.

Пенамор закатил глаза.

— Дорогая дочь, — сказала Тэсара, — наши предки учат нас, что магия никогда не бывает тем, чем кажется. Заклинания, которые, как мы ожидаем, сделают нас счастливыми, приносят печаль; проклятия, призванные погубить наших врагов, даруют им торжество. Так и с этим устройством. Ты веришь, что вид твоего отца внутри этой сферы сделает тебя счастливой, но вскоре ты убедишься в обратном.

— Я не говорила, что это сделает меня счастливой.

— И все же ты веришь, что так и будет.

Нижняя губа Элиасары выпятилась. Она смотрела на туманное стекло,

— Есть лучший способ увидеть твоего отца, — настаивала Тэсара.

— Какой способ?

— Ты можешь рассказать мне о нем.

— Рассказать тебе?

— Да, сколько угодно историй и когда угодно.

По правде говоря, Тэсара не знала, сможет ли она вынести радостные рассказы о детстве Элиасары с Королем-Магом и его блудницей. Но если Элиасара не поделится этим со своей матерью, к кому еще она могла обратиться?

— Каждый раз, когда ты говоришь о своем отце, — продолжила Тэсара, — ты будешь видеть его в своем сердце. Именно так мы должны держать наших близких рядом, когда они переходят в следующий мир; это дар, данный нам Богами Грома.

Сомневающееся хмурое выражение Элиасары сохранилось, но она отдала дымчатый кристалл принцу Савегру.

— Мы найдем еще один подарок, достойный принцессы, — сказал он.

Кристалл исчез в руке Савегра. На его месте появился кулон, серебряный дракон с большими крыльями и свирепыми янтарными глазами на пурпурной ленте.

— Этот, мне кажется, больше подходит?

Он адресовал вопрос Тэсаре, которая не могла подобрать слов. Она не одобряла никаких предметов, созданных с помощью магии, и подарки от этого человека казались ей особенно подозрительными.

— При всем уважении, принц Савегр, думаю, было бы лучше не...

— Подарок прекрасен, — Пенамор схватил кулон и начал завязывать его на горло

Элиасары, его движения были такими резкими, что Тэсара боялась, что он мог задушить девушку. — Печать дома Элиасары и символ ее наследия. Это драгоценность, которая приведет вас к победе, принцесса. Скажите нашему гостю, что вы благодарны.

Элиасара смотрела в пол, когда говорила:

— Я очень благодарна, принц Савегр.

Савегр кивнул и повернулся к своим помощникам. По щелчку пальцев появилась темнокожая девушка. Склонив голову, она опустилась на колени перед Тэсарой и протянула ей рулон ткани, потрясающего прозрачного шелка, сотканного в нескольких оттенках синего и серебряного.

— Мне сказали, что у королевы Мойсехена глаза цвета залитого солнцем моря, — сказал Савегр. — Я думаю, это хорошая пара.

Зачарованная, Тэсара положила руку на ткань, найдя ее мягкой и приятной на ощупь. Слова Доброй Матери эхом отозвались в ее мыслях:

«Искушение магии начинается с шепота».

И все же это не было магией, это был просто кусок ткани, очень похожий на все, что она видела на экзотических берегах Антарии или в далеком царстве Сырнте. Конечно, было не опасно принять это?

— Моя королева рада? — спросил Савегр.

Тэсара посмотрела в его глаза. Ее сердце замерло, она ощущала тепло от него.

— Это щедрый подарок, принц Савегр, — сказала она. — Благодарю.

Глава двадцать седьмая

Королева Мойсехена

Дыхание дракона распространилось бирюзовыми и золотыми языками, воспламеняя дерево пульсирующим оранжевым свечением. В клубящемся дыму смешивались ароматы обожженного бука, ольхи и пепла. Среди них витал смрад горелой плоти и опаленных волос. Глаза, руки, мышцы, кости и сердце превратились в черную пыль, плывущую по ветру. Его тело, ландшафт их любви, такой знакомый, что он стал частью Эолин, были отданы безжалостной воле богов.

Жар обжег лицо Эолин и глаза. Пустота владела ее сердцем и неумолимо влекла ее к

огню. Все, чего она желала, — это стать единым целым с Акмаэлем и позволить ярости Дракона поглотить ее боль; покинуть этот мир и вернуться в пристань своей юности, забыв обо всем, что осталось позади.

— Моя Королева? — Маг Эхиор коснулся ее локтя.

Эолин моргнула, вернувшись в настоящий момент. Воспоминание о погребальном костре Акмаэля исчезло, сменившись просторной комнатой, которая была местом встречи его — нет, ее Совета.

Влажный ветерок дул в окна, неся аромат только что положенного тростника. Свет падал на длинный дубовый стол. С каждым проплывающим облаком освещение тускнело, а затем усиливалось.

Члены Совета смотрели на нее с ожиданием на лицах. Она взглянула на три листа бумаги, которые они положили перед ней. Каждый ордер носил одно имя.

Маркл.

Лангерхаанс.

Бэдон.

Эолин резко встала, стул заскрежетал по камню.

Маги и дворяне поспешили последовать ее примеру. Они стояли в тишине, пока она прошла небольшой круг. Через несколько ударов сердца она остановилась и положила руки на спинку стула.

— Заседание отложено.

Голоса загудели в знак протеста:

— Но, моя Королева, нам нужно решение.

— ...срочно...

— ...не может ждать...

— Я сказала, можете идти! — ее вспышка заставила их замолчать. — Никто лучше меня не понимает непосредственность угрозы, с которой мы сталкиваемся. Но каждая жизнь в этом королевстве священна, и решение покончить с хотя бы одной из этих жизней должно приниматься с должным вниманием.

Высший Маг Телин кашлянул.

— Совет совещался, моя Королева. Уже долгие часы.

— И я слышала ваши рекомендации. Теперь я прошу вас уйти, чтобы я могла рассмотреть их. Вы узнаете о моем решении в свое время.

Наступила напряженная тишина. Телин не сводил пронизательного взгляда с Эолин, в то время как другие мужчины переминались с ноги на ногу, обмениваясь испуганными взглядами. Затем, коротко поклонившись, Высший Маг удалился, этому примеру неохотно последовали все остальные.

Все, кроме мага Кори.

— Моя Королева, — сказал Кори, пока волна движения огибала его. — Мы можем поговорить наедине?

Эолин отослала бы его, если бы не Телин, которая остановилась в дверях, чтобы оглянуться на них. Что-то в его выражении заставило ее заколебаться. Предупреждение, наверное. Или мольба.

Она кивнула Кори и велела охранникам и слугам уйти. Как только за ними закрылись двери, Кори вызвал звуковую защиту.

— При всем уважении, Эолин, ты ведешь себя как дура.

— Не начинай, Кори.

— Эти люди должны умереть.

— Я — мага, а не убийца.

— Это не убийство. Это казнь по неоспоримым причинам государственной измены.

— Я не хочу начинать правление моего сына с кровью на руках.

— Вряд ли у тебя есть выбор.

— У маг всегда есть выбор. У маг и, тем более, королевы.

— Теперь ты не мага и не королева. Ты — король Мойсехена. Ты должна действовать так, или эти стервятники разорвут тебя в клочья. Тебе известны злонамеренные слухи, распространяющиеся по этим залам: что ты вызвала демонов Наэтер; что ты желала убить короля; что ты оживила его труп с помощью темной магии, чтобы сохранить свою власть.

Ярость прорвала ее сдержанность.

— Почему, когда я всегда была доброй и верной царицей, внимательной к своим подданным, послушной мужу? В течение многих лет Акмаэль и я управляли этим королевством в гармонии. Мы дали им мир и процветание, каких не было со времен правления Уриена. Я любила Акмаэля. Я бросила все, чтобы быть с ним, а теперь говорят, что хотела его смерти? Чтобы я могла нести это проклятие, которое они называют короной?

Кори смягчил тон.

— Они говорят это, потому что боятся тебя. Ты мага. Хуже того, простолюдинка, достигшая небывалой власти. У многих знатных семей Мойсехена нет другой причины презирать тебя.

— Если я отвернусь от крови и мести, я могу показать им, что им нечего бояться.

— Король не может потерпеть неудачу в правосудии.

— А милосердие, проявленное Акмаэлем, когда он получил Корону своего отца? Он пощадил Бортена, хотя Кедехен пал под его копьем. Он пощадил меня, когда по закону я должна была сгореть. Даже тебя пощадил, Кори, несмотря на твое предательство.

— Акмаэль был принцем, уверенным в своих правах на трон. И он многое выиграл, даровав каждому из нас свою жизнь. Что бы ты выиграла, Эолин, пощадив этих мужчин?

— Дело не о выгоде. Какова цель их убийства сейчас? Бэдон стар и иссох, — они нашли древнего волшебника в одном из коридоров замка, раненого и дезориентированного, что-то бормочущего о своей вине и предательстве сообщников. — Утомленный и раскаявшийся. Ты сам так сказал.

— Бэдон сказал, что раскаялся, потому что убил короля, а не тебя. Он понятия не имел, что высвободит, разрушив магию, связывавшую вас с Акмаэлем. Если бы он предвидел это, уверяю, он нашел бы другой способ добиться своих целей.

— Тем не менее, он достаточно близок к смерти, и мне не нужно толкать его через край. И Маркл! Боги, Кори. Я смотрела, как он вырос. Во многих смыслах он все еще мальчик.

— Маркл доставил Мариэль ее мучителям. Он предал человека, который воспитал его как собственного сына. Он добивался твоей казни и изгнания твоих детей. Если он достаточно взрослый, чтобы совершить эти преступления, он достаточно взрослый, чтобы принять на себя последствия.

Эолин отпрянула, спасаясь от непреклонной логики Кори. Ее ноги остановились у одного из южных окон. Внизу город бурлил жизнью, а Фурма сверкала под полуденным солнцем. Сине-зеленое пятно на южном горизонте отмечало подъем гор Тэшель, границу ее

дома в Моэне.

Мир был полон жизни, звука и движения, его пульс не ослабевал из-за отсутствия ее Короля. Только она чувствовала себя застывшей посреди неразборчивого лабиринта выборов, неспособной двигаться вперед с момента ухода Акмаэля, неспособной понять свое место без него.

— Это не то, чем я должна была быть, — пробормотала она. — Я намеревалась вернуть в этот мир волшебство, магию, радость и жизнь. Теперь они дают мне Корону и просят убивать, убивать и снова убивать. Я не могу этого сделать, Кори. Я не буду.

Она услышала шорох одежды при его приближении.

— Они не дали тебе корону, Эолин. Это был выбор Акмаэля, выбор, который он сделал, потому что доверил тебе исполнение его воли.

По ее плечам пробежала дрожь.

«Найди их, — сказал Акмаэль. — Устрани их».

— Мне не следовало приходить сюда, — пробормотала она. — Я должна быть там, где мое место, в Моэне.

Кори быстро вздохнул и покачал головой.

— Мы не те маги, которыми надеялись стать.

Она посмотрела на него, пораженная признанием.

— Каким магом ты надеялся стать?

Он смотрел в ответ, в его глазах отражался постоянно меняющийся, но знакомый дух.

— Маг Восточной Селены, конечно. Не места, заметь. Людей. Окруженного лесом сообщества, которое я знал мальчишкой. Но, как и ты, я видел, как мое детство сгорает в огне. Как и тебя, меня пощадил король и привел в этот город наполовину пленником, наполовину гостем, чтобы я научился их играм интриг и власти.

— Игра, в которую ты играешь очень хорошо.

— Я играю, чтобы выжить. Это талант, который Боги дали мне, когда Бриана из Восточной Селен взяла меня за руку и вытащила из огня. Я пользуюсь их даром не столько потому, что он мне нравится, сколько потому, что искусство меня все еще верит, что наши усилия каким-то образом служат более высокой цели. Даже если форма и смысл этой цели продолжают ускользать от меня.

Живот Эолин сдавило. Она прикусила губу и отвела взгляд.

— Не знаю, почему я все еще слушаю тебя.

— Слушаешь, потому что я говорю правду.

— Ты всегда предаешь самых близких тебе людей.

— Когда я предавал тебя?

— Совсем недавно? В ночь, когда напали демоны Наэтер.

— Это не было предательством.

— Ради богов, Кори!

— Я хотел предупредить тебя, Эолин, но это разрушило бы иллюзию.

— Это не было иллюзией.

— Эолин...

— Я бы добровольно отдала свою жизнь! Я бы отдала всю себя этим тварям, если бы знала, что это спасет наш народ. Почему ты не доверял мне настолько, чтобы рассказать, на какой риск мы идем?

— Я не собирался тебя терять!

Эолин сделала шаг назад, застигнутая врасплах силой его ответа.

Неуверенность отразилась на лице Кори. Он нахмурился и отвел взгляд.

— Я не неблагодарна за то, что ты сделал, — тихо сказала она. — Я обязана тебе жизнями моих детей и всех, кто выжил в ту ночь. Но я...

Ее грудь сжалась, прервав дыхание. Ее рука потянулась к Серебряной паутине, свисавшей у нее с горла.

«Мне нужно знать, могу ли я тебе доверять».

Повернувшись спиной к Кори, Эолин подошла к столу и положила руку на смертный приговор.

— Подписание этих документов мало что изменит. Те, кто хочет, чтобы меня уничтожили, не смогут избавиться от своей ненависти.

— Сообщение, посланное этими казнями, будет понято, — Кори присоединился к ней. — И другие действия могут быть предприняты, чтобы подавить любой затянувшийся спор.

— Других действий Советом не обсуждалось.

— Не все находится в компетенции Совета. Бэдон, Лангерхаанс и Маркл — всего лишь трое звеньев в паутине интриг, которая может растянуться в королевстве. Мы не можем надеяться привлечь всех игроков к суду и казни; на самом деле это было бы контрпродуктивно. Но мы можем наносить хитрые и стратегические удары. Мы можем заставить их замереть, прежде чем они осмелятся снова выступить против нас.

— Что ты предлагаешь, Кори? Сжечь несколько деревень? Убивать семьи от моего имени?

— Нет, — веселье окрасило его тон. — Хотя я признаю, что эта мысль заманчива. Это будет сладкая месть. Но ты знаешь меня, Эолин. Я давно предпочитаю тихие действия и весомые слова. Я просто намерен дать понять всем сторонам, что верность тебе отвечает их интересам.

Ее сердце замедлило биение.

— Акмаэль никогда бы не стал мириться с...

— Акмаэль научился править у своего отца. Немногие лучше тебя понимают, на что пошел Кедехен, чтобы закрепить за собой трон. Его сын поступил бы точно так же, когда бы в этом возникла необходимость.

Эолин закрыла глаза, тонкая защита от этой суровой правды.

— Ты никогда не устаешь от игры, Кори?

— Я не позволяю себе устать. И ты не должна, особенно не сейчас. Усталость — верный путь к гибели, — Кори подошел ближе, его голос был низким и серьезным. — Так или иначе, я намерен обезопасить это королевство для тебя и твоих детей. Но моя задача значительно облегчится, если ты дашь мне головы этих трех предателей.

— Почему ты делаешь это? — она встретила его взгляд, опасаясь ответа. — Почему ты защищаешь меня и моих детей от всех них?

Удивление отразилось на его лице. Потом он улыбнулся и покачал головой.

— Ты знаешь почему, Эолин. Я сказал тебе, почему, много лет назад. Ты даешь мне надежду. А надежду стоит защищать, ты так не думаешь?

Глава двадцать восьмая

Танец войны

Тэсара вышла из своей палатки, мягкая шерстяная шаль лежала на ее плечах, ее дыхание было легким облачком на теплых губах. Барабаны звучали над галийским лагерем, глубокий и навязчивый ритм, отражавший пульсацию земли под полуночной луной.

Стражи переместились, готовые к ее команде. Среди них стояла мага-воительница Ирэни. Их беспокойная позиция была лишь небольшим отражением пугливого настроения, охватившего армию ее дяди. Тэсаре еще предстояло понять, как воины Галии и Рёнфина будут сотрудничать друг с другом на поле боя. Конечно, эту проблему должен был решить Пенамор.

Хотя, если он не решит ее, она и ее дочь пострадают от последствий.

— Как и вы, — сказала Тэсара своим воинам. — Я вышла на улицу только для того, чтобы послушать музыку.

— При всем уважении, моя Королева, — сказал один из них. — Это не музыка.

Тем не менее, мелодия была приятна для слуха Тэсары. Это навевало воспоминания о днях, когда музыканты Мага Кори приезжали из дальних земель, чтобы развлечь при дворе короля Акмаэля.

В последние дни, во время их утомительного продвижения к Мойсехену, Тэсара узнала, что музыка для галийцев была так же естественна, как дыхание. Они пели, когда маршировали и когда ставили палатки. Даже их странный язык был отмечен ритмом и высотой звука.

На закате, пока мужчины Рёнфина устраивались за выпивкой, азартными играми и усталой компанией оборванных шлюх, галийские воины собрались в огненном круге и танцевали под звездным небом. Савегр настаивал на том, что это состояние постоянного празднования радовало их Богов.

Движение рядом с Тэсарой отвлекло ее. Она посмотрела вниз и увидела свою дочь.

— Почему ты не спишь?

Элиасара напряглась:

— А ты?

Тэсара не могла не улыбнуться. Она наклонилась, чтобы поцеловать волосы дочери.

— Тебе нравится их музыка?

— Я не знаю, — признала Элиасара, — это так отличается от всего, что я слышала, и все же это напоминает мне о доме.

Дом. Слово каждый раз пронзало Тэсару. Она задавалась вопросом, подумает ли принцесса когда-нибудь о том, чтобы быть со своей матерью дома.

— Нам нужно пойти посмотреть, — сказала Элиасара. — В конце концов, нас пригласил принц Савегр.

— Я думала, тебе не нравится галийский принц.

— Не нравится. Но я нахожу их музыку интересной. Я хочу увидеть, как они танцуют.

Тэсара разглядывала лицо своей юной дочери, красивое и бледное в свете луны, глаза, сверкающие уже знакомой смесью потребности и неповиновения.

— Если моя дочь, принцесса Рёнфина и наследница Трона Мойсехена, хочет посмотреть, как танцуют галийские волшебники, — сказала она, — тогда мы увидим, как они танцуют.

Тэсара приготовила лошадей, и они отправились в сопровождении ее стражи. Звезды молча сияли над головой. Песнь сверчков и лягушек наполнила тени. Лошади обменивались тихим, игривым фырканьем, приближаясь к линии факелов, обозначавшей границу между двумя лагерями, их медленный шаг соответствовал осторожному ритму более глубоких барабанов. Тэсаре показалось любопытным, что по мере того, как люди Рёнфина становились настороженными под сенью Галии, их вьючные животные становились все более спокойными.

Только услышав предостерегающий вызов галийских стражников, Тэсара внезапно засомневалась. Она остановила коня и подняла руку, чтобы остановить эскорт.

С их позиции она могла видеть центральный костер, возвышающийся над галийским лагерем, словно древняя горящая ель. Толпа воинов окружила его, размахивая оружием, ногами стуча по земле. Крики пронзали ночь.

«О чем я думала?».

— Вы что-то сказали, моя Королева?

Тэсара повернулась к своему капитану, который смотрел на нее выжидающим взглядом.

— Должно быть, я неправильно поняла приглашение принца Савегра, — сказала она. — Очевидно, что это церемония, в которой нам нет места. Давай вернемся прямо сейчас.

— Но мама...

— Решение принято, Элиасара. Я поговорю с принцем завтра, чтобы договориться о более подходящем часе для нашего визита.

Как только она повернулась, чтобы уйти, вокруг них сомкнулась тень. Тэсара вздрогнула. Галийские стражники схватили ее коня за узду и разлучили королеву с дочерью. В мгновение ока они окружили охрану Тэсары. Лошади встали на дыбы, мечи были обнажены, но клинки выпали из рук ее людей от вспышек ослепляющего света.

Когда зрение Тэсары прояснилось, лицо ее капитана превратилось в маску ужаса. Он схватился за руку с мечом, кулак в перчатке дымился у его груди.

— Они сожгли мой клинок! — кричал он. — Подожгли его у меня в руках.

Тэсара подавила свой ужас и сделала взгляд строгим.

— Не нужно было доставать оружие, сэр Бевел. Вам или любому из ваших людей.

— Но, моя Королева

— Галийцы — наши друзья, гости нашего короля и регента.

Бевел стиснул зубы и опустил взгляд.

Тэсара повернулась к воинам, окружавшим их.

— Кто здесь ваш капитан? Я хотела бы поговорить с принцем Савеграм.

Тела сместились. Путь открылся, и появился высокий пожилой мужчина с угловатыми чертами лица. Он почтительно поклонился.

Тэсара узнала эти глаза, как у хорька. Этот человек всегда сопровождал принца Савегра. Говорили, что он был ближайшим другом Савегра, его доверенным советником. На мгновение, которое казалось вечным, его имя ускользнуло из ее памяти. Затем оно вернулось в тихом дыхании, подобно луне, появившейся в проплывающем облаке.

— Уралес, — сказала Тэсара. — Лорд Уралес, пожалуйста, сообщите принцу Савегра, что мы с дочерью решили принять его приглашение. Мы были бы очень рады, если бы он принял нас, хотя мы, конечно, пойдем, если время стало слишком поздним.

Улыбка тронула тонкие губы Уралеса.

— Моя Королева, время не имеет значения для волшебника Галии. Наш принц ждет вас сейчас и всегда. Пожалуйста, следуйте за мной.

Их отвели к длинному столу на возвышении над морем движения. Под ними широкий круг факелов освещал корчащуюся массу полуобнаженных тел. Барабанщики били в свои инструменты. Зрители скандировали за напитками. Здесь пахло потом, плотью и чем-то более глубоким, диким и опасным.

Пять маленьких костров были разожжены вокруг самого высокого костра в центре, где Тэсара увидела принца Савегра. Его мускулистый торс блестел в свете пламени. Он простирал руки к огню, источая ауру неукротимой магии, будто он обладал властью над возвышающимся пламенем. Пение Савегра подхватывалось его народом, повторялось, варьировалось, разбивалось на части, а затем снова собиралось, чтобы породить новые мелодии, пока они танцевали.

Трепет расползся по венам Тэсары. Она поняла, что это больше, чем танец, это была тренировка. Каждое изящное движение было отмечено агрессией. Мужчины и женщины бросали вызов друг другу, наступая и отступая. Их деревянные посохи встречались в стаккато ударов. Воины подпрыгивали в воздухе и вращались так быстро, что их тела расплывались, но приземлялись в идеальном равновесии. Несмотря на роскошные движения, каждая пауза была обоснована, каждый фокус был абсолютным. Когда Савегр прервал свою песню и присоединился к битве, необычайное мастерство других воинов померкло перед его мастерством.

Ни одна армия не смогла бы устоять против такой яростной солидарности. Если они пойдут выступить против Рёнфина...

Она взглянула на дочь. Элиасара смотрела на пламя, замороженная галийским ритуалом.

«Мы все под его чарами».

Слуга показал им их места, налил вина и предложил Тэсаре. Она взяла чашу с легкой дрожью в руках. Закрыв глаза, она сделала глоток напитка и попыталась отгородиться от шума и ритма, от запаха разогретой плоти. Но барабаны Галии не умолкали. Их коварный ритм пробирался в ее пульс. Запах крови и желания ударил ей в ноздри. Его вкус расцвел на

ее языке.

Встревоженная, Тэсара встала, чаша выскользнула из ее рук, расплескав вино во все стороны. Служанка прибежала с тряпкой. Темноволосая девушка опустилась на колени и яростно вытерла кроваво-красное пятно, растекшееся по платью Тэсары.

— Мне так жаль, моя Королева, — сказала она. — Пожалуйста, простите.

Между ними врезался сердитый баритон Савегра:

— Ньелла!

Девушка испуганно подняла взгляд. Она отскочила и распростерлась на полу.

Тэсара встретила взглядом с Савегром, прежде чем непреднамеренно скользнула глазами к его обнаженной груди. Борясь с уколом слез, она отвела взгляд. Вино оставило уродливый след. Нужно было заменить всю панель юбки. Однако настоящее пятно проникло гораздо глубже, чем в ее пастельную парчу. Настоящая порча пустила корни в ее душе. В тот момент, поняла Тэсара, с мрачной окончательностью, никакое покаяние не заставит эту тень уйти.

Она сглотнула, но в горле пересохло.

— Принц Савегр, девушка не виновата. Я устала, и моя чаша выскользнула из рук. Боюсь, я оскорбила эту церемонию своей неуклюжестью. Спасибо, что пригласили нас. Моя дочь и я пойдем.

— Пойдете? — он раскинул свои широкие руки в просящей позе, появились слуги, чтобы начисто вытереть его туловище и накрыть его свежей одеждой. — Но вы только прибыли!

— Мы опоздали, мой принц, — она запнулась на своих словах, чувствуя одышку и головокружение. — Я должна думать о своей дочери...

— Но я хочу остаться, мама, — глаза Элиасары были яркими и умоляющими. — Еще немного, пожалуйста? Я хочу научиться галийскому танцу.

— Этот танец нельзя выучить за одну ночь, принцесса, — Савегр наклонился, чтобы встретиться с ней взглядом, и указал на огонь внизу. — Эти солдаты начали изучать Кел'Мейну, когда были маленькими детьми. К тому времени, как они достигли твоего возраста, большинство из них уже освоили сердце огня.

— Но я могу немного научиться, не так ли? Я не так горда, чтобы считать, что могу овладеть им, но я могу немного научиться.

Савегр выпрямился и посмотрел на нее, прищурился. Он хлопнул в ладоши.

— Ньелла.

Служанка поднялась на ноги.

— Возьми принцессу и покажи ей, что ты знаешь о танце.

Ньелла была такого же роста, как Элиасара, но более мускулистого телосложения. С широкой улыбкой и быстрым поклоном она взяла Элиасару за руку.

— Принц Савегр, я должна возразить, — сказала Тэсара.

Девушки остановились.

— Против этого вы не будете возражать, — ответил Савегр. — Принцесса выучит галийский танец, пока я проявляю галийское гостеприимство моей леди королеве.

— При всем уважении, принц Савегр, я не могу позволить моей дочери заниматься какой-либо деятельностью, связанной с магией.

— Принцессе не причинят никакого вреда. Даю слово.

«Слово волшебника — всего лишь игра».

Словно почувствовав ее сомнение, Савегр подошел ближе, его насыщенный аромат навевал образы теплых летних ночей.

— Я бы разделил чашу правды со своими союзниками из Рёнфина, но я видел, что правда горька для вас и вашего народа.

Тэсара оцетинилась.

— Вы ничего не знаете обо мне и моих людях.

— Я привел сюда свою армию не для того, чтобы сражаться за лживого регента и уклончивую королеву. Если вы хотите заручиться поддержкой Галии в обеспечении будущего вашей дочери, тогда оставайтесь, и мы поговорим.

Все движение и смех за столом прекратились. Воздух стал тяжелым от ожидания.

Ирэни шагнула вперед.

— Моя Королева, я буду сопровождать принцессу и отвечать за ее безопасность.

Элиасара с надеждой перевела взгляд с Ирэни на Тэсару.

— Вот видишь, матушка? Пожалуйста,пусти нас. Это ненадолго.

Тэсара стиснула зубы, не понимая, что ее беспокоит в виде этих трех молодых женщин и в простом желании, которое их объединило.

«Это только танец».

— Идите, — тихо сказала она, — но вы должны вернуться, как только я позову.

Элиасара и ее новая спутница убежали, Ирэни шла близко за ними.

Тэсара смотрела им вслед, сердце боролось с натиском страха и неуверенности.

Она поняла, что остальные ее охранники ушли. Она заметила их на краю танца. Некоторые распевали свои песенки, другие пили с возрастающим азартом. Женщины Галии, гибкие воительницы с кошачьими взглядами, снова наполнили их кубки и пригласили их в объятия.

— Я должна призвать своих людей к порядку, — сказала она.

— Их? — Савегр указал подбородком на гуляк. — Пусть наслаждаются. Скоро многие умрут за вашу дочь, не так ли? Мы подарим им эту ночь с галийским вином и галийскими удовольствиями, чтобы они помнили нас в стране богов.

— Я не могу этого допустить.

— Это мой лагерь, а не ваш.

Савегр указал на ее место.

Неохотно она согласилась.

Перед ними стояли тарелки с едой. Принц Савегр пылко поглощал пикантную пищу, отрывая мясо от костей, вонзая зубы в сочные плоды, запивая все щедрыми глотками вина.

Тэсаре предлагали все, что она пожелает. Под натиском Савегра она изо всех сил старалась есть, но ее аппетит пропал, и вскоре она была вынуждена ковыряться в еде.

Савегр не говорил с ней, как обещал, а вместо этого подшучивал со своими придворными на незнакомом языке Галии. Каждое его заявление встречалось непристойным смехом и смелыми ответами, их обмен насмешками мало чем отличался от танца внизу, ритмичного по своей природе, беззаботного, но подчеркнутого элементом вызова.

«Они спорят даже на словах, но уважают друг друга за то».

Тэсара позволила своему вниманию отвлечься от непонятных шуток. Она искала свою дочь в толпе внизу. Элиасара подпрыгивала в конце танца. Смех сорвался с губ принцессы, она и Ирэни пытались подражать грациозным и сильным движениям Ньеллы. Тепло расцвело в сердце Тэсары при виде их зарождающейся дружбы.

— Почему ваш дядя хочет, чтобы я женился на этой девчужке? — вызов Савегра прервал мимолетное чувство покоя.

— Вы считаете мою дочь недостойной?

— Не недостойной. Молодой.

— Уверяю вас, лорд-регент не имеет в виду оскорбление. Ценность наследства бесспорна. А у нас принято обручать девушек до того, как они расцветут.

— Настоящие мужчины не берут детей в свою постель.

— Заключение брака не всегда происходит в момент подписания контракта.

— Это то, чего многие ожидают. Разве не так?

Тэсара напряглась и отвела взгляд.

— Это право мужа. Чаще всего действия в брачную ночь идут на пользу обоим домам. Как только брак заключен, риск нарушить договоренность невелик.

— Ваш брак с Королем-Магом был заключен, не так ли? Но вы здесь, а он с другой невестой.

— Он правит другой страной, с другими обычаями.

— Настоящий мужчина не приводит в свою постель маленьких девочек. Настоящему мужчине нужна женщина, чья красота формируется не молодостью, а опытом ее лет.

Звуки смеха и музыки отступили под интенсивностью присутствия Савегра. Тэсара встретила его взгляд. Ее голос превратился в шепот.

— Вы говорите так, как будто знаете такую женщину.

Савегр кивнул в сторону того места, где играла ее дочь.

— Такая женщина подарила мне Ньеллу.

— Ньелла — ваша дочь?

— Разве не видите сходства? — он ударил себя кулаком в грудь, его улыбка была приятной и широкой. — Она красивая и сильная, как я.

— И все же вы позволяете ей прислуживать за столом, убирать наш беспорядок, даже падать ниц перед вами.

— Если она хочет править, она должна сначала служить. Так было со всеми королями и королевами Галии.

— А как же ее мать? Где она?

— Она ушла из этого мира в день рождения Ньеллы.

— О, — Тэсара неловко поерзала. — Мне жаль. Я не знала.

— Почему вы так мало знаете? — в его голосе не было упрека, только недоумение.

— Прошу прощения?

— Десять лет вы служили среди своих сестер, теперь вернулись, чтобы стать королевой.

Вы должны знать каждую правду в пределах вашей досягаемости.

— Тогда скажите честно, почему вы здесь. Рука моей дочери даст вам власть над тремя королевствами. Если она вам не нужна, зачем нам помогать?

Савегр откинулся на спинку стула, и на его лице отразилось удовлетворение.

— Это галийский путь. У вас есть сомнения. Вы задаете вопрос. Я чту ваше мужество правдой. Я пришел, потому что у той, кого вы зовете Королевой-Ведьмой, есть что-то, что принадлежит нам.

— Вещь?

Савегр положил руку на плечо Тэсары, налив ей еще вина. Тэсара подавила порыв отшатнуться от его прикосновения.

— Вы не такая, как ваш дядя, королева Тэсара, — сказал он. — Вы сделана из вод другого источника.

— Дайте мне ответ.

— Мага Эолин владеет галийским инструментом, колдовским оружием.

— Оружие? — нити воспоминаний слились в сознании Тэсары. — Вы про меч ее брата?

— Не ее брата. Он не принадлежал ему.

— Но этот клинок у нее уже много лет. Зачем вам искать его сейчас таким образом?

Почему вы не пошли к ней раньше?

Веселье мелькнуло в глазах Савегра. Он взял свое вино и отсалютовал ей.

— Я начинаю понимать, королева Тэсара. Вы много знаете, но не хотите, чтобы ваши знания были признаны. Так женщины вашего королевства выживают, скрывая то, что видят?

— Ответьте на мой вопрос, принц Савегр.

Савегр ухмыльнулся и подозвал ее поближе. Вопреки здравому смыслу, она повиновалась. Его ладонь была грубой на ее щеке. Ее кожу покалывало, когда кончики его пальцев коснулись затылка. Его теплое дыхание коснулось ее уха, и, казалось, целую вечность, он держал ее так, пока волна тонкого удовольствия не прошла по ее позвоночнику.

Напряжение в мышцах Тэсары исчезло. Она закрыла глаза и увидела беспокойные горы Галии, их зеленые леса, их огненные сердца. Ее губы приоткрылись, и она тихонько вдохнула.

— Я удостою тебя правдой, Тэсара, — пробормотал Савегр.

— Но не этой ночью.

Глава двадцать девятая

Ярость

Ноги Гемены стучали по твердой земле. Ярость подпитывала ее скорость. Горячий ветер дул ей в спину. Холодные воспоминания кусали ее за пятки. Хотя пейзаж становился темнее, пока она бежала, она не замедлила шага, пока ее легкие не угрожали разорваться, а слезы гнева не затуманили ее зрение.

— Проклятье! — закричала она и послала оранжевое пламя в ближайшее дерево. Листья вспыхнули огнем, ветки свернулись в обугленные хрустящие корочки. Гемена упала на колени перед пылающим костром, лицо озарил очищающий жар.

Никола, запыхавшись, подошла к ней сзади.

— Что на тебя нашло?

— Разве ты их не видела? Разве ты не видела, как он наложил на нее свое заклятие?

— То? — Никола кивнула в сторону галийского лагеря, откуда они пришли, и пожала плечами. — Это мало что даст, уверяю. Тэсара такая холодная, каких я еще не видела. По правде говоря, я очень надеюсь, что он растопит эту корку льда. Возможно, часть его огня согреет ее перед этой войной.

— Послушай себя! Неудивительно, что наше порабощение мужчинами бесконечно. Король-маг был уничтожен одним ударом, но прежде чем мы успеваем отпраздновать его кончину, появляется Принц Галии. А Тэсара уже глупо попала в его хватку. Мы поменяли одного тирана на другого.

Никола нахмурилась.

— Не уверена, что согласна, Гемена. Ирэни, кажется, весьма увлечена галийцами, их женщинами-воительницами и их знаниями Первобытной Магии. И мне они нравятся. Определенно мы чувствуем себя среди них лучше, чем среди жителей Рёнфина, ты так не думаешь?

— Я ни с кем не чувствую себя как дома, — Гемена схватила камень и бросила его в горящее дерево. — Мы вот-вот потеряем все, за что боролись. Тэсара станет марионеткой этого волшебника, как Эолин стала марионеткой Короля-Мага.

— Я люблю тебя, Гемена, но ты всегда склонна видеть худшее в любой ситуации, особенно когда дело касается мужчин. Подумай о том, что ты говоришь: ты можешь представить себе Тэсару, соблазненную галийским волшебником? Это может быть зарождающееся влечение, но это мало что значит. Тэсара глубоко укоренилась в своем недоверии ко всем практикующим. Она настороженно относится к тебе, женщине, спасшей ее дочь. Почему она вообще склонна слушать его, если он не сделал ничего, чтобы доказать свою верность ее интересам?

— Потому что женщины — дуры, когда дело касается мужчин, — Гемена сплюнула. —

Мы не можем рисковать проиграть эту борьбу амбициям галийского волшебника. Мы должны отправиться в Параменские горы. Сегодня ночью. Мы должны убедить королеву Хелию поддержать наше дело.

— Пенамор не разрешил нам выступать в качестве его послов, и Тэсара не хочет, чтобы к этому присоединялись другие практикующие.

— Это не их война! Это наше. Горная Королева может противостоять Мойсехену, и, достигнув этого, она сможет обеспечить возвращение галийцев домой.

Никола тихо вздохнула.

— Хорошо, Гемена. Ты по-прежнему наш капитан. Конечно, мы ничего не теряем, спросив ее.

Гемена коротко кивнула и направилась к их лагерю. Никола поспешила повторить ее целеустремленный шаг.

— Ты пойдешь со мной, — сказала Гемена. — Ирэни останется здесь, чтобы убедиться, что между Тэсарой и галийским волшебником не произойдет ничего катастрофического, пока нас не будет.

— Что ты хочешь, чтобы она сделала? Каждую ночь пряталась под кроватью Тэсары? Кастрировала галийского принца, если он подойдет слишком близко?

— Ирэни может сама соблазнить Тэсару, мне все равно. Чего бы это ни стоило, чтобы удержать Савегра подальше от нашей королевы. Я не позволю другому волшебнику разрушить все наши планы.

Глава тридцатая

Тени

Жакетта бросилась в объятия Эолин. Эолин заключила свою любимую ученицу в крепкие объятия. Слезы благодарности защипали ее глаза, когда она вдохнула аромат теплого очага и вечерних специй Жакетты. Боги многое забрали в ночь нападения демонов Наэтер, но, по крайней мере, они позволили ей выстоять.

Жакетта отстранилась, улыбаясь.

— Они сказали, что ты придешь. Я не поверила, война на носу и корона на голове. Наши простые дела вряд ли достойны твоего внимания сейчас.

Эолин нежно коснулась щеки девушки.

— Нет ничего более достойного моего внимания, чем мои сестры по магии.

Жакетта взяла Эолин под руку и повела ее по узкому коридору. Охранники двинулись за ней, но Эолин дала им знак оставаться. Она не хотела, чтобы покой дома Эхиора нарушался их тяжелой походкой и шипящим металлом.

— Я вижу, маг Эхиор хорошо о тебе позаботился, — сказала Эолин.

— Он был добрым во время всего этого испытания. Моя магия была высвобождена в тот момент, когда твои приказы были доставлены.

— А Мариэль?

— Поправляется. Маг Эхиор настаивает, чтобы мы набрались терпения, но я беспокоюсь. Тени проникли в ее ауру. И ее посещают страшные видения.

— Сны?

— Нет, истинные видения. Она видела демонов Наэтер, когда они атаковали; кричала во

сне, что они роятся в замке. Мы думали, что она сошла с ума под воздействием Ахмад-мелана, но тут мы услышали тревогу из крепости. Маг Кори сразу ушел. Он сказал нам предупредить всех в Квартале Магов, что мы и сделали, хотя и не успели достаточно быстро. Не для того, чтобы предотвратить все это. О, Мага Эолин! Так много жизней было потеряно, и наш любимый Король также отнят у нас.

— Мы сделали все, что могли, Жакетта.

— Этого было недостаточно. А лорд Бортен? Как он?

— Выздоровливает. Я послала за его женой, леди Винелией, чтобы она прислуживала ему и помогала с другими делами здесь, в городе.

— Надеюсь увидеть ее. С Винелией Бортену будет лучше. Маг Эхиор говорит, что сэр Бортен может снова ходить, но никогда не будет сражаться.

— Его отсутствие будет глубоко ощущаться, когда мы двинемся к Рёнфину.

— Говорят, что перед тем, как он пал, он послал в Преисподнюю не одного демона Наэтер.

Эолин замедлила шаг.

— Кто тебе это сказал?

— Все. Весь квартал гудит рассказами о его подвиге.

— Э... Что еще говорят о лорде Бортене в ту ночь?

Жакетта отвела взгляд. Она потрогала синюю ленту, вплетенную в ее каштановые локоны.

— Есть, конечно, и другие слухи, но они грязные и глупые. Им никто не верит.

Эолин кивнула и поманила Жакетту, чтобы они продолжали прогулку. Она сразу поняла, кто посеял слухи, скрывая правду с путаницей за тонкими намеками и многозначительным разговором. Задача была достаточно легкой. Насколько было известно Эолин, единственным выжившим свидетелем ярости Акмаэля против Бортена была Талия. И если бы были какие-то сомнения относительно способности Талии к осмотрительности...

Дрожь пробежала по Эолин. Она отказалась развивать эту мысль.

«Никогда не доверяй членам королевской семьи, — однажды сказала ей ее наставница.

Они постоянно врут».

«И теперь я среди них».

— Вот и пришли, — сказала Жакетта.

Молодая мага открыла дверь, стало видно просторную комнату с простой мебелью. Свет струился через окна, освещая Мариэль, где она лежала. Глаза ее были закрыты, выражение лица — умиротворенное, темные волосы собраны в косу.

Рядом с ней сидел Кори, поглощенный книгой на коленях. Это тронуло Эолин. Она вспомнила, как Кори вот так дежурил у ее постели много лет назад, когда она восстанавливалась после битвы при Эрундене.

— Маг Кори, — сказала Жакетта.

Он поднял взгляд, словно испуганный их присутствием. Затем он встал, отложил книгу и поклонился.

— Моя Королева.

— Не ожидала найти тебя здесь, маг Кори, — сказала Эолин.

— Я как раз собирался уйти.

— А я думала, ты останешься на ужин! — возмутилась Жакетта.

Губы Кори тронула улыбка.

— Не в этот день. В крепости меня ждут тысячи заданий, как хорошо знает наша королева. Однако я вернусь завтра и еще раз проверю нашу подопечную.

Кори взял Эолин за руку и коснулся лбом ее пальцев. Затем он ушел, Жакетта тихо закрыла за ним дверь.

Эолин села на кровать рядом с Мариэль. Теневые нити вились сквозь ауру маги, извиваясь, как крошечные змеи. Взяв девушку за руку, Эолин направила магию нежными волнами к духу Мариэль.

— Просыпайся, дочь моя, — пробормотала она. — Мир живых зовет тебя, и твои сестры услышат твой голос.

Резко вдохнув, Мариэль открыла глаза. Она посмотрела на Эолин и издала жалкий всхлип. Эолин обняла юную магу, погладила ее по волосам и поцеловала в лоб.

— Тише, — сказала она.

Мариэль вырвалась из объятий.

— Я не буду молчать! Я больше никогда не буду молчать.

Яд в ее реакции застал Эолин врасплох.

— Как пожелаешь, Мариэль, — сказала она. — Я не пытаюсь заставить вас замолчать, только утешить тебя.

— Когда я увижу, как они умрут?

Эолин тихо вдохнула.

— Жакетта, оставь нас на минутку, пожалуйста.

Юная целительница кивнула и вышла из комнаты. Когда она закрыла дверь, Эолин снова повернулась к Мариэль.

— Их смерть не сделает тебя здоровой, Мариэль. Тебе нужны солнце, музыка и смех. Больше всего тебе нужен лес.

— Ты не сделаешь этого, да? — Мариэль пригвоздила ее обвиняющим взглядом. — Ты не убьешь их, даже после этого. Гемена была права. Ты труслива.

— Я столкнулась с Наэтерскими Демонами и выжила в Преисподней. Я убила принца Мехнеса из Сырнте в битве при Римсавене. Не называй меня трусливой.

— Ты должна была убить его раньше!

Горький упрек Мариэль глубоко ранил.

Эолин закрыла глаза и потерла лоб, устав от тяжести собственных неудач.

— Убийство этих людей сейчас не изменит того, что было сделано.

— Нет, но это даст нам место силы внутри этого парада теней.

— Мне грустно слышать, что ты говоришь такие вещи.

— Говорю правду? Смотрю на эту жизнь, какая она есть? Тьма и предательство, за предательством следует тьма, пока нас всех не поглотят ненависть и смерть!

Яд вытекал из открытой раны в душе Мариэль. Его горький укус угрожал решимости Эолин. Она призвала тихое заклинание для защиты, направив поток яда к земле.

— Жизнь и красота все еще в изобилии, — сказала она, — хотя временами кажется, что это далеко. Моя мечта о тебе не закончилась, Мариэль. Я все равно хотела бы, чтобы ты вернулась в Южный лес.

— Нет, пока я не увижу, как они умирают.

— Они заплатят за свои преступления, я обещаю тебе.

— Когда?

— Завтра.

Мариэль моргнула.

— Их казнят?

— Я подписала ордер сегодня утром.

— Да? — сомнение, облегчение и трепет наполнили лицо Мариэль.

— Это то, чего хотел бы мой король, — сказала Эолин. — Каждый из них погибнет в порядке, рекомендованном Советом. Это будет последний акт царствования моего мужа, но ты должна понять: их страдания не исцелят тебя. Эйтна учит нас, что исцеление приходит от новой жизни, а не от продолжающейся смерти.

— Ты и твои банальности. Раньше я верила всем этим бесполезным словам.

— Эти слова оживили твою магию.

— Моя магия навлекла на меня проклятие Бэдона. Разве ты не видишь, Мага Эолин? Все изменилось. Ничто уже не будет прежним.

Эолин хранила молчание. По правде говоря, она не могла спорить. Как бы она ни хотела утешить Мариэль, она тоже боролась с глубоким чувством предательства, что Боги ее бросили. Она горела жадной мести так же яростно, как Мариэль. Ей хотелось подчиниться слепой ярости, но она подавляла это желание, стремясь каждым вдохом обрести хоть какое-то чувство сострадания и, главное, благоразумия.

— Я хочу присутствовать на казнях, — сказала Мариэль.

— Я не буду останавливать тебя, если ты этого хочешь, но я против этого.

Мариэль смотрела на нее, недоумевая.

— Как ты можешь так холодно относиться ко всему этому?

— Холодно? — вопрос застал Эолин врасплох. Как можно было назвать ее холодной, когда ее сердце горело в муках?

— Разве у тебя нет желания видеть их уничтоженными? Разве ты не презираешь их за то, как они насмехались над тобой, и за то, что они забрали у тебя, у всех нас?

Трещина толщиной с волос змеилась по плотине, сдерживавшей гнев и горе Эолин. Она сжала кулаки и цеплялась за слова своей наставницы для защиты.

— Эйтна учит нас...

— Будь проклята Эйтна и ее бесполезные банальности! Бэдон уничтожил сотни таких женщин, как ты и я. Он даже вселился в твою мать!

Эолин моргнула, будто ее ударили по лицу. Ее голос упал до шепота.

— Что?

— Он сам мне сказал. Он вселился в твою мать, Кайе. Это он заставил ее предать тебя и всю твою семью. Он сказал, что ее страдания были сладки, и что ее магия была самой богатой из всех, что он когда-либо пробовал.

Трещина в душе Эолин разверзлась. Она резко встала и отошла от Мариэль. Ярость и боль, страх и неуверенность боролись за контроль над ее сердцем. Над этим бурлящим морем эмоций возвышалась голова ужасного зверя. Его конечности широко раскинулись, чтобы уловить беспорядки; его лицо было мрачным отражением абсолютной власти. Эолин хотелось отдаться его темным объятиям.

«Теперь я их король, я могу сделать с ними все, что захочу».

Призрак Акмаэля поднялся рядом с ней. Его рука легла на ее плечо тяжестью. Эфемерное прикосновение усилило ее боль и все же укрепило ее решимость. Она глубоко вдохнула и открыла свое сердце присутствию короля, позволив его духу воина слиться с ее собственным.

Когда Эолин вернулась к Мариэль, каменная маска Акмаэля скользнула на ее лицо.

— Спи, доченька, — сказала она, взяв девушку за руку и поцеловав ее в лоб. — Отдыхай, ибо завтра наши враги погибнут.

Глава тридцать первая

Отвлечение

Вечерами Савегр любил держать образ Тэсары на ладони, как игру света, заключённую в дымчатом хрустале. Тени выделяли ее высокие скулы. На ее светлом лице сияли лазурные глаза. Тонкие пряди волос, бледные, как редкие белые пески Галии, выбивались из ее элегантных кос.

Ему показалось странным, что она не улыбалась, за исключением редких моментов, когда смотрела на спящую дочь. Даже тогда покой ее сердца был мимолетным. Он угасал, как свет зимнего дня, колеблясь под тяжестью ее многочисленных тягот.

Временами брови Тэсары слегка сдвигались, а взгляд обращался внутрь. Ее пальцы опускались на сердце. Ее губы приоткрывались, она делала короткий вдох, прежде чем вспоминала о себе и возвращалась к своей задаче.

В такие моменты Савегр хотелось верить, что она думает о нем.

— Вы отвлекаетесь, — из тени палатки принца появился Уралес, мрачная фигура в темных одеждах.

Савегр позволил исчезнуть образу Тэсары и сжал в кулаке хрустальную сферу. Свечи шипели и мерцали на столе рядом с ним:

— Разве я ребенок, что ты находишь повод сделать мне выговор?

Уралес развел руками в умиротворяющем жесте.

— Нет, мой принц. Все, что мне нужно, это поддержать вас в ваших поисках.

Савегр смиренно вздохнул и поставил хрустальную сферу на стол.

— Она... неожиданная. Я думал, что ее красота сделает ее надменной; ее страдания — едкой. Но она не такая. Напротив, она скромна и милостива. И грустная. Всегда грустная. Меланхолия ей не к лицу. Почему такая женщина появилась среди себе подобных в такое время?

— Путь богов полон неожиданностей. Они проверяют нас, даже когда мы идем по прямому пути, чтобы укрепить нашу решимость.

Савегр поднялся со своего места и прошел небольшой круг.

— Меня озадачивает, что Король-Маг отверг такую прекрасную женщину, как она.

— Может, он видел то, чего не можете вы. Тэсара упряма и пренебрежительна к нам. Не может быть будущего у мужчины-волшебника и женщины, которая отвергает и пренебрегает его дарами.

— Тогда почему боги влекут меня к ней? Зачем сеять между нами огонь эн-ласати?

Беспокойство охватило сердце Савегра, как море пенилось над скалистыми берегами его любимого дома. Ночью ему снилась Тэсара, танцующая босиком у кромки воды, ее платье было облаком прозрачного шелка, ее смех развевался на ветру.

Такие видения имели смысл, не так ли?

— У нее есть своя искра магии, слабая, но настойчивая. Возможно, ее еще можно уговорить загореться.

Уралес приблизился.

— Идите к ней, если вас так трогает эн-ласати, но не обманывайте себя. Удовольствие, дарованное вам богами, ничего не изменит.

— Что ты видел о ней в видениях, которые привели нас сюда?

— О Тэсаре? Ничего. По этой причине я говорю, что она не важна.

Уралес прочертил медленную дугу над их головами. Брезентовая крыша палатки поблекла, обнажив вечерние звезды, великолепный поток белого огня, мерцающий в черном сердце вселенной.

— Пророчества ясны, — сказал он. — Знаки такие, как мы и ожидали. Странники объединились: Эйтна, Карадок и Дракон смотрят на нас свысока, как один. Кэдмон спешит их встретить, рядом с ним Лития. Каждое обещание, данное нашему народу, сбывается. Вы знаете стихи, Савегр. Вы изучали их в детстве.

Мага восстанет из мертвых.

Женщина с мечом теней.

— Мы достаточно хорошо различаем знаки, — сказал Савегр, — и изучили стихи, оставленные нашими предками. Но действительно ли мы понимаем их значение? Если Горная Королева придет на помощь Тэсаре, королевства магии будут разделены. Как бы ты это интерпретировал?

Уралес закрыл глаза.

— Мага-воительница Гемена будет обманута. Хелия стремится к королеве Мойсехена. Я видел, как они пьют вино и смеются. Я видел, как они целуют друг друга, как сестры по магии.

Холод охватил сердце Савегра.

— Уверен?

Холодный взгляд Уралеса остановился на принце.

— Почему вы сомневаетесь в том, что предначертано?

«Королевы Востока восстанут вместе».

— Мы должны сообщить Тэсаре о предстоящем союзе.

— Нет.

— Она и ее люди могут развернуться, если поймут, что их ждет.

— Ты забываешь о нашей цели, Савегр.

— Эта женщина не заслуживает такой участи.

— Ее судьбу не нам решать, — решительно сказал Уралес. — Она Дочь Грома! Не может быть ни мира между ее родом и нашим, ни покоя, пока она и весь ее народ не исчезнут с лица этого мира. Учения наших предков ясны в этом. Вся наша история сводится к этой истине.

— У нее есть собственная магия. Я видел это.

— Конечно! Все ее виды могли бы последовать за Драконом и получить благословение богов взамен. Но они этого не сделали. Они отвернулись от света тогда, как и сейчас. Не ведись на привязанности Тэсары, Савегр. То, что она чувствует по отношению к тебе, — это мимолетное увлечение тем, чего она не может понять. Это смятение в ее сердце пройдет, оставив после себя страх и ненависть. Я видел это раньше, много раз. Среди меньших людей это приносит горе. Среди дворян и королей это порождает войну, цикл, который не разорвется, пока мы не уничтожим всех, кто свернул с пути Дракона.

— Возможно, мы неверно истолковали знаки, — настаивал Савегр. — Возможно, нам еще предстоит что-то ясно увидеть и понять.

Уралес улыбнулся с сочувствием на морщинистом лице. Он положил руку на грудь своего сюзерена.

— То, что мы понимаем сердцем, скоро станет ясно и нашим глазам, Савегр. Ты знаешь это, как и я. Время пришло. У нас есть задание. Эта судьба Рёнфина написана в звездах, мой принц. Их падение станет вашей славой.

Глава тридцать вторая

Справедливость

Перед рассветом здания были окрашены в приглушенные оттенки серого. С балконов свисали знамена Дома Вортинген, их серебряные и черные драконы колыхались на легком ветру. В центре площади стражники окружили ожидающие эшафоты и не зажженный костер.

В сопровождении Жакетты и мага Эхиора Мариэль заняла место на трибуне, отведенной для магов высокого ранга. Вскоре начала собираться толпа. Ручеек мужчин и женщин, молодых и старых превратился в устойчивые потоки, которые текли с улиц к площади. Они приветствовали друг друга приглушенными голосами и тихими объятиями. Каждый нашел свое место, а затем встал с мрачным лицом и молчал, ожидая прибытия королевы Эолин.

Мариэль слышала истории о казнях в Антарии и империи Сырнте. Там, как говорили, были празднества: шумные, хриплые и жестокие.

Традиции Мойсехена были другими. Эйтна и Карадок учили, что унижение ходячих мертвецов осуждает только собственный дух. Люди Мариэль так твердо придерживались этой веры, что никто не осмелился бы бросать отбросы или осыпать оскорблениями осужденного. Вместо этого они молча принимали заключенных и без страха наблюдали, как каждый из них был передан на волю богов.

Из крепости наверху зазвучали трубы, возвещая об открытии ворот замка. Прошло несколько мгновений, пока свита королевы завершила свой ритуальный спуск по извилистой дороге. Люди заполнили площадь, но расступились, чтобы дать проход королевской процессии. Мариэль поднялась в приветствии, вместе с остальными практикующими и дворянами.

— Да здравствует королева! — закричали они. — Да здравствует принц Эоган, наследник престола Вортингена!

Крик был подхвачен и повторен, усиленный до оглушительного рева, не столько радостной лести, сколько мольбы о мести. Их объединенное пение устремилось к Королеве, обрушилось на нее, словно волна, и оставило ее скрытой в тени.

Крик Мариэль замер на ее губах. Холодный туман окутывал ее сердце. Она никогда не видела свою наставницу такой. Красота Эолин была ужасной, зловещей и неотразимой. Рядом с ней ехал молодой Эоган, одетый как король, и его лицо было таким же каменным, каким когда-либо было лицо его отца. За ними шли члены Совета, каждый под знаменами домов, которые они представляли.

Кори и Телин, одетые в мантии темно-зеленого цвета, отделились от процессии, которая повернула к королевскому павильону. Маги спешили сразу за кольцом охранников, сняли обувь и босиком подошли к эшафотам.

Когда Эолин и ее спутники заняли места, Высшие Маги начали свое почтение царствам Дракона. К пению присоединились все присутствующие. Вместе они вызвали чары, чтобы запечатать силу смерти внутри круга и защитить жителей Мойсехена от коварных душ, вырывавшихся наружу.

Туман поднимался от земли. Небо потемнело. Когда скорбный ритм достиг своего пика, Эолин издала мучительный крик. Белое пламя Эйтны вырвалось из ее посоха, опалив небс ослепляющим светом. Наступила тишина, тяжелая и абсолютная, настолько густая, что поглотила топот лошадей и скрип телег позади них.

Привели Маркла, привязанного к плетенному барьеру. Его руки были привязаны под странными углами; одна нога безвольно свисала. Охранник плеснул юноше в лицо водой. Он очнулся, осознал свое жалкое положение и вскрикнул, как животное, которое раздавили.

Мариэль закрыла глаза, борясь с нежелательными слезами. Завершенность этого момента поразила ее в полную силу. После сегодняшнего дня ничего не останется от ее юности в высокогорье Моэна, диких ландшафтов и благоухающих цветов, его скромных жителей и богатых лесов. Все было потеряно, некоторые из-за смерти, другие из-за предательства, третьи из-за того, что Бэдон содрал кожу с ее души.

Мариэль видела их всех, даже себя, в израненном теле Маркла, проташенного через этот суровый мир, чтобы быть повешенным и выпотрошенным, его судьба была predetermined непостижимыми силами и обстоятельствами.

Двое охранников развязали Маркла, потащили его к эшафоту и удерживали в вертикальном положении, пока палач накидывал ему на шею веревку. Мягкий голос Телина разнесся по всей площади, возвещая о преступлениях и наказании молодого человека. Марклу было позволено произнести последние слова, но он ничего не сказал. Вместо этого его глаза невозможным образом переместились на место Мариэль среди магов. Она замерла, отчаянно пытаясь отвернуться, но не в силах вырваться из его навязчивого взгляда. Она услышала его голос в своей голове, хриплый и полный сожаления:

«Прости, Мариэль».

Палач закрыл лицо Маркла. Затем он разрезал Марклу живот быстрым и жестоким ножом. Тугой рывок веревки прервал мучительный крик Маркла. Когда он качнулся, его тело пронзила долгая сильная дрожь. С его ног капала кровь и экскременты.

Мариэль в ужасе закрыла лицо. Ее живот взбунтовался, и она согнулась пополам, пытаясь остановить поток желчи.

Жакетта обняла ее.

— Мы можем уйти, Мариэль, — пробормотала она. — Мы не обязаны оставаться здесь и смотреть на это.

Мариэль покачала головой и обрела самообладание.

— Нет, пока они все не умрут.

Следующим был приведен Бэдон. Его посох заменила обычная трость. Он корчился над ней, пока Кори и охранники провожали его к погребальному костру.

Телин объявил о преступлениях Бэдона и приговоре, пока старика привязывали к столбу. Прежде чем они зажгли костер, Кори обменялся тихими словами со старым волшебником. Когда маг отступил, глаза Бэдона были закрыты. Его голова и плечи склонились вперед, будто он уже сдался смерти. Двенадцать магов окружили костер, чтобы призвать дыхание Дракона. Из их ладоней в груды дров вырвались струи красного пламени. Дым скрыл фигуру волшебника. Огонь рванулся к небу. Вскоре Мариэль почувствовала запах пузырящейся кожи. Огонь распространился, поглотив старика в столбе света. Он не закричал и не поднял головы. Ни разу его почерневшее тело не дернулось под жаром огня.

Неподалеку в своей клетке сгорбился лорд Лангерхаанс. Ужас клубился, как туман, над его дрожащим телом. Рыдания сотрясали его грузное тело. Когда его потащили на плаху, он протяжно жалобно взывал о пощаде. Они поставили его на колени перед палачом и дали ему слово.

В отличие от Маркла и Бэдона, Лангерхаанс жаловался. Он умолял королеву о помиловании, выражал любовь и верность народу Мойсехена. Ничто из этого не спасло его от того, что его голова была прижата к блоку.

Его рыдания переросли в крики ужаса.

Палач приставил топор к затылку Лангерхаанса, а затем высоко поднял клинок против серого и неумолимого неба.

Затем по площади прогремел голос Королевы:

Эхекат!

Нэму амон

Палач остановился, не успев выполнить свою задачу. Он отошел от заключенного и опустился на колени.

Эолин поднялась, чтобы спуститься со своего помоста. В сопровождении охраны она направилась к кругу, посох трещал в ее руке. Толпа расступилась. Настроение зрителей накалилось.

Лангерхаанс, все еще обездвиженный охранниками, напрягся, чтобы увидеть, что происходит.

На краю круга Маг Кори встал на пути Эолин. Она не дрогнула под его безмолвным вызовом, но неустрашимо выдержала его взгляд. Через несколько ударов сердца Кори поклонился своей королеве и пропустил ее.

Эолин вышла на эшафот и подошла к заключенному.

— Ты забрал у меня моего мужа, — хоть она говорила тихим голосом, ее слова эхом разносились по площади.

Лангерхаанс захныкал и попытался спрятать лицо.

— Ты привел в движение силы, которые разрушили магию, защищающую наше королевство, и открыли врата Преисподней, — продолжала Эолин, каждое слово было пропитано ядом. — Твое гнусное честолюбие лишило наш народ их суверенного короля, оставило меня вдовой, а моих детей — без отца. Героические мужчины, верные женщины и верные слуги были приговорены к гибели из-за тебя. Как мне вознаградить тебя, Крамон Лангерхаанс из Нью-Линфельна? Какую смерть заслуживает такой предатель, как ты?

Когда он не ответил, она ударила его своим посохом. Мариэль вздрогнула от звука удара. Лангерхаанс вскрикнул от боли. Сильные рыдания сотрясали его тело; слюна и сопля

смешались со слезами.

— Ответь мне! — огонь вырвался из хрустального наконечника посоха Эолин и швырнул Лангерхаанса на землю. Из толпы вырвались крики страха, сопровождаемые долгим мучительным воплем жены Лангерхаанса.

Королева подошла к дрожащей фигуре лорда и сказала холодно, без сострадания:

— Ответь мне.

Лангерхаанс остался распростертым. Его слова были сдавленными и искаженными:

— Нет, моя Королева. Я не заслуживаю милосердия.

— Не заслуживаешь.

Посох Эолин вспыхнул белым пламенем, которое окутало Лангерхаанса светящейся сетью. Пламя потрескивало по его телу. Он забился в конвульсиях и закричал. Когда запах его опаленных одежд начал смешиваться с более резким зловонием погребального костра Бэдона, королева оборвала проклятие и прервала струю огня.

Лангерхаанс хрипел и отплевывался, кашляя кровью и сажей. Дым поднимался от его одежды и волос. Его руки и ноги почернели от пепла.

Эолин подошла к его дрожащему телу и встала на колени. Она протянула руку и коснулась опаленных волос Лангерхаанса с легким потрясением. Странная игра эмоций исказила ее черты; будто она нашла извращенное удовольствие в этом страдании.

Затем она моргнула и отвернулась.

— Вставайте, лорд Лангерхаанс, — сказала она.

Мужчина попытался подчиниться, но его колени подогнулись.

Эолин подала сигнал охранникам помочь ему.

— Посмотрите на свою королеву.

Его плечи поникли, а голова была опущена, но Лангерхаансу удалось поднять глаза, выражение его лица было наполнено ужасом. Его губы были покрыты волдырями; его брови сгорели.

— Я прощаю тебя, Крамон Лангерхаанс.

Толпа взревела от удивления. Ужас пробежал по рядам дворян и магов. Телин и Кори обменялись взглядами.

Королева подняла свой посох, чтобы успокоить их всех.

— Я прощаю вас при условии, что вы поклянетесь в верности мне и моему сыну, принцу Эогану, единственному законному наследнику трона Вортингена. Я прощаю вас при условии, что вы больше никогда не предадите дом нашего короля.

Глаза Лангерхаанса внезапно стали настороженными. Они метнулись от королевы к возвышению, где стояли члены Совета.

Эолин ударила посохом о землю, вернув внимание лорда к себе.

— Каков ваш ответ, Крамон Лангерхаанс из Нью-Линфельна?

Он хрипел, затем ухитрился с дрожью кивнуть.

Эолин подала сигнал охранникам отпустить его. Лорд упал на колени. Конвульсии сотрясали его тело. Плача от облегчения и благодарности, он на четвереньках пополз к королеве. Затем Крамон Лангерхаанс, лорд и патриарх Нового Линфельна, взял подол платья Эолин и стал покрывать вышитую ткань лихорадочными, окровавленными поцелуями.

Глава тридцать третья

Сожаление

Эолин ушла глубоко в свои покои, ища убежище от ее беспокойной души и шума внешнего мира. Жалкие крики Маркла эхом отдавались у нее в голове. Вонь горячей плоти Бэдона прилипла к ее одежде. Жалкие образы пресмыкающегося Лангерхаанса роились перед ее внутренним взором.

— Сними с меня это платье, — рявкнула она. — Мне нужно надеть что-то другое.

— Да, моя Королева, — Талия вышла вперед и начала расшнуровывать лиф.

— И я бы приняла ванну, прежде чем встречу с Советом.

Тёмные брови Талии сдвинулись, но она кивнула и передала приказ Королевы остальным слугам. Пока Талия снимала с Эолин платье, желудок маги содрогнулся. Она оторвалась от своей служанки и, спотыкаясь, подошла к чаше, найдя его как раз в момент извержения желчи.

Талия быстро зашептала, разогнав всех в шорохе надушенных юбок.

Эолин склонилась над чашей, ее дыхание сбилось. Пот выступил на ее лбу. Талия подошла и приложила прохладную влажную ткань ко лбу Эолин, затем к ее шее. Нежное прикосновение принесло утешение, за которым последовала острая боль.

«О, Акмаэль! Почему меня утешает не твое прикосновение?».

Ноги Эолин подкосились. Талия поймала ее падение и направила к ближайшему креслу. Дама встала на колени перед Эолин и, взяв каждую руку по очереди, освежила запястья ароматной водой.

— Возможно, это хороший знак, моя Королева, — сказала она. — Возможно, наш король оставил вам подарок перед тем, как покинуть этот мир.

Эолин закрыла глаза, когда до нее дошло, что Талия имела в виду.

— Боюсь, это маловероятно, Талия.

В конце концов, она принимала обычные меры, чтобы избежать беременности. В последние дни они вообще не занимались любовью.

«Если бы я знала, что у нас осталось всего несколько ночей».

Талия отложила тряпку и закончила помогать Эолин снимать с нее платье, теперь мокрое от пота. Поведение дамы было покорным, ее глаза были опущены, когда она принесла свежую одежду.

Они не обменивались важными словами с той ночи, когда напали демоны Наэтер, предпочитая вместо этого сосредоточиться на приземленных аспектах повседневной жизни. Словно они молчаливо согласились молчать об ужасах, свидетелями которых они стали.

«Прошлое всегда с нами, — говорила Дуайен Гемена, — и оно становится еще более коварным, если о нем не говорить».

— Талия.

Женщина замерла и посмотрела в глаза Эолин.

— Тебе не нужно продолжать служить мне, если ты этого не хочешь.

Удивление и страх отразились на лице Талии.

— Вы прогоняете меня?

— Нет, я не это имела в виду. Просто... Должно быть, тебе трудно оставаться здесь, после всего, что случилось, после того, как умерла Раэлла.

— Она заслужила смерть, которую избрали для нее Боги.

— О, — убежденность в голосе Талии застала Эолин врасплох. — Я понимаю.

Между ними повисло неловкое молчание. Впервые на ее памяти Талия, казалось, не знала, что делать со своими руками. Она оглядела пустую комнату и судорожно вдохнула.

— Простите меня, моя Королева. Я заговорила без позволения.

— Я хотела бы, чтобы все женщины моего двора высказывали свое мнение. Я обнаружила, что мы слишком часто храним молчание.

— Вы не обижаетесь на Раэллу за то, что она сделала?

— Раэлла была пешкой, как и многие другие ее положения.

— Вы хотите сказать, как я.

— Это не то, что я сказала.

— Но вы должны знать, что я была доставлен к вам на службу с той же целью, что и она.

Эолин осторожно вдохнула.

«Что между нами осталось, кроме правды?»

— Да, я знаю. Никогда не было на моей службе дамы, которая не подчинялась бы амбициям своей семьи.

— Тем не менее, вы всегда относились к нам с добротой и уважением.

— Вы не виноваты в навязанных вам ожиданиях, и я никогда не сомневалась в любви моего короля.

— И все же у него были любовницы, не так ли?

— Время от времени, во время Высоких Праздников, как и подобает его положению и статусу.

— Вы не чувствовали ревности в тех случаях?

— Я была воспитана как мага, чтобы смириться перед волей богов и почтить призыв эн-ласати.

— Значит, и вы...? — голос Талии оборвался. Кровь прилила к ее щекам. — Простите меня. Я не хотела намекать... Просто учения Эйтны и Карадока... Я слышала, что они говорят об эн-ласати. Временами это сбивает с толку.

— Подозреваю, что ты достаточно хорошо понимаешь учения Эйтны и Карадока. Вот почему ты задаешь такие смелые вопросы.

Талия прикусила губу и отвернулась.

Между ними повисла тишина.

Зимние ветры шептались глубоко в сердце Эолин, разжигая давно сдерживаемые воспоминания о Востоке, высоких елях в объятиях кружащегося снега, полуночных криках мстительных призраков, тихом зове Зимней Лисы.

— Скажи мне, Талия, — тихо сказала она. — Отдалась бы ты другому человеку, познав любовь нашего короля?

— Нет, моя Королева, — Талия покачала головой. — Никогда.

Затем дама перевела дыхание и нерешительно добавила:

— Моя Королева, вы верите, что мужчина может любить меня, а я его, как вы и король любили друг друга?

— Конечно, — вопрос был странным. — Почему нет?

— Потому что среди нас так мало любви, моя Королева, Я имею в виду среди знати. Есть лояльность и долг, власть и продвижение. Но нет любви. Вот почему многие презирают вас и не доверяют вам. Они не могут понять, как любой союз между мужчиной и женщиной может строиться на любви, только на любви и не более того. Всегда есть что-то, что можно выиграть, приз, который нужно выиграть или потерять. Вот почему так мало из них поняли, что поняла я, с того момента, как я впервые увидела вас с королем. То, что было очевидно для меня, для них непостижимо, — голос Талии понизился до шепота. — Признаюсь, я боюсь брака, моя Королева. Всем сердцем.

— Почему?

— Потому что он будет навязан мне в соответствии с амбициями моей семьи. Но я мечтаю о таком союзе, который вы нашли с нашим королем. Я хотела бы знать, что значит любить мужчину и быть любимой им.

Эолин отошла, тронутая этим заявлением, но не зная, что ответить. Она отступила к окну, где ее взгляд остановился на далеком сине-зеленом пятне, обозначавшем границу ее дома в высокогорье Моэна.

Она вспомнила последнее утро, которое провела вместе со своим ковенom, перед тем, как вторжение Сырнте уничтожило их счастье и вернуло ее в объятия Короля-Мага. В ее сознании кристаллизовались лица, потерянные на войне: милая Таша и чопорная Катарина, гибкая Сирена и суровая Рената. Ее самая дорогая подруга, страстная и красивая Адиана. И Гемена... маленькая Гемена. Самая младшая из них, полная озорства и огня.

Прошло всего несколько недель с тех пор, как она в последний раз бродила по Южному лесу, но его магия казалась далекой и безответной, хрупкой против роковых игр двора Акмаэля.

«Я должна вернуться в Моэн и никогда не оглядываться. Я должна признать притязания Элиасары и позволить Тэсару взять на себя эту задачу, для которой она была воспитана, ведь у меня нет навыков и желания ни на что из этого».

Но если она уйдет, что станет с Эоганом? Либо убийцы Тэсары найдут принца, либо другие воспользуются притязаниями мальчика для собственного продвижения.

— То, о чем ты просишь, дорого обходится, Талия, — пробормотала Эолин.

— Но любовь стоит любой цены, которую придется заплатить, верно? Всех жертв, какие могут потребовать боги?

Эолин обдумала вопрос и пришла к тревожному выводу, что не знает ответа.

Тем не менее, она перевела дух и сказала ровным голосом:

— Да, дорогая Талия. Это так.

Глава тридцать четвертая

Военный совет

Эолин заняла свое место во главе стола. По ее сигналу члены Совета снова заняли свои места под шелест мантий и скрип стульев. Шепот не сорвался с их губ, они не обменялись взглядами. Угрожающий гул посоха Эолин перекрывал их внимательное молчание.

«Я — их король».

Эта мысль вызвала отвращение и поддержала ее.

«Теперь они знают, что я без колебаний причиню страдания и смерть, и за это больше уважают меня».

— Лорды и Маги, — сказала она, — давайте начнем. Дни, которые мы посвятили скорби по нашему королю и обеспечению справедливости за гнусные преступления, совершенные против Короны, дали преимущество нашему врагу. Войска Рёнфина и Галии стоят на берегу реки Фурмы. Мы должны отложить в сторону горе и без промедления идти вперед навстречу им. Я хотела бы выслушать подготовленные вами отчеты, начиная с лорда Херенсена.

Привилегия, предоставленная главному сопернику Лангерхаанса, возымела желаемый эффект. Серьезное лицо Херенсена расслабилось, показывая благодарность. Он долго говорил, подробно рассказывая о новобранцах, собранных по его приказу, а также о сведениях, доставленных его шпионами и разведчиками в Рёнфине. Затем Эолин вызвала молодого лорда Мерита из Селена, а затем сэра Турена, который представлял лорда Бортена из Мокко. Она выслушала остальную часть Совета, прежде чем вернуться к лордам Селкинсена, где она снова начала круг.

Эолин задавала острые вопросы и оспаривала любые пробелы, которые она находила в их отчетах. Она обращала внимание на тех, кто недооценивал ее знания, и на всех, кто допускал даже намек на снисходительность в своем тоне. Хотя она не была настолько глупа, чтобы пренебрегать мудростью своих советников, после двух войн и десяти лет наставничества Акмаэля Эолин намеревалась выстоять в этом конфликте. Она также намеревалась сделать его последним. Утомленная бесконечными заговорами и возобновляющимися восстаниями, она начала понимать страсть Кедехена сокрушить всех, кто противостоял ему.

Мужчины закончили свои отчеты и обсуждения. Тишина воцарилась над собравшимися. На длинном дубовом столе лежали карты Мойсехена и Рёнфина, украшенные фигурками, изображавшими войска каждой провинции и обоих королевств.

Мрачная картина.

— Этого недостаточно, — сказала Эолин.

Никто не осмелился согласиться или спорить, но она видела мрачное признание правды в их глазах.

— Рёнфин и Галия превосходят нас численностью, возможно, на тысячи, — добавила она. — Наш король знал об этом?

— Мы знали, что Галия откликнулась на зов, моя Королева, — ответил Херенсен, — но никто не ожидал, что они приведут армию такого масштаба.

— Галийские воины искусны в магии. Все они, — сказала Эолин. — Но лишь немногие из наших до сих пор владеют традициями Кэдмона. Остальные наши воины — обычные рыцари и солдаты. Это еще один большой недостаток.

— Моя Королева, — Херенсен почтительно поклонился. — Вы и наш покойный король победили армию Сырнте с шансами немногим выше этих. Хитрость, мастерство и отвага — вот что решает войну, как вы показали в битве при Римсавене.

«Акмаэль командовал этой битвой. Я лишь закончила ее».

— Ваши слова хороши, лорд Херенсен, — ответила она. — Если так мы должны встречать наших врагов, тогда так мы их и победим. Тем не менее, я бы спокойнее отдыхала накануне боя, как и все вы, если бы цифры были более благоприятными, чем эти. Мы должны искать собственных союзников.

— Наш король послал посланников в Антарию несколько недель назад, — сказал Телин, — но их не интересуют конфликтующие северные королевства. Они не придут к нам на помощь. Что касается Сырнте, уверен, вы хорошо знаете, что было бы глупо даже думать...

— Я не предлагаю нам приглашать сырнте на наши земли, — сказала Эолин. — Что с горцами? У нас общая история, и они многое знают о нашей магии. Многие из наших сестер обосновались среди них после чисток.

— Обосновались и больше не вернулись, — напомнил ей Телин. — Кроме тех, кто сражался с мятежником Эрнаном против нашего короля.

— Бились с моим братом, — признала Эолин. — Хелия когда-то была моей союзницей, а теперь она правит горными королевствами. О ее боевых навыках ходят легенды. Нам было бы трудно найти лучшего командира или более опытную армию, чтобы помочь победить галийцев. И они близки, очень близки. Армия Горной Королевы могла бы встретить нас в Селкинсене, если бы мы немедленно отправили своих посланников и если бы она прислушалась к нашему призыву.

Совет погрузился в неловкое молчание. Несколько мужчин заерзали.

Херенсен кашлянул.

— Моя Королева, маги, сбежавшие в горные царства, питали к нам ненависть и обиду на протяжении более чем поколения. Мы не можем защищаться от одного врага, приглашая другого в свою среду.

Кори тут же рассмеялся. Его тихое веселье разлилось по столу, сделав трещину в хрупком фундаменте власти Эолин.

«Ради богов, Кори. Не делай из меня дуру сейчас».

— Маг Кори, — ровным голосом сказала она, — не будете ли вы так любезны поделиться источником вашего веселья?

— Простите меня, моя Королева, но одна мысль о Хелии среди нас просто заставила меня смеяться. Если бы я или любой другой мужчина за этим столом попросил помощи у

Горной Королевы, она отправилась бы в самое сердце Мойсехена, чтобы плюнуть нам в лицо.

Совет снова разразился смехом, за которым последовал сдавленный кашель. Энергии менялись, союзы уже подвергались переоценке. Прежде чем Эолин успела сообразить, как схватить поводья, выскальзывающие из ее пальцев, Кори снова заговорил:

— С другой стороны, вызов от вас... — его тон стал серьезным, и его непоколебимый серебристо-зеленый взгляд остановился на Эолин. — Это имело бы совсем другой эффект. Хелия будет слушать послушает Эолин, Верховную Магу и Королеву Мойсехена, потому что, несмотря на все, что произошло, повелительница Горных Царств по-прежнему считает нашу Королеву своей сестрой.

— Я не буду слушать эту глупость! — воскликнул Херенсен. — Мы не можем пригласить Хелию в наше царство.

— Хватит, — сказала Эолин.

— Маг Кори приносит за этот стол плохой совет, моя Королева, — настаивал Херенсен. — Эти горные ведьмы разорвут нас на части и скормят галийцам. Им нельзя доверять.

— Я сказала: тихо, — магия хлынула через посох Эолин и зажгла его хрустальную головку.

Ноздри Херенсена раздулись. Затем он стиснул зубы и отвел руку.

— Мы пошлем делегацию в Параменские горы, — объявила Эолин.

— Элдор и Гэорин могли бы подойти для этой задачи, моя Королева, — сказал Телин. — Они быстрые, и они искусные дипломаты.

— Хороший совет, Телин, но наши посланники должны быть магами-воительницами. Я немедленно отправлю делегацию с письмом, написанным моей рукой.

Последовала неловкая пауза.

Телин заговорил снова:

— Моя Королева, некоторые могут усомниться в мудрости поручать магам такую задачу сразу после их освобождения из тюрьмы.

— Некоторые могут усомниться в моей мудрости, Высший маг Телин, но я уверена, что вы и другие члены этого Совета этого не сделаете. Как уже признал маг Кори, Хелия не станет слушать людей Мойсехена. Она точно не станет слушать наших магов. Итак, мы пошлем моих дочерей по волшебству, а с ними и всю нашу надежду.

Глава тридцать пятая

Переговоры

Тэсара разглядывала свои платья при свете зари, пытаясь решить, что посылает более сильное послание о силе, истории и судьбе: шалфей Рёнфина или зловещий пурпур Мойсехена?

На ум пришла небесная красота ткани, подаренной ей Савегром, цвет, который больше подходил к ее глазам, чем к ее привязанностям. Она отпустила эту мысль. Швей все еще работали над этим платьем, даже если бы они закончили, она была бы склонна отказаться от него.

— Моя Королева? — спросила служанка.

Тэсара указала на фиолетовое платье.

Элиасара, необычайно расположенная к новому дню, уже села завтракать. Она усердно ела и болтала о галийских воинах и грациозной силе их танца.

— У меня новая подруга, — сказала она с набитым ртом. — Ее зовут Зиелла, и она учит нас с Ирэни галийским танцам. Я думала служанка, но мать говорит, что она будет королевой, как я!

Соня нахмурилась, подавая девушке свежий чай.

— Этим волшебникам нельзя доверять. Неразумно называть кого-либо из них другом.

— Пенамор называет их нашими союзниками. Почему бы мне не назвать их нашими друзьями?

— У короля нет друзей, — сказала Тэсара, пока женщины зашнуровывали ее платье. — У короля есть только союзники и враги.

— У Пенамора нет друзей, потому что он слишком неприятен, — возразила Элиасара.

— Его неприятность держит это царство в порядке, — ответила Тэсара. — Это природа его положения и нашего положения как королевской семьи. Нужно привыкнуть к этому, Элиасара. Когда ты станешь королевой, у тебя никогда не будет настоящих друзей. Только те, кто тебе верен, и те, кто нет.

— У королевы Эолин есть друзья. У нее есть сестры в магии.

— Эти сестры предали ее и привели тебя к нам.

Элиасара нахмурилась и отодвинула тарелку.

— Я больше не голодна, — объявила она.

Тэсара села за стол. Пока она брала себе фрукты и сыр, служанка начала заплетать ей волосы.

— Если ты доела завтрак, можешь пойти к капитану стражи и сказать ему, чтобы он приготовил мою лошадь.

Элиасара хмуро посмотрела на Тэсару, бросила салфетку на пол и ушла.

Соня подошла и налила чаю.

— Вы уверены в том, что делаете, моя Королева?

— Ты сомневаешься в моих отношениях с моей дочерью?

— Я не об этом, — темные глаза дамы были обеспокоены. — Я бы хотела, чтобы вы передумали сегодня ехать с Пенамором.

— Это мой долг, Соня, перед моей дочерью и ее покойным отцом. Кроме того, я не хочу оставлять переговоры с Селкинсеном полностью в руках моего дяди.

Соня открыла рот, чтобы ответить, но потом поклонилась и молча удалилась.

Позавтракав, Тэсара встала, По ее позвоночнику пролегла стальная нить. Она вымыла руки в чаше и потребовала свой плащ. Снаружи Элиасара ждала, склонив голову под серым небом. Кулаки девушки были сжаты, а нижняя губа дрожала.

— Почему ты это делаешь? — спросила она.

Тэсара коснулась ее щеки.

— Для тебя.

Всхлип сорвался с губ Элиасары.

— Я тебя почти не знаю, а теперь и тебя убьют!

У Тэсары перехватило дыхание.

— Это всего лишь переговоры.

— Хотела бы я знать чары, которые защитят тебя. Мага Эолин пыталась меня учить, но у меня никогда не было дара к магии.

— Твоя забота о моей безопасности — величайшая защита. Это и протокол, которым мы руководствуемся сегодня утром. Тебе не о чем беспокоиться, Элиасара. Оружия не будет,

только слова. Ты будешь наблюдать за нами с холма, верно?

Элиасара кивнула.

— Это меня радует и придает мне больше мужества, — Тэсара заключила дочь в крепкие объятия. — Не волнуйся. Скоро мы снова будем вместе.

Охранники заняли свои места вокруг Тэсары, когда она села на коня и выехала из лагеря. Они ехали по высокому гребню, возвышавшемуся над долиной реки Фурмы. На противоположном берегу красные крыши и желтые стены Селкинсена блестели под восходящим солнцем. Дым поднимался с почерневших полей за городскими стенами. Люди Пенамора и его галийские союзники роились по местности, строя осадные машины и роя траншеи сразу за пределами досягаемости лучников Селкинсена.

Этот сверкающий город был жемчужиной королевства Акмаэля, известного своим искусством и торговлей. Оборона была мощной, с двумя городскими стенами, внутренней крепостью и цитаделью. Без своих галийских союзников Пенамор мог бы вообще обойти Селкинсен в пользу встречи с Королевой-Ведьмой на равнинах Мойсехена. Но галийцы пообещали разрушить городские стены с помощью магии, а если Селкинсен сдастся, Рёнфин получит гораздо больше шансов проникнуть в самое сердце королевства.

Отряд Тэсары спускался по длинной извилистой дороге к реке, щель металла и кольчуги соответствовала их походке. Фурма была глубокой и сильной, ее воды плескались об илистые берега. Вдоль широкого каменного моста, который недавно захватили люди Пенамора, висели знамена Рёнфина. Победа, небольшая, но добытая с большим трудом, избавила их от гораздо более длительного марша к Нью-Линфельну на юге. Основная часть армии Рёнфина теперь расположилась лагерем к югу от ворот Селкинсена, а на западном берегу остался небольшой гарнизон для защиты Тэсары и ее дочери.

Пенамор и Савегр приветствовали Тэсару в полном вооружении. Блеск регалий Савегра затмил более скромные цвета Пенамора, и Тэсаре пришлось подавить импульс первой поприветствовать галийского принца.

Пенамор спешил, шагнул вперед и взял Тэсару за руку.

— Моя племянница, принцесса Рёнфина и королева Мойсехена! — его щеки покраснели от волнения. — Если бы войну можно было выиграть с помощью красоты, я бы немедленно отправил всех наших мужчин домой.

— Не следует растрчивать лесть на старух, дядя.

— Ха! — Пенамор откинул голову в смехе. — «Старуха», — говорит она. Думаешь, она старая, Савегр?

— Нет, — галийский волшебник поклонился, темные глаза смотрели на Тэсару так, что ее сердце учащенно билось. — Она не старая.

Пенамор притянул Тэсару поближе и понизил голос.

— Сестры не нанесли такого большого ущерба, как я опасался. В тебе еще остались кое-какие хитрости, племянница. Не думай, что я не заметил.

— Дядя, я никоим образом не поощряла...

— Тогда пошли! — он отпустил ее, раскланялся и вернулся на свою лошадь. — У нас есть город, который нужно завоевать.

Желудок Тэсары скрутило, когда они пересекли широкую реку и попали на территорию, которая когда-то была ее домом. Пенамор ехал справа от нее, Савегр — слева. Им предшествовали традиционные знамена Мойсехена, серебряные драконы, танцующие на фоне пурпурной ночи.

За ними следовала когорта рыцарей и копейщиков. Большинство из них представляли благородные дома Рёнфина, хотя несколько семей из Нового Линфельна уже присоединились к их делу. Ходили слухи, что на подходе новые. Порт когда-то принадлежал отцу Тэсары, и лояльность его семей сильно тяготела к ее делу.

По берегам рубили деревья. Стволы трещали. Зеленые кроны дрожали и падали. Листья с шипением мчались к своему концу. Мужчины с голым торсом сдирали листву и ветки со стволов. Они привязывали свою добычу к вьючным животным и утаскивали бревна прочь, их продвижение питало сеть, которая вела к различным точкам за пределами городской стены, где осадные машины устанавливались быстрее, чем Тэсара могла себе представить. Высокие башни на колесах возвышались над какофонией молотков и криков людей. Огромные машины были готовы швырять во врага камни и пламя.

— Вы, должно быть, мало верите в эти переговоры, — сказала она дяде, — раз заставили ваших людей работать с такой скоростью и пылом.

Пенамор рассмеялся.

— Я просто пытаюсь прояснить выбор, стоящий перед ними. Примите прекрасную и доброжелательную королеву, которую мы вернули домой, или потерпите полную гибель. Это кажется достаточно простым решением, но дураки, как известно, упрямы.

— Я хочу, чтобы с ними обращались милосердно, независимо от обстоятельств их капитуляции.

Пенамор искоса взглянул на нее.

— Я так и представлял.

— Я говорю серьезно, дядя.

— Как и я. Это война, Тэсара, и мы играем по ее правилам. Если город сопротивляется, он будет разграблен. Ни вы, ни я, ни кто-либо другой не можем ничего сделать, чтобы остановить это.

Тэсара прикусила язык, решив вернуться к этому разговору при более сдержанных обстоятельствах. Она не допустит, чтобы армия Элиасары вошла в Мойсехен как банда воров, насильников и убийц, разрушающая то наследие, которое стремилась восстановить принцесса. Пенамор мог желать мести, но Элиасаре нужно было королевство, безопасное и целое, процветающая земля, которой можно было бы править.

Лорд-регент приказал отряду остановиться.

Впереди стояли внушительные ворота Селкинсена, огромные дубовые двери, искусно украшенные гербами правящих семей и защищенные тяжелой решеткой. Тревога текла по венам Тэсары, когда она осматривала высокие крепостные валы. Она могла видеть мужчин на зубчатых стенах, стрелы, готовые пронзить ее грудь. Она чувствовала ясность их взглядов, вкусила соль их смертоносной решимости.

Давным-давно, когда Тэсара была недавно обручена, люди Селкинсена приветствовали ее песнями и церемониями и бесчисленными прекрасными подарками. Теперь они приготовили жестокое сопротивление. Вдоль валов собралась толпа мужчин и женщин. Тэсара увидела детей на плечах родителей; судьбы целых семей были прикованы к упорству тех, кто их защищал.

Пенамор наклонился ближе.

— Мы продвинемся не более чем на тридцать шагов отсюда, Тэсара.

Она кивнула, горло пересохло, хотя пульс был ровным.

— Понимаю.

Удушающая тишина повисла на стенах города и на почерневших полях, поглощая звуки лагеря Пенамора, удары металла о дерево и дерева о металл, крики, вопли и монотонное пение, стонущие и падающие деревья.

— Я поеду рядом с тобой, — сказал Пенамор. — Савегр и его галийские советники остаются здесь. Они должны понять, что вы и ваша дочь возвращаетесь, чтобы предъявить законные требования. Мы не можем допустить, чтобы они подумали, что это вторжение насильственных королей.

«А разве это не так?»

Но Тэсара прикусила язык и воздержалась от слов,

Со стены раздался крик, за которым последовали звуки труб. Решетка поднялась, и ворота открылись. Напряжение металлических атрибутов и скрип дерева резали уши Тэсары. Мгновение глубина арочного входа оставалась окутанной тьмой. Затем появились знамена из золота и темно-синего цвета, развевающиеся над процессией вооруженных людей. Сердце Тэсары упало, она увидела новый герб Мойсехена над цветами Селкинсена: черный дракон ее мужа переплелся с серебряным драконом его шлюхи.

Пенамор фыркнул.

— Хорошо. Я бы сказал, что их верность очевидна. Давайте не будем больше тратить наше время и рисковать твоей жизнью с этим ряженым представлением. Пойдем, Тэсара. Я вполне готов начать вбивать этих людей в землю.

— Нет, — Тэсара протянула руку. — Позвольте мне поговорить с ними, дядя. Мы должны дать жителям Селкинсена возможность присоединиться к нам с миром.

Процессия приближалась, Тэсара искала в их рядах кого-нибудь, кого она узнает.

Лорд, который вел их, остановился на благоразумном расстоянии. Он внимательно наблюдал за Тэсарой и ее дядей. Светло-русые волосы обрамляли длинное и серьезное лицо с выдающимся носом. Она вспомнила его имя.

— Ремиас Херенсен! — воскликнула Тэсара. — О боги, как ты вырос.

Черты лица молодого лорда расслабились, хотя он не ответил на ее улыбку:

— Надеюсь, я вырос за эти десять лет.

Тэсара улыбнулась. В последний раз, когда она видела Ремиаса, он был на пороге зрелости, стремясь принять серьезное бремя дома деда, но все еще поддаваясь случайным приступам озорства.

— Рада встрече, Ремиас из Селкинсена, — сказала она. — Мне приятно видеть тебя в таком прекрасном настроении.

— К сожалению, я не могу разделить вашу радость от этой встречи, принцесса Тэсара.

— Королева Тэсара, — вмешался Пенамор.

— Я должен попросить вас и вашу армию покинуть эту территорию, — Ремиас не сводил глаз с Тэсары. — Вам не рады.

— Мы пришли от имени моей дочери Элиасары, которая ищет не войны, а справедливости.

Взгляд Ремиаса скользнул по ландшафту.

— Все это похоже на войну, миледи.

— Вы бы сочли моего дядю плохим генералом, если бы он не продемонстрировал силу, чтобы поддержать притязания моей дочери. Тем не менее, мы готовы предложить щедрые условия, если вы откроете свои ворота в мирное время.

— Я выслушаю условия, Тэсара из Рёнфина, хотя, уверяю вас, они не будут приняты.

— Поклянись в верности моей дочери, истинной королеве Мойсехена, — сказала Тэсара. — Передай свою армию и рекрутов под ее командование. В обмен на эти действия ты, твоя семья и все, кто верен моей дочери, сохраняют свои титулы и статус под ее правлением. Вашему народу не будет причинен вред; вашим землям не будет нанесен ущерб. У нас нет претензий к Селкинсену. Мы восхищаемся этим городом и хотим сохранить его целым. Присоединяйтесь к нашему делу. Вместе мы сможем положить конец сектантству этой крестьянской ведьмы и ее внебрачного сына.

Ремиас долго и хмуρο смотрел на нее.

— Наш народ хорошо помнит тебя как добрую и великодушную женщину, Тэсара из Рёнфина. Многие подвергали сомнению решение короля, когда тебя попросили покинуть наши земли, но эти голоса давно замолкли. Отсюда до Римсавена, до Королевского Города и дальше, до лесов Селен и высокогорья Моэна не найти никого, кто противостоял бы нашему Принцу или Королеве, охраняющей его трон.

Улыбка Тэсары исчезла.

— Ты будешь вести долгую и ожесточенную борьбу, — добавил Ремиас. — Было бы мудро повернуться спиной к Мойсехену и покинуть эти земли до того, как гнев королевы Эолин обрушится на тебя и твою дочь.

— Вы будете угрожать моей племяннице и плоду ее чрева? — рявкнул Пенамор. — Вы бы отказались от этих женщин королевской крови в пользу шлюхи-простолюдинки и ее бастарда?

Один из воинов Селкинсена попытался вытащить меч, но Ремиас удержал его руку.

— Королева Эолин не простолюдинка. Она — Верховная Мага, женщина с редкими качествами и достойный выбор для Короля-Мага. Несмотря на ваши честные речи, принцесса Тэсара, вы должны понимать, что невозможно отстоять права какой-либо принцессы над законным принцем, особенно принцессы, которая является дочерью-предательницей отвергнутой женщины.

— Клянусь богами Грома, я уничтожу вас за эти оскорбления! — Пенамор обнажил меч с красным от ярости лицом.

Ремиас ответил тем же.

— Стойте! — Тэсара пришпорила свою лошадь, чтобы встать между ними.

Мужчины остановились, их лошади были беспокойны, их оружие сияло на солнце, Смертоносные взгляды пронзили Тэсару, как кинжалы, лишая ее дыхания. Никогда еще она не стояла у такой пропасти, где один неверный шаг мог отправить ее в кровь и насилие.

— Мой король и лорды, — сказала она, пытаясь успокоить свой голос. — Мы еще не вступили в бой.

— И все же нам больше нечего сказать, — ядовито ответил Пенамор, убирая меч в ножны.

— Лорд Ремиас, — Тэсара снова повернулась к внуку Херенсена. — Посмотрите, что ждет вас впереди, какую судьбу вы можете навлечь на свой народ, если откажетесь от очень щедрого мира, который мы предлагаем. Здесь собрался весь Рёнфин. Новобранцы приходят с территорий Нью-Линфельна, чтобы защитить наше дело. Даже волшебники Галии сражаются на нашей стороне. Я знаю вашу провинцию, ее красоту и силу. У вас грозные солдаты, но они не маги. Этот тип магии был возвращен в практику, в Селен, Моэне и Мойсехене. Как вы будете защищать этот единственный город от всех сил, которые у нас есть?

— Не стоит недооценивать нашу решимость, принцесса Тэсара. Даже если мы поколеблемся, королева Эолин и ее воины-маги скоро придут к нам на помощь.

— Их задержали, они оплакивали короля. Она не прибудет вовремя, чтобы спасти вас.

Глаза Ремиаса сузились, и он пришпорил коня.

— Тэсара, — предостерегающе прорычал Пенамор, но она стояла на месте.

Молодой лорд Селкинсена остановился на расстоянии вытянутой руки и посмотрел на нее с открытым презрением.

— Молись своим богам, чтобы этот город не пал, Тэсара из Селкинсена, ибо если это произойдет, кровь всего моего народа будет на твоих прекрасных и глупых руках.

Глава тридцать шестая

Альянсы

Кори наблюдал, как Эолин прощалась со своими детьми, когда восходящее солнце заливало золотым светом городские ворота. Члены Совета окружили королевскую семью. Армия, готовая к походу, собралась на обширных полях под городскими стенами. Масса людей заполнила это зрелище богатством и оружием, лилии были в руках, слова похвалы и ободрения — на устах.

Принц и принцесса Мойсехена несли все регалии своего положения. На их головах были серебряные обручи. Драгоценное оружие украшало их пояса. Брат и сестра держали головы высоко, а спины прямо, несмотря на вес плащей для верховой езды. Они не ерзали и не плакали, хотя травма последних дней пронзила их юные ауры темными стрелами.

«Это образ Брианы и Кедехена, понял Кори. — Будто моя кузина и ее король были переделаны в миниатюре и заново представлены перед всеми нами».

Сходство принцессы Брианы с ее тезкой всегда беспокоило Кори, но сегодня сверкание этих зеленых глаз было особенно жутким. Глубина опыта казалась совершенно неуместной для девочки шести лет.

Голос Эолин дрогнул, мгновенная пауза, противоречащая резким эмоциям, бушующим в ее ауре. Кори мог представить слезы, которые она пролила в уединении своих покоев несколько часов назад, когда ей позволили в последний раз обнять и поцеловать своих детей. Однако здесь, у городских ворот, люди видели только публичное подтверждение мужества и решимости их королевы. Эолин многому научилась за годы, проведенные с каменным принцем Вортингеном. Она научилась никому не позволять видеть сквозь иллюзию абсолютной власти.

Телин и Эхиор останутся присматривать за принцем и руководить его правлением городом. Вскоре к ним присоединится прекрасная жена Бортена Винелия, призванная помочь мужу в его выздоровлении и, что более важно, служить Короне в качестве нового члена Совета.

Кори был назначен сопровождать королеву, когда они вели армию к Римсавену. Он мог

бы истолковать это как выражение новой благосклонности, но он знал лучше. Эолин, как и ее покойный муж, предпочитала держать под рукой тех, кому меньше всего доверяла.

Ритуалы закончились обращением Телина к благословию Дракона. После того, как принц и принцесса обменялись поклонами в знак уважения, Эолин начала на коне долгий путь на запад. Кори занял свое место рядом с ней. Их окружила личная охрана королевы. Впереди ехали знаменосцы, высоко над процессией развевались цвета дома Акмаэля. На их пути падал дождь из ароматных белых лепестков.

— Победа! — кричали люди. — Победа королеве Эолин! Месть за ее сына, принца Эогана!

Эолин отблагодарила их похвалу, обнажив Кел'Бару и высоко подняв его. Лезвие сияло серебристо-белым на фоне розово-серого неба. Когда ее рота выехала из города, за ними начал сплетаться длинный извивающийся хвост пехоты и кавалерии, повозок и припасов, ремесленников и шлюх.

Кори не боялся верховой езды. Полет был более удобным, хотя и непрактичным, если только он не путешествовал в одиночку или с другими адептами Высшей Магии. Неблагоразумно даже во время войны, когда нужно сохранить магию для более важных задач. Утомительный шаг лошади и все боли, которые он вызывал, можно было несколько облегчить с помощью хорошей беседы и смелого смеха. И все же впервые на памяти Кори обнаружил, что ему не хочется нарушать покров молчания, окутывавший Эолин.

«Смех — не то лекарство, которое ей нужно».

В последние дни Кори боролся с возможностью того, что он, возможно, зашел, наконец, слишком далеко. В течение многих лет маг играл с Эолин в ту же игру, что и со всеми остальными, словно она была еще одной пешкой в великой игре, столь же необходимой, как и любая другая.

Все изменилось в ночь нападения демонов Наэтер, когда он чуть не потерял Эолин в бездне. Впоследствии Кори ругал себя за то, что позволил событиям дойти до этого, за то, что не оставил себе выбора, кроме безжалостного и отчаянного проклятия, которое должно было оставаться скрытым до конца времен.

«Но это же сработало?».

Не в его характере было предаваться сентиментальным сомнениям, погрязнуть в том, что могло бы быть. Если бы Эолин погибла, он сам нашел бы путь вперед, как всегда.

И все же...

Впереди над невысокими холмами собирались грозные тучи. Ветер пронесся по траве, обдавая Кори ароматом свежего дождя. Пройдет день, может, два, прежде чем они достигнут того отдаленного берега туманной серости. Плохая погода замедлит их продвижение, а поскольку Селкинсен был в осаде, они вряд ли могли позволить себе еще одну задержку.

— Что мне делать с твоей дружбой, маг Кори?

Вопрос Эолин вывел мага из задумчивости. Он взглянул на магу, не уверенный, что просто вообразил себе ее голос.

— Моя Королева?

Выражение ее лица было озадаченным, будто она обдумывала загадку, у которой не было решения. Вокруг глаз Эолин начали собираться тонкие морщинки, а на лбу образовалась складка. В лучших традициях маги Эолин с годами становилась все красивее. Ее лицо олицетворяло красоту мудрости, сформированную утратой, внутренней силой, определяемой преодоленными печалью.

— Ваша дружба, — сказала она, — что мне делать с ней?

— Меня обнадеживает то, что вы все еще называете это дружбой.

— Как бы вы это назвали?

Кори выдержал ее взгляд. Он вспомнил, как Эолин впервые приехала в Восточный Селен, новая и невинная среди членов его Круга. Одна прогулка с ней по лесным коридорам, и все подозрения Кори относительно волшебных даров простой девицы из Моэна подтвердились. В течение нескольких коротких и великолепных дней он представлял себе другое будущее. Он начал верить, что обновление, обещанное его кузиной Брианой, было возможным. Затем открылась вся правда о ситуации Эолин, и Кори снова пришлось встать на путь трудного выбора.

— У нас союз, — сказал он. — Тот, который хорошо послужил нам обоим.

Эолин моргнула и отвернулась, сосредоточившись на дороге, которая тянулась впереди. Ее пальцы скользнули к Серебряной паутине на горле.

Поняв, куда ушли ее мысли, Кори вернулся к созерцанию пейзажа. В темных водах реки Фурмы отражалось серое небо. В камышах вдоль края серебристая цапля стояла неподвижно, как зимняя ночь, наклонив голову, ожидая, когда в пределах досягаемости будет рыба.

— Я часто задавалась вопросом, почему мой муж держал тебя в своих советах.

Теперь уже дважды она заводила разговор. Кори думал, что это был хороший знак.

— Король Акмаэль знал, что я не предаю его.

— Вот чего я не понимаю, Что дало ему такую уверенность?

— Мы были родственниками, Эолин. Маги Восточной Селен, связанные кровью с наших жилах

— Он также был сыном Кедехена. Ты замышлял заговор против него и его отца, когда помогал организовать восстание Эрнана.

— Я ясно показал свою истинную преданность, когда предал твоего брата.

— Да? Ты доставил меня к Эрнану, зная, что мы сразимся с Акмаэлем в бою. Это был хитрый ход, Кори, обеспечить место для клана Восточной Селен в обоих лагерях, гарантируя выживание вашего народа независимо от исхода.

Кори позволил ее словам повиснуть в воздухе. Он сделал тихий вдох.

— Полагаю, вы сами ответили на свой вопрос, моя Королева. Хотя, возможно, я должен добавить в свою защиту, что ничто не было гарантировано.

Между ними снова воцарилась тишина. Высоко на противоположном берегу росла одинокая ель, неуместная в этом пейзаже и искривленная ветром.

— Он мне снится. Постоянно, — слова сорвались с ее губ, как камешки, брошенные в поток, и исчезли почти до того, как их прохождение было замечено.

Кори взглянул на охранников и активировал звуковую защиту.

— Меня бы обеспокоило, если бы этого не было, — сказал он.

— Днем я слышу, как он зовет меня по имени. Я оборачиваюсь, ожидая увидеть его, но нахожу только пустоту. А ночью... — ее руки в перчатках сжали поводья. — Потерять моего короля в любой момент было бы невыносимо, но терпеть его отсутствие сейчас, когда у наших ворот армия и предательство среди нашего народа... Я все думаю, что завтра будет лучший день. Завтра я увижу где-то во всем этом свет. Но становится только хуже. Становится хуже, Кори.

— Нередко короли умирают во время войны, — сказал Кори, — а королевам

приходится нести бремя защиты королевства. Ты хорошо поработала, Эолин. Мойсехен мог развалиться за две недели, если бы ты не пришла к власти с такой ясностью и решимостью. В твоём распоряжении армия. Жители Селкинсена доблестно защищают свои земли, веря, что ты придешь им на помощь.

— Я не думаю, что ты понимаешь, — она посмотрела на него затравленным взглядом. — Тень поглощает мою душу. В то утро, когда я пощадила Крамона Лангерхаанса... я рассердилась, заставила его страдать. Я черпала силу из его ужаса. Теперь в моем сердце горит пламя, жаждущее того же грязного удовлетворения.

— Это эффект больших потерь, которые ты понесла. Тебе нужно дыхание Дракона, обновление Духа Леса. Свечи из шалфея и розы эйтне, настои свежих трав каждый вечер и каждое утро. Я сделаю своей задачей твое исцеление, Эолин. Я дам Жакетте конкретные инструкции относительно твоего ухода в ближайшие дни.

— Значит, ты ничего не видел? Ты не заметил какой-либо бреши в моей ауре?

— Нет. Уверяю тебя, нет.

— Что, если Демоны Наэтер снова найдут путь сюда?

— Мы были бы дураками, если бы не подготовились к такой возможности, но проклятие, которое я наложил, выиграло нам время. Порталы, которые демоны Наэтер использовали в крепости, были идентифицированы и запечатаны. Найти другой путь для них будет нелегко.

— Я не хотела оставлять детей одних, но и не рискнула взять их с собой в этот поход, какое место безопасно для них? Восточный Селен? Южный лес? Где-то вне этого королевства?

— Прятать своих детей никогда не будет решением, Эолин. Если мы потерпим неудачу в Селкинсене, защита воли короля ляжет на твоего сына и его советников. Он должен присутствовать, чтобы принять свое правление.

— Так много ненависти и так мало причин, — она покачала головой. — Когда мне не снится Акмаэль, мне снится его отец. Кедехен подходит ко мне и вкладывает свой меч в мою руку. Убей их, говорит он. Убей их всех, ибо их не отговорить от их кровавых амбиций. И я склонна согласиться.

— Но ты никого не убиваешь.

— Я убила многих. Мехнеса, Наэтерских Демонов, а теперь...

— Во сне, Эолин. Во сне ты никого не убиваешь?

Она нахмурилась.

— Я держу меч Кедехена и с яростью смотрю на своих врагов. Я поднимаю клинок и бросаюсь на них, но тут же просыпаюсь, обеспокоенная вкусом их страха. Обещанием их крови.

Маг позволил себе улыбнуться.

— Если и есть что-то, что ты уже должна знать о себе, Эолин, так это то, что у тебя замечательное сопротивление жажде мести.

— Я не уверена.

— Ты пощадила Лангерхаанса.

— Бортен посоветовал мне сделать это. Если бы я казнила Лангерхаанса, вся его семья отвернулась бы от нас. Если бы я помиловала его без наказания, они бы убежали, чтобы присоединиться к Рёнфину. Так что я оскорбила и опозорила его публично так, как он и все остальные никогда не забудут. Я подозреваю, что Лангерхаанс будет играть в ту же игру, что

и ты. Он пошлет часть своего дома Рёнфину, а остальное мне, надеясь сохранить его кровь, кто бы ни победил. Не идеально, но больше, чем было бы в противном случае.

Она сжала губы в тонкую белую линию.

— Когда эта война закончится, я еще, возможно, найду способ избавиться от этого беспокойного лорда из Нью-Линфельна, — добавила она. — А ты, Кори? Почему ты пощадил Бэдона?

Вопрос застал его врасплох.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду, моя Королева. Бэдон сожжен по вашему приказу и по воле Совета.

— Этот союз принесет нам много пользы, маг Кори, если мы перестанем говорить лишь часть правды.

Кори долго смотрел ей в глаза. Тогда что-то высвободилось внутри него. Последнее препятствие, возможно, на пути, который больше всего ускользал от него.

— Я не уверен, Эолин. Я знал Бэдона в другое время, когда то, во что он верил и что делал, представлялось в ином свете. Он и Церемонд не были плохими людьми, просто слишком твердыми в своих убеждениях. Они научили меня грозному волшебству, и за это я им обязан. Несмотря ни на что, я не переставал восхищаться их мастерством и знаниями. Бэдон страдал по-своему, увидев смерть своего ближайшего друга и пережив восстановление всего, что они пытались разрушить. Он глубоко раскаивался в том, что высвободил силы, убившие Акмаэля. Человек, которого они привели на костер, был несчастным, измученным и сломленным. Полагаю... я полагаю, я увидел в нем что-то от себя, кем я мог бы быть, если бы история пошла иначе. Казалось малой милостью усыпить Бэдона до того, как его коснется пламя. Я не жалею об этом. Я бы сделал это снова.

Эолин изучала его, выражение ее лица выражало смесь понимания и меланхолии.

— О, если бы кто-нибудь оказал такую же милость моей матери, когда она горела.

Кори посмотрел через реку на пейзаж без деревьев, который вел на север к пустошам Фэрнворна. Холодный и влажный ветер бил ему в лицо.

— Кто сказал, что никто этого не сделал?

Глава тридцать седьмая

Друзья-враги

Мариэль села на низкую ветку в образе горного ястреба, взъерошив перья, пытаясь удержать равновесие. Над кронами последние лучи сумерек окрашивали горы в едва

заметные языки пламени, но здесь лес был окутан тьмой. Мягкое биение крыльев возвестило о прибытии ее спутниц. Призвав человеческую форму, Мариэль бесшумно спрыгнула на землю. С ножом в руке, она огляделась.

Треск сверчков наполнял ночь. Песнь лягушек указывала на наличие поблизости воды. Кроме того, ни один звук не тревожил спящий лес или густой ковер из сухих листьев.

Мягким свистом полуночного дрозда она позвала Бетанию и Делави. Ее спутницы приняли человеческий облик в коротких вспышках света и тихо приземлились рядом с ней.

— Хороший инстинкт, Мариэль, — Бетания произвела светящийся кристалл. Беловолосая мага направила свет так, чтобы он осветил участок папоротника. — Сегодня у нас будут мягкие кровати, и здесь много дров для костра.

— Не думаю, что нам следует разводить костер, — ответила Делави. — А если нас увидят?

— Мы хотим, чтобы нас видели, — Мариэль подошла к краю поляны и быстрыми, чистыми взмахами ножа начала собирать ивовый папоротник. Побегги были перистыми на ощупь, срезанные стебли источали мягкий и успокаивающий аромат. — Мы — гонцы королевы Мойсехена, а не враги, проникающие скрытно.

— Тогда почему мы ведем себя скрытно? — спросила Делави. — Мы могли бы просто подняться на перевал Селкинсен.

— Так быстрее.

— Нет, если мы заблудимся.

— Мы не заблудимся, — сказала Мариэль. — Этот лес похож на Южный лес. Деревья показывают мне путь. Поможете с костром?

Делави кивнула и принялась за работу, набирая охапки ивового папоротника, Она разложила ветви у Бетании, которая складывала дрова для костра.

— Неважно, говорят с тобой леса или нет, — сказала Делави, — я бы предпочла проникнуть на эту территорию открыто, через настоящие ворота и башню.

— Леса — это ворота в царство Хелии, — ответила Мариэль, — а горы — ее башни.

— Чепуха, — сказала Делави. — Даже у горцев есть нормальные дороги. Мы просто решили не использовать их.

По тихому призыву Бетании загорелась пирамида из веток. Искра превратилась в ярко-желтый огонь, который прогнал тени и холод. Бетания села на пятки, наблюдая за мерцающим светом.

— Я голодна, — сказала она. — Я должна была поймать мышь по пути. Видела рой летучих мышей из той пещеры в сумраке?

— Если бы ты это сделала, ты бы застряла в форме ястреба на всю ночь, — сказала Делави. — Чтобы переварить летучую мышь, требуется вечность.

Бетания пожала плечами.

— Это не такой уж плохой способ поспать. Лучше, чем быть уязвимой на земле.

— Я устрою ловушку, — предложила Мариэль. — Мы еще можем поймать зайца или двух на ужин.

— Завтрак, скорее, — Делави встала и коснулась руки Мариэль. — Я поставлю ловушки. Ты останешься здесь и отдохнешь.

Она исчезла среди деревьев прежде, чем Мариэль успела запротестовать. Молодая мага посмотрела на Бетанию:

— Это так сильно видно?

— Твоя усталость? — Бетания кивнула. — О, да.

Мариэль вздохнула и заняла место у костра рядом со своей спутницей.

— Полагаю, тогда нет смысла настаивать на первой вахте.

— Никаких шансов.

— На самом деле я не чувствую себя такой уж усталой. Лес будит мои чувства.

— А твоя магия?

Мариэль покачала головой.

— Скажем так, мне нужно хорошенько выспаться, прежде чем снова изменить форму.

Лунный свет пробивался сквозь облака, отбрасывая тени другого характера, чем городские. Добрее. Более привлекательные и менее зловещие. Деревья манили ко сну своим шепотом. Даже скалы звали Мариэль, раскрывая свое имя и место, словно приветствуя старого друга.

Мариэль взяла один из шепчущихся камней и держала его в руке, успокаиваясь от ощущения древней магии, проникающей в ее кожу.

— Я удивлена, что Мага Эолин отправила тебя в это путешествие, — Бетания бросила ветку в огонь. — Кажется, я слишком много прошу, учитывая все, через что ты прошла.

— Она меня не посылала. Она спросила меня, не соглашусь ли я пойти, и я сказала да, — прошептала Мариэль камню и вернула его на место, отметив положение его соседей. — Я хотела снова увидеть леса и горы, ощутить магию леса в душе. И мне любопытно узнать об этом царстве, которым правят женщины, о воительнице-маге Эолин, которую она называла подругой.

— Я слышала о битвах Хелии в Антарии и Галии, — сказала Бетания. — Она убил сотни в долине Эрунден. Говорят, она безжалостна и коварна, а жажда крови не уступает любому мужчине. Еще говорят, что она не забывает.

— Вот почему Эолин надеется заручиться ее помощью.

— И все же Мага Эолин вышла замуж за человека, который убил друга и союзника Хелии; глупо думать, что она сейчас придет на помощь Мойсехену.

Мариэль закатила глаза, уставшая от спора Бетании.

— Ты говоришь одно и то же с тех пор, как мы покинули Город. Ты не думаешь, что можешь оставить его на одну ночь? Королева отдала нам приказ. Мы должны исполнить ее волю. Вот и все.

Бетания пожала плечами и замолчала.

Мариэль позволила взгляду остановиться на успокаивающем танце пламени, благодарная в своем сердце, что Эолин решила дать ей это поручение.

Горные леса напомнили ей о более счастливых днях, когда она и другие девочки Экелара Эолин танцевали вокруг костров в залитом лунным светом лесу. В те времена царили величие, свобода и чувство товарищества, которых она больше не нашла. Никакой цинизм, характерный для ее сестер из Королевского города, не коснулся тихой общины Моэна. Сегодня вечером тоска по смеху ее юности была необычайно сильной, даже болезненной.

«Возможно, Мага Эолин прав. Возможно, лучший выбор, который я могу сделать, это вернуться в Моэн».

Рядом раздался крик совы.

Мариэль поднялась на ноги. Волосы на затылке встали дыбом.

— Что-то не так, — сказала она. — Где Делави? Она уже должна вернуться.

Листья шуршали от ветра. Мариэль уловила приглушенные крики, шарканье ног по опавшим листьям, удары по плоти. Как только она потянулась за ножом, Бетания прыгнула на нее сзади.

Одна рука крепко обвила грудь Мариэль. Лезвие сверкнуло у ее горла. Мариэль схватила предплечье Бетании обеими руками, пальцы впились в плоть, когда она напряглась, чтобы удержать нож на расстоянии. Они спотыкались, камни и листья скользили под ногами, пока, наконец, Мариэль не нашла опору. Она запрокинула голову и почувствовала приятный хруст носа Бетании. Мага вскрикнула и отпустила ее.

Нэом энре!

Алое пламя вырвалось из ладони Бетании и устремилось к Мариэль. Она бросилась на землю, скользя ладонями по твердой земле. Струя огня прошла над головой и врезалась в ближайшее дерево. Ствол взорвался пеплом и пламенем. Мариэль, задыхаясь, вцепилась в траву и отвернулась от обжигающего жара.

«Боги, помогите мне! У меня не осталось магии для этого».

Она заставила себя встать. Бетания шагала вокруг костра с каменными глазами, следя за Мариэль. Она снова сделала выпад, и лезвие с шипением пронеслось мимо лица Мариэль. Мариэль нырнула на землю и присела на корточки. Вырвав нож из ножен, она метнула его в нападавшую. Лезвие попало в цель, глубоко погрузившись в грудь Бетании. Глаза магивоительницы расширились; ее дыхание стало короткими, прерывистыми вдохами. Кровь выступила на губах Бетании. Она упала на землю, вздрогнула и замерла.

Мариэль, спотыкаясь, подошла к телу, упала на колени, опустила ладонь на тунику в крови. Слезы мешали видеть. Ее дыхание стало хриплым и затрудненным.

— Что случилось? — пробормотала она в шоке. — Что я сделала?

Холодное дыхание стали обожгло горло. Мариэль замерла и, подняв глаза, увидела Гемену, стоящую над ней с мечом в руке и с насмешливой улыбкой на лице.

— Что ты сделала, в самом деле? — сказала она. — Отойди от нее, Мариэль.

Мариэль вскочила на колени, чувствуя сталь, поцеловавшую ее кожу.

— Как ты нас нашла?

— У меня были свои источники, — Гемена бросила прищуренный взгляд на труп Бетании. — Твой нож всегда был быстр, Мариэль, но я не думала, что у тебя хватит сил убить одну из своих сестер. Разве Мага Эолин не говорила...?

— И все же ты приказала Бетании убить меня.

— Она больше не считала тебя сестрой.

Ярость поднялась в крови Мариэль.

— Боги проклянут тебя, Гемена, за все, что ты обрушила на наш народ!

— Я ничего не развязала, Это твои друзья, маги, плетут темные планы и ужасные чары. Это твоя слабая и неэффективная наставница только и делает, что ложится на спину, чтобы доставить им удовольствие.

— А Делави, — Мариэль кивнула на темный лес. — Она тоже твоя шпионка?

— Делави не смотрела в будущее. Так что теперь она мертва.

— Убивая нас, ты ничего не получишь. Если мы не свяжемся с Хелией от имени Маги Эолин, это сделает кто-то другой.

— У Хелии нет причин приходить на помощь Эолин. Мы уже говорили с ней, Мариэль. Горная Королева идет со своей армией, чтобы присоединиться к Рёнфину и Галии. Вместе они уничтожат шлюху Короля-Мага.

Ужас сжал сердце Мариэль. Как Мойсехен мог надеяться пережить нападение трех королевств?

— Я не понимаю, почему ты это делаешь, — тихо сказала она. — Почему ты так ее ненавидишь?

— Да, ты была той, кого она спасла, да? — парировала Гемена. — Если бы тебя бросили, как и всех нас, в тюрьму, где нас насильовали, пытали и принесли в жертву, возможно, вы бы не была настолько слепа к ее обманам?

— Она любила нас всех одинаково. Возможно, она не смогла защитить шабаш от Сырнте, но она защищала нас так долго, как могла. А перед всем этим она увела нас от жизни, бедной и жестокой. Она освободила нас благодаря нашей магии. Как ты могла забыть это?

— Ты называешь свою жизнь свободой? Слуга Короля-Мага, раба его магов? Мы учились магии не из-за Эолин. Мы усвоили ее благодаря нашей хитрости и по воле Богов.

— Так вот чем все кончится? Ты собираешься убить меня здесь, в месте, похожем на лес, где мы когда-то играли?

Гемена стиснула зубы.

— Ты все еще можешь присоединиться к нам, Мариэль. Я буду рада приветствовать тебя, как и остальные.

— Чтобы вести войну с нашим народом?

— Кампания Рёнфина — просто средство для достижения цели. Женщины будут править Мойсехеном. Маги будут следовать путям Эйтны не как слуги короны, а с истинной свободой. Присоединяйся к нам, Мариэль. Я никогда не хотела оставлять тебя позади. Для тебя всегда было место среди нас.

Мариэль обдумывала предложение Гемены, внимательно прислушиваясь к тихому стуку своего сердца, ощущая себя удивительно спокойно, учитывая пропасть, у которой она стояла. Высоко в кронах деревьев издала тихий крик горная сова. Листья зашипели на ветру. Кожа Мариэль была влажной и прохладной после боя с Бетанией. Она почувствовала соль на губах, липкие остатки крови на пальцах. Под ее коленями влажная земля источала аромат сладкого мха и молодых трав. А камни...

Камни продолжали шептаться.

Мариэль последовала за их зовом назад во времени, вспоминая тепло объятий Маги Эолин, провокационную ласку своих любовников, ощущение меча в руке, испытания, выпавшие на долю во время вторжения Сырнте. В конце этого путешествия она почувствовала сладкий запах юной Гемены, энергичной девочки шести лет, недавно прибывшей в Экелар. Мариэль была первой, кто приветствовала ребенка. Каждую ночь она рассказывала истории Гемене, забывая ей голову фантазиями о древних магах, пока та не засыпала.

— Я предпочла бы, чтобы ты убила меня, Гемена.

Мага-воительница нахмурилась. Она прижала клинок к горлу Мариэль.

— Почему?

— Мне не хочется жить в мире, где женщины разделены против мужчин, а маги против друг друга.

— Это я и говорю, Мариэль! Мы кладем конец конфликту поколений. После этого мы будем все жить в мире.

Мариэль покачала головой. Она не сводила глаз с Гемены, протягивая пальцы к земле,

призывая камни выполнять ее приказы, чувствуя их готовую дрожь внутри своей магии.

— Ты ослеплена, Гемена. Так было всегда. Будущее женской магии никогда не будет безопасным, если мы продолжим закладывать фундамент кровопролитием. Убей меня сегодня ночью и иди своей дорогой. По правде говоря, ты сделаешь мне одолжение. Я устала от этого мира и всех его теней.

Гемена крепче сжала рукоять. В ее челюсти застыла решимость. Когда Гемена подняла лезвие, Мариэль воззвала к камням. Они ответили, выстрелив в Гемену и ударив ее по лбу.

Ошеломленная, Гемена попятилась. Кровь хлынула на ее лицо. Меч выскользнул из ее рук. Она колебалась мгновение, а затем без грации рухнула на траву.

Мариэль встала и подошла к распростертому телу Гемены. Подобрав меч сестры, она обхватила руками рукоять и приставила лезвие к горлу Гемены.

— Милые Боги Дракона, — помолилась она, — простите меня за то, что я собираюсь сделать.

Глава тридцать восьмая

Осада

Из темноты своей палатки Тэсара слышала удары оружия людей ее дяди: высокая дуга, камни с шипением устремлялись к небесам, углубляющийся звон их падения на землю. Каждый удар посылал дрожь в землю.

Было ли это всего лишь ее воображением, или на таком расстоянии она могла слышать крики раненых расколотым камнем?

Не в силах уснуть, Тэсара встала и надела плащ. В мерцающем свете свечи она остановилась у кровати Элисары. Спокойствие лица девушки намекало на какой-то приятный сон, далекий от хаоса и смерти, царивших в ночи.

Очередной толчок потряс землю. Тэсара надела плащ и вышла из палатки, стражи встали вокруг нее. Широкими и целеустремленными шагами она прошла небольшое расстояние до холма с видом на Селкинсен. Ночь была туманной, и звезды были приглушены облаками. Через реку камни, окутанные алым и пурпурным пламенем, полетели к Селкинсену, где взорвались оранжевыми столбами огня.

Каждую ночь жители Селкинсена терпели нападение. Каждое утро город встречал рассвет в дымке тлеющих костров, гасимых водой, могущественной магией и чистой волей. Кто не сгорел ночью, днем мог быть пронзен, раздавлен или расчленен. Ливень стрел с обеих сторон не прекращался; случайные вылазки из ворот были жестокими и кровавыми.

Пенамор собирал павшие тела врагов. Он позволил трупам гнить прогорклыми кучами, а затем отправил их, раздутых и вонючих, над городскими стенами.

«Все, что нужно, чтобы сломить их дух», — сказал он.

От всего этого у Тэсары болел живот.

— Они долго не продержатся.

Тэсара вздрогнула от хриплого голоса советника Савегра, Уралеса, появившегося рядом с ней.

Темная мантия волшебника слилась с ночью. Тюрбан венчал его осунувшееся лицо. Она много раз встречала Уралеса в таком виде в последние дни, и все же его присутствие нервировало ее. Его худощавая фигура возвышалась над всеми членами двора ее дяди, даже над самим Савегром.

Он поймал ее взгляд и медленно кивнул в знак уважения.

— Простите, королева Тэсара. Я так привык встречать вас в этом месте, что забываю выразить любезность приветствием.

Тэсара позволила грустной улыбке тронуть свои губы.

— Вежливости мало помогают во время войны

— Напротив, моя Королева. Вежливость — это все, что освещает путь из этих полей смерти. Вежливость между союзниками и даже между врагами.

— Сомневаюсь, что Селкинсену будет оказано много внимания, когда их стены рухнут.

— Если Пенамор решит наказать город, то не из-за недостатка усилий с вашей стороны его отговорить.

Тонкое признание ее воли и ее бессилия заставило сердце Тэсары сжаться.

— Я попробую еще раз завтра.

— Это может быть ваша последняя возможность.

Уралес простер руку над пейзажем, осветив поля за рекой в сером сумраке. Движение солдат стало видимым, бешеное и упорядоченное одновременно.

— Наши кроты почти закончили свою работу вдоль внешней стены, — сказал он. — Завтра вспыхнет огонь Урубая, и все узнают о силе галийского волшебства.

— Ваш принц тоже намерен разграбить этот город мечты?

— Савегр слышал ваше прошение.

— Это не ответ на мой вопрос.

— Каковы бы ни были амбиции наших сюзеренов, они сойдут на нет, если пройдут дожди и потушат пожары.

Взгляд Тэсары блуждал на север и восток, где молнии освещали горизонт.

— Наши дожди обычно идут с запада.

— Эти бури приходят за нами.

— Как вы можете быть уверены?

Он смотрел на нее прищуренным взглядом.

— Я галийский волшебник. Я знаю ветры и дожди, как и огонь, бегущий впереди них.

Тэсара не могла придумать, что сказать на это. Она плотнее укутала плечи в плащ и все остальное время простояла рядом с ним в тишине.

Через несколько часов Тэсара вернулась в свою палатку, уставшая, но не способная заснуть. Только когда штурм ненадолго приостановился в предрассветные часы, она достигла неглубокого состояния покоя. Вскоре она услышала движение своих дам вокруг кровати, а затем ласковый призыв Сони к завтраку.

Тэсара встала, оцепеневшая и окоченевшая. Женщины суетились, пытаясь скрыть темные круги под глазами и выбирая цвет платья, чтобы скрыть ее бледность. Их болтовня воспламенила нетерпение Тэсары. Какое значение имело ее появление во время войны?

Когда, наконец, они закончили наряжать ее, королева села за утреннюю трапезу. Она ела, как сирота, голодавшая в течение нескольких недель, озадаченная собственным аппетитом. Элиасара вылезла из постели и заняла место рядом с матерью.

— Я хочу пересечь реку сегодня, — объявила принцесса.

— Мы уже обсуждали это, Элиасара. Это слишком опасно.

— Это пытка — быть так близко к дому и даже не ступить на землю, где я родилась.

«Еще большей пыткой будет, когда ты войдешь в это поле, усеянное трупами, и увидишь руины, которые когда-то были Селкинсеном».

— Мы вместе пересечем реку в день, когда Селкинсен сдастся, чтобы ты могла войти в город с триумфом.

— Это не будет моим триумфом.

— Это будет победой, одержанной твоим дядей и его союзниками от твоего имени.

— Если я буду настоящей королевой Вортинген, я не могу просто сидеть, пока другие сражаются за меня.

— Скоро ты станешь достаточно взрослой, чтобы вести собственные войны, хотя я молю богов, чтобы тебе никогда не пришлось этого делать. Ешь, Элиасара, — добавила Тэсара, предвидя инстинкт дочери отодвинуть тарелку. — Не пренебрегай этой едой. В лагере болезнь, и еды едва хватает, чтобы прокормить наших солдат. Ты должна следить за своим здоровьем.

Элиасара нахмурилась, но принялась жевать кусок хлеба.

Закончив завтракать, Тэсара встала и позвала свою лошадь.

Туманные тучи низко висели над землей, закрывая восходящее солнце. В сопровождении стражи Тэсара спустилась по извилистой тропе к берегу реки, пересекла узкий каменный мост и поднялась на возвышенность к югу от города.

Падения снарядов Рёнфина гремели по полю, сопровождаемые криками людей, сражавшихся друг с другом в бою. Тэсара не хотела смотреть на их борьбу, но, тем не менее, шла к почерневшему ландшафту.

Осадные башни Пенамора не выдержали огня воинов-магов Селкинсена. Их останки стояли, разбитые и сожженные, у стен города. Тела солдат, которые пытались взобраться на валы, но были сбиты безжалостным ураганом стрел, валялись у основания западной стены.

Тэсара не знала, где работают галийские кроты. Говорили, что они рыли туннели тем же расплавленным огнем, который прорезал их горы. Что-то в мысли об этих оранжевых огнях, освещающих холодные недра земли, встревожило Тэсару, от чего у нее пересохли губы и выступила слюна. Сбитая с толку, она отвернулась от битвы и погнала коня к палатке Пенамора.

Лорд-регент стоял снаружи, облаченный в доспехи, и отдавал приказы своим офицерам коротким нетерпеливым рыком. Когда люди Пенамора разошлись, он подал сигнал своему коню. Тэсара ускорила шаг.

— Дядя! — позвала она.

Острый взгляд Пенамора остановился на ней. Он усмехался от удовольствия.

— Племянница. Чем обязан этим неожиданным визитом?

— Пожалуйста, дядя, — она остановила свою лошадь рядом с ним. — Я хотела бы еще раз поговорить с тобой о судьбе людей Селкинсена.

Улыбка не задела его глаза.

— Можно было бы подумать, что ты родилась среди них, настолько постоянной была твоя мольба о пощаде.

— Я только хочу, чтобы ты подумал...

— Я все обдумал, дорогая племянница. Семь дней мы тяжело давили на них. Семь дней они отказывались открывать свои ворота. Мы больше не можем задерживаться здесь,

растрачивая людей и оружие на упрямых торговцев. Наши разведчики и шпионы говорят, что Королева-Ведьма идет к нам из Римсавена. Пришло время уничтожить Селкинсен и завладеть судьбой твоей дочери.

Он сел на лошадь и принял шлем от своего оруженосца.

— Присоединяйся к нам, Тэсара, — сказал он. — Сегодня будет хорошее шоу. Думаю, тебе понравится вкус победы.

Пенамор пришпорил коня. Вокруг него выстроилась рота охранников, скрывая отступающую фигуру.

Мир замкнулся на Тэсаре. Как она могла чувствовать удушье на таких открытых пространствах, когда все, что она когда-либо чувствовала в тесноте аббатства, была свобода сердца и духа?

Сжав поводья, она последовала за дядей и догнала его на вершине невысокого холма. Там их встретил Савегр с мрачным выражением лица и взглядом, устремленным на стены города. Рядом с ним, как тень, украденная из ночи, стоял вездесущий Уралес.

Штурм западной стены прекратился. Катапульти лежали неподвижно, как спящие драконы. Солдаты собрались вдоль всего поля, роты выстроились ровными рядами. Над головой хлопали флаги Рёнфина и Галии.

— Ну? — тон Пенамора был резким.

Савегр кивнул.

— Все готово.

Пенамор обнажил свой меч и высоко поднял его. В сопровождении избранного числа гвардейцев регент спустился по склону к городским воротам. Он остановился недалеко от лучников и крикнул в сторону крепостных валов:

— Люди Селкинсена, послушайте меня! Элиасара, королева Мойсехена, заявляет, что ее терпение на исходе. По ее приказу мы поместили галийскую магию под ваши стены, грозное дыхание Урубая. Сложите оружие, или все погибнут.

Лишь горстка звуков ускользнула в наступившую тишину. Высоко над головой завопил ястреб. На соседнем дереве каркали вороны. Мужчина закашлялся. Лошадь фыркнула. Гром грохотал из далеких и грозных облаков.

Затем до слуха Тэсары донесся неожиданный шорох ткани, развернувшейся на камне. Над воротами Селкинсена опустился белый флаг. На нем был нарисован бледно-желтый бриллиант.

Сердце Тэсары подпрыгнуло от радости. Она погнала лошадь вперед, но Савегр поймал уздечку.

— Отпустите меня, — возмутилась она. — Они потребовали переговоров.

— То, что они просят, не было дано.

— Но Пенамор согласится, — она посмотрела на дядю. Сомнение захлестнуло ее грудь. — Он должен.

Регент высоко поднял меч. Его лошадь перебирала ногами. Тэсара не могла видеть лица Пенамора с такого расстояния, но она могла хорошо представить жесткий блеск в глазах своего дяди, сардоническую ухмылку, скользнувшую по его лицу.

Вырвавшись из хватки Савегра, она пришпорила лошадь и помчалась вниз по склону к Пенамору, стуча копытами по твердой земле. Савегр крикнул ей вслед. Как только она достигла линии фронта, галийский принц прервал ее.

— Вы не поедете дальше! — гнев окрашивал каждый его жест. Даже черный зверь, на

котором он ехал, был полон ярости.

— Вы знаете, что он собирается сделать, — Тэсара попыталась обойти лошадь и всадника, но безуспешно. — Если вы не позволите мне остановить его, то вы должны остановить его сами.

— Я не могу.

— Люди, контролирующие огонь Урубая, находятся под вашим командованием. Скажите им, что они не могут использовать это оружие.

— Эта команда была дана вашему дяде. Они смотрят на него, а не на меня.

— Тогда заставьте их...

Пенамор издал боевой клич и опустил меч.

Зазвучали трубы. Земля содрогнулась, Тонкие столбы насыщенного серой пара вырвались на поле боя. Тэсара услышала крики агонии и с ужасом поняла, что некоторые из их людей попали в обжигающие ванны.

В нескольких шагах от поверхности зашипел гейзер, словно дыхание какого-то давно закопанного монстра, устремляющегося к небу. Лошадь Тэсары в панике вскочила на дыбы. Она потеряла равновесие и рухнула на землю. Боль пронзила ее плечо и ребра. Звезды вспыхнули перед глазами.

Савегр спешил и поднял Тэсару на ноги, заставив ее вздрогнуть.

— Мы должны идти, — сказал он. — Сейчас.

Офицеры торопили свои ряды, чтобы удержать позиции, пока приглушенные взрывы приближались к стенам. Лошадь Тэсары убежала, черный жеребец Савегра следовал за ней по пятам.

А потом пар утих, и беспокойная земля затихла.

Тэсара повернулась к стенам Селкинсена, ее сердце колотилось под покровом молчания. Пять ударов. Пятнадцать. Тридцать.

Моменты растянулись в минуты, но огонь не загорелся.

С крепостных стен раздались крики облегчения. Защитники Селкинсена смеялись, издевались и размахивали оружием, в их рядах расцветала надежда.

Земля застонала под ними и высвободила свои недра. Пламя алого и черного цвета вырывалось из-под земли и с ревом устремилось к небесам, пронзая низкие облака, окутывая мир густым дымом.

Савегр взял Тэсару на руки и швырнул ее на землю, накрыв своим телом, как только взрыв достиг их. Ветер выл в ушах Тэсары. С неба падали камни и обломки. Задыхаясь от горячего воздуха, Тэсара замерла в стальной хватке Савегра.

Наконец, дождь из огня и камня закончился. Савегр разжал объятия.

Тэсара отползла и встала, ноги дрожали от шока. Среди серой дымки она увидела тени людей своего дяди, спотыкающихся и хрипящих. Смятение охватило их ряды.

Когда дым рассеялся, в поле зрения появился Пенамор. По милости богов он все еще был на коне. С мечом в руке регент смотрел на то, что осталось от обороны Селкинсена. Внешние стены рухнули; бесчисленные тела были раздавлены камнями. Крыши за ними горели оранжевым пламенем.

Пенамор торжествующе рассмеялся.

— Вот так, — крикнул он. — Город наш.

Рожки Рёнфина загудели, и армия потекла через разрушенные стены, вызывая в городе крики паники и страданий.

Глава тридцать девятая

Соблазнение

Дождь стучал по брезенту, милосердный потоп, который начался вскоре после падения внешней стены Селкинсена. Ливень потушил пожары, охватившие город, но мало что сделал для прекращения жестокости и кровопролития.

Тэсара беспокойно ходила по своей палатке. Ее виски пульсировали.

Проклятие лорда Ремиаса эхом отзывалось в ее голове:

«Кровь моего народа будет на ваших руках».

Она зажала уши руками, чтобы не слышать его.

— Это путь войны, — сказала она тишине. — Мы ничего не изобрели в этот день!

С тех пор, как Гром спустился на землю, чтобы защитить свой народ от последователей Дракона, люди убивали друг друга в погоне за справедливостью и властью. Почему это поколение, эта борьба должны быть другими?

И все же она чувствовала, будто ее собственную душу протащили через улицы Селкинсена. У нее болело горло, будто оно выдержало крики женщин Селкинсена. Ее ладони были теплыми и липкими, словно покрытыми кровью детей. То спокойствие, которое она обрела за свои короткие годы службы среди Сестер Бедняков, было уничтожено этой кампанией. Каждая жизнь, которую она спасла, каждая душа, которую она утешила, бледнели на фоне бесчисленных жертв, павших под мечами Рёнфина.

«Это бремя не принадлежит вам».

Тэсара вздрогнула от звука голоса Савегра, одновременно отдаленного и близкого, как эхо в ее сердце. Она резко повернулась, обшаривая темные углы палатки.

Всех слуг и дам давно уже разослали. Большинство свечей погасло. Элиасара крепко спала в своей постели, ее тихое сопение заглушало настойчивый дождь. Молния освещала край полотна, в небе гремел гром.

Туман собрался на полу, скользя под подол платья Тэсары, лаская ее лодыжки. Она наклонилась, чтобы дотронуться до него, очарованная прохладными, мягкими щупальцами, пробирающимися сквозь ее пальцы.

— Савегр, — пробормотала она. Имя, которое разбивало сердце.

Туман взметнулся вверх и рассеялся, открывая галийского принца.

Тэсара поднялась, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Как хорошо ты сливаешься с тенями.

— Ты слышала мои слова, — сказал он.

— Да. Они не утешительны.

— Я пришел не утешать тебя.

Тэсара спросила бы, зачем он пришел? Но она чувствовала жар его намерений и ненавидела обременительные разговоры об очевидном.

— Что ты знаешь о Селкинсене? — спросила она.

— Внутренняя стена устояла, и многие укрылись за ней. Но кварталы за внешними стенами лежат в руинах.

— Они были самыми бедными, самыми обездоленными из людей Селкинсена, — Тэсара хорошо знала расположение города. — Так мало было у них, когда начался этот день, а теперь у них совсем ничего нет.

Савегр шагнул к ней. Тэсара попятилась.

— Вы разрушили стены, и все же твои люди не участвовали в разграблении, — сказала она. — Почему?

— Не нам было разрушать город.

— И все же это было ваше дело — рушить стены?

— Одно обещание было дано твоему дяде, другое — нашим богам.

— Ясно, — хотя на самом деле она не понимала. Какой бы ни была нить намерений Галии в этой войне, она все еще ускользала от нее.

Он сократил расстояние между ними. На этот раз она не отступила. Его огрубевшая от войны рука коснулась ее щеки. Тэсара закрыла глаза от жжения слез.

— Иди, — сказала она тихо. — Я не могу дать то, чего ты ищешь.

— Одолжи мне свою магию, Тэсара из Рёнфина.

— Я — Дочь Грома. У меня нет магии.

— Одолжи мне свою магию, и твое желание будет исполнено.

— Вы ничего не знаете о моем... — она запнулась, всем сердцем желая поверить в эту иллюзию, в его обещание близости.

— Думаешь, я не вижу, чего ты жаждешь, Тэсара из Рёнфина? Ты желаешь его власти всеми фибрами своего духа. Ты надеешься использовать его корону во благо.

Жаждешь. Запрещенное слово в обучении Тэсары. Опасное.

Она наклонилась к теплу тела Савегра, вдохнула его аромат летней земли и соленых морей, переплетенных с кровью, огнем и глубокой, непреходящей страстью.

— Иди, — слабо сказала она, но вместо этого нашла губы Савегра.

Его объятия были прикосновением самого солнца, теплым и чувственным. Его поцелуи пламенем падали на ее язык и струились по ее шее горячей рекой.

Тэсара отстранилась, сердце колотилось. С ее губ сорвался сдавленный вскрик.

— Я сказала, иди.

— Я не понимаю, — он посмотрел на нее с озадаченным выражением лица. — Почему ты меня боишься? Почему ты отвергаешь этот дар, это заклинание, которое коснулось твоего и моего сердца? Это благословение богов.

— Не моих Богов!

Последовала тишина.

Тэсара почувствовала жало копья, которым она только что пронзила его сердце.

— Понимаю, — сказал он тихо. — Я больше не буду беспокоить тебя, Тэсара из Рёнфина.

Печаль сжала ее горло, когда он отвернулся; она чувствовала, что раны пятнадцатилетней невесты все еще были свежими в ее душе.

— Савегр, — прошептала она.

Этого хватило, чтобы остановить его отступление.

— Я... Я не могу угодить волшебнику, — ее голос дрожал. — Вот почему я отсылаю тебя. Я три года пыталась. Я дала ему все, что было в моем распоряжении, но не смогла растопить его сердце и испытать удовольствия от его прикосновения. С каждым днем он становился холоднее, равнодушнее, пока в гневе не бросил меня и не обратился вместо этого

к своей женщине-волшебнице. Теперь смотри.

Упрек прозвучал резче, чем она рассчитывала.

Она указала на Селкинсен.

— Посмотри, к чему привела моя неудача. Кровопролитие и война, страдания бесчисленных душ. А ты... Ты приходишь ко мне с огнями Галии на ладони. Я была бы лицемеркой и лгуньей, если бы утверждала, что не польщена твоим вниманием, но я не могу видеть разочарование в твоих глазах, которое видела в его глазах, я предпочла бы дожить до конца своих дней, представляя себе, что могло бы быть, чем еще раз разоблачить горький слух о моей неадекватности.

Мгновение, которое казалось бесконечным, Савегр ничего не говорил. Затем его губы тронула ошеломленная улыбка.

— Тэсара, принцесса Рёнфина, как это возможно, что никто не удостоил тебя этой самой важной из всех истин?

— Я не понимаю, что ты говоришь.

— Маг должен улаживать женщин, доверившихся ему, иначе его магия ничего не стоит в глазах богов. Не твоя неудача разозлила Короля-Мага. Это была его неудача.

Тэсара в замешательстве глядела на Савегра. Потом что-то в ней перевернулось, Тяжесть десятилетия, всех ее жалких неудач начала сползать с ее плеч.

Она потянулась, чтобы коснуться его лица. Он ответил чувственной лаской, нежным, но настойчивым прикосновением каждого кончика пальца, от чего у нее перехватило дыхание, невыносимое напряжение в ее желудке вспыхнуло.

Обхватив руками его шею, она прижалась губами к его губам. Перед ее мысленным взором появились образы темных утесов, спускающихся в волны с белыми вершинами. Об угрюмых облаках, мчащихся над густыми лесами. Влажный ветерок, распускающий пряди ее волос.

— Савегр, — пробормотала она.

Он поднял ее и понес к кровати.

— Моя дочь... — Тэсара бросила тревожный взгляд на спящую Элиасару.

— Она не проснется, — Савегр опустил ее на мягкие подушки, просунул руку под складки ее платья. — Никто из них не проснется сегодня ночью.

Тэсара охнула, когда он нашел ее груди и дразнил их до напряжения. Платье, казалось, растворилось от его прикосновения, пока она не казалась голая и сияющая в его объятиях. Море огненных поцелуев прокатилось по ее коже и вниз по животу, прежде чем обожгло ее бедра. Затем его язык нашел место ужасающей близости, и Тэсара вскрикнула, охваченная экстазом, настолько сильным, что она боялась, что рухнет, как стены Селкинсена, лопнет изнутри и рассыплется в бесформенные пустоши.

Но тело ее не сломалось, а было скреплено какой-то светлой и чудесной нитью. Волны удовольствия нахлынули на нее, каждая сильнее предыдущей. Дрожащими руками она обхватила его, погладила по голове, пока он все глубже погружался в место тайны. Тэсара закрыла глаза, исчезнув внутри ощущения. Первобытный ритм объединил их дыхание, их пульс, их танец невыразимой близости, пока она не поддалась взрыву света внутри.

Она открыла глаза, затаив дыхание, с влажной от пота кожей, переполненная благоговением. Снаружи все еще бушевала буря, но воюющие ветры стихли из-за шума этой недавно обнаруженной потребности.

Савегр двигался над ней, наполненная жаром тень веса и материи. Незнакомая пряность

ее женственности смешалась с солью его пота.

— Моя королева довольна? — прошептал он ей на ухо.

Тэсара издала дрожащий смешок, подумав, что «довольна» было безвкусным словом для ощущений, которые захлестнули ее. В тот момент он мог бы попросить ее о чем угодно, и она дала бы это с готовностью.

Савегр нежно поцеловал ее, поправляя свой вес. Она почувствовала, как кончик его фаллоса касается места расплавленного тепла, дразня открыть ворота, которые до этой ночи охраняли пустой ландшафт суровой службы. Первое проникновение вызвало вздох, когда ее мускулы приспособились к его незнакомому присутствию.

— Моя Королева? — сказал он с беспокойством в голосе.

— Все в порядке, — она коснулась его лица и нежно поцеловала. — Я в порядке.

Он стал двигаться внутри нее, сначала мягко, хотя каждый толчок возвращался с большей силой. Тэсара положила руки ему на спину, провела ладонями по его мускулистой волнистой поверхности. Упиваясь силой его желания, она притянула Савегра ближе.

Дыхания смешались, пальцы переплелись, они открыли пульс земли и последовали за рекой темных тайн к неизведанным местам назначения. Дух Тэсары раскрылся тысячей цветов в его объятиях. Она отпустила этот мир, опасности, которые ждали впереди, и сожаления, которые остались позади, желая только этого момента, этого мужчины и этого волшебства.

Навсегда.

Глава сороковая

Уроки

Мышь пригнулась за полупустой чашкой, усы дрожали, она нюхала воздух. Запах несвежего вина щипал нос. Она шарахнулась, держась в тени, побежала от одного укрытия к другому через стол. Остановившись рядом с глиняным кувшином, она подняла голову и прислушалась.

Дождь барабанил по палатке. Сквозь полотно доносились приглушенные звуки людей и движения. Но внутри ничего не шевелилось. Ни грохота шагов по полу, ни даже неглубокого дыхания бдительного великана.

Она все еще дрожала, дрожь пробегала по маленьким плечам в крошечные лапки. Она нервно приводила себя в порядок, не зная, зачем пришла и стоит ли ей остаться.

Аромат свежего хлеба и выдержанного сыра потянул ее вперед. Шаг за осторожным шагом она приближалась, по пути принюхиваясь и прислушиваясь. Тарелка была брошена, но опасно обнажена, залитая золотым светом горячей свечи. Мышь еще раз оглядела темную палатку. Удовлетворенная настойчивой тишиной, она бросилась к еде. Ее лапы обхватили кусок хлеба, и она откусила. Внезапная потребность голода затмила все остальные чувства.

Без предупреждения тьма окутала ее, закрывая запах и свет.

Бросив еду, она побежала, но со всех сторон ей мешали мягкие преграды. Гигантская лапа опустилась на нее, задушив все движения в чаше из костей и мышц. Мышь испустила испуганный писк, чувствуя себя поднятой под тяжелой тканью.

Свет ослепил ее чувства, и она замерла под взглядом похитителя. На его плоском лице

отразилось вопросительное выражение. Его глаза были странно бледными, а зубы большими, но тупыми. Великаны не ели таких, как она, но у них были кошки, которые это делали. Мышь пищала и извивалась в его руках.

Тихо, малышка, — он говорил на ее языке. — *Я не причиню тебе вреда.*

Она замерла, и он осторожно опустил ее на стул. После секундного колебания Мышь выползла из-под ткани, в которой она оказалась. Она осторожно привела себя в порядок, наблюдая, как он наблюдает за ней. Его глаза искрились скрытой угрозой. Веселая улыбка тронула его губы.

— Ты осмелела, Мариэль, — сказал он, — раз шпионишь за мной.

Мариэль позволила магии искриться в ней. Сбросив облик Мыши, она вернула человеческую форму.

— Я не шпионю. Я голодна.

Маг Кори приподнял бровь, но ничего не сказал. Он приготовил тарелку и принес ей. Мариэль проглотила простую еду и запила ее вином.

— Мага Эолин не знает, что ты здесь, — не вопрос, а утверждение.

— Нет, — Мариэль покачала головой. — Я думала, что наша армия к настоящему времени продвинется дальше.

— Проклятые дожди замедлили наше продвижение. Почему ты пришла сначала ко мне?

Желудок Мариэль сжался. Она отставила тарелку и закрыла лицо руками.

— Я не знаю! Я уже не знаю, что делать и куда идти. О, Кори! Я с треском провалилась во всем.

— Ты имеешь в виду, Хелия не придет нам на помощь?

— Она марширует, чтобы присоединиться к Рёнфину.

Маг издал долгий низкий свист.

— А твои спутницы?

— Мертвы. Делаю от руки Гемены, Бетания от моей. Гемена устроила нам засаду на пути в Горное Царство. Бетания была одной из ее шпионок.

— Но ты сбежала.

Комок подступил к горлу Мариэль.

— Гемена почему-то пощадила меня. Она могла убить меня. Она должна была, но все, что она сделала, это сбила меня с ног и бросила в лесу.

— Она пощадила тебя или привлекла к своему делу?

Мариэль вздернула подбородок.

— Свяжи мою магию, если хочешь. Запри меня снова. Плевать! Бог знает, что таким образом я причинила бы меньше вреда. Меня вообще не следовало выпускать из подземелья.

— Расскажи мне, что на самом деле произошло, Мариэль.

Мариэль почувствовала, как наворачиваются слезы. Она проклинала себя за то, что не смогла сдержать ложь.

— Я знаю, что должна была вернуть ее. Я должна была отрезать ей голову и доставить ее королеве. Но я не могла, Кори. Я приставила клинок к ее горлу, и я просто не могла этого сделать. Поэтому я оставила ее. Я не знаю, как долго она была без сознания и где она сейчас может быть.

— Ты превратилась в беспокойное отражение своей наставницы, Мариэль.

— Ты арестуешь меня?

— Я должен сжечь тебя согласно указу, подписанному нашим покойным королем, но

нет. Я так не сделаю. Как и Мага Эолин. Мы знаем тебя, Мариэль. Ты не предательница. Ты просто честная женщина, которую преследовала череда неудач. Хоть и пострадала, должен добавить, оттенком недалёковидности. Ты уверена в том, что говоришь о Хелии?

— Я сама видела армию, идущую по перевалу Селкинсен. Я думала разыскать Горную Королеву и отстаивать наше дело, но боялась, что меня арестуют или того хуже. Кто-то должен был предупредить Магу Эолин.

— Ты хорошо поступила, что пришла сюда. У тебя есть подробный отчет об их силах?

— Да. Конечно.

— Хорошо. Это что-то. Ты сможешь опознать среди наших еще каких-нибудь шпионов Гемены?

Мариэль покачала головой.

Кори цокнул языком и встал. Он налил себе чашу вина и добавил вина Мариэль.

— Горные леса вернули цвет твоим щекам и магию твоей ауре.

Мариэль опустила глаза, пристыженная воспоминанием о том, что она сломалась под проклятием Бэдона.

— Это не имеет значения. Все рушится из-за меня.

Кори взял ее за подбородок и поднял ее лицо к своему.

— Ты не должна винить себя за эти конфликты. Они начались задолго до твоего рождения.

Она отпрянула, гнев закипал в ее крови.

Кори увидел ее реакцию, задумчивое выражение лица. Затем он медленно выдохнул и сел перед ней.

— Ты хочешь кое-что обсудить со мной, не так ли?

Мариэль стиснула зубы и отвела взгляд.

— Прекрати это, Мариэль. Я знаю, что у тебя на уме с тех пор, как тебя забрал Бэдон. Я не потерплю этой тишины между нами.

— Ты был его слугой, не так ли? Бэдон и Церемонд обучили тебя своим путям, и ты использовали их проклятия против маг.

— Это были другие времена.

— Это не важно!

— Важно. Это имело большое значение. Я дал клятву моей кузине, Бриане из Восточной Селен. Чтобы выполнить эту клятву, я должен был заслужить благосклонность Церемонда, его абсолютное доверие, чего бы это ни стоило.

— Сколько магов погибло из-за твоей клятвы?

Кори позволил ее вопросу задержаться в воздухе.

— Ты действительно хочешь знать? — тихо спросил он.

— Я уже не знаю, кому верить! Иногда я думаю, что Гемена права, что все маги одинаковы, и что ты худший из них. Тем не менее, ты пришел мне на помощь, а мои сестры приставили клинки к моему горлу. И Маркл... Боги, Маркл. Я думала, что он мой друг. С какой стати он передал меня этому волшебнику? Как я не увидела зла в его сердце?

— Уверена, что ты не видела его?

Мариэль нахмурилась.

— Почему я не позволила себе узнать то, что было прямо перед моими глазами?

— Ах, — Кори улыбнулся. — Это вопрос. Ответ на этот вопрос, и ты больше не будешь застигнута врасплох.

— А ты? Кто ты, Кори? Ученик Бэдона? Наследник Церемонда? Или что-то совсем другое?

Кори крутил вино в своей чашке и смотрел на нее, пока пил.

— Это Мага Эолин, не так ли? — сказала Мариэль. — Что-то в ней заставило тебя изменить свой образ жизни.

— О, я бы не стал приписывать все заслуги ей. Хотя справедливо сказать, что ее появление было частью счастливого стечения обстоятельств.

— Ты мог бы предать ее и многого добиться, сделав это. Почему ты этого не сделал?

— Она спасла мне жизнь. Разве ты не слышала эту историю?

Мариэль закатила глаза.

— Такой долг обеспечил бы верность многих, но не тебя.

— Твой цинизм обескураживает меня, Мариэль.

— Мой цинизм?

— Я что-то в ней увидел, — он допил свое вино. — То, что Бриана из Восточной Селен обещала мне, когда я был мальчиком.

— Что? Что ты увидел?

Кори устремил свой серебристо-зеленый взгляд на Мариэль.

— Будущее.

Мариэль растерянно откинулась. Она сдула прядь волос с лица.

— Мы теперь видим это будущее.

— Действительно... Это может быть мой последний и величайший урок: как оставаться на проигравшей стороне в битве, — отставив вино, Кори поднялся и протянул маге руку. — Пойдем, Мариэль. Мы задержались достаточно долго. Ты принесла вести, которые нужно как можно скорее передать нашей королеве.

Глава сорок первая

Высокая вода

Тэсара медленно вынырнула из сна, словно выброшенная на спокойный берег теплого моря. Дневной свет наполнял палатку, хотя слышался мягкий шелест дождя. За пологом

кровати приглушенно переговаривались ее дамы под тихие выговоры Сони.

Королева еще глубже закуталась в одеяло. Восхитительная боль наполнила ее мышцы. Место, полностью принадлежавшее ей, а теперь и ему, сохраняло медленную горячую пульсацию, словно все еще окутывая его, словно занимаясь любовью с его духом.

У нее были смутные воспоминания об уходе Савегра в предрассветные часы, и она даже сейчас задавалась вопросом, не было ли все это странным ярким сном. Она слышала о таких ночных видениях от сестер, которые утверждали, что боги спускались в их покои и знакомили их с невыразимыми удовольствиями. Истории шептались в страхе за пределами присутствия Доброй Матери, которая сурово наказывала всякий раз, когда такие сплетни достигали ее ушей.

«Боги Грома не унижают себя грубым безумием, — говорила она. — Это Дракон соблазняет вас и сворачивает с пути света».

Тэсара провела рукой по месту, которое занимал Савегр после того, как их занятия любовью закончились, и она погрузилась в сон в его объятиях. Его аромат летней земли и соленых морей пропитал простыни вместе со сладкой пряностью ее женственности. Она покраснела при мысли, что Соня или кто-нибудь из дам может это заметить, но не потому, что этот поступок стыдил ее — прошлой ночью она вышла далеко за пределы стыда, — а потому, что любое знание о связи с галийским принцем угрожало ее положению при дворе.

«Шлюха, — скажут они. — Шлюха волшебника».

— Боги Грома, простите меня, — прошептала она, — но я тысячу раз поддалась бы его чарам.

Когда эти слова сорвались с ее губ, ее пальцы наткнулись на гладкий круглый предмет, прохладный на ощупь и твердый как камень. Любопытно, что она вытащила его из-под одеяла. Ее глаза расширились, когда она узнала маленькую хрустальную сферу.

— Моя Королева.

Тэсара вздрогнула от голоса Сони. Она спрятала предмет под одеяло как раз в тот момент, когда ее фрейлина отдернула полог кровати.

— Простите, что потревожила ваш сон, но час становится поздним, а у нас есть радостные новости. Селкинсен сдался. Они открывают свои внутренние ворота, чтобы сегодня принять Элиасару в качестве своей правительницы. Осада закончилась.

Тэсара села, настороженная.

— Поистине?

Соня улыбнулась.

— Наш лорд-регент очень хочет, чтобы вы совершили свой триумф в Селкинсене.

— О, спасибо, Соня. И слава богам! Это действительно отличная новость, — Тэсара вцепилась в простыни, чтобы прикрыть свое обнаженное тело. Она поймала вопросительный взгляд Сони, остановившийся на ее растрепанных волосах. — Влажный жар от бури прошлой ночью был невыносим. Я сняла ночную рубашку во сне. Ты не нашла ее?

Соня сначала ничего не ответила, но устремила любопытный взгляд в пространство прямо над головой Тэсары. Она чуть нахмурилась.

— Соня?

Дама вздрогнула.

— Простите мою рассеянность, моя Королева. Да, мы нашли вашу сорочку и платье в плачевном состоянии на полу. Я отправила их на чистку. Вам следовало позвать нас на помощь, когда вы уже были готовы ко сну.

— Было очень поздно. Моим дамам тоже нужен отдых, и их благополучие дороже любого моего платья.

Служанка принесла ей платье. Тэсаре удалось незаметно сунуть хрустальную сферу в карман. Она велела приготовить ванну и села есть. Одна из дам начала распутывать узлы в ее волосах. Соня выдвинула ряд богато вышитых платьев, но Тэсара отмахнулась от них.

— Я хочу бледно-голубое, которое мы сделали из подарка галийского принца, — сказала она.

Соня напряглась.

— Моя Королева, в этот день было бы более уместно носить цвета Мойсхена или Рёнфина.

— Я надену синее.

— Но ваш дядя...

— Боги! Дядя должен диктовать мне даже платье?

Соня сдержала потрясение и отвесила извиняющийся поклон.

Когда платье было разложено и расправлено, Тэсара приняла ванну, наслаждаясь прохладной водой с ароматом розы, которой поливали ее конечности и спину. Слуги вытерли влагу с ее кожи и заплели ей волосы драгоценностями. Она скользнула в платье и позволила своим дамам заняться шнуровкой.

Ткань была легкой и мягкой на ее коже, как шепот его ласки. Жар поднялся к ее щекам, и теперь уже знакомая боль вспыхнула между ног. Пока Тэсара пыталась успокоить пульс, служанка подняла халат.

— Стой, — ее приказ застал женщину на полпути. — Не убирай это. Оставь его на кровати.

Тэсара осторожно достала хрустальную сферу из халата и спрятала ее в кармане нового платья. Всего несколько недель назад она избежала бы такого опасного предмета, но теперь она горела волнующей смесью любопытства и страха. Она жаждала момента, когда сможет отослать их всех, чтобы остаться наедине с подарком Савегра.

Элиасару вызвали. Тэсара осмотрела каждую деталь наряда дочери. В то время как она сама решила носить все, что ей заблагорассудится, в этот день Элиасара должна была выглядеть как королева Мойсехена. Ее платье было темно-фиолетового цвета с вышитыми серебряными драконами; ее золотые волосы были заплетены в сложную косу. Драгоценности украшали пальцы и горло девушки; серебряная диадема покоилась на ее юном лбу. Они принесли великолепный плащ, сверкавший золотом и аметистом, и накинули его на ее маленькие плечи. Элиасара казалась потерянной и неуверенной под всеми регалиями. Тэсара коснулась ее подбородка и попросила ее выпрямить спину.

— Сегодня тот день, о котором ты мечтала, любовь моя, — нежно сказала она. — Сегодня мы возвращаемся в Мойсехен победителями.

— Могу я оставить этот плащ? — спросила Элиасара. — Я будто тону в этой штуке.

В другой день Тэсара могла бы настоять на том, чтобы Элиасара оделась согласно ее статусу, но сегодня утром она просто кивнула слугам, которые унесли обременительную парчу.

К тому времени, как они достигли берегов Фурмы, дождь прекратился, и сквозь туманные тучи проглядывало солнце. За ночь река поднялась. Ветки и прочий мусор катились быстрым мутным потоком, угрожавшим перекинуться через мост. Местами вода вздымалась пенистыми волнами с белыми кончиками.

Пенамор встретил их в хорошем расположении духа в окружении гвардейцев. Зазвучали трубы, и перед ними собрались знаменосцы. Элиасара заняла свое место рядом с Пенамором. Тэсара ехала позади. За ними последовала рота гвардейцев и дворян.

На противоположном берегу ждал Савегр со своей свитой, с обнаженной грудью под ярко раскрашенными плащами.

Желудок Тэсары сжался. В горле пересохло, а пальцы похолодели. Она позволила руке скользнуть в карман, где она спрятала хрустальную сферу, и обнаружила, что она теплая на ощупь. Возможно, за амбициями Савегра скрывалась доля правды в его чувствах. Ей хотелось верить в то, что она тронула его так же глубоко, как он тронул ее.

Они пересекали реку, а мысли Тэсары были заняты тем, что она скажет Савегру. Формальные приветствия их положения казались слишком маленькими. И все же любые слова, которые она могла придумать, казались слишком большими.

Внизу цокали копыта, журчала река. Вырванное с корнем дерево застонало, когда попало под мост, ветки хрустели о каменную арку.

Лошадь Тэсары стала нервничать. Крепко схватив поводья, она остановила животное и наклонилась, чтобы погладить мягкую шею. Под ногами раздался глубокий стон, напоминающий напряжение земли перед падением стен Селкинсена.

Мост начал крениться.

Тэсара закричала дочери.

Элиасара развернулась на коне, ее лицо наполнилось ужасом. Конструкция из дерева и камня провисла под девушкой, а затем и вовсе рухнула. Элиасара, Пенамор и их кони с криком упали в реку. Темные воды поглотили их целиком.

— Нет! — закричала Тэсара.

Она спешила и побежала к бреши в мосту, но стальная рука обвила ее талию, останавливая движение. Тэсара боролась с охранником, который тащил ее обратно.

— Отпусти меня!

— Моя Королева, — настаивал он. — Мы должны отступить. Остальная часть моста может рухнуть.

— Отпусти меня! — с нечеловеческой силой она вырвалась из его хватки. Подойдя к поручню, она склонилась над рекой в поисках следов Элиасары. Невыносимая утрата сжала ее сердце. Слезы затуманили ее зрение. — Боги, нет, только не это. Из всех наказаний только не это.

Золотая голова Элиасары покачивалась над водой, невероятно далеко вниз по течению. По обеим сторонам берега по реке мчались всадники. Их опередили Савегр и Уралес. Остановившись перед позицией Элиасары, галийский принц спешился, сбросил плащ и нырнул в бурлящую воду.

Тэсара оценила повреждение моста. Он полностью рухнул под Пенамором и Элиасарой, но один поручень устоял. Дыру можно было перепрыгнуть. Она направилась туда.

— Пойдите, — страж снова поймал ее. — Подождите, моя Королева. Мы поможем.

Принесли большую доску и положили поперек отверстия. Один из солдат с другой стороны протянул к ней руку.

— С осторожностью, моя Королева.

Схватив протянутую руку, она медленно перебралась по доске. Бурлящие и шипящие воды угрожали принести ей головокружение.

— Смотрите на меня! — сказал страж.

Тэсара повиновалась, не сводя глаз с его обветренного лица. Когда, наконец, она достигла другой стороны, она потребовала первую попавшуюся лошадь.

Вскоре она миновала то место, где спешился Савегр. Она продолжала спускаться по реке, опасаясь того, что ждало ее за поворотом.

Наконец, она догнала одиноко стоящего на берегу коня Уралеса. Пришпорив кобылу галопом, она достигла места, где река расширялась в мутные лужи, булькающие по гладким камням. Савегр и Уралес брели к берегу. Элиасара висела между ними, как увядший цветок.

Спрыгнув с лошади, Тэсара бросилась в мелководье, юбка мешала двигаться. Наконец, она добралась до Элиасары. Вместе они побрели к берегу. Прижавшись друг к другу, они упали на колени на илистый берег.

Тэсара плакала и покрывала лицо дочери поцелуями. Элиасара фыркнула и закашлялась.

— Он поддерживал меня, мама, — сказала она, дрожа от холода в объятиях Тэсары. — Он поддерживал меня и не давал мне утонуть.

Глава сорок вторая

Преемственность

Гемена нашла Ирэни в толпе, собравшейся у палатки Тэсары, Над Селкинсеном висел густой дым, загрязняя лучи солнца, пробивавшиеся сквозь серые тучи. Внешний край города лежал в руинах. Запах крови и смерти пропитал воздух. Победа Рёнфина была безоговорочной, и все же мрачное настроение охватило людей. Они стояли молча и настороженно, вели тихую беседу, ожидая любого движения стражей, охранявших вход в палатку.

— Что здесь произошло? — спросила Гемена.

Ирэни вздрогнула от ее голоса, а затем крепко обняла Гемену.

— Боги, я уже начала думать, что ты никогда не вернешься! — она посмотрела за плечо Гемены. — Где Никола?

— Она решила остаться с Горной Королевой. Они скоро присоединятся к нам.

— Значит, ты ее убедила? Хелия идет к нам на помощь?

— Да, — Гемена отвела взгляд, кивнув в сторону дымящихся руин Селкинсена. — Никола пожалеет, что пропустила это.

— Может, ей и лучше, что она этого не видела. Этот город был ее домом.

— Справедливое наказание за преступления, которые они совершили против маг. Это славная победа, Ирэни. Почему все такие мрачные?

Ирэни схватила Гемену за руку и потащила ее в сторону, где она призвала звуковые чары.

— Пенамор мертв, — тихо сказала она.

Гемена удивленно посмотрела на нее, а затем громко рассмеялась.

— Что ж, это хорошие новости! Чудесно. Мне не придется разбираться с ним самой.

— Тише! — Ирэни огляделась. — Клянусь богами, Гемена, твой язык навлечет на нас

еще большие неприятности...

— Расскажи мне, как это произошло. Его кто-то отравил? Надеюсь, нет. Отравление — это такой обыденный способ умереть. Я надеюсь, что его выпотрошили и дали возможность увидеть, как его кишки выпадают наружу, прежде чем боги позовут его домой.

— Мост рухнул, и вода унесла его. Они не нашли его тело, но прошло уже несколько дней, и Рёнфин хочет продолжить эту войну, — Ирэни сделала паузу, прежде чем добавить. — Мы чуть не потеряли Элиасару. Савегр вошел в реку вслед за ней. Он — единственная причина, по которой она жива.

Гемена присвистнула.

— Он хотя бы пригодился. А Тэсара?

— Решила управлять армией. Аристократы клянутся сегодня ей в верности, как регенту. Завтра мы пойдем дальше на восток.

Когда Гемена впитала эти слова, с ее плеч упал груз. Она посмотрела на небо, наполовину ожидая, что над головой проплывет Дракон, его серебристая чешуя отразит дымный свет.

— Значит, дело сделано, — сказала она. — Боги услышали наши молитвы и ответили на них. У нас будет новое царство, которым будут править женщины, и королевский дом, избегающий всякой магии.

— Мы еще не выиграли

— Нет, но выиграем. Это знак.

— Люди не полностью доверяют Тэсаре. Ее давно нет в их присутствии. Ее дочь — иностранка, привезенная к ним из земли Короля-Мага. Некоторые подозревают их в колдовстве.

— Их? Это смешно. Никогда не было женщины более преданной суровым традициям Грома, чем Тэсара, а у ее дочери нет способностей к магии.

— Мы с тобой это знаем, но эти люди видят магию каждый раз, когда случается что-то плохое. Некоторые говорят, что Тэсара прокляла Пенамора в то утро, когда он умер, и что Элиасара предвидела, что он утонет.

— В этом нет никакой логики! Элиасара чуть не утонула.

— Я не верю их глупым слухам, я просто говорю тебе то, что они говорят. Очевидно, в Рёнфине общеизвестно, что вода отвергает ведьму, хотя у них не было никаких ведьм, о которых можно было бы говорить.

— О, ради любви богов! — Гемена покачала головой. — Для людей, которые так презирают магию, они, безусловно, получают болезненное удовольствие от веры в то, что магия пронизывает их жизнь. Не волнуйся, Ирэни. Как ты и сказала, это всего лишь глупые слухи. Разговоры утихнут, как только они узнают суть своего нового правителя.

Ирэни прикусила губу.

— Есть еще кое-что, что тебе следует знать.

— Что?

— Это Савегр. Он был с Тэсарой.

— Когда?

— В ночь перед тем, как Пенамор утонул.

— Проклятье, Ирэни! Я сказала тебе присматривать за ней.

— Что я должна была делать? Спрятаться под ее кроватью? Зарезать его ножом, когда он будет раздеваться?

— Если это то, что нужно, то да! Я сказала тебе делать, что необходимо.

— Прекрасная судьба была бы у меня, если бы я убила галийского принца.

— Кастрировать его было бы достаточно. Кроме того, для тебя это была бы почетная смерть. В конце концов, мы здесь, чтобы отдать жизнь за наш народ.

— Кастрируй его сама, если думаешь, что это ответ.

— Сколько человек знает?

— Вроде никто. Может, галийцы, если они читают ауры.

Гемена постучала пальцами по рукояти меча.

— Возможно, хороший знак, что Тэсара ведет себя осторожно. Здесь есть стыд или недоверие. Может, и то, и другое. Как бы там ни было, мы должны использовать это, чтобы разлучить их.

Ирэни потерла лоб.

— Прости, Гемена. Все произошло так быстро, пока тебя не было, а потом я подумала... значит, она была с ним счастлива, понимаешь? Я не верю, что она когда-либо испытывала эн-ласати раньше. Не как с ним.

— Ирэни, у тебя доброе сердце, но война — не время для сантиментов. Как только все это закончится, мы сможем найти бездумного жениха, чтобы доставить удовольствие Тэсаре тысячей способов. Но Савегр не может вернуться в ее постель. Если он это сделает, мы должны найти способ убрать его.

— Речь идет о принце Галии. Уничтожить его будет непросто. Кроме того, у нас нет доказательств его намерений, хороших или плохих.

— Он мужчина, волшебник и принц. Это все доказательства, которые мне нужны. Зачем ему спать с ней, если не жениться на ней и не забрать себе все три королевства?

— Не все мужчины подлые властолюбцы, Гемена. Некоторые из них могут быть добрыми время от времени. Даже влюбиться. В конце концов, был Карадок. А Кэдмон...

— Он свел Литию с ума.

— Все, что я хочу сказать, это то, что, может, тебе стоит немного понаблюдать за Савегром, прежде чем осуждать его. Он дорожит своей дочерью и щедро относится к своему народу. И всякий раз, когда он видит Тэсару, очевидно... — голос Ирэни затих.

— Что?

— Что это больше, чем просто честолюбие, Гемена. Я думаю, он действительно любит ее.

— Любовь — это слово, которое мужчины используют, чтобы заключить нас в тюрьму.

— О, Гемена.

— На чьей ты стороне, Ирэни? Ты с нами в этом или тоже стала слугой магов?

— Конечно, я с тобой! Я всегда была тобой, и я не разочарую тебя снова. Все, что я хочу сказать, это то, что мы дадим Савегру шанс показать, какой он волшебник.

— Есть только один тип волшебников: гнилой, ненадежный. Такой, который не остановится ни перед чем, пока вся власть не перейдет к нему. Ради нашего блага и всего нашего народа, Савегра не должен больше касаться Тэсары, Ирэни. Если он это сделает, то умрет от твоей руки или от моей.

Глава сорок третья

Гонец

Лорд Херенсен ударил кулаком по столу. Удар эхом отразился карты, чашек и кувшинов. Его лицо покраснело от гнева; вены вздулись на висках. Эолин наполовину ожидала, что из его раздувшихся ноздрей вырвется пламя с дымом.

— Мы слишком долго медлили, — лорд провел сжатым кулаком по лесу. — Нас лишили

короля, нас грабят враги. Наш народ когда-то был великим, но теперь мы сломлены и оборваны, прокляты богами за все, что мы сделали и не сделали, брошены на обреченное правление этой женщины, которая ничего не понимает в назначенной ей задаче!

Напряжение охватило Совет. Никто не смел встретиться с обвинительным взглядом лорда или поднять глаза на Королеву.

Эолин держала плечи прямо, растопырив пальцы на дубовом столе. Она не могла простить выходку Херенсена, но понимала его разочарование. Пока они медлили и размышляли, не в силах продвигаться вперед из-за непрекращающегося дождя, пришло известие об ужасной судьбе Селкинсена. Надежное спокойствие Херенсена было утеряно, деталь за жестокой деталью, пока не осталась только эта грубая непроверенная ярость.

— Лорд Херенсен, — начала она.

Он воздел руки и покинул их.

Эолин медленно вдохнула и собралась с мыслями. Она услышала шарканье ног, шорох одежды. Один из мужчин кашлянул.

— Эта новость ничего не меняет, — сказала она, — лишь укрепляет нашу решимость. Мы отправляемся на рассвете, чтобы воспользоваться погодой. Будем надеяться, что боги закончили свой плач. В зависимости от скорости нашего продвижения, мы встретим врага на одном из двух перевалов, рекомендованных Тибальдом. Там мы победим армию Рёнфина и изгоним их из Мойсехена. Семьи Селкинсена будут отомщены.

С этим она отпустила их. Люди не задерживались, а ушли целенаправленно, все, кроме Кори, который взял за привычку оставаться.

Эолин села на ближайший стул. На нее обрушился весь ужас падения Селкинсен. Угрызения совести сжали ее сердце. Она чувствовала ужас всех тех, кто погиб, даже слышала их крики, когда город опустошали.

Ее голова упала на руки.

«О, Адиана. Я давно подвела тебя. Теперь я подвела твой любимый город».

За пределами палатки грязь плескалась под ногами, люди и звери занимались своими делами. Крики пронзали воздух. Офицеры начали предупреждать своих солдат о предстоящем марше. Похоронив облако отчаяния, грозившее поглотить ее, Эолин вытерла глаза и встала. Кори оторвался от карт.

— Если угодно, моя королева, — сказал он, — я поговорю с лордом Херенсеном.

— Нет, — Эолин попросила Талию принести ей плащ. — Это бремя лежит на мне. Кори. Я приняла его, когда вышла замуж за нашего короля.

— Тебе не нужно терпеть это в одиночку.

— На данный момент перед тобой стоит другая задача. Собери магов и маг-воительниц и немедленно отправь сообщение Телину. Мы должны найти какое-нибудь волшебство, которое сможем использовать против этой галийской чумы. Я не допущу, чтобы наша армия сгорела заживо в тот день, когда мы встретимся с Рёнфином в бою.

Кори поклонился.

— Мне также призвать маг?

— Да, как мы и обсудили. Нужно включать их в каждый разговор. Сообщи мне, как только ты или твои шпионы заметите что-нибудь подозрительное. Произведи любые аресты, которые сочтешь необходимыми.

Ей было больно говорить так о собственных дочерях, но засада Мариэль, наконец, рассеяла все сомнения. Среди маг были предатели, и Эолин не собиралась терять кого-либо

или что-либо еще из-за их планов.

Полуденный свет пробивался сквозь облака, когда Эолин вышла из палатки. Она остановилась, чтобы подставить лицо теплым лучам. Сладкая песня тенолинского воробья поднялась хрупкой и ясной над звуками лагеря. Мгновенное видение залитого солнцем Южного леса наполнило ее разум. Она почувствовала дыхание Акмаэля на своем ухе, услышала, как он бормочет ее имя. Покалывание его магии задело ее ладонь.

Эолин обнаружила, что если она сосредоточит свое внимание, то почти услышит его уверенную походку, ощутит прикосновение его губ к своим и убедит себя, что засыпает в его объятиях. Игра казалась опасной, учитывая все предостережения Эйтны и Карадока против обращения к мертвым. И все же она не могла сопротивляться притяжению его воспоминаний. Потребность в том, чтобы он был рядом — отчаянная вера в то, что она каким-то образом все еще может быть с ним — толкала ее к безрассудной форме магии.

— Моя королева?

Страж вернул ее в реальность. Он смотрел на нее, на его обветренном лице явно читалась тревога. Древний маг-воин, этот человек был одним из немногих, оставшихся от поколения Дростана. Заметил ли он странное мерцание ее ауры? Тень Преисподней проплетала свои щупальца сквозь ее цвета?

Несмотря на теплый день, по плечам Эолин пробежал холодок. Она поправила свой плащ и велела ему и его спутнику следовать за ней.

Эолин шла по лагерю неторопливо, останавливаясь по пути, чтобы поговорить с мужчинами и женщинами, взбодрить их. Многие солдаты говорили о друзьях и семьях в Селкинсене, их судьбы по большей части были неизвестны, а теперь было страшно о них думать. Игнорируя протоколы ее статуса, Эолин принимала их горе. Она использовала свою магию, чтобы укрепить его мужество и решимость.

Наконец, она добралась до палатки Херенсена, отмеченной флагами, переливающимися сочными цветами его провинции. Войдя, она обнаружила лорда в сопровождении нескольких членов ее Совета. По группе прошел беспокойный ропот, когда они поклонились ей, чтобы поприветствовать. Эолин тихонько отметила каждого присутствующего, имена, которые она должна была передать Кори, чтобы он мог проявить бдительность.

Она отпустила всех, кроме Херенсена, который не смотрел ей в глаза, но держал голову опущенной, одна рука лежала на столе, выражение его лица было жестким, но его глаза были красными и опухшими. Невыносимая потеря корчилась в его ауре.

Эолин подошла и положила руку ему на плечо.

— Вы пришли арестовать меня, моя Королева? — его голос был хриплым. Его старые плечи тряслись.

Впервые Эолин заметила, как годы настигли его. Волосы Херенсена поредели; морщины на его лице углубились. Пройдут дни, возможно, недели и месяцы, прежде чем он узнает, сколько его людей погибло во время осады.

— Я разделяю ваше горе больше, чем вы можете себе представить, — сказала она. — Если бы я была на вашем месте, я бы говорила и действовала так же.

— Я оскорбил мою королеву. За это не может быть прощения.

— Сердце, которое не может простить, обречено на муки. Карадок научил нас этому своим примером, Лития — своей трагедией. Я не была бы высшей магой, если бы не следовала их верованиям.

— Вы, прежде всего, королева, единственная защитница короны Вортингена. Не мое

дело сомневаться в вас.

— Слова, которые вы сказали сегодня, — тихо настаивала она, — были не лишены правды.

Херенсен бросил на нее настороженный взгляд.

— Ваша верность Короне всегда была непоколебимой, — продолжила она. — Я принимаю то разочарование, которое вы можете питать ко мне, потому что я знаю и всегда знала, что я не была воспитана, чтобы быть воином, тем более королевой. Тем не менее, мой король выбрал меня, и вот мы здесь. Я должна выполнить эту задачу, понимаю я ее или нет. Я должна добиться успеха ради моего принца и всего нашего народа. Их будущее в моих руках, лорд Херенсен, и я не могу обеспечить его без вашей мудрости и совета. Если это означает, что я также должна время от времени страдать от вашего честного гнева, то это жертва, на которую я более чем готова пойти.

Невольная улыбка скользнула по его лицу. Он отвернулся.

— Я считал короля проклятым дураком, когда он изгнал принцессу Рёнфина, чтобы жениться на вас.

Эолин нахмурилась. Сколько честности он ожидал вывалить на нее за один день?

— Любой может влюбиться, — продолжал Херенсен, — но человек благородного происхождения не ставит свое сердце выше долга. Это первый закон нашего класса, которому мы обязаны с самого рождения. Я верил, что король Акмаэль погубит нас, но даже это убеждение не могло отвратить меня от моей верности Короне. После всех этих лет, несмотря на все наши потери, теперь я понимаю выбор, который он сделал, и я рад этому. Вы подарили ему сына, моя Королева. Мага и принца. Мы процветали под вашим правлением и, по крайней мере, какое-то время наслаждались миром, которого не знали многие поколения. Тэсара была хорошей и любезной женщиной, но вы — настоящая дочь Мойсехена. Никто не осмелился бы бросить вызов этому королевству, пока маг и мага были объединены на троне, пока Эйтна и Карадок правили как единое целое. Принц Акмаэль увидел это раньше, чем кто-либо из нас понял. Это было счастливое совпадение, что он любил вас. С этой привязанностью или без нее, найдя последнюю из Высших маг, он был обязан жениться на вас.

Где-то в этой интерпретации ее истории Эолин понял, что Херенсен хотел сделать ей комплимент. Конечно, на это указывало смягчение его выражения и потепление его ауры. И все же ее беспокоило убеждение, что Акмаэль сделал бы ее своей королевой независимо от обстоятельств, будь то любовь или сила.

— Чтобы победить эту армию, лорд Херенсен, — сказала она, — мне нужен мой Совет.

— У вас есть я, моя Королева, — он поклонился. — Во всяком случае, я и все, что осталось от меня.

— Вероятно, ваши сыновья и дочери, пережившие осаду, все еще живы. Город сдался до того, как пала крепость.

— Те, у кого есть честь, будут сражаться насмерть.

Эолин выдержала его взгляд.

— Честь заключается в том, чтобы спасти людей, вверенных вашей защите. Селкинсен не был готов к пожарам Галии, Если бы они не сдались, сгорел бы весь город. Все бы погибло. Я буду помнить об этом, лорд Херенсен, когда ваши сыновья и дочери вернутся в нашу семью.

— Если... — он подавился словами и закрыл глаза.

Эолин с ужасом осознала, чего боялся старый патриарх: силы вторжения Рёнфина уничтожат правящий дом Селкинсена, как это сделали Сырнте, когда захватили Моэн.

— Конечно, они не будут такими жестокими, — прошептала она.

— Силус Пенамор был столь же жесток, как и они, — с горечью сказал Херенсен. — Меньшего я и не ожидал от его...

Внезапный шум снаружи прервал их разговор.

Мариэль ворвалась в палатку, взволнованная и запыхавшаяся.

— Глашатай! — объявила она, ее глаза блестели и выражали настороженное возбуждение. — Прибыл глашатай от Горной Королевы.

Глава сорок четвертая

Хелия

Эолин потребовала летний плащ, легкий, но богато вышитый, и надела корону покойного мужа, простой серебряный венец, украшенный драгоценным изображением Дракона. Кел'Бару гудел у ее бедра. Посох трещал в ее ладони.

Возбуждение, которое она испытывала, было намного глубже, чем надежда найти столь необходимого союзника. Сама мысль о возвращении Хелии отвечала глубокому и забытому голоду, потребности в женском родстве, которым она не наслаждалась с тех пор, как потеряла свою возлюбленную Адиану. Ни одна ее ученица, ни одна придворная женщина не заняли это место в ее сердце. Она вспоминала компанию Хелии с большой нежностью, возможно, в более ярких оттенках, чем того заслуживала, и теперь ей очень хотелось, чтобы эта дружба возродилась.

Тем не менее, она признала это опасной уязвимостью.

«Я должна слушать своих советников и помнить о собственных инстинктах».

Лорд Херенсен и маг Кори ждали возле ее палатки вместе с остальными членами совета. Вместе они проехали мимо края лагеря к небольшому возвышению, где под раскидистыми ветвями большого бука собрались другие члены двора. Эолин спешила. Протокол требовал, чтобы она села для встречи с посетителем, но волнение удержало ее на ногах. Она осмотрела холм, с которого свита Хелии спускалась по пологому склону. Яркое солнце поглотило земную влагу, укутывая их туманом.

Херенсен подошел ближе:

— Моя королева, у вас еще есть время удалиться в сердце лагеря. Давайте сначала встретимся с этой женщиной, оценим ее искренность, прежде чем допустить ее и ее воинов к вам.

— Мы договорились, — ответила Эолин, — и я сдержу свое слово. Хелия не будет говорить ни с кем, кроме королевы Мойсехена.

Он кивнул и отошел, хотя выражение его лица оставалось настороженным.

Жители Мойсехена зашевелились от любопытства, когда приблизилась Горная Королева. Она ехала под развевающимися белоснежно-голубыми знамёнами, с единственным жёлтым шаром в центре каждого флага. Мужчины и женщины в полированных доспехах составляли грозную охрану Хелии. Их взгляды были острыми и непреклонными.

Стая снежных тигров окружила солдат на лошадях. Огромные полосатые кошки

доставали почти до плеч лошадям, которых они окружали. Опустив головы и хвосты, они брели неторопливо, каждый тяжелый шаг бесшумно падал на землю, и Эолин заметила мерцание аур над их плечами, показывающее, что животные были оборотнями.

По короткому приказу от капитана Эолин воины-маги рассыпались перед ее отрядом, готовя магию для смертоносного применения. Эолин поняла, что это была ритуальная демонстрация силы между двумя королевствами. Тем не менее, она поймала себя на том, что молится, чтобы события этого дня не превратились в кровавую драку между тиграми и медведями.

Хелия остановила свою роту и спешила. В сопровождении двух стражей она приблизилась к Эолин широкими уверенными шагами. Линия воинов-магов ненадолго расступилась, пропуская их.

Эолин вспомнила ночь, когда впервые встретила эту загадочную женщину, дочь горного принца и маги, бежавшую от чисток Кедехена. Эолин была простой девчонкой, плохо знакомой с Кругом Кори; Хелия была одной из его лучших певиц. Горная воительница тщательно скрывала правду о своем происхождении под скромной одеждой и умными разговорами.

Опять же, так было со всеми.

— Славься, Эолин, Верховная Мага и Королева Мойсехена! — объявила Хелия расставив ноги в стойке воина.

На ней были мужские одежды, как это часто было у нее. Ее коротко остриженные волосы с годами побелели. Тонкие линии обрамляли ее бледно-голубые глаза. Она усмехнулась знакомой и обезоруживающей улыбкой, которая с самого начала очаровала Эолин.

— Должна признать, — добавила Горная Королева. — Это то, что я хотела увидеть сама.

Эолин поклонилась.

— Мы очень рады принять тебя, Хелия, Королева Горных Царств, я надеюсь, что ты останешься, ты и вся твоя компания, и пообедаете с нами. Нам нужно многое обсудить.

— Да, — она посмотрела мужчин, сопровождавших Эолин. — Это твои советники, полагаю?

Эолин кивнула и начала представлять каждого. Пока она говорила, взгляд Хелии остановился на маге Кори. Представление Эолин замерло у нее на губах, когда она увидела, как поведение горной королевы меняется на хищно-напряженное.

Хелия подошла к магу и процедила сквозь зубы его имя:

— Кори из Восточной Селен.

Все притихли. Листья шуршали на ветру. Откуда-то из лагеря доносился смех, нелепый и далекий.

Кори встретился с пронзительным взглядом Хелии.

— С возвращением, — сказал он.

Она плюнула ему в лицо.

С примечательной сдержанностью Кори достал платок и вытерся.

— Я тоже рад тебя видеть, дорогая Хелия.

— Не могу поверить, что ты держишь эту змею в своем совете, — сказала Хелия Эолин.

— Не тебе спрашивать, кого я выбираю в качестве советников.

— Я не сомневаюсь в своих суждениях. Я просто выражаю свое удивление. В конце

концов, я сама королева. Таким образом, я знаю, что змеи могут быть использованы. В самом деле, если позволять змее жить, лучше держать ее рядом.

Хелия дала сигнал своим охранникам. Двое из них потащили вперед женщину со склоненной головой и связанными руками. Светлые пшеничные волосы были всклокочены и упали ей на лицо. Они подвели пленницу к Хелии и поставили ее на колени.

— Мой подарок тебе, королева Эолин, — Хелия коснулась подбородка женщины и подняла его.

Эолин подавила вскрик, поднявшийся у нее из горла. Вспоминая уроки мужа, она надела каменную маску, оценивая избитое и разбитое лицо Николы.

— Мы не хотели так ей вредить, — сказала Хелия, словно ощущая тревогу Эолин. — Но она сопротивлялась, как и следовало ожидать, когда ее судьба стала ясна. В какой-то момент я подумала, что было бы логичнее, даже добрее, просто убить девку и доставить ее голову. Но, зная женщину, которая теперь командует Мойсехеном, — или, по крайней мере, зная ее когда-то, — я решила, что лучше вернуть магу живой. Ее магия связана согласно протоколу ваших магов. Я отдаю ее тебе.

— Спасибо, Хелия, — Эолин сглотнула и обнаружила, что у нее пересохло в горле. — Ты должна понимать, что мы встречаем этот визит с некоторым трепетом. Нам сообщили, что ты согласилась помочь делу Рёнфина.

— Ваши шпионы хороши, но недостаточно. Я сказала этой вспыльчивой Гемене, что буду счастлива поддержать войну Пенамора, и отправила ее в его стадо с ложными новостями. Ты воспитала прекрасную группу учений, Эолин. Повстанцы вроде тебя, все до единой. Хотя и не такие умные.

— Хелия, — ровным голосом сказала Эолин. — Зачем ты пришла к нам?

Губы Хелии тронула улыбка.

— Потому что мы сестры, Эолин, в магии и на войне. Я не забыла нашу дружбу и, в отличие от некоторых непостоянных женщин, которые теперь отвергают тебя, не бросаю своих сестер. Я могла ополчиться против вашего мужа в подходящее время и при подходящих обстоятельствах, но я бы никогда не ополчилась против тебя. Так давай сразимся вместе, Эолин, королева Мойсехена. Пойдем на войну, как когда-то, питаюсь мечтами о победе. И на этот раз давайте смешаем силы.

Волнение поднялось в крови Эолин. Она хотела сделать шаг вперед и обнять Хелию, но благоразумие удержало ее.

Увидев сдержанный ответ Эолин, Хелия выгнула бровь. Она схватила Николу за волосы, вытащила нож и приставила лезвие к горлу маги.

— Если нужны доказательства моей клятвы, я готова убить предательницу по твоему приказу.

Прошло несколько мгновений. Двор затаил дыхание.

Эолин изучала лицо и ауру Хелии в поисках признаков обмана. Она знала, что Кори занимался той же задачей. Позже они будут говорить об этом. Она уже слышала его упрек.

«Ты должна была позволить Николе умереть под клинком Хелии. Тогда не было бы сомнений».

Эолин обратилась к своему капитану:

— Тибальд, проследи, чтобы Никола была под надежной охраной. Маг Кори, я хочу, чтобы вы или один из ваших магов поговорили с этой магой, чтобы узнать, есть ли у нее информация, которая может быть нам полезна.

Кори поклонился.

— Как пожелаете, моя Королева.

Хелия выпустила Николу из своей хватки. Пленницу подняли на ноги.

— Я хочу пойти с ними! — объявила Мариэль.

Ее вспышка привлекла всеобщее внимание к молодой маге, которая стояла, несколько спрятавшись среди зрителей.

— Что это? — весело спросила Хелия. — Еще одна бунтовщица, которую ты создала, Эолин?

Мариэль покраснела и опустила на колено.

— Пожалуйста, моя Королева. С вашего позволения, я буду сопровождать Магу Николу и присутствовать при расследовании.

Эолин запнулась, не зная, что делать с этой просьбой. Она взглянула на Кори, который пожал плечами.

— Я не вижу конфликта, моя Королева, — сказал маг. — Если Мариэль желает помочь в нашем разговоре с этой магой, пусть так и будет. Она может внести некоторые полезные идеи в этот процесс.

— Очень хорошо, — Эолин кивнула.

Поручение Мариэль такой задачи обеспокоило Эолин по большому количеству причин, чем она думала. Тем не менее, Мариэль попросила, и Кори, без сомнения, увидел в этом возможность внимательно следить за ней.

Возможно, Мариэль тоже могла бы внимательно следить за ним.

— Я разрешаю тебе, Мариэль. Предлагаю сначала сообщить Николе о судьбе ее дома в Селкинсене. Ей было бы полезно подумать об этой резне и о доблести союзников, которых она выбрала.

Глава сорок пятая

Сестры по магии

Хелия согрела сердце почти каждого дворянина, присутствовавшего на банкете, устроенном в ее честь. Даже Херенсен сумел улыбнуться в ее присутствии. Эолин предложила лучшую еду, какая была в ее распоряжении: колбасу и оленину, сыр и жареные овощи. Вино и эль подавались щедрыми порциями. Хелия привела с собой музыкантов и танцоров, развлечения которых изменили настроение с мрачного на веселое.

Горная Королева отказалась задерживаться на отведенном ей месте, а встала и прошлась вокруг столов, вовлекая каждого в оживленную беседу.

Наблюдение за добротой Хелии напомнило Эолин о давнем зимнем солнцестоянии, когда она впервые посетила Восточную Селен в качестве члена Круга Кори. Кори и Хелия тогда командовали главным столом, а Эолин занимала скромный уголок, соответствующий ее положению среди его людей. Та ночь была наполнена тайной и волшебством, музыкой и

страстью.

Как много изменилось с тех пор и как мало.

— Замечательный дар Хелии, — заметил маг Кори, — даже в своей снисходительности она совершенно очаровательна.

Эолин позволила себе сдержанную улыбку.

— Полагаю, мне не нужно предупреждать тебя, чтобы ты была с ней осторожна, — добавил Кори.

— Не нужно.

Час становился поздним. Придворные глубоко погрузились в выпивку. Многие уже попрощались, некоторые незаметно и в одиночку, другие с новообретенными партнерами.

Хелия вышла из-за стола, заливаясь смехом, и заняла свое место рядом с Эолин. С румяными щеками и широкой улыбкой горная королева налила себе еще вина.

— Ты слишком привязана к протоколу, — сказала Хелия.

— Я всегда вела себя благоразумно, находясь под взглядами других людей.

— Мудрая привычка для женщины Мойсехена, как всегда, — Хелия подняла чашу и подмигнула Кори.

Эолин осмотрела дежурных стражей, с удовлетворением отметив, что никого из них не привлекли к веселью.

— Ты принесла нам летний праздник, Хелия.

— Ты говоришь так, будто это хуже войны.

— Как-то это не к месту.

— Мы должны праздновать, Эолин, и наслаждаться тем, что нам дано в жизни. Мы все можем умереть через несколько дней.

— Грустное предсказание. Я думала, твой план — победить.

Хелия рассмеялась.

— Я всегда планирую победить, но иногда у богов другие идеи, — она наклонилась ближе и понизила голос. — Наши люди должным образом заняты, королева Эолин. Это было моей единственной целью сегодня вечером. Я предлагаю воспользоваться их отвлечением и удалиться в какое-нибудь укромное место на твой выбор. У меня есть чем поделиться с тобой, но я бы сделала это вдали от ушей всех этих людей.

Осторожность Эолин колебалась из-за более глубокой потребности восстановить дружбу, которой они когда-то наслаждались. Она кивнула, и они встали в унисон. Музыканты сделали паузу, но по команде обеих королев продолжили свои сладкие и живые мелодии. Танцоры снова закружились; люди смеялись и наполняли свои чаши. Эолин не стала подавать сигнал Кори; она знала, что он последует за ней в той или иной форме.

Хелия вложила руку Эолин в свою, выражение интимности казалось естественным и правильным. Когда они подошли к палатке Эолин, Тибальд кашлянул и попросил Хелию сдать оружие. Эолин подозревала, что Горная Королева может так же легко убивать без оружия, но не было причин отговаривать стражника от выполнения его обязанностей. Хелия отдала свой меч и достала из потайных мест несколько ножей.

— Вы можете обыскать меня, если хотите, — она раскинула руки и ноги, в ее голосе звучало веселье. — Пожалуй, я не откажу такому красивому охраннику, как ты.

Тибальд какое-то время смотрел на нее с суровым выражением лица, а затем покачал головой.

— За тобой присматривают хорошие люди, — сказала Хелия, когда они вошли в

палатку. — Дисциплинированная группа, хотя кажется, что я подвергаю их всех испытанию.

Эолин приказала слугам принести еще вина и скромную тарелку еды. Хелия взяла горсть винограда и бросила ягоду себе в рот. Она прошлась по палатке, проводя рукой по резному стулу, полистав карты, лежащие на длинном дубовом столе, останавливаясь, чтобы изучить кровать с балдахином в задней части палатки.

— Знаешь, твой брат очень гордился бы тобой, — сказала она.

Эолин изогнула бровь.

— Я думаю, что Эрнан сказал бы, что я предала его и все, за что он боролся.

— Нет. Он бы сказал, что ты умнее всех, потому что благодаря любви ты достигла того, чего он намеревался достичь с помощью войны. Король-Маг ушел, и ты, младшая сестра Эрнана, Верховная Мага и Королева всего Мойсехена.

— Мой брак не был завоеванием.

— Не в общепринятом смысле.

— Я любила Акмаэля.

— Да, — Хелия кивнула. — Судя по всему, ты так и сделала, и, глядя на тебя сейчас, я верю, что это правда. Тем не менее, это не меняет пути, который Боги открыли для тебя, пути, который дал тебе власть над царством Королей-Магов.

— Я не хотела эту корону, Хелия.

— Конечно, не хотела. Хотеть ее было бы изменой. И все же найти ее — это победа. Разве не ты сказала, что Боги интерпретируют наши действия в более широком масштабе времени и последствий?

— Я говорила о совершенно другом стечении обстоятельств.

— Естественно. Между прочим, у тебя есть хорошие люди в совете. Они мне нравятся...

Но вот проблема.

— Какая проблема?

— Они все мужчины.

Эолин рассмеялась.

— Не все. Моя целительница Жакетта входит в Совет. Все думают, что она временно там вместо своего наставника Эхиора, оставшегося в Городе, но на самом деле назначение Жакетты является постоянным. Это станет ясно, как только война закончится. Я также вызвала мою хорошую подругу Винелию из Моэна. Сейчас ей тяжело, так как она только что родила еще одного ребенка, но ее уважают. Поскольку она дочь Селкинсена, ее назначение будет поддержано лордом Херенсеном. По этой причине я надеюсь, что ее присутствие в Совете не вызовет особого протеста даже со стороны тех, кто твердо придерживается старых привычек. Два назначения могут показаться не такими уж большими, Хелия, но это значительное изменение, учитывая то, что это королевство знало в прошлом.

— А дальше будет больше?

— Конечно. Когда эта война закончится, произойдет много изменений.

Хелия удовлетворенно кивнула.

— А как насчет той, что заговорила сегодня, попросила следовать за Николой? Кажется, она действует с исключительной уверенностью.

— Ты имеешь в виду Мариэль, — Эолин налила им вина и пригласила Хелию сесть. — Она была бы солидным членом Совета, без сомнения. Но это не та жизнь, которую я хочу для нее. Я хочу, чтобы Мариэль оставила путь воина и вернулась в Моэн; построила свой Экелар и закончила то, что я пыталась начать так давно.

— Это тяжело для воина, — сказала Хелия, — ей будет сложно сложить оружие.

— Я не верила, что у Мариэль есть истинное призвание последовательницы Кэдмона. Она неплохо обращается с ножом и мечом, но взяла в руки оружие после вторжения Сырнте. Возможно, она думала, что клинки защитят ее. Эта вера была оспорена в последнее время. Тем не менее, это должен быть выбор Мариэль. Если она останется в Городе в составе стражи Королевы, она получит место в моем Совете. Но я жду, когда станет ясно, куда ведет ее сердце.

— Значит, она была среди твоих первых.

— Да.

Эолин встретила взглядом с Хелией. Между ними прошел момент взаимопонимания: матери, наставницы и лидеры, глубоко заботившиеся о своих.

— Расскажи мне о своем Экеларе, — сказала Хелия. — Я хочу все услышать.

Так начались истории. Эолин рассказала Хелии об обществе женщин, которое она построила в высокогорьях Моэна, до того, как вторжение сырнте разорвало этот мир на части, до того, как любовь к Королю-Магу заставила ее пойти по другому пути. В танце слов ожили все ее сестры: суровая Рената и страстная Адиана; прекрасная Сирена и тихая Мариэль; невинные Катарина и Таша, еще дети, когда их принесли в жертву Преисподней. И Гемена, ярость которой не находила покоя.

Хелия, со своей стороны, рассказывала о бесчисленных приключениях в Параменских горах и говорила о хитром, а иногда и жестоком способе, с помощью которого она объединила раздробленное королевство в единое. Она рассказала и о брате Эолин из сражений их юности. Некоторые истории были героическими, другие — тревожными, но каждая из них была подарком, частичка семьи Эолин вернулась в ее сердце.

Дружба окутала их теплым и знакомым плащом. Воздух искрился юмором и воспоминаниями. Приносили свежие фляги с вином, которые опустели, принесли еще. Звуки лагеря стихли. Свечи догорали.

Наконец, даже их разговор прекратился, и они, пресыщенные, погрузились в компанейское молчание. Эолин откинулась на подушки своей кровати и уставилась на мерцающие свечи. Хелия сидела рядом, скрестив ноги, и изучала свою чашку.

— У меня не было такой ночи с дней моего Экелара, — сказала Эолин.

— Я знаю, о чем ты. С лидерством приходит изоляция.

— Это так же верно для женщины, как и для мужчины.

— До сих пор я никогда полностью не понимала, что значит для Акмаэля быть королем. Все это дало мне другой взгляд на него, — Эолин указала на атрибуты вокруг них. — Теперь я понимаю, почему Акмаэлю было так важно, чтобы я была рядом с ним, почему он жил в таком страхе потерять свою семью. Наша любовь была единственным барьером между ним и полным одиночеством. Никто не знал его так долго и так хорошо, как я. Никто не мог дать ему товарищеские отношения таким же образом.

— Говоришь как настоящая супруга. У тебя благородное сердце, Эолин, но в свое время ты пожертвовала многим, чтобы удовлетворить нужды этого человека.

Эолин вздохнула.

— Он многое дал мне взамен, Хелия. Акмаэль дополнил мою магию многими способами. Признаюсь, временами я задавалась вопросом, не ошиблась ли я, выйдя за него замуж, но какая польза от таких сожалений? Я принимала решения, которые считала лучшими в данных обстоятельствах, и я выжила, чтобы увидеть последствия. Вот и все.

С губ Хелии сорвался смешок.

— Слова, украденные у мага Кори. Не тот стандарт, к которому я бы стремилась на твоём месте.

— Твоя обида на него вполне обоснована, учитывая все, что произошло с моим братом. И все же есть одна вещь, которую я могу сказать о Кори: с тех пор он был моим постоянным компаньоном. Почему-то он всегда рядом и поддерживает меня.

— Полагаю, это хитрость и корысть.

Эолин улыбнулась и допила свою чашку.

— Это в его стиле.

— Мне хотелось бы узнать дом, который вы делили с Адианой и Ренатой в Моэне, — Хелия подошла поближе, чтобы добавить вина. — Я очень скучаю по ним. Кто бы мог подумать, когда мы впервые встретились в Круге, что наши судьбы так повернутся?

Эолин поймала руку Хелии и выдержала взгляд ее ледяных голубых глаз.

— Хелия, почему ты вернулась?

— Я сказала тебе, почему.

— Ты действительно хочешь присоединиться к моему делу?

— О, да, — она сделала глоток из чаши. — Мы женщины-волшебницы, и к тому же правительницы. Мы должны стоять вместе.

Эолин почувствовала тихое облегчение внутри. Напряжение ее мышц отступало. Впервые после смерти Акмаэля она начала верить, что сможет это сделать. Она могла привести свой народ в этот конфликт и выйти победительницей.

— В первый раз, когда я увидела тебя в Круге Кори, я хотела тебя поцеловать.

Эолин испуганно подняла глаза. Тогда она рассмеялась.

— Я тоже хотела тебя поцеловать.

Хелия бросила подушку в Эолин.

— Сейчас ты просто издеваешься надо мной.

— Это не шутка. Я думала, какая ты красивая.

— И все же вместо этого ты переспала с этим безмозглым колдуном, Тамиром.

— Насколько я помню, это была та самая ночь, когда ты спала с этой коварной змеей, магом Кори.

Хелия откинула голову в смехе.

— Мы все тогда были молодыми дурами, да? Надеюсь, Тамир ублажал тебя, Эолин. По крайней мере, ты заслужила от него это.

— Он ублажал, — память о ее первом любовнике пронзила Эолин. Сколько имен друзей, числящихся среди погибших, всплыло сегодня вечером? — А ты, Хелия из Горных Царств? Маг Кори доставлял тебе удовольствие?

— О, да. Он прекрасный любовник. Среди лучших, что у меня были. И я говорю это не только потому, что подозреваю, что он может слушать, — на этих последних словах Хелия повысила голос, многозначительно оглядывая палатку. Затем она отставила свою чашку и откинулась рядом с Эолин. — Я удивлена, что ты до сих пор не открыла для себя более интимные таланты Кори.

Эолин покраснела и отвела взгляд.

— Я вышла замуж за короля, Хелия.

— И все же ты мага. Ты не можешь быть привязана к одному мужчине.

— Возможно, я стала менее магой, когда вышла за Акмаэля.

— Нет, — теперь она была рядом. Ее аромат свежего воздуха и горных лесов одновременно успокаивал и пробуждал чувства Эолин. — Я так не думаю.

Их губы встретились, неожиданный, но естественный союз со вкусом сладкого вина и общего опыта. Эолин привлекла к себе Хелию, движимая новым видом магии, питаемой снегопадами в высоких горах, кристально чистыми озерами в глубоких и зеленых долинах, свежими травами и великолепными полевыми цветами. Здесь был свет, который мог заполнить пустоту в ее сердце, который мог прогнать настойчивую тень утраты и горя.

Она провела пальцами по светлым волосам Хелии, выгнулась, когда поцелуи горной воительницы падали ей на горло, как весенний дождь. С губ Эолин сорвался вздох облегчения. Рука Хелии скользнула к ее корсету. Груды Эолин приподнялись в предвкушении, но в этот момент по нагретой солнцем траве прошла тень, Огрубевшие от войны руки ласкали ее кожу. Дух мертвого короля прошептал ей на ухо:

Эолин.

Она вырвалась с бешено колотящимся сердцем и подняла руку, чтобы остановить продвижение Хелии.

О, Акмаэль.

Он был рядом. Так близко. Если бы она только взглянула вверх. Если бы она могла просто выйти за тонкую завесу этого мира...

— Что такое, Эолин? — обеспокоенность смешалась с разочарованием в голосе Хелии.

— Мне жаль, — Эолин не могла встретиться взглядом с подругой. — Слишком рано. Боль так глубока. Я не могу... я не могу этого сделать, Хелия. Ни с тобой, ни с кем. Мы не были бы вместе, понимаешь. Даже если мы с тобой обнимемся, я буду с ним. Только с ним.

Через некоторое время горная воительница отступила и встала.

— Я должна просить прощения, Эолин, за то, что нарушила путь твоего траура.

Разочарование обожгло глаза Эолин. Она хотела этого волшебства. Она нуждалась в этом. Почему она отослала Хелию?

— Твой поцелуй меня не огорчил, — сказала она.

— Но он не вовремя, — Хелия отошла от кровати и поклонилась. — Я ухожу. Час становится поздним, и мы должны отдохнуть. У нас есть совместный план сражений и война, которую нужно выиграть. Никаких больше празднеств, пока это не закончится, Эолин. На этом даю слово.

Она повернулась, чтобы уйти.

— Хелия, — сказала Эолин, останавливая отступление воительницы. — Для меня большая честь видеть тебя здесь, как мою сестру по магии и товарища по войне.

Хелия усмехнулась и поклонилась.

— И для меня большая честь воссоединиться с тобой, Эолин, королева Мойсехена. Я горжусь тем, что я среди твоих союзников.

Глава сорок шестая

Изгнание

Ночью Тэсаре снился Пенамор, застрявший под обломками на дне реки. Рука, колеблемая течением. Распушенные волосы обрамляли его лицо. Его кожа была синей от гнили, и рыбы клевали его щеки. Он смотрел на нее белыми глазами, открывая рот как пропасть, которая грозила поглотить ее целиком.

Она проснулась, дрожа, его обвинения эхом отдавались в ушах.

— Это была не я, — прошептала она. — Я не просила об этом.

Слова сорвались с ее губ в молитве. Если бы Тэсара повторяла их достаточно часто, возможно, они бы приняли форму истины.

Тело Пенамора не было найдено. Возможно, по этой причине дворяне так быстро приняли Тэсару вместо него. Ее дядя мог еще появиться. Течение было быстрым. Его могло унести далеко вниз по течению, прежде чем он ухватился за крепкий корень на берегу и вытащил себя на берег. Он мог упасть в обморок, обессилеть и быть спасенным крестьянами, вылеченным на их скудном бульоне. Даже сейчас он мог идти к ним пешком, решив закончить начатую им войну.

— Моя Королева.

Тэсара подпрыгнула от звука голоса Сони и обнаружила, что сидит за завтраком, не притронувшись к еде. Элиасара с любопытством смотрела на мать.

«Как долго я была потеряна в моих мыслях?».

— Вы должны есть больше, моя Королева, — Соня говорила ласково. — У нас впереди долгий день.

Еще не рассвело, но лагерь уже был оживлен. Мужчины кричали. Волы мычали. С грохотом дерева и брезента рушились палатки. Слуги упаковывали вещи Тэсары, пока она ела. Сегодня они поедут на восток, к Римсавену и армии Королевы-Ведьмы.

— Ваш чай, — Соня поставила перед ней чашку. Из темных внутренностей поднимался пар.

Тэсара оттолкнула напиток.

— Это слишком горько.

— Это придаст силы для пути.

Их обмен взглядами встревожил Тэсару, словно она попала в какое-то заклинание сырнте, где прошлое и ненависть сошлись в настоящем. Все казалось нереальным, но чрезвычайно ярким. Воспоминание шевельнулось под поверхностью ее мыслей, но ускользнуло прежде, чем Тэсара смогла уловить его суть.

Она резко встала.

— Мы закончили здесь. Принеси мой плащ. Единственное средство для долгого дневного пути — это начать.

Полоса света обозначила восточный горизонт. Звезды все еще украшали западное небо. Ветер был мягким и влажным, предвещал грядущий теплый день. Ее охрана ждала снаружи палатки вместе с несколькими членами Совета.

Савегр стоял у своего коня. Рядом дежурил Уралес, высокий и угрюмый. Галийский принц взял Тэсару за руку и поднес ее пальцы ко лбу. Тэсаре хотелось задержаться в тепле этого прикосновения, чтобы подтвердить нежность, которую, как ей казалось, она видела, но она ушла.

Савегр не возвращался в ее постель с их первой ночи. Временами, когда он был рядом, в ее сердце вспыхивал гнев, и она горела желанием спросить, почему, хотя на самом деле чувствовала облегчение от его отсутствия. Боги чуть не забрали ее дочь, когда она в первый раз переспала с Савегром. Что они потребуют, если она снова сдастся ему?

«Было наложено заклинание, убившее моего дядю? Он заставил реку подняться?».

По всему лагерю загудели трубы, когда она и Элиасара забрались в седла.

— До победы! — трижды капитан ее гвардии повторил свой призыв. Трижды армия подхватывала его клич, и каждый раз воинственнее предыдущего.

Тэсара погнала коня вперед, и марш к сердцу Мойсехена начался.

Она говорила с каждым членом Совета по пути, и у нее был самый долгий разговор с главным советником Пенамора, лордом Тобиасом из дома Веландер. Пожилой и лысеющий, тихий Веландер казался несовместимым с историями, которые Тэсара слышала о нем в битвах. Она могла понять, почему ее дядя ценил этого человека; должно быть, он постоянно сдерживал пламенный порыв Пенамора.

Она, конечно же, столкнулась с противоположным вызовом. Тэсаре придется определить самых смелых среди своих офицеров и выслушать их, независимо от того, насколько безрассудными кажутся их советы. Как она будет уравнивать их мнения своими осторожными инстинктами, ей еще предстояло понять. Она так мало знала о войне. Она молилась, чтобы Боги дали ей совет.

Солнце висело низко над западным горизонтом, когда, наконец, они остановились, чтобы разбить новый лагерь. Мышцы Тэсары болели. Усталость залила лицо Элиасары желтоватым оттенком. После того, как они поели, принцесса легла в свою постель и крепко уснула.

— Моя Королева, — Соня предложила чай, пахнувший мятой и ромашкой, а также какой-то другой сладкий ингредиент, который Тэсара не мог определить. Она с благодарностью приняла дымящуюся чашку. Соня шевельнулась, словно собираясь сесть рядом с ней, но Тэсара отмахнулась от нее.

— Ты сделала достаточно на сегодня, Соня. У меня есть все, что мне нужно. Идите и отдыхайте, все вы.

Дамы и слуги ушли, оставив Тэсару наедине с мыслями. Звуки лагеря затихали. Она подозревала, что даже самые шумные из ее солдат уйдут спать раньше времени. Неожиданная смерть Пенамора подкосила их всех.

Чай остыл, забытый в ее руках. Отставив чашку, Тэсара издала долгий и усталый вздох. Ее взгляд задержался на мерцающей свече, прежде чем опуститься на подметенный пол. Она ждала в безмолвной надежде, но туман не собирался, а Савегр не появлялся.

Отбросив собственное разочарование, Тэсара встала и потушила все свечи, кроме одной, которая освещала ее кровать. Она сбросила верхнюю одежду и забралась под одеяло. Оглядев комнату, чтобы убедиться, что она одна, Тэсара достала хрустальную сферу, которую дал ей Савегр.

Она нашла странное чувство товарищества в этом странном устройстве. Из сердца кристалла исходил бледный свет, игра цвета и тени, которые сливались в людей, места и события. Всю ночь она надеялась мельком увидеть Савегра, но вместо этого увидела себя, юную и полную надежд, королевскую невесту, только что доставленную в королевство Мойсехен.

Она увидела тот день, когда впервые встретила короля Акмаэля среди цветов, музыки и церемоний. Она вновь пережила пышный пир своей свадьбы, болезненное и славное рождение дочери. Услышала шепот Сони в первый раз, когда дама наклонилась ближе и сказала, что это та, которую он любит, ведьма Моэна.

Видения заставляли ее сердце болеть, и все же она не могла отвести взгляд. Боги, она была ребенком, когда ее доставили в постель Короля-Мага. И он в это хрустальное окно тоже казался на удивление молодым. Неуверенным. Местами даже испуганным. Она никогда не замечала этой уязвимости, когда жила под командованием Акмаэля. Она видела только гнев, рассеянность, неукротимую силу и упрямую жестокость.

Пролетели ночные часы. Свеча догорела. Тэсара по-прежнему смотрела на дымчатый кристалл, хотя ее глаза устали, а образы начали расплываться.

Тогда она увидела то, чего не ожидала увидеть.

Тэсара села, настороженная. Сцена играла внутри кристалла, на ее языке появился знакомый горький привкус. Холодный страх обмана сжал ее сердце. Она сжала кристалл в кулаке и спрятала его под одеяло.

Свеча брызгала. Пламя погасло. Тем не менее, Тэсара не спала, а задумчиво смотрела в темноту, пока серый предрассветный свет не скользнул в палатку.

Во время утренней трапезы Тэсара не могла оторвать взгляда от Сони. Каждая задача, каждый жест их повседневной жизни казался залитым янтарным светом. Она изучала, с каким вниманием Соня измеряет травы, как дама требует точной температуры перед тем, как налить воду. Эта тонкая точность была всегда, и Тэсара давно восхищалась ею как определяющей чертой характера Сони.

Сегодняшний чай имело пьянящий аромат фруктов и специй, который почти маскировал горькую нить под ним. Соня поставила чашки на стол. Элиасара потянулась к ней, но Тэсара схватила девушку за руку и покачала головой.

— Я хотела бы поговорить с леди Соней, — сказала она. — Наедине.

Элиасара нахмурилась, но послушалась, взяв с собой кусок хлеба и немного фруктов. Остальные дамы вышли в шуршании юбок и тихом бормотании. Соня стояла перед своей королевой, склонив голову.

Тэсара поднялась. Ее руки дрожали, а сердце колотилось. Слова болезненно застревали

в горле. Она сделала короткий круг, а затем остановилась лицом к своей фрейлине, вцепившись в стул между ними, костяшки пальцев побелели на резной деревянной спинке.

— Соня, — ровным голосом сказала Тэсара, — ты убила моего сына?

Глаза фрейлины расширились. Она сжала губы в тонкую белую линию.

— Моя королева, я не понимаю.

— Это простой вопрос.

Соня нахмурилась и отвела взгляд.

И Тэсара увидела ответ.

— И моего брата? — прошептала она. — Ты и это сделала?

— Вы должны понять, моя Королева, — голос Сони дрожал. — Карл был слаб сердцем и разумом. Он бы никогда не укрепил это королевство, не говоря уже о том, чтобы повести нас на войну против Мойсехена.

— И ты прокляла его?

— Я избавила его от мучений, и это по приказу вашего дяди.

Эти слова поразили Тэсару, как удар под дых. Ошеломленная, она опустилась на стул.

— Значит, ты одна из них. Мага.

— Там не настоящая мага, — Соня говорила быстро, сжимая и разжимая руки. — Я так и не закончила обучение. Моя мать бежала от чистки, когда я была девочкой. Мы ничего не взяли с собой, кроме плащей. Мы пытались пересечь Рёнфин в надежде убежать в Галию, но мать умерла от лихорадки. Семья сжалилась надо мной и дала мне место в своем доме.

— И Пенамор нашел тебя там?

— Мой приемный отец служил ему. Когда он услышал о предстоящей помолвке, он увидел возможность быть ближе к вам. Он рассказал Пенамору о моих дарах. Решив, что я могу оказаться полезной, ваш дядя привел меня ко двору и поставил к вам на службу.

— Чтобы сделать меня бесплодной?

— Нет! Все, чего Пенамор хотел, это чтобы кто-то присматривал за вами, кто-то, кто знал их методы магии.

— Что же тогда побудило вас к убийству?

— Не убийству, — слезы навернулись на глаза Сони. — Справедливости. В день смерти моей матери она умоляла меня положить конец роду королей-магов. Я приняла присягу, потому что хотела, чтобы она с миром ушла в загробную жизнь. Но как могла я, сирота в изгнании, когда-либо надеяться научиться этому ремеслу, не говоря уже о том, чтобы противостоять Королю-Магу? И вот однажды ваш дядя появился в прекрасных одеждах и на великолепном коне. Он рассказал мне о своих планах на вас и о моей цели в этих планах. Я знала, что Боги открыли путь.

— Тогда я считала тебя подругой, — недоверчиво пробормотала Тэсара, — а ты всего лишь шпионка и убийца.

— Моя Королева, я была рядом с вами долгое время после того, как все остальные ваши дамы умоляли вернуться в Рёнфин. Я поддержала вас в гневе Короля-Мага и утешала тем, что его неверие защитило вас от рождения его сына.

— Он был и моим сыном! — голос Тэсары дрожал от ярости. — Кровь чрева моего, любовь сердца моего. Ты не имела права...

— Я имела полное право! — Соня ударила себя кулаком в грудь. — Я получила одобрение богов. Вы тоже часть их плана, хотя и отказываетесь признать это.

— Ты убила невинного ребенка!

— Невинного? Нет такой вещи, как невинность в нерожденном принце. Есть только наследие и долг. Его отцы нарушили долг, так что их принц должен был умереть.

— А Элиасара? Ты хочешь убить и ее?

— Нет, — Соня встала на колени перед телом Тэсары. Ее лицо сияло силой. — Нет, моя Королева, разве вы не видите? Элиасара подтвердила волю богов. Она — настоящая принцесса Вортингена. Она положит конец правлению королей-магов.

Тэсара с презрением посмотрела на нее.

— Убирайся.

— Моя Королева, — в голосе Сони прозвучало отчаяние. — Я — всего лишь инструмент богов.

— Убирайся! — взревела Тэсара.

Слезы текли по щекам Сони.

— Я хочу только лучшего для вас и вашей дочери, лучшего для всех нас. Я люблю вас, моя Королева!

Тэсара ударила Соню, оставив красный след на ее щеке.

— Я пощажу тебя сегодня, потому что я не могу вынести мысли о еще одной жизни, погибшей от моих рук в этой ужасной войне! Но я не пощажу тебя завтра. Поскольку, Гром — свидетель, если я когда-нибудь снова увижу тебя среди моего народа, я прикажу тебя пытаться, выпотрошить и повесить. Я увижу, как твои останки будут разбросаны среди волков и оставлены гнить на открытых полях. Оставь меня, Соня, и никогда не возвращайся.

Леди, рыдая, убежала от Тэсары,

Дрожь пробежала по Тэсаре. Ярость поднялась из глубины души, разорвав ее душу и горло в мучительном крике. Она провела руками по столу, и чашки и тарелки с грохотом упали на пол. Потом она опустилась на землю, закрыла лицо руками и заплакала. Она слышала шаги своих служанок, сопровождаемые взволнованными голосами, когда они окружили свою увядшую королеву.

— Мама, — Элиасара обняла ее за плечи. — Мама, что случилось?

Неожиданное сострадание в голосе ее дочери вызвало новую волну мучительной скорби.

— Что случилось, мама? Почему ты плачешь?

— О, Элиасара, — Тэсара обняла свою выжившую дочь, крепко сжала ее драгоценную жизнь.

«Я плачу о своем любимом сыне, который так и не увидел света этого сложного и прекрасного мира. О нем и всех детях, которые погибли бы в моем чреве, если бы Король-Маг оставил меня рядом с собой, а Соня осталась служить мне».

Глава сорок седьмая

Пленница

Когда Эолин и Кори вошли в полутемную палатку, Мариэль встала, чтобы поприветствовать их. Позади нее на импровизированной койке лежала Никола. Одеяло укрывало спящую фигуру.

— Ты присматриваешь за своей сестрой? — спросила Эолин.

Мариэль кивнула.

— Маг Кори дал мне разрешение. Я знаю, что она поступила неправильно, Мага Эолин но я не могу... я не хочу, чтобы она чувствовала себя одинокой.

— Сострадание — признак истинной маги, — сказала Эолин. — Наш мир стал лучше. Мариэль, потому что ты это помнишь.

Никола крепко спала, грудь вздымалась и опускалась в ровном ритме. Ее руки и ноги были связаны.

— Ты заколдовал ее? — спросила Эолин Кори.

— Да, — ответил он. — Это был самый простой способ подчинить ее.

— И ее магия надежно связана?

— Мы убедились в этом.

— Тогда разбуди ее.

Кори шагнул вперед, положил ладонь на лоб Николы и пробормотал короткое заклинание.

Никола пошевелилась и застонала. Она открыла глаза и окинула взглядом все вокруг. Осознание пробежало по ее чертам. Она сосредоточилась на маге, наблюдавшем за ней.

— Что меня ждет теперь? — спросила она горьким тоном. — пытка? Чары?

— Я бы пропустил эти любезности и отправил тебя прямо на костер, — ровным голосом ответил Кори. — А наша королева милосердная, и ей, кажется, взбрело в голову отсрочить твой приговор.

— Хватит, маг Кори, — сказала Эолин.

Маг взял молодую женщину за руку и помог ей сесть.

— Ну же, Никола. Королева Эолин желает поговорить с тобой.

Никола опустила голову, отказываясь встречаться взглядом с Эолин.

— Оставь нас, маг Кори. Мариэль, ты тоже.

— Но я хочу...

— Ты слышала меня.

Мариэль посмотрела на Кори, который нахмурился и слегка покачал головой. Юная мага поклонилась и ушла с явным разочарованием на лице.

— Я бы предостерег вас от пребывания наедине с этой женщиной, моя Королева, — сказал Кори.

— Я понимаю, маг Кори. Но прошу тебя уйти. Хотя прошу не уходить далеко.

Когда Кори ушел, Эолин села на стул, оставленный Мариэль. Она вызвала свечение в хрустальном наконечнике своего посоха, и оно отбросило голубоватый свет на нее и пленницу. Никола вздрогнула, а потом снова замерла. Ее прямые и нечесанные волосы ниспадали на лицо. Ее гордые плечи были согнуты, сильные руки — крепко сжаты.

«Каким лидером я стала, если моя дочь по магии была доставлена мне вот так?».

— Я ожидала, что ты придешь сегодня, — Никола нарушила тишину злобным голосом.

— Армия Рёнфина быстро приближается к сердцу Мойсехена, — ответила Эолин. — Возможно, снова медлить было ошибкой, но прибытие нашего союзника с Параменских гор потребовало переоценки нашей стратегии.

— Решение Хелии ничего не меняет. Ты проиграешь эту войну. Это воля богов.

— Сколько жизней должно быть принесено в жертву тому, что ты называешь волей богов? Было ли уничтожение Селкинсена их волей? Страдания его мужчин, женщин и детей?

Никола стиснула зубы.

Эолин почувствовала, как рядом с ней материализовался дух Акмаэля. Его дыхание задевало ее ухо. Он прикоснулся к ее щеке.

Вечная боль в ее сердце усилилась.

— Никола, — тихо сказала она, — любила ли ты когда-нибудь кого-то так сильно, что шли за этим человеком по пути, который все остальные считали безрассудством?

Никола вскинула голову. В ее взгляде вспыхнул огонь.

— Не смей сравнивать нашу связь с твоей.

— Ты права. На этом сходство заканчивается, потому что выбранный мной путь принес нашему народу десятилетие мира. Возможно, это мало в огромном пространстве истории, но, тем не менее, это важно для всех тех, кто помнит Войну маг и последовавшие за ней чистки. С другой стороны, твой выбор втянул нас в войну. Невинные умерли; гордый и красивый город был потерян. И по всем оценкам, этот конфликт только начался. Мой Совет говорит, что тебя нужно сжечь. Что скажешь, Никола? Какое будет справедливое наказание за всю кровь, которая была и будет пролита из-за тебя?

— Ты искажаешь правду в своих целях!

— Я говорю только то, что знаю, то, что я видела и слышала с того дня, как вы забрали Элиасару и передали ее человеку, который использовал ее для удовлетворения собственных амбиций.

Никола опустила взгляд.

— Некоторые говорят, что любовь ведет нас к глупым решениям, — продолжила Эолин. — Я полагаю, что в некоторых случаях это правда. Тем не менее, я твердо придерживаюсь учения Эйтны о том, что в целом любовь побуждает нас к более здравому суждению.

— Мне надоели твои милые слова. Скажи о моей судьбе, и покончим с этим.

— Твою судьбу выбирать тебе, Никола. Ты можешь жить среди нас, а можешь жить в изгнании.

Никола подняла голову.

— Жить?

— Если останешься в Мойсехене, ты должна отказаться от Высшей магии. Часть твоей магии, которая теперь связана, будет полностью удалена. Ты сложишь оружие и поклянешься, что все твои дары будут до конца жизни посвящены служению нашему народу в смирении. Если нарушишь клятву или попытаешься запросить другой посох Высшей Магии, ты будешь заключена в тюрьму; запертая и забытая в самых темных глубинах крепости Вортинген. Останешься там без компании до того дня, когда ты умрешь.

— А если я выберу изгнание?

— Тогда ты можешь оставить свой посох, и я буду молиться, чтобы ты добралась до дома, где сможешь посвятить свои дары лучшему делу, — Эолин встала, сказав то, что хотела сказать. — Завтра мы поедем на запад. Тебя вернут в Римсавен, где ты останешься в плену, пока эта война не закончится. Мариэль будет твоим охранником и компаньоном. Я подозреваю, что у тебя будет много времени, Никола, чтобы обдумать свой путь.

— Почему бы тебе просто не сжечь меня?

Эолин медленно выдохнула.

— Это были беспокойные времена. В последние дни я узнала, что способна на великий гнев и великую жестокость. Но одного я не сделаю: я не казню своих дочерей, какие бы

преступления они ни совершили против меня или моего народа.

С этими словами Эолин повернулась, чтобы уйти.

— Король-маг без колебаний сжег бы меня, — крикнула ей вслед Никола.

Эолин остановилась на полушаге и встретилась взглядом со своей ученицей.

— Нет. Но, надеюсь, ты увидишь, Никола, что я — не Король-Маг.

Глава сорок восьмая

Поля конфликта

Солнце сияло высоко над головой, когда Эолин и ее эскорт поднялись на вершину невысокого холма. Их приветствовали открытые луга, отмеченные разбросанными рощами деревьев. Армия вторжения расположилась лагерем сразу за хребтом на дальнем конце этой широкой долины. Флаги цвета шалфея и золота развевались среди знамен серебра и пурпура, цвета, бросавшие вызов королеве Эолин и притязаниям единственного сына Акмаэля. Сам лагерь не был хорошо виден, что затрудняло определение того, сколько там скопилось войск Тэсары. Холм спускался по травянистому склону, который огибал долину, простираясь к ним земляными объятиями. К северу местность заканчивалась острыми белыми скалами над рекой Фурма.

— Я узнаю эту стратегию, — сказала Эолин. — Мой муж воспользовался подобными обстоятельствами, когда мы готовились к последней битве с Сырнте.

Тени колыхались над полем, предвестники волн агрессии и смерти.

— Если не считать того, что твой муж занимал высокие позиции, — Хелия остановилась рядом с Эолин. Она цокнула языком, изучая пейзаж. — С Мехнесом и его армией внизу.

Эолин кивнула.

— Холм также был ниже, и не было деревьев, за исключением небольшого леса далеко от поля битвы. У лучников было очень мало возможностей спрятаться, в отличие от этого.

— Этот опыт сослужит хорошую службу теперь, когда мы оказались в невыгодном положении. Мы рискуем дать армии Тэсары легкий доступ к нашим флангам, когда будем двигаться вверх по этому холму, и мы можем быть уверены, что в каждой из этих рощ будет небольшая рота воинов. Мы должны тщательно планировать, защищать наши фланги, пока наши силы движутся к центру. Воины должны быть отброшены назад с каждым нашим шагом по этому холму. И мы должны держать немного кавалерии в резерве. Они планируют нечто большее, чем просто победу, Эолин. Они надеются на кровавую баню.

«Война — это всегда кровавая баня».

Эолин устало вздохнула.

— Я полагаю, мы не можем ожидать меньшего.

— Возможно, Тэсара и провела годы среди бедняков, — сказала Хелия, — но она сохранила свой боевой инстинкт, не говоря уже о здоровой жажде мести.

— Я думаю, это ее советники выбрали эту местность, а не она.

— Не стоит недооценивать эту женщину больше, чем она недооценивала бы тебя, Эолин. Она решила принять их совет. Понятно, что они надеются не оставлять выживших. Ты говоришь, что галийцы не могут изменять форму?

— Насколько нам известно, эта магия не является частью их традиций.

— Ну, по крайней мере, у нас есть этот трюк на нашей стороне. Держу пари, галийцы не дрогнут при виде нескольких клыков, но суеверные кролики из Рёнфина разбегутся, как только наши воины превратятся в диких зверей.

— Медведи и снежные тигры могут принести нам мало пользы. Ничто так не вселяет страх в сердце дикого зверя, как огонь, и галийцы сильны в своих способностях владеть им. К настоящему времени их волшебники прорыли туннели под этими полями и наполнили их дыханием своих вулканов. Мало того, что они могут повергнуть в панику наших воинов-оборотней, они могут испепелить нашу армию на части так же, как разрушили стены Селкинсена.

— Разве Кори и его друзья не готовят магию против этого?

— У нас есть кое-какие хитрости, но от этих контрзаклинаний мало толку, если наши воины-маги сгорят до того, как у них появится шанс их призвать, — Эолин кивнула группе магов вниз по склону, ближе к реке. — Они также наносят на карту магию, которая течет под этой долиной. Если беспорядки, оставленные галийцами, достаточно велики, возможно, мы сможем найти существующие траншеи. Но галийцы были умны в размещении и сокрытии своей работы. Тем не менее, к концу дня Кори должен быть в состоянии сказать нам, какие места наиболее подходят для галийской огненной магии.

— Ну, это что-то, — Хелия развернула свою лошадь. — Тогда приступим к поставленной задаче. Давай созовем наших офицеров. Нам есть над чем поработать до начала игр.

Эолин.

Голос Акмаэля пронесся сквозь ветерок, болезненно далекий, невероятно близкий.

Эолин закрыла глаза и подняла лицо к солнцу. Она представила, как соскальзывает с лошади и кутается в плащ присутствия Акмаэля.

Атрибуты войны исчезли с пейзажа. Эолин шла босиком по полю, ее богатое одеяние сменилось простым красновато-коричневым платьем, которое она предпочитала. К ее спине была привязана корзина, сделанная из коры. Смех прокатился по холмам. Она узнала в этой сладкой мелодии голоса Таши и Катарины, изысканную песню Адияны, строгий зов Ренаты.

Она поставила свою корзину и обнаружила, что она наполнена саженцами дуба, березы, ольхи и пихты. Акмаэль появился рядом с ней, неся свой груз растущей жизни. Вместе они сажали молодые деревья, одно за другим. Сотни, а затем и тысячи были дарованы темной земле.

За ними вырос лес, высокий и зеленый. Закончив, они оглянулись на свою работу и увидели тугую сеть жизни, смерти и обновления.

Это тоже пройдет, — сказал ее спутник.

Эолин обернулась и увидела рядом с собой не Акмаэля, а свою любимую наставницу Дуайен Гемену. Старуха смотрела на нее, как в первый день их встречи, острыми серыми глазами с насмешливой улыбкой, сердце Эолин болезненно сжалось при виде ее матери в магии. Она потянулась для объятий, но Гемена отступила, мерцая, как мираж в жаркий летний день.

Все войны заканчиваются, — сказала она.

Эолин покачала головой.

Войны заканчиваются и начинаются снова.

Змея не может бесконечно цепляться за собственный хвост, — настаивала Гемена. — *Цикл будет сломан. Доверяй своему чутью и помни: твой путь создается ходьбой.*

Эолин открыла глаза, услышала, как хлопают флаги, ощутила запах ароматной травы, согнувшейся под постоянным ветром.

Хелия ждала вместе с другими советниками и союзниками Эолин. Их полированные нагрудники ярко сияли под полуденным солнцем. Их выжидательная позиция была отмечена мрачной решимостью.

Ее мужчины и женщины.

Ее воины.

Ее война.

— Идемте, — сказала Эолин, подгоняя лошадь к их лагерю. — Давайте сделаем это битвой, которая положит конец всем битвам.

Глава сорок девятая

Советник

Как только Тэсара узнала о ситуации, она вызвала Гемену и Ирэни. Они пришли добровольно, но по прибытии были разоружены и связаны. Вынужденные встать на колени, теперь они преклонили колени перед Королевой и Элиасарой. Стражи приставили лезвия к горлу. Вокруг них собрались советники Тэсары, в том числе Савегр и Уралес.

— Клянусь дыханием Дракона, я этого не предвидела!

Голос Гемены дрожал от ярости и разочарования.

— Хелия обещала нам свою армию. У меня не было причин сомневаться в ее словах.

— Слово маги всегда ложно, — сказал Тэсара. — И теперь я должна спросить себя: это Хелия солгала тебе или ты солгала нам, чтобы устроить хитрую ловушку?

— Думаешь, я оставила бы Николу в их обществе, если бы на мгновение поверила...

— Конечно, ты бы это сделала. Никола, без сомнения, дала им много полезной информации. Им известна численность нашей пехоты, копейщиков и кавалерии. Они знают, какая магия у нас есть, наши сильные и слабые стороны. Все, что им нужно для победы в этой битве, было передано им из ее светлой головы.

— Она скорее умрет, чем предаст наше дело!

У Гемены перехватило дыхание от собственного заявления. Она отвела взгляд, ее голос понизился до шепота.

— Наверное, она уже мертва.

Тэсара кивнула одному из охранников. Он изменил свою позицию и приготовил клинок.

— Измена может быть встречена только одним наказанием, — сказала Тэсара. — Но я хочу, чтобы ты знала, прежде чем встретишься со своими богами, что я благодарна хотя бы за одно: за то, что ты отдала мне мою дочь.

Охранник взмахнул клинком.

Гемена выпалила пронзительное проклятие.

Свет ослепил Тэсару. Она услышала дикое ворчание, за которым последовал звук разрывающего плоть металла. Прежде чем Тэсара смогла видеть, Гемена схватила руку Королевы и скрутила ее за спину. Боль пронзила плечо Тэсары, и она почувствовала сталь на своем горле.

— Мама! — закричала Элиасара.

Зрение Тэсары прояснилось. Гвардейцы и дворяне застыли на своих местах. Савегр обнажил свой меч, а Уралес держал Элиасару, одной рукой обнимая девушку за плечи. Их взгляды были прикованы к королеве, застывшей с Геменой за спиной. Тэсара ощутила на своем горле теплую каплю и поняла, что это была кровь стражника у ее ног, убитого тем же клинком, который теперь угрожал ей.

Гемена зашипела у ее уха:

— Убей меня, и ты уничтожишь свою последнюю надежду.

Красное пламя вырвалось из руки Гемены к крыше палатки. Брезент свернулся в кольцо, окруженное дымом. Ветер и перья ударили Тэсару в лицо, мага-воительница изменила форму. Гемена вылетела в отверстие в облике орлицы. Страж послал за ней стрелы, но было слишком поздно. Крылатая фигура превратилась в маленькую черную тень на небе, а затем исчезла.

Тэсара подавилась вкусом пепла и серы, зловонием собственного ужаса. Моргнув от дыма, она посмотрела на дочь, а затем проследила за взволнованным взглядом Элиасары туда, где Ирэни все еще стояла на коленях со связанными руками и склоненной головой.

— Прикончи ее! — Тэсара сказала стоявшему охраннику:

— Нет! — Элиасара вырвалась из рук Уралеса и бросилась между Ирэни и стражником.

Тэсара бросилась отодвинуть Элиасару от ведьмы, но Савегр схватил ее за руку и слегка покачал головой.

— Почему ты не бежала, Ирэни? — спросила Элиасара, вставая на колени рядом с заключенной. — Почему ты осталась, когда она сбежала?

Печальная улыбка тронула губы Ирины.

— Моя госпожа, куда мне идти?

— Отойди от нее, Элиасара, — сказала Тэсара.

— Она нужна мне, мама. У меня должна быть мага-воительница, чтобы защитить меня, и она единственная, кто остался у нас.

— Она — предательница.

— Она не имела ничего общего с Горной Королевой! Она всегда была с нами, охраняла меня. Она — мой друг.

— Я узнала на горьком опыте, какой из маги друг.

— Если бы она была предательницей, она бы сбежала!

Тэсара посмотрел на охранников.

— Вы слышали мой приказ.

Элиасара кричала и брыкалась, когда ее убирали от Ирэни.

— Тэсара, — тихо сказал Савегр. — Подумай, прежде чем сделать это.

Разозлившись, Тэсара отпрянула от него.

— Что бы вы сказали в защиту этой женщины? Даже если бы она была невиновна, у нас нет возможности контролировать такое существо. Никакой защиты от ее планов.

— Уралес, — сказал Савегр своему советнику, — свяжи магию этой женщины и сделай так, чтобы она была помещена под надлежащую охрану в ожидании ее смерти.

— Я не давала разрешения взять на себя опеку над этой женщиной.

— Нет. Но в сердце ты знаешь, Тэсара, что мы должны сделать.

Мое сердце.

Что-то надломилось в ее решимости.

Что ты знаешь о моем сердце?

Тэсара моргнула и отвернулась.

— Делайте, как он прикажет, — сказала она.

Уралес схватил Ирэни, которая без протеста ушла в окружении галийской стражи.

Элиасара последовала за ними.

— Оставьте меня, — сказала Тэсара остальным. — Вы все. Я хотел бы поговорить наедине с принцем Савегром.

Ее слуги удалились в тревожном молчании.

Тэсара направилась к лучу света под дырой, оставленной Геменой. Она закрыла глаза и подняла лицо к солнцу.

Приближение Савегра было скорее ощутимо, чем услышано, волна тепла, вырвавшаяся из теней и охватившая все вокруг,

— Думаешь, Ирэни невиновна? — спросила она.

— Думаю, ее смерть, если бы ты совершила ее в этот момент, преследовала бы тебя всю оставшуюся жизнь. И тебе было бы наплевать на длительную обиду твоей дочери.

— Будет следствие и суд. Я еще могу решить казнить ее.

— Это твое право и твоя обязанность. Но исполнение должно быть преднамеренным действием с соблюдением надлежащей правовой процедуры. Не убийством, совершенным в пылу.

Он обнял ее сзади. Она отклонилась к нему, думая, что этот момент целостности стоил всех жертв и неуверенности последних недель.

— Я должна отослать мою дочь подальше от этого места.

— Селкинсен должен быть достаточной безопасен, пока идет война, — ответил Савегр.

— Даже там на нее могут охотиться маги. Ирэни должна оставаться под стражей, и у меня нет никого, кто бы...

— Я назначу для присмотра за ней часть моей охраны, мужчин и женщин, хорошо обученных магии.

Облегчение захлестнуло Тэсару.

— Спасибо, Савегр.

Галийский принц прижался губами к виску Тэсары. Он пробормотал ее имя с нежностью, которая оживила боль в ее сердце.

— Почему ты не вернулся? — вопрос был ниже ее, но она больше не могла держать его в себе.

— После смерти твоего дяди ходили слухи о колдовстве. Тебе бы не пошло на пользу, если бы они обнаружили в твоей постели галийского волшебника.

Звуки лагеря стали приглушенными. В его словах было легкое эхо, будто они отскакивали от какой-то невидимой преграды.

— Это было оно? — прошептала она, боясь ответа. — Колдовство?

Савегр развернул Тэсару и положил руки ей на плечи.

— Ослабленный мост убил твоего дядю. Реку наполнили сильные дожди. Смерть приходит ко всем нам, Тэсара. Мои предки давно усвоили, что заклинания не могут исполнить окончательную волю богов.

— И все же между ними было волшебство в ночь перед его смертью.

— Да, моя любимая королева, — Савегр склонился, чтобы поцеловать ее. — Но это была не та магия, которая порождает смерть.

Она притянула его ближе, вдыхая его аромат огня, земли и соли. Он ответил с жаром, губы оставляли дорожку из искр на ее шее. Его мужское достоинство уперлось в ее живот. Влажный жар залил ее чресла. То, что ее скромные объятия могли воспламенить такую силу, казалось чудом.

— Приходи ко мне сегодня вечером, — пробормотала она.

— Нет.

Она прекратила свои поцелуи.

— Почему?

— Это не место для нашей любви.

— Если не здесь и сейчас, то когда?

— Я не знаю, — на его лице отразилась меланхолия, тревожное выражение, выходящее далеко за рамки этих слов и этого момента.

Он отступил, слившись с тенями, окружавшими ее круг света.

— Сойди с этого пути, Тэсара.

Она моргнула в замешательстве.

— Я не понимаю.

— Откажись от этой кампании, пока не стало слишком поздно.

— После того, как я завела свой народ так далеко, после того, как завоевала Селкинсен?

Я должна просто сдаться и вернуться домой?

— Это было бы лучше для тебя и для всего твоего народа.

— Лучше для нас? Почему?

Он не ответил.

Тэсара вышла из луча света, дав глазам привыкнуть, чтобы лучше прочесть его черты. То, что она увидела, оставило у нее комок в животе.

— Ты считаешь, что завтра мы не сможем победить.

— Победа или поражение не имеет значения. Война — не твое место.

— И все же это моя судьба.

— Не твоя судьба. Только не эта война.

— У меня нет выбора, кроме как стоять и сражаться! Если бы я призвала к отступлению, Королева-Ведьма преследовала бы нас всю дорогу до самой границы. Потери будут катастрофическими. Если я не выиграю завтра и послезавтра, и позже, если я не проведу эту кампанию к воротам Королевского города и не разрушу эти стены раз и навсегда, Эолин и ее внебрачный сын будут охотиться на мою дочь до ее смерти.

— Ты не можешь быть в этом уверена.

— Да, могу, — с жаром сказала она. — Это путь принцев и королей, и женщин, которые их соблазняют.

— Ты соблазнила принца, Тэсара. Это и твой путь?

Тэсара подняла руку, чтобы ударить его, затем сжала кулак и уронила его. Она дрожала от ярости и унижения.

— У меня нет ничего общего с этой шлюхой. Как ты смеешь предполагать обратное?

Он медленно выдохнул и отступил на несколько шагов, одной рукой потирал лоб.

— Прости, я не хотел обидеть.

Тэсара сглотнула, но у нее пересохло в горле. Паника охватила ее сердце и дух.

— Ты намерены отказаться от поддержки? Об этом идет речь? Твои советники говорят тебе, что у нас нет надежды противостоять объединенным силам Мойсехена и Горной Королевы?

Он слишком долго обдумывал свои слова.

— Ответь мне, Савегр.

По его плечам пробежала дрожь, словно он избавлялся от какой-то страшной ноши. Галийский принц повернулся, чтобы встретиться взглядом с Тэсарой. Он подошел и взял ее ледяные руки в свои.

— Возлюбленная Тэсара, — сказал он, — клянусь богами моих предков, что бы ни случилось завтра, ты и твоя дочь будете под моей защитой. Всегда.

Это не должно было казаться таким слабым обещанием, и все же Тэсара почувствовала тень, нависшую над его словами.

— Что происходит? — прошептала она.

Савегр положил руку ей на щеку и прижался губами к ее лбу.

— Судьба, — сказал он, — Судьба и война.

Глава пятидесятая

Пророчество

Звезды висели на небе, слабое дыхание Дракона освещало ночь. Слабый и освежающий ветерок шептал над высокой травой. Одинокий крик ночной цапли доносился с берегов Фурмы.

На дальнем конце долины холм пылал огнями неприятельского лагеря. Зрелище было странно теплым и манящим, как будто Эолин и ее спутники достигли конца долгого и утомительного пути, как будто Рёнфин звала их домой.

«Трижды я стояла на пороге битвы, — подумала Эолин, — и всегда так было».

Тихо. Успокаивающая мелодия, предшествовавшая ужасу.

Пламя вырвалось из сердца священного круга, созданного магом Кори. Воздух наполняли ароматы можжевельника, розмарина и зимнего шалфея. Офицеры и советники собрались рядом, среди них были Хелия и ее люди. Дух Короля-мага был рядом с Эолин, его прикосновение покалывало ее ладонь, его решительная сила подпитывала ее, Кел'Бару гудел у нее на бедре, довольный мечтами о давно минувших битвах, ожидая грядущего кровопролития. Щупальца магии падали с лезвия, извиваясь за круг к лагерю Рёнфин.

Следуя традициям своего народа, Кори наблюдал за священными церемониями, которые со времен Кэдмона отмечали канун битвы. Он преклонял колени перед каждым воином и красил их руки и ноги красками, приготовленными из ночных ягод и корня синего ириса, — символы, предназначенные для защиты от врагов в этом мире и за его пределами. Когда он покончил со всеми остальными, он опустил на колени перед Эолин, Верховной Магой и Королевой Мойсехена.

Мага отдала дань уважения востоку, югу, западу и северу, взывая к памяти своих предков. Затем она подняла юбку, и маг Кори положил теплые руки на ее босые ноги. Пробормотав собственный призыв к богам, он начал быстрые, привычные движения кистью. Их магия смешалась, духи текли навстречу друг другу, что характеризовало их отношения с самого начала; пугающее ощущение, которое вызвало смесь осторожности и любопытства в сердце Эолин.

«Вот и мы: он — сирота Восточной Селен, а я — последняя дочь мага. Какой странный замысел судьбы питает этот союз?».

— Эолин, — резкий зов Хелии вырвал Эолин из задумчивости.

Кори прервал свою работу и поднял взгляд.

Металл зазвенел в ножнах, Горная Королева обнажила свой меч. Она кивнула в сторону места за кругом, где на земле собирался туман.

— Это следует за нитями магии Кел'Бару, — поняла Эолин.

Зашипели мечи, высвобождаемые из ножен. Кори поднялся и наложил на Эолин дополнительную защиту.

— Бросай свое оружие, — сказал он.

— Нет!

— Это галийский меч, — гнев наполнил голос Кори, когда он указал на туман. — А это галийская магия.

Туман распространился по краю их священного круга, вздымаясь вверх, словно проверяя

целостность барьера.

Фэом думэ!

Хрустальный набалдашник посоха Кори грозно засиял.

Эолин положила руку на рукоять меча, очарованная глубоким спокойствием, которое она чувствовала в лезвии. Кел'Бару лежал неподвижно, как лес в холодную зимнюю ночь. Под этой тишиной она чувствовала предвкушение, наряду с другой эмоцией, которую она изо всех сил пыталась определить...

Удивление.

Туман рассеялся, открыв высокого худощавого человека в темной мантии и с костяным посохом. На одно поразительное мгновение Эолин показалось, что она смотрит на Церемонда.

Взгляд старого волшебника скользнул по ее роте к Королеве. Он низко поклонился, его движения были напряженными.

— Эолин, королева и Высшая мага Мойсехена. Я Уралес, Верховный Волшебник Галии. Я пришел отдать дань уважения тебе и оружию, которым ты владеешь.

Эолин поймала косой взгляд Хелии. Горная воительница покачала головой.

— У тебя есть для нас сообщение, Уралес? — спросила Эолин. — Петиция от нашего врага?

— Покажи мне Меч Теней.

«Меч теней?».

Эолин догадалась, что он имел в виду Кел'Бару, хотя она никогда не слышала, чтобы это имя использовалось в отношении ее оружия. Она сжала рукоять, проникая глубоко в дух меча в поисках любого предупреждения, которое он мог дать. Ничего не почувствовав, она вытащила оружие из ножен и направила лезвие на Уралеса. Собрав в себя лунный свет, Кел'Бару приобрел потустороннее сияние.

Уралес судорожно вздохнул и опустился на колени с влажными от усердия глазами. Он указал костлявым пальцем на небеса.

— Посмотри, как это написано в звездах. Странники выровнялись. Эйтна, Карадок, Драгон, Кедмон и Лития рядом с ним. Они стоят как один над нами в эту ночь, чтобы посмотреть на женщину, владеющую этим клинком. Так было предсказано. Так и случилось. Ты, Эолин из Мойсехена, положишь конец Тысячелетней войне.

Эолин нахмурилась.

— Что это за загадки?

— Никаких загадок. Трем армиям Дракона в этом месте, под этими звездами суждено покончить с горем, которое Гром навлек на всех нас.

Уралес с трудом поднялся, опираясь на посох. Он махнул на поле боя, Эолин увидела долину, окутанную странным сероватым светом. Армии корчились в танце смерти, иллюзии грядущей борьбы.

— Когда Мойсехен и Горные Воины пойдут в атаку, — сказал Уралес, — Галия нападет на Рёнфин с флангов. Их солдаты окажутся в ловушке. Никто не будет пощажен.

Эолин моргнула, ошеломленная:

— Вы собираетесь предать своих союзников?

— Не союзников. Нашего тысячелетнего врага, обреченного на эту судьбу по воле богов.

Ярость и негодование вскипели в крови Эолин.

— Если Галия хотела воевать с Рёнфином, вы могли бы сделать это, не принося

конфликт на нашу территорию.

— Нет, — он ударил посохом о землю. — Написано так: «Три армии Дракона, пять странников и женщина, владеющая Мечом Теней. Это путь, по которому мы шли. Путь открылся нам. Здесь, под этими знаками, все конфликты закончатся».

— На бойне?

Уралес стиснул зубы.

— Я пришел не для того, чтобы защищать волю богов, а только для того, чтобы передать ее.

— Пророчества бессмысленны для нашего народа, — сказала Эолин. — У нас нет причин доверять вам.

— Доверие не имеет значения. Действие раскроет правду.

— Вы разрушили стены Селкинсена галийской магией и теперь ожидаете, что мы поверим...

Уралес не соизволил принять ее вызов. Туман окутал его, и он исчез.

Какое-то время никто не говорил.

— Ну... — фыркнула Горная Королева. — Вы все знаете, что я думаю о доверии к волшебнику.

— Это ничего не меняет, — согласилась Эолин. — Кроме того, чтобы заставить нас быть более осторожными в отношении того, что они запланировали на завтра. Хелия, лорд Херенсен, созовите наших офицеров и сообщите им о том, что произошло. Мы должны предвидеть любую ловушку, которую галийцы намереваются расставить с помощью этой уловки. Я скоро присоединюсь к вам, как только мы с магом Кори закончим нашу просьбу к богам.

Хелия и Херенсен ушли вместе с другими сопровождающими.

Эолин положила клинок Кел'Бару на рукав и внимательно слушала его песню, упрямо спокойную, несмотря на эти странные события.

— Что думаешь об этом человеке и его словах? — спросила она у Кори.

Маг покачал головой.

— Я могу сказать лишь немного больше того, что ты сама видела. Уралес кажется частью того же поколения, которое породило Церемонда и Бэдона. Ревностные волшебники, все они. Убежденные, что они поняли и служили воле богов.

— В его словах нет смысла. Как они могли поддержать завоевание Селкинсена, а затем ожидать, что мы поверим, что они намерены сражаться на нашей стороне?

— Человек, убежденный, что он — инструмент богов, может допустить множество противоречий. Селкинсен не был полностью разрушен; возможно, галийцы сыграли в этом какую-то роль. И хотя они разрушили наружные стены, по общему мнению, они не принимали участия в грабеже незащищенных кварталов.

— Это не убирает вину Галии в том, что произошло.

— Не в наших глазах, но такой человек, как Уралес, смотрит на такие жертвы с другой точки зрения.

— Думаешь, он может говорить нам правду?

— Я думаю, ты поступила мудро, рассмотрев все возможности.

Кел'Бару гудел в ее хватке.

— Что я должна сделать? — спросила Эолин.

Вот тяжкое бремя короля: сотни, а то и тысячи жизней на ее ладони. К оружию, к битве,

к порталам Преисподней.

Эолин посмотрела на спутника.

— Маг Кори, согласно традициям нашего народа, я должна в это время передать тебе свой клинок и попросить тебя передать его богам, я надеюсь, что ты не обидишься, если я сама захочу призвать их благословение.

Маг поклонился и отошел в сторону, предлагая ей свое место перед огнем.

— Спасибо. Можешь присоединиться к Хелии и остальным. Я уверена, что им понадобятся твои идеи.

Кори приподнял бровь.

— Если вы думаете, моя Королева, что я оставлю вас одну в эту ночь, когда галийские волшебники бродят по этим холмам, то вы сильно ошибаетесь.

Это заявление заставило ее улыбнуться.

— Моя стража все еще здесь, — Эолин кивнула, прошла к центру круга и встала на колени перед пламенем. Трава под ее коленями была прохладной; тепло от огня омыло ее лицо. Она предложила Кел'Бару небесам, а затем, положив меч себе на колени, начала заклинание:

Эхекат, Эхекату

Нэом ахме

Фэом денэ

Нэом думэ...

Она повторяла ритм снова и снова, молясь о защите, мудрости и спокойствии перед лицом смерти. Напев увлек Эолин глубоко в себя. Под его успокаивающим потоком она размышляла над животрепещущим вопросом своего сердца.

Кто мой враг?

Перед ее мысленным взором всплыли лица прошлого. Церемонд и Дуайен Гемена. Кедехен и Бриана, Кайе и Эрнан, Тамир и Ришона. Дростан убит на перевале Эрунден. Мехнес сгорел на полях Римсавена. Адиана попала в рабство. Элиасара против своего брата.

Кто наш враг?

Волна маг восстает против своего Короля. Клан Восточной Селен уничтожен за одну ночь. Сожжение матери Эолин, разрушение Берлингена.

Кел'Бару подхватил ее песню, вплетая в мелодию собственную память о выигранных битвах и забытом насилии, о непрекращающейся борьбе, уходящей корнями в истоки времени, к Народу Грома, восставшему с неумолимой яростью против последователей Дракон.

Кто наш враг?

В голосе галийского клинка Эолин, наконец, нашла ответ, который искала.

Война — наш враг, — прошептал Кел'Бару. — Война — враг для всех нас.

Глава пятьдесят первая

Гость

Тэсара очнулась от сна, когда рука зажала ей рот. Во второй раз за день она почувствовала холодный поцелуй стали у своего горла. Ночь была темна, ее палатка тиха, как смерть. Не в силах вырваться, она лежала, обездвиженная страхом, пытаясь разглядеть лицо в нависшей над ней тени.

Нэом энли

Свеча рядом с кроватью Тэсары вспыхнула и осветила нападавшего. Она снова вскрикнула, ее голос был заглушен ведьминой хваткой. Тэсара попыталась вырваться, но с ужасом осознала, что ее конечности стали тяжелыми, как свинец.

«Меня отравили?».

Нож впился в ее кожу.

— Никто тебя не услышит, — ведьма говорила со смертоносным спокойствием.

Сердце Тэсары колотилось в груди. Армия Мойсехена захватила их лагерь ночью, напав на них во сне, как воры без чести? Она вытянула шею, чтобы посмотреть, где спит ее дочь, и с бесконечным облегчением вспомнили, что Элиасара была отправлена обратно в Селкинсен ранее в тот же день.

— Никто не знает, что я здесь, — пробормотала Эолин, Королева-Ведьма Мойсехена. —

Твои солдаты спят. Наша битва еще не началась.

Напряжение покинуло мышцы Тэсара. Тяжесть свалилась с ее тела, и к ее конечностям вернулась чувствительность.

— Я пришла не убивать тебя, Тэсара из Рёнфина, — продолжила женщина. — Я просто хочу поговорить с тобой вдали от других.

Тэсара поежилась от этой странной просьбы. Королева-Ведьма была не такой, какой она ее помнила. У нее был маленький рост, на ней была простая льняная рубашка, а на шее не было ни драгоценных камней, ни символов власти. Растрепанные волосы свободно ниспадали на плечи. Лицо казалось старше; так оно и было, хотя считалось, что ведьмы не стареют.

— Всю нашу жизнь мы были во власти их игр власти, — Эолин кивнула в сторону лагеря снаружи. — Теперь мы с тобой стоим во главе этих армий мужчин. Я подумала, что, возможно, мы могли бы попытаться представить мир по-другому. Ты выслушаешь меня, Тэсара из Рёнфина? Если нет, просто покачай головой. Я уйду быстро, как стрела, и мы уладим наши разногласия так, как они всегда разрешались со времен Кэдмона и Вортингена: на поле битвы, в крови.

Тэсара изучала своего противника, пытаясь понять, какой обман скрывается за этими словами, но все, что она смогла прочесть, это спокойную решимость, абсолютное доверие в этот момент.

«Если бы она хотела моей смерти, она бы уже убила меня».

Она слегка кивнула.

Ведьма убрала руки.

Тэсара села, потирая то место, где лезвие задело ее горло.

— Чего ты хочешь?

— Мира. Конца войны. Соглашение, которое разрешает этот конфликт раз и навсегда.

— Ты ожидаешь, что я сдамся?

— Нет. Не сдашься. Диалог. Договор, который удовлетворяет нас обеих.

— Почему? — потребовала Тэсара. — По общему мнению, наши силы равны. Почему ты умоляешь меня отказаться от этой битвы?

— Я не умоляю. Если ты откажешься, я встречу тебя на рассвете со всеми силами, которые есть в моем распоряжении. Я выиграю эту войну, Тэсара. Ничто не остановит меня, пока я этого не сделаю. Ничто, кроме того факта, что мы все побеждены в войне, независимо от того, одержим мы победу или нет.

«Добрая Мать могла бы сказать то же самое».

Тэсара в гневе отбросила эту мысль.

— Каким колдовством ты говоришь со мной сегодня вечером? — сказала она. — Ты вторглась в мои мысли и пытаешься настроить их против меня, но ваши заклинания — напрасны. Я сражаюсь за свою дочь и будущее ее народа. Ты не можешь ослабить мою решимость.

Эолин прикусила губу, это было таким знакомым, что Тэсаре захотелось дать по ней пощечину, чтобы убрать выражение с лица ведьмы.

— Мне жаль, — тихо сказала ведьма. — Прости за все страдания, которые причинил тебе мой путь. Я... я хочу, чтобы ты знала это. Я любила Акмаэля. И все.

— Как ты смеешь! Ты всего лишь простолюдинка и шлюха, и ты не имеешь права...

— Почему такая простая вещь, как любовь, должна стоить так много крови? —

отчаяние овладело голосом ведьмы. Ее мольба была брошена за пределы Тэсары, крик, обращенный к самим богам. — Почему любовь должна требовать тысячи жизней?

Тэсара не могла придумать, что ответить на это. Она долго изучала свою соперницу, позволив своему сердцу ожесточиться от воспоминаний обо всей боли и унижении, причиненных этой безжалостной женщиной.

— Оставь меня, — прорычала она. — Немедленно убирайся отсюда, или я вызову мою охрану, и завтра утром твоя голова будет доставлена твоим жалким союзникам.

Эолин отвернулась. Тень опустилась на ее лоб.

— Как пожелаешь, Тэсара из Рёнфина. Завтра мы омоем руки в крови. Да простят нас всех боги.

Свет вспыхнул сквозь магу, и в водовороте теней и перьев она исчезла, существо воображения пропало в ночи.

Сердце колотилось в груди, Тэсара сжалась под одеялом, уже задаваясь вопросом, было ли это странное видение чем-то большим, чем сном.

Глава пятьдесят вторая

Четыре армии

Эолин страдала под кирасой, пока ее помощники затягивали пряжки и убирали кожаные ремни. Подаренный ей Акмаэлем, нагрудник был прекрасным произведением

искусства, на его полированном металле были выгравированы изображения Дракона. Броня подошла хорошо, большая часть веса приходилась на бедра Эолин, а внутренняя часть была мягкой, чтобы вместить ее грудь. Но она надевала его только в самых редких случаях, в основном в церемониальных целях.

К концу дня полированный металл будет забрызган кровью. Магия Эолин будет израсходована, а ее желудок будет сжиматься от сил разрушения, направленных через ее тело. В глубине души она верила, что будет жить, хотя и изменится безвозвратно, еще одна часть ее духа будет отколота и доставлена в Подземный мир.

Возле палатки Эолин Хелия, Херенсен и другие ждали под развевающимися знаменами, которые придавали цвет бледному рассвету. Все встали на колени, Маг Кори благословил их ароматным дымом зимнего шалфея. Он снова призвал богов на защиту. Эолин почувствовала знакомое движение в своем сердце, и рядом с ней материализовался дух Акмаэля.

Я буду с тобой, — прошептал он. — *Не бойся.*

Пение Кори подошло к концу. Командиры Эолин поднялись, мрачные и спокойные в своей решимости. Они обменялись сердечными объятиями, прежде чем сесть на лошадей и выехать навстречу Тэсару из Рёнфина.

Четыре армии заняли свои позиции на поле боя. Эолин насчитала шесть рот пехоты под командованием Тэсары.

Флаги Рёнфина развевались над солдатами в центре, а Галия держала фланги. За ними ждали две роты всадников, вдоль холмов выстроились лучники. Эолин не могла сказать, сколько солдат было спрятано в деревьях, тем более за холмом.

— Они искушают нас вбить клин в центр, — голос Хелии был полон энтузиазма. — Мы примем их вызов, но не кавалерией. Атакуем сначала с лучниками. Затем отправим пехотинцев к центру, среди них будут воины-маги и оборотни. Отряд лошадей поедет на юг и еще один на север, чтобы держать под присмотром этих галийских негодяев. Остальных мы оставим в резерве, включая твою стражу, Эолин. Будь готовы взимать плату везде, где их линия порвется первой. Это обещает быть хорошей битвой. Действительно, очень хорошей битвой.

Плотный строй лошадей венчал противоположную сторону. На главном знамени был изображен старый герб Вортингена — серебряный дракон на фоне пурпурной ночи. Цвета Рёнфина и Галии летели сразу за ними. Среди толпы охранников и офицеров Эолин заметила Тэсару, с царственной осанкой, в небесно-голубом платье. Ее золотые волосы были заплетены в элегантную косу, и она, как и Эолин, носила кирасу, которая сияла под восходящим солнцем.

Кивнув своей страже, Эолин из Мойсехена поскакала вперед, чтобы встретить своего противника. Обе стороны остановились на разумном расстоянии друг от друга. Рядом с Тэсарой Эолин заметила красивого темнокожего мужчину. Его осанка и одежда выдавали его как принца Галии. Как ни странно, он напомнил Эолин Акмаэля каменным выражением лица и насыщенными цветами ауры. Позади него с ревностным блеском ястребиных глаз наблюдал волшебник Уралес.

Взгляд Эолин остановился на Тэсару, которая, в свою очередь, смотрела на нее с опаской.

— Тэсара из Рёнфина, — сказала Эолин. — Вы слышали мое предложение. Мне больше нечего сказать.

Это вызвало обмен недоуменными взглядами между офицерами и советниками с обеих

сторон. Глаза Тэсары расширились, а ноздри раздулись. Затем ее взгляд оторвался от Эолин и сосредоточился внутри. Через мгновение она подняла подбородок.

— От имени моей дочери, Элиасары, принцессы Мойсехена, наследницы престола Вуртингена, я прикажи тебе и всему твоему войску...

Тэсара остановилась и посмотрела мимо Эолин, изучая отряды, выстроившиеся позади нее: тысячи мужчин и женщин, готовые умереть за двоих детей.

Светлые брови Тэсары сдвинулись.

— Я приказываю вам... — она запнулась и закусил губу.

Затем от одного момента к другому выражение ее лица расслабилось. Она улыбнулась, словно вспомнив какую-то личную шутку. Наклонившись, Тэсара похлопала лошадь по шее и спешила.

— Моя Королева! — закричали ее солдаты.

В одно мгновение галийский принц соскочил со своего коня и оказался рядом с Тэсарой, направив меч на роту Мойсехена.

— Тэсара, — сказал он, — что ты делаешь?

Она ничего не ответила, но стояла рядом со своей лошадью, глядя мягкую шею коня, пока тот не заржал радостно. Тэсара посмотрела на Эолин.

— Пройдемся, — сказала она.

Вопреки протесту собственной охраны Эолин спешила.

Хелия спрыгнула с лошади и схватила Эолин за руку.

— Не будь дурой.

Эолин посмотрела на Тэсару.

— Мы пойдем одни, только ты и я?

Тэсара кивнула и отдала своей роте приказ оставаться позади.

— Все, что для нужно, чтобы убить тебя, — это один лучник из той рощицы, — Хелия кивнула в сторону холма.

— Все будет хорошо, — Эолин твердо положила руку на плечо Хелии. — Мы с ней хотим поговорить, Хелия. Вот и все. Нам нужно поговорить, подальше от всех этих мужчин.

Упрек Хелии отразился в сжатой челюсти и гневном румянце на щеках.

— Это другие обстоятельства, Эолин.

— Нет... Нет, совсем не по-другому. Доверься мне, Хелия. Я знаю, что делаю.

Эолин отошла, чтобы встретиться с Тэсарой, женщина к женщине, глаза в глаза. Соперничающие королевы внимательно смотрели друг на друга, прежде чем повернуться к реке.

Когда они отошли достаточно далеко, чтобы быть вне пределов слышимости, Тэсара сказала:

— Расскажи мне о своем предложении, Эолин из Мойсехена.

Сердце Эолин ёкнуло. Следующие несколько мгновений решат их судьбу. Война или мир теперь превратились в горстку слов.

«Пожалуйста, Боги, позвольте мне выбрать их хорошо».

— Оба наших королевства вернутся в прежнее состояние, — начала она. — Селкинсен должен быть возвращен в Мойсехен. Мы потребуем дань, чтобы восстановить внешнюю стену и компенсировать жизни и имущество, потерянные при ее падении.

Тэсара покачала головой.

— Селкинсен был завоеван нашей кровью, людьми под командованием моего дяди. Мы

не можем просто вернуть его.

— Я знаю. В рамках сделки я готова рассмотреть вопрос о возвращении Нью-Линфельна Королевству Рёнфин.

— Нью-Линфельн? — удивление промелькнуло на лице Тэсары.

— Порт был частью твоего приданого, — Эолин заговорила быстро, надеясь донести предложение до того, как Тэсара начнет сомневаться. — Акмаэль, мой король, должен был вернуть его, когда он расторг брачный контракт. Однако поймите, что мы должны достичь приемлемого и обязывающего соглашения о портовых тарифах, прежде чем тот город или любая из его территорий будут возвращены вам.

— А моя дочь?

— Элиасара остается с тобой в Рёнфине. На нее не будет обиды, и не будет возмездия за ее участие в этой войне. Однако она должна отказаться от всех претензий на трон Мойсехена для нее и всех ее потомков. Не может быть сомнений в законных и исключительных правах моего сына на корону Вортингена, — Эолин сделала паузу, прежде чем добавить. — Это не подлежит обсуждению. Однако взамен мы с Эоганом дадим клятву защищать ваши права и права вашей дочери на трон Рёнфина. Если вы столкнетесь с какой-либо угрозой вашему правлению, внутренней или внешней, Мойсехен придет к вам на помощь.

Тэсара кивнула и продолжила прогулку.

Эолин шла рядом с ней, разглядывая лицо женщины, но не в силах понять, будет ли то, что она предложила, достаточно ценным, чтобы предотвратить эту войну.

Впереди Фурма кружила на извилистом пути к морю. Вода приобретала более глубокий оттенок синего, пока солнце поднималось на востоке.

— Как я могу доверять тебе, Эолин из Мойсехена? — спросила Тэсара. — Откуда мне знать, что вы и ваш сын будете соблюдать эти соглашения?

— Я могу только дать слово и попросить предоставить мне возможность доказать, что я достойна вашего доверия.

Эолин чувствовала взгляды четырех королевств у себя за спиной. Напряжение охватило ее сердце и спустилось к низу живота. Ее кожа внутри доспехов чесалась. Она не хотела возвращаться к убийствам, к тошнотворному звуку металла, раздирающего плоть, к смраду крови, наполняющему ноздри.

Молчание Тэсары стало долгим и неловким.

Не выдержав неопределенности, Эолин решила разыграть последнюю карту.

— Я также готова рассмотреть в качестве гарантии нашего соглашения брачный контракт между Эоганом и Элиасарой.

Тэсару пронзил толчок. Она остановилась и устремила свой ясный голубой взгляд на Эолин.

— Моя дочь с вашим сыном?

— Брак воссоединит линию Вортингена, — Эолин подавила все инстинкты, предостерегающие от этого союза. Это был путь знати, не так ли? Они скрепляли свои договоры браком. — Больше не было бы вопросов, конфликтов для следующего поколения наследников. Когда Эоган и Элиасара вырастут, наши королевства станут единым целым.

Тэсара нахмурилась и посмотрела на восток вдоль реки. Движение ее ауры показало, что Элиасару недавно отослали, и что Тэсара жаждала присутствия девушки больше, чем самой жизни.

— Мой дядя был бы очень доволен этим предложением, — сказала Тэсара с горьким весельем.

— Брачный контракт не является обязательным условием. Я упомянула его только потому...

— Потому что ты ожидала, что я буду думать, как Силус Пенамор? — тонкая улыбка подорвала вызов в голосе Тэсары. — Полагаю, что это справедливо. Я ожидала, что ты будешь думать как Король-Маг.

Эолин отвела взгляд, не зная, как интерпретировать этот ответ.

— Прошлой ночью, — продолжила Тэсара, — ты попросила меня представить мир иначе, чем люди, которые были у власти до нас. Я решил принять твой вызов, Эолин из Мойсехена. По этой причине Элиасара не будет выдана замуж ни за принца-мага, ни за кого-либо еще. Когда придет время, она сама выберет себе супруга, и этот мужчина, кем бы он ни был, никогда не наденет корону Рёнфина.

Эолин не могла не улыбнуться, потому что увидела в убеждении дух, похожий на ее собственный.

— Я думаю, Тэсара из Рёнфина, — сказала она, — что при других обстоятельствах мы с тобой могли бы быть друзьями.

— Друзья? — Тэсара изогнула бровь. — Нет, Эолин из Мойсехена. О дружбе нельзя просить ни при каких обстоятельствах. Однако мы могли бы стать союзниками. Это то, что я готова попробовать

Глава пятьдесят третья

Дар

Тэсара и Эолин попрощались друг с другом на берегу реки Фурма к югу от Селкинсена где воды были широкими и мелкими. Дневное тепло было испорчено холодным ветерком, первым тонким признаком того, что осень скоро окрасит пейзаж в оттенки ржавчины и золота.

Тэсара со смешанными чувствами наблюдала, как Эолин, ее бывший враг и непроверенный союзник, обнимает ее дочь Элиасару.

— Я хотела увидеть Бриану и Эогана, — глаза Элиасары были влажными от эмоций. — Я надеялась помириться с ними до того, как все это закончится.

Эолин коснулась щеки девушки.

— Мы с твоей матерью примирились за тебя.

— Это примирение — мое изгнание.

— Ты не изгнана, Элиасара. Ты свободна. Принцесса Рёнфина, наследница прекрасного королевства. В настоящий момент твой долг призывает тебя домой служить своей матери и своему народу, но мы всегда будем рады тебе. Как вы с Эоганом брат и сестра, так и Рёнфин с Мойсехеном. Мы теперь одна семья. Мы не будем разделены.

— Но я хотела их увидеть.

— Увидишь, — Эолин поцеловала ее в лоб. — Возможно, раньше, чем ты думаешь. Я предложила твоей матери отмечать наш договор новым праздником каждое лето здесь, на границе между нашими королевствами. Она поддается этой идее. А ты?

Улыбка осветила лицо Элиасары. Она сняла подаренное ей Савегром ожерелье с серебряным драконом, подвешенным на пурпурной ленте, и вложила его в руки Эолин.

— Это для моей сестры Брианы. Боюсь, мне нечего дать моему брату, кроме моей любви и моих желаний счастливого и процветающего будущего.

— Эти слова принесут в его сердце больше радости, чем любой подарок этого мира, —

сказала Эолин.

Элиасара обвила руками шею маги и поцеловала в щеку. Затем она вернулась к Тэсаре и взяла ее за руку.

— Я готова, — сказала она.

Обстоятельно поговорив в последние дни, Тэсара и Эолин больше не обменивались словами, но обнялись, выражая общую цель. Их переговоры оказались длительными, и вопрос о портовых тарифах в Нью-Линфельне еще не был решен. Тем не менее, обе женщины были уверены, что решение может быть найдено, и были готовы доверить выполнение задачи своим посланцам.

Тэсара села на коня и направила его через реку. Воды, которые две недели назад были мутными и высокими, теперь текли кристальными струями по гладким скалам. Когда Тэсара достигла противоположного берега, она еще раз взглянула на восток.

Королева Эолин приветственно подняла руку.

Тэсара ответила тем же. Затем она повернулась спиной к Мойсехену. Царство Королей-Магов отступило, унеся с собой все горе, которое она там познала.

Элиасара ехала рядом с ней, советники Тэсары следовали за ней. Савегр сопровождал их вместе со своей дочерью Ньеллой и небольшим отрядом галийских воинов.

Ирэни, после должного рассмотрения, была вновь назначена в охрану Элиасары. Глядя сейчас на Элиасару, Ньеллу и Ирэни, Тэсара поняла, какой ошибкой было бы казнить юную магу. Эти три молодые женщины формировали важные узы дружбы, одна из которых, как надеялась Тэсара, будет служить им еще долго после того, как она и все представители ее поколения войдут в загробную жизнь.

Большая часть армии Савегра была отправлена на юг вместе с Уралесом, к Нью-Линфельну, откуда они должны были вернуться в Галию на лодке через море Рабелы.

Это было предложение королевы Эолин — не позволять галийской армии дважды пересекать Рёнфин, чтобы избежать ненужного бремени для хрупких урожаев ее фермеров. Тэсара переживала, что Савегра оскорбит просьба. И все же он просил только, чтобы ему и его дочери разрешили сопровождать ее в пути домой. Он также очень щедро оставил три сундука с золотом Королеве-Маге в качестве оплаты дани за Селкинсен.

Им предшествовали вести о мире и победе. Крестьяне и дворяне вышли, чтобы заявить о своей верности и бросить полевые цветы на пути Тэсары. Она милостиво отвечала, задержав их продвижение, чтобы остановиться в деревнях и разделить радость своего народа.

Сбросив мрачную оболочку войны, ее воины начали обращать внимание на другие дела. Впереди напряженные месяцы. Поля будут убраны, овцы стрижены. Грядущие миграции потребуют долгих дней охоты на пух, перья, мех и мясо. К тому времени, как Тэсара добралась до Адельрода, половина армии рассеялась, рекруты и солдаты спешили вернуться домой и начать подготовку к зиме.

Тэсара доверила крепость заботам лорда Тобиаса и продолжила путь на запад со своими гостями — Савегром, их дочерьми и стражниками, которые их защищали. Прошло больше двух недель, когда они, наконец, добрались до лесов, обозначающих границу между Рёнфином и Галией.

Они разбили лагерь на поляне у опушки леса. Когда на небе появились звезды, Савегр и Тэсара сели рядом за ужином. Они ели жареное мясо и овощи, пили сладкое вино и беседовали так, как будто войны и всех ее атрибутов никогда не существовало. Тэсара открывала для себя новый вид близости с ним, которая не зависела от тайны или магии, но

процветала благодаря общим воспоминаниям и надеждам на будущее. У них было много общего, у нее и этого волшебника из Галии, Тэсара чувствовала себя благодарной за то, что считала его своим другом.

Утром перед отъездом Савегра Тэсара проснулась перед рассветом и обнаружила, что пол ее палатки покрыт туманом. Двигаясь, как во сне, она накинула плащ на ночную смену и вышла наружу.

Лагерь погрузился в потустороннюю тишину. Охранники лежали на земле и храпели, Костры угасли. Даже животные не шевелились. Из глубины леса валил густой туман, клубясь вокруг стволов деревьев и перекатываясь между палатками.

Тэсара заметила Савегра на опушке леса. Его широкая спина была повернута к ней, он созерцал лес. Вид его гордой фигуры под раскидистыми ветвями зажёг знакомую боль в её сердце. Словно почувствовав ее присутствие, принц обернулся. Усмешка расплылась на его лице, и он протянул руку в приглашении.

Они долго шли молча, очарованные величиим этого покрытого мхом мира. Крошечные всплески цвета украсили палитру темно-зеленого и темно-коричневого цветов. На камнях и старых стволах расцвели пурпурные, желтые и розовые цветы. Птица тихо порхала среди ветвей, а затем исчезла. Вдалеке шумели белки.

Савегр повел Тэсару вверх по местности, покрытой древними деревьями и большими валунами. Неподалеку журчал и смеялся ручей, спотыкаясь о камни на своем пути вниз. Временами земля была скользкой, но Савегр не позволял Тэсаре упасть.

Они подошли к месту, где лес переходил в широкую рощу. Солнечный свет пробивался сквозь окутанные туманом деревья, Водопад спускался в широкий кристальный бассейн. Безмянное желание тронуло дух Тэсары, и слезы защипали ее глаза.

— Моя королева довольна, — Савегр тепло посмотрел на нее.

— Да. Это место — сокровище превыше всех сокровищ. Спасибо, что поделился со мной.

— Я не делюсь, — сказал он. — Я даю. Я даю это тебе.

Тэсара удивленно моргнула.

— Я не понимаю.

— Эта лесистая местность, к северу от гор Сурмаэг, к югу от Рабельнского моря и к западу от реки Эрбель, будет принадлежать Рёнфину.

— Почему?

— Возмездие.

— Вы не должны нам ничего. Во всяком случае, расходы на то, чтобы переправить вашу армию через Рёнфин в Мойсехен без...

— Почему ваша первая реакция на каждый подарок — отказ?

Его поза и насмешливое выражение лица напомнили Тэсаре их первую встречу. Она позволила себе улыбнуться. Смех пузырился в ее душе и сорвался с ее губ. Тэсара не могла припомнить, чтобы когда-либо смеялась так, будто она была юной девушкой, свободной от всех забот, невинной перед предстоящим трудным будущим. Ее ребра заболели, и она нашла дерево, чтобы прислониться.

Савегр подошел ближе и поднес пальцы к ее губам.

— У лугов и болот Рёнфина есть своя магия, — сказал он. — Ты понимаешь это, Тэсара. Я верю, что ты всегда чувствовала это в своем сердце, даже когда не называла это волшебством. Эта связь между вашим духом и вашей землей может сделать Рёнфин великим

королевством. Но без леса Рёнфин всегда будет неполным. И я даю вам это, чтобы вы могли черпать силы из этого места. Все, о чем я прошу, это заботиться об этом лесе, как о собственной дочери. Если этот лес пострадает под управлением Рёнфина, Галия вернет его себе.

Тэсара покачала головой, у нее закружилась голова от заявления Савегра, от напряженности его присутствия, от аромата цветов и мха, который наполнил ее чувства.

— Это уже слишком, — прошептала она, вдруг постеснявшись встретиться с ним взглядом. — Я не могу принять такой подарок.

— Прими, — он взял ее за подбородок и перевел ее взгляд в свои глаза. — Прими этот дар, Тэсара, Драгоценность Рёнфина.

Губы Савегра встретились с ее губами, раздувая огонь их страсти. Тэсара обвила руками его шею, наслаждаясь его объятиями. Он снял свой плащ и положил его на ложе из папоротника; она ослабила шнурки сорочки и позволила ей соскользнуть с плеч. Они встретились как один и опустились на землю, занимаясь любовью среди испещренных солнцем трав.

Ритм водопада переплелся с их интимным танцем. Тэсара почувствовала, как дух леса обнял ее и вошел в нее, доводя до такого экстаза, о котором она и не подозревала. После этого они лежали в объятиях друг друга, его теплое и нежное дыхание касалось ее лба.

Тэсара гадала, было ли то же самое у Эолин и Короля-Мага.

«Если это было то, что они обнаружили друг с другом, то я была права. Я ошибалась, когда думала, что мое место — стоять между ними».

— Я не оказал тебе чести, Тэсара из Рёнфина, — сказал Савегр, прервав ее размышления.

— У твоего народа нет бесчестия, — Тэсара коснулась его лица и провела линию вдоль его челюсти. — И я думаю, что не позволю, чтобы это назвали бесчестием среди моих людей.

— Я не говорю об удовольствиях, которые мы разделили. Я говорю о словах, которые утаил, — тон Савегра был приглушен. Он изменил свою позу и осторожно выпустил Тэсару из своих объятий.

Они готовились вернуться в лагерь, галийский принц раскрыл свою правду, рассказ о конфликте, который сопровождал его с того момента, как они присоединились к делу Рёнфина. Он рассказал Тэсаре о пророчествах своего народа, поручении, которое было дано ему Высшими Волшебниками, и неуверенности, с которой он столкнулся, узнав ее.

Тэсара с трудом могла поверить словам Савегра и с новым замешательством взглянула на связь, возникшую между ними. Как интерпретировать эту близость с мужчиной, который мог быть ее убийцей? Который мог убить ее людей?

— А ты бы сделал это? — спросила она, боясь ответа, но ей нужно было знать. — Зарезал бы моих на полях Мойсехена, если бы я не помирилась с магой?

Савегр молчал. Они достигли опушки леса. Туман на рассвете приобретал золотистый оттенок.

— В Галии мы говорим не о том, что могло бы быть, — сказал он, — а только о том, что было или чего не было. И все же, Тэсара, я могу заверить тебя, что я отдал бы свою жизнь, прежде чем позволил бы причинить какой-либо вред тебе или твоей дочери.

«Но, уничтожив мой народ, ты уничтожил бы и меня».

— Уралес был унижен этим поворотом истории, — продолжил Савегр. — Он хотел,

чтобы ты это знала. Он ушел домой трезвым и раскаявшимся человеком. Мы знали, что эта война должна была принести мир, навести мосты там, где так много было разрушено. Чего мы не смогли понять, пока все не было сказано и сделано, так это как это сделать.

Тэсара погрузилась в тревожное молчание. Что она могла сказать? Что она могла сказать об этом тревожном открытии?

— Теперь ты понимаешь, почему мы предлагаем этот подарок? — он указал на лес.

— Да, — Тэсара кивнула. — И я принимаю, принц Савегр из Галии. Хотя я не знаю, смогу ли простить.

Похоже, ответ его удовлетворил. Он взял ее за руку

К удивлению Тэсары, она не сопротивлялась. Переплетя пальцы, они вместе вышли из леса, подняв лица к утру.

Глава пятьдесят четвертая

Выбор

Полевой воробей проскользнул в зарешеченное окно и сел на пол. Сияние перед рассветом отбрасывало бледный квадрат на выметанную грязь. На краю маленькой комнаты

лежала фигура, свернувшись калачиком на соломенной циновке. Сбросив форму Воробья, Гемена подкралась к Николе и коснулась ее плеча.

Никола проснулась резко; ее крик был заглушен рукой Гемены. Узнавание и радость наполнили лицо Николы. Она села и заключила Гемену в теплые объятия.

— Ты нашла меня, — прошептала она.

— Извини, что так долго. Я была уверена, что они убили тебя, — Гемена дотронулась до исчезающего синяка на лице Николы.

— Это было из-за драки, которую я устроила в начале, — Никола сумела улыбнуться. — Но с тех пор они не обращались со мной плохо. Что случилось, Гемена? Какие новости ты принесла?

— Рёнфин сдался, — с горечью сказал Гемена. — Тэсара капитулировала еще до того, как они встретились в бою. Она отказалась от притязаний Элиасары и забрала свою жеманную дочь обратно на промокшие равнины, породившие их обоих.

— Во имя богов, — пробормотала Никола. — Между ними не пролилась кровь?

— Нет капли. Жалкие.

— Это замечательно.

— Вставай, — Гемена помогла Николе подняться на ноги. — Я вытащу тебя отсюда.

— Куда мы пойдём?

— В Королевский город, чтобы положить этому конец раз и навсегда.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты понимаешь, о чем я.

Никола напряглась и отстранилась. Они смотрели друг другу в глаза долгое мгновение.

Потом Никола тихо сказала:

— Я — не убийца детей.

— Ты была вполне готова позволить Рёнфину убить этих бастардов за тебя.

— Это было другое. По крайней мере, я так думала в то время.

— Боги, Никола! Мы должны это сделать. Теперь нет другого выбора. Эоган и Бриана должны умереть до того, как их магия созреет и станет слишком поздно.

— Нет.

Слово ударило Гемену, как пощечина.

— Я сделала свой выбор, — продолжила Никола. — Я складываю оружие и отпускаю Высшую Магию. Я отправлюсь с Мариэль в Моэн, где мы начнем новый Экелар. Там я посвящу свои навыки и знания обучению и исцелению.

— Ты? — Гемена фыркнула. — Целитель?

— Я сделала свой выбор.

— Не смей идти по пути труса.

— Не смей называть меня трусливой.

— Никола, я не могу сделать это без тебя!

— Тогда не делай этого вообще.

— Проклятье! У нас есть призвание. Мы поклялись. Ты бы бросила вызов воле богов?

— Что мы знаем о воле богов? — парировала Никола. — Я не слышу их голосов. Я не могу утверждать, что понимаю их слова по ветру и звездам. Я могу выбрать только то, что правильно в моем сердце.

— Не так давно твое сердце подсказывало тебе, что Принц-Маг должен умереть.

— Я верила, что Элиасару нужно вернуть матери, и была готова следовать этому

поступку, куда бы он ни вел. Разве ты не видишь, Гемена? В тот момент, когда мы доставили Элиасару Рёнфину, Боги забрали эту войну из наших рук. Судьба наших королевств была дана не нам, а Тэсаре и Эолин. И они сделали свой выбор. Теперь это сделано. Все кончено. Гемена. Мы в мире.

В ярости Гемена отвернулась от Николы. Ее кулаки были сжаты по бокам; ее дыхание стало прерывистыми, пламенными вздохами. С детства она пережила всевозможные предательства, но это... Это было невыносимо.

Прикрепив свой дух к земле, она развернулась с ножом в руке и нацелилась на женщину, которую любила.

Никола смотрела на нее, как рысь.

— Теперь ты убьешь меня?

Слезы защипали глаза Гемены. Рукоять горела в ее руке.

— Я не могу оставить тебя в живых, если ты не пойдешь со мной. Ты скажешь им, что я была здесь. Ты раскроешь мои намерения.

Грусть наполнила лицо Николы.

— Столько лет мы провели вместе, и как мало ты меня знаешь. Я могла бы уже предупредить их, если бы хотела предать тебя.

— Не заставляй меня делать это, Никола.

— Не я держу лезвие.

— Пойдем со мной!

— Если Боги благословили твой путь, то они окажут тебе необходимую помощь. Ничего из того, что я говорю или делаю, не имеет значения. Так что я останусь здесь, Гемена из Моэна, и буду молчать. Не потому, что я боюсь смерти от твоих рук, а потому, что люблю тебя. Добьешься ты успеха или нет, я хочу, чтобы ты жила. А если тебя ждут в Королевском Городе, то ты обязательно умрешь.

Гемена изучала тонкую ауру Николы, плавные линии ее красивого лица. Она запечатлела каждую деталь в своей памяти, зная, что больше никогда не увидит свою сестру по магии.

Потом она вложила нож в ножны и отошла.

В зарешеченном окне день становился все ярче. Небеса звали ее к полету.

— Прощай, подруга и сестра, — пробормотала она, сердце сжималось от горя. — Пусть Дракон защищает тебя сейчас и всегда.

Гемена призвала образ Полевого Воробья. Ее тело сжалось. Кости изменили форму, на ее коже проросли перья. Преобразившись, она взмахнула крыльями и села на подоконник.

Нервное чириканье вырвалось из ее горла, пока она осматривала переулок. Не увидев никого, кто мог бы узнать ее ауру, она подпрыгнула в воздух. Город Римсавен исчез, и вскоре его заменил холмистый зеленый пейзаж.

В последующие дни Гемена держалась поближе к реке, останавливаясь среди качающихся тростников, поедая по пути семена и насекомых.

Она редко сбрасывала животную форму, хотя знала, что будет тяжело восстановить магию, когда она достигнет места назначения.

Наконец, в поле зрения появился Королевский город, пурпурные знамена Вортингена развевались высоко над серыми стенами и покрытыми шифером крышами. Гемена нашел жердочку на низком дереве. Там она перевела дыхание, устремив взгляд на высокие башни, где, как она знала, спали дети Эолин.

Я должна подождать, — сказала она себе.

Так долго, как нужно.

Ждать, пока не откроется самый верный путь к моей судьбе.

Глава пятьдесят пятая

Дружба

Кори и Никола сидели лицом друг к другу, укрытые раскидистыми ветвями древнего дуба. День выдался прохладным и ветреным; солнце ярко сияло на бирюзовом небе. Сквозь траву и листву ползли шепоты еще не наступившей осени. Высоко над головой стая гусей весело вопила, направляясь на юг.

Энэм

Менэ укат, менэ семтуэ

В последний раз, когда Кори использовал это заклинание, чистки были в разгаре. Рената сидела перед ним, ее страх хорошо скрывался под очерстевшим сердцем.

Дорогая Рената.

Один из самых верных товарищей, которые у него когда-либо были.

Отвернувшись от сестер, Рената отказалась от Высшей Магии в обмен на свою жизнь. Это решение преследовало ее до конца ее дней, хотя оно и позволило ей увидеть новую зарю, помочь заложить основу для того времени, когда Дочери Эйтны возродятся.

Мы, каждый из нас, отдали частичку своей души в этой борьбе.

Оправдало ли это цену?

Заклинание полилось из памяти Кори, как вода из родника.

Регебе Амшенке,

Эн, Мэн, Дарэн, Умэн,

Регебе семтуэ

Пело, уртурм, эом.

Когда он повторил заклинание, волшебство Николы вырвалось из ее рук, словно тонкое плетение из серебра и золота. Нити падали из ауры Николы, будто она сбрасывала кожу. Земля впитала в себя водопад света, который затем прошел сквозь дуб и развеялся по ветру в шелесте листьев.

Кори открыл глаза и увидел, что Никола смотрит на него ясным и честным взглядом.

— И все? — спросила она.

— И все, — Кори отпустил ее руки.

— Я ничего не чувствовала, никакой боли. Просто что-то ускользнуло... — Никола растерянно нахмурилась.

— Обряд был придуман не для того, чтобы причинять страдания, — сказал Кори. — Отказ от Высшей Магии был с нами почти со времен Эйтны и Карадока. На протяжении веков многие из наших братьев и сестер решили сложить свои посохи, ибо бремени и искушений дара Дракона много, и есть другие пути служения нашему народу. Ты не должна считать это наказанием, Никола. Это просто посвящение в следующую стадию твоего путешествия.

Кори поднялся на ноги.

Дрожь пробежала по Николе. Слезы начали течь по ее щекам. Мариэль, которая стояла рядом во время заклинания, встала на колени рядом с Николой и обняла ее. Кори отвернулся, оставив бремя утешения Мариэль, которую он считал более подходящей для этой задачи.

С посохом Николы в руке он направился к лагерю. Большая часть армии разошлась. Почти все войско Хелии ушло к горам Парамен, и силы Моэна начали марш из Римсавена к Эрундену тем же утром.

Тем не менее, армия Короля-Мага, теперь уже армия Эолин, занимала обширную полосу открытых полей. Кори задавался вопросом, что будет со всеми этими солдатами теперь, когда мир стал новым проектом королевства.

Конечно, мир между соседями не означал прекращение войны. Были амбиции Сырнте, за которыми нужно было следить, неопознанные угрозы из Антарии и за ее пределами, не говоря уже о беспокойных амбициях благородных семей Мойсехена. Все искры могли в любой момент разгореться пламенем, если не при их жизни, то у их потомков. Он поговорит об этом с Эолин. Он позаботится о том, чтобы она не была слишком быстрой или слишком небрежной в рассеивании своих вооруженных сил.

Кори прибыл в палатку королевы и вошел без предупреждения. Смех Хелии наполнял палатку. Горная королева была одета для путешествия: простая льняная туника, темные штаны и плащ. Только качество ее меча и сумки выдавали ее статус.

— В следующий раз, когда ты призовешь меня на войну, Мага Эолин, — говорила она, — я не забуду оставить свою армию дома.

Эолин тоже была одета скромно, в простое красновато-коричневое платье в стиле, который ей так шел, когда они впервые встретились в высокогорьях Моэна. Ее волосы были распущены, и она улыбнулась шутке Хелии.

— Дадут боги, — сказала она, — у меня не будет причин снова вызывать тебя на войну.

— Посмотрим, — Хелия тепло обняла Эолин. — В мире все еще много собак, которые могут доставить нам проблемы. Не забывай мой совет. И не стесняйся обращаться ко мне, если будет нужно.

— Спасибо, Хелия. Я буду по тебе скучать.

— Да, я надеюсь на это, — Хелия взглянула на Кори. — Я думала, у нас не будет возможности попрощаться, маг Кори.

Он почтительно поклонился. По правде говоря, он был рад видеть, что Хелия уходит. Ему было больно, как никогда прежде, представлять Эолин в объятиях другого человека.

Возможно, он стал слабее с возрастом.

— Счастливого пути, Хелия, — сказал он. — Спасибо за все, что ты для нас сделала.

— Так формально, — теперь она стояла перед ним, скрестив руки на груди, с широкой улыбкой на лице. — Я до сих пор помню наши дни вина и танцев, Кори. Держу пари, они живут и внутри тебя. Где-то. Не позволяй политике сделать тебя скучным.

Он позволил себе улыбнуться и согласился на ее объятия.

— Теперь я вижу, что ты верен кому-то, кроме себя, — прошептала Хелия ему на ухо. — Позаботься о ней, Кори, иначе тебе придется со мной бороться.

— Тебе не о чем беспокоиться, Хелия. Я знаю свою цель.

Она отошла, перевела взгляд с Эолин на Кори и обратно.

— Думаю, у нас уже было это мгновение: мы вдвоем в палатке, будущее скрыто от

наших глаз. В прошлый раз, когда я оставила вас наедине, вы изменили ход истории. Неплохо. Так держать.

Хелия неторопливо направилась к выходу и остановилась, словно вспомнив что-то важное.

— Не забывай, Кори, — добавила она. — Я сказала тебе нанять ее в первую очередь. Ты в долгу передо мной за этой.

Улыбка Эолин стала шире после ухода Хелии, и ее взгляд на мгновение стал задумчивым. Затем она кивнула Кори и велела ему подойти.

— Моя Королева, — он положил посох Николы на стол перед ней. — Это сделано.

Улыбка сползла с лица Эолин. Она провела пальцами по полированному дереву.

Во время чисток только маги имели право уничтожать посох, но в высочайших традициях Эйтны и Карадока эта задача ложилась на наставника человека, сдавшего магию.

Эолин приказала стражникам и слугам уйти. Когда они остались одни, она спросила:

— Никола в порядке?

— Твоя дочь по магии прекрасна. Опечалена, но понимает свой выбор и верит в него. Мариэль утешает ее, пока мы говорим.

— Я рада за них обеих. Рада за то, что они решили сделать. Моэн будет благословлен их присутствием, тем Экеларом, который они планируют построить.

«Так и получается, что в наших дочерях мы жаждем увидеть исполнение своих мечтаний».

— Ирэни в Рёнфине, — продолжила Эолин. — Никола в Моэне. Только Гемена остается пропавшей без вести. Это беспокоит меня, Кори. Это беспокоит меня бесконечно.

— Телин и Бортен были проинформированы. Они удвоили охрану принца и принцессы.

— Она не причинит вреда детям. Гемена способна на многое, но на убийство невинных? Нет.

— Это предположение мы не можем себе позволить.

— Она — мага, Кори. Моя дочь в магии. Если ее найдут, я хочу, чтобы ее привели ко мне живой. Мы должны искать примирения. Я бы дала ей еще один шанс, как сделала это с Николой.

Эолин много раз повторяла эти слова в последние дни. Кори знал, что даже сейчас она надеялась, что Гемена ее слушала.

— У нас нет другого выбора, кроме как быть бдительными, — сказал он. — Время покажет, можно ли снова причислить ее к нашим.

Если повезет, Гемена бежала на юг, в Антарию или дальше. Где бы она ни была, Кори надеялся вскоре получить о ней известие. Если бы у него был шанс, он бы уничтожил ее без ведома Эолин. Это лучше, чем провести остаток своих дней, прикрывая их спины из-за одной вероломной маги.

— Есть еще одна угроза, которую мы не обсуждали с тех пор, как отправились в Селкинсен, — сказала Эолин. — Наэтерские демоны.

Кори кивнул.

— Это тоже вопрос бдительности, моя Королева. Бдительность и дальнейшее изучение. Хотя я уверен, что непосредственная опасность устранена по уже обсужденным причинам.

— Тем не менее, в королевстве есть бесчисленное множество мест, где завеса между этим миром и потусторонним истончилась. Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы предотвратить повторный приход демонов Наэтер. Как только мы вернемся в Город, я

попрошу тебя назначить группу магов для путешествия в пустоши Фэрнворна и укрепления каменного барьера, закрывающего ворота в их царство.

— Как пожелаете, моя Королева.

Эолин снова открыла рот, чтобы заговорить, но замялась. Ее взгляд остановился на руках.

Молчание между ними затянулось.

Кори кашлянул.

— Если это все, моя Королева, я прошу отпустить меня. Завтра вам нужно отправляться и мне нужно многое подготовить к путешествию.

Она кивнула.

Он повернулся, чтобы уйти.

Серьезность ее тона заставила его задуматься.

— Моя Королева?

— Мне просто интересно... Если бы ты... — взволнованная, она отвела взгляд. Ее голос упал до шепота. — Остался со мной, — прежде чем Кори успел ответить, Эолин поспешила добавить. — Я знаю, что тебя зовет Восточный Селен. Я чувствую тоску в твоём сердце, тоску по тем лесам, как я тоскую по Южным лесам. Я всегда чувствовала эту связь между тобой и местом твоих предков, но теперь я заметила что-то другое, окутывающее твою ауру. Я боюсь, Кори. Боюсь, что если ты сейчас отправишься в Восточный Селен, то не вернешься ко двору.

Это заявление тронуло его сильнее, чем она могла предположить.

— Я должен идти домой, Эолин, — тем не менее, сказал он. — Моя магия исчерпана, мой дух очень утомлен. Ничто так не восстанавливает мои силы, как леса моего народа. Я покину Город, как только закончу порученные мне задания, надеюсь, к Самайну. Если нет, то вскоре после этого.

Эолин кивнула, хотя разочарование мелькнуло в ее ауре.

— Конечно, ты должен поступать так, как велит твое сердце. Было бы неправильно с моей стороны стоять между тобой и источником твоей магии.

Он восхищался твердостью ее плеч, решимостью ее челюсти, которая противоречила дрожи ее дыхания. Многие могли бы подумать, что Эолин, наконец, достигла конца своей борьбы, когда на самом деле она стояла на пороге величайшего испытания. Боги еще многого требовали от нее.

Это была одинокая задача — управлять королевством.

И маги не должны быть одни.

Кори взял Эолин за подбородок и посмотрел ей в глаза.

— Я отправлюсь в Восточную Селен до того, как клены сбросят листву. Там я проведу зиму и, возможно, большую часть весны, Но это не конец нашего времени вместе, Мага Эолин. Я давно дал обещание и не собираюсь его нарушать.

Глаза Эолин стали влажными. Милосердная улыбка тронула ее губы.

— Очень хорошо, маг Кори. Да помогут мне боги, но, кажется, я, наконец, склонна поверить тебе на слово.

Улыбаясь, он заключил ее в свои объятия, нежно провел рукой по ее волосам, когда она положила голову ему на грудь. Так они стояли вместе долгое время, воздавая молчаливое почтение дружбе, выдержавшей бесчисленные бури.

Глава пятьдесят шестая

Ростки

Кори вернулся в Королевский город после окончания зимы, в дни, предшествовавшие Бел-Этне. Ему нравилось путешествовать в это время года, когда теплые ветры разгоняют снег и окрашивают пейзаж в свежие оттенки зеленого. Цветы украсили поля золотым, малиновым и лиловым цветом. Птицы порхали с дерева на дерево, участвуя в яростном соперничестве в брачный период. Насекомые жужжали неумолкающую и счастливую песню.

Королевский город, отражающий пейзаж, был наполнен красками и активностью. Были вывешены знамена к предстоящему фестивалю. Торговцы толпились в переулках, предлагая множество богато вышитых масок. Лилии и еловые ветки украшали балконы и окна. Смех легко катился по улицам.

Кори привёз с собой повозки с волами, на которых были собраны его бочки с семенами,

собранными детьми Восточной Селен, а также проросшие саженцы пихты, дуба, бука и других священных деревьев, заботливо выращенных его руками. Он верил, что они хорошо вырастут в предгорьях Сурмаэгских гор. Он намеревался каждую весну приносить больше, чтобы поддержать усилия Эолин по укреплению барьера между мирами живых и мертвых.

Телин и я пришли к одному и тому же выводу, — писала Эолин во время зимнего солнцестояния. — Эта закономерность ясна для наших глаз, но, что примечательно, не была отмечена историками того времени.

Согласно всем анналам, существа, которых мы теперь называем Демонами Наэтер, впервые появились во время завоевания провинций, когда принцы Вортингена вскрыли железные рудники Сурмаэг и уничтожили окрестные леса. Тогда они были существами из плоти и крови. Мы уничтожили их родину и сдвинули их на юг, где они стали питаться нашими людьми.

Телин считает, как и я, что в дополнение к каменным монолитам, отмечающим границу пустошей, мы должны воздвигнуть живой барьер, чтобы защитить нашу землю от дальнейших вторжений Подземного мира, так же как сад защищал нас с тобой и детей в ночь, когда демоны напали.

Представляешь, Кори? Северные пределы нашего королевства снова покроются лесом! Я должна проследить, чтобы это сделали, по причинам, которые выходят далеко за рамки вопроса о Наэтерских Демонах. Теперь я понимаю, что это тоже часть моей цели, часть возвращения магии в нашу землю.

Позже она написала в отдельном письме:

Я прочитала в четвертом томе Эранона, который Телин любезно одолжил мне, хотя и опасаясь, что встретит гнев Церемонда в загробной жизни, что нити между этой жизнью и следующей на самом деле не разделены, а переплетены, так что каждое наше действие в этом мире влияет на духов, населяющих соседний.

Я хотела бы верить, дорогой Кори, что, может, Наэтерские Демоны не совсем потеряны, как думали великие учителя. Может, каждое дерево, которое мы посадим в этом мире, будет способствовать тому, чтобы они исцелились в следующем.

Я с нетерпением жду прихода весны, чтобы мы могли начать нашу работу.

Дорогой Кори, — написала она.

Ему это нравилось.

Эолин встретила Кори во внешнем дворе замка. Она захлопала в ладоши в восторге от его подарка и провела пальцами по саженцам, бормоча приветствие на их языке, называя имя каждого.

Хотя Кори сохранил свою резиденцию в Квартале Магов, Эолин выделила для него покои в крепости. После некоторого размышления он принял ее приглашение.

Несколько дней до Бел-Этне оказались праздничными и полными активности, освежающее изменение после его убежища отшельника в Восточной Селен, утро было проведено с коллегами-магами и старыми друзьями, послеобеденное время было посвящено музыке, танцам и поэзии в тавернах вдоль пирсов.

По вечерам он возвращался в замок, чтобы поужинать с королевой и ее двором. По традиции этого сезона Эолин привезла лучших музыкантов, бардов и танцоров из городов неподалеку и издалека. В некоторых из них Кори узнал бывших членов своего Круга, талантливых артистов, которые до сих пор украшали королевство своим мастерством в Первобытной Магии.

В первый вечер Бел-Этне Эолин спустилась с помоста, чтобы потанцевать. Кори увидел на лицах зрителей, что жители Мойсехена восхищаются своей королевой. Он никогда не видел Эолин такой, переполненной радостью и уверенной в своей надежде на будущее, хотя иногда тень отсутствия мужа проходила над ней, затемняя цвета ее ауры.

Бриана, выросшая на полголовы с тех пор, как Кори видел ее в последний раз, села к нему на колени, хотя была слишком велика для этого. Она склонила голову на плечо мага и смотрела на мать широко открытыми, внимательными глазами.

— Ты тоже должна танцевать, Бриана, — сказал Кори. — Долг каждой маги танцевать во время праздника.

— Я бы предпочла просто посидеть здесь с тобой, — ответила она. — Тебя так долго не было. Может, я буду танцевать завтра.

Не склонный спорить, Кори прижался губами к волосам Брианы, вдыхая ее сладкий аромат сосны и полевых цветов.

«Возможно, завтра и я буду танцевать, — подумал он. — Быть может, завтра я буду танцевать с Эолин».

Вечер прошел, и час стал поздним. Хотя веселье продолжалось, Бриана начала засыпать. Даже Эоган, высоко сидевший в своем королевском кресле, позволил себе закрыть глаза и опустить подбородок.

Чуткая к нуждам детей, Эолин встала, чтобы попрощаться, и велела Эогану и Бриане следовать за ней.

— Я хочу, чтобы дядя Кори тоже пошел, — сказала Бриана, отстраняясь. — Мне нужна история, мама, прежде чем мы ляжем спать.

Эолин бросила вопросительный взгляд на Кори, в ее глубоких карих глазах ясно читалось разрешение отказаться. Она знала из долгого опыта, что есть много вещей, которые маг предпочел бы делать в ночи Бел-Этне, чем рассказывать сказки детям.

Кори кивнул в знак согласия. Взяв Бриану за руку, он последовал за Эолин и ее сыном в детские покои.

В тот момент, когда они прибыли, энтузиазм Эогана и Брианы возобновился. Они попросили разрешения не спать, а играть у очага, Эолин категорически отказалась от этой просьбы, вместо этого направив их в спальню.

Кори задержался позади, заинтригованный оживленным обменом детскими мольбами и материнскими выговорами, которые отмечали их ритуал перед сном, но не решался войти, пока дети не устроятся и не будут готовы к рассказу.

Он стоял у окна, прислушиваясь к звукам фестиваля, доносившимся из города внизу. Расстояние от всего этого шума неожиданно успокоило его. Впервые на памяти в его сердце поселилось чувство истинного покоя.

«Это мой клан».

Кори, конечно, знал это все время. Но каким-то образом сегодня ночью он чувствовал связь с Эолин и ее детьми — точнее, с крепостью Вортинген — более остро, чем когда-либо.

«Это конец всего, что было прежде, и начало всего, что еще предстоит».

Крик Эолин разрушил его мысли.

Кори бросился в спальню, тяжелые шаги охранников следовали за ним по пятам.

Они нашли Эолин, сползшую у каменной стены. Ее лицо было пепельным. У нее на руках лежал ее сын Эоган, его глаза остекленели от шока.

В другом конце комнаты Бриана вскарабкалась со стула на высокий стол. Под ней

лежала большая змея, свернувшаяся кольцом и готовая нанести удар.

Фэом думэ!

Проклятие Кори швырнуло змею в стену. Она упала на пол, корчась.

— Твой меч! — крикнул Кори.

Один из охранников дал ему оружие. Маг приблизился, опасаясь досягаемости змеи. Он знал, что самый быстрый способ убить гадюку — это отрубить ей голову. Но Кори не был склонен почтить ее быстрой смертью.

Ренемен э!

Змея замерла под его проклятием, и Кори вонзил лезвие в цель. Прижатая к полу, она стучала хвостом и шипела, Свет вспыхивал в ней, но форма держалась.

Кори повторил проклятие. Змеиная кожа растворилась в разноцветном пятне, обнажив магу внутри.

Гемена посмотрела на него, меч торчал из ее груди. Кровь выступила на ее губах, а глаза сияли ревностным пылом.

— Готово, — прошептала она. — Я встречу с моими богами.

Гнев охватил Кори, и он повернул клинок, вонзая его глубоко. Гемена вздрогнула и замерла.

Рыдания нарушили последовавшую тишину.

— Кори, — мольба Эолин была задушена страхом. — Помоги мне. Я теряю его.

Когда Кори вернул меч владельцу, Бриана начала слезать со стола.

— Нет! — Кори поднял руку, чтобы остановить девушку, и кивнул одному из охранников. — Присмотри за ней. Остальные, общите покои. Убедитесь, что поблизости больше нет паразитов.

Они поспешили выполнить приказ.

Кори подошел к Эолин и встал перед ней на колени.

Она держала Эогана в руках, положив ладонь ему на грудь. Священные слова Дракона срывались с ее губ в отчаянном ритме, словно она призывала все заклинания, известные ее сердцу. Их ауры переплелись, матери и сына, ее — яркая и насыщенная цветами, его аура быстро растворялась в потустороннем мире. Ночь струилась из груди Эогана в ладонь Эолин.

Кори с тревогой понял, что она пытается вытянуть яд своим духом. Он нежно взял ее ладонь, обнаружив, что пальцы Эолин холодны, как лед.

— Так не выйдет, — пробормотал он, разрывая связь.

Он осторожно растегнул окровавленную рубашку Эогана и осмотрел раны. Змея ударила дважды, один раз в плечо, другой — в грудь. Там, где вонзились клыки, уже поселилась синеватая гниль. К настоящему времени яд должен был достичь сердца Эогана. Кожа принца стала прозрачно-серой. Свет в его глазах угасал.

Кори поискал пульс мальчика и не нашел.

— Эолин, — сказал он и больше не мог говорить.

Почему ему всегда выпадало сообщать такие вести?

Почему боги всегда требовали для ее триумфов наивысшей возможной жертвы?

Гнев вспыхнул в ауре Эолин.

— Нет! Не говори этого. Не смей! Эоган, услышь меня.

Мальчик пошевелился. Его грудь поднялась и опустилась от внезапного вдоха. Его глаза прояснились и сосредоточились на матери.

— Эоган, — пробормотала она. В ее голосе мелькнула надежда. Она взяла его руку в свою и прижала к сердцу.

— Мама, — сказал мальчик. Улыбка коснулась его губ. — Я видел Отца, и место, которое он приготовил... Оно прекрасно.

Эоган закрыл глаза и ушел.

— Остайся со мной, любовь моя, — прошептала Эолин, крепче сжимая его. — Остайся со мной.

Мальчик сделал еще один вдох и еще раз посмотрел на свою мать.

— Отец говорит тебе сказать... Не бойся своей судьбы. Он говорит... Все так и должно быть... Будем ждать, мама... Мы будем ждать вместе, у реки.

Затем Эоган, последний из принцев Вортингена, испустил последний вздох и покинул мир живых.

Эолин недоверчиво смотрела на сына, словно не могла примирить ужасный вид его трупа с живым мальчиком, который всего несколько мгновений назад приносил ей столько радости. Плод ее любви, плоть ее тела, жестоко и безвозвратно вырванная из этого мира.

Ушел.

Навсегда ушел.

— Эоган?

Руки Эолин тряслись, когда она прижимала ребенка к груди. Она ударилась головой о стену позади себя, издавая долгий ужасный вой. Затем она накрыла тело сына своим и прильнула к его безжизненному телу, снедаемая горестными рыданиями.

Глава пятьдесят седьмая

Луна над Восточной Селен

Традиция маг включала в себя лекарства, которые ускоряли переход в загробную жизнь. Их использование было строго запрещено, за исключением случаев, когда смерть была уже неизбежна. В дни после убийства сына Эолин подумывала об использовании этих трав, когда сон ускользал от нее, а ночная тьма отражала пустоту ее души. Как только щупальца горя угрожали стянуть Эолин с обрыва, Бриана, свернувшись калачиком рядом с матерью, шевелилась и бормотала во сне. Когда ее дочь прижималась ближе, Эолин вспоминала, что в этом мире еще есть жизнь: молодая девушка, которая нуждалась в ней. Она погладила волосы Брианы и поцеловала ее в лоб. Затем мага еще немного поплакала и погрузилась в сон.

Эогана сожгли по традиции его отцов, его костер развели на священном основании Вортингена, его прах развеяли по ветру. В течение последовавших за этим двенадцати дней траура прибывали друзья из дальних провинций, чтобы оказать утешение и поддержку.

Мариэль и Никола согревали сердце Эолин рассказами об их новом Экеларе, его скромных зданиях и пышных садах; энергичных молодых ученицах. Леди Талия, недавно вышедшая замуж за избранника, молодого Мерита Барамона, прогоняла мрачные тени своим сиянием новой любви. Жакетта спасала Эолин прекрасным чаем и успокаивающими словами. Леди Винелия держала руку своей королевы всякий раз, когда грозили пролиться слезы.

Разговор среди женщин часто обращался к Эогану и Акмаэлю. Их слова воскресили благородный и великодушный характер принцев Вортинген. Много было сказано о храбрости Акмаэля в бою и его остром инстинкте справедливости. О преданности Эогана учебе и его навыках воина, которые превозносились так, словно он был сыном каждой присутствующей женщины. Было рассказано бесчисленное количество историй, моментов из жизни мужчин, которых любила Эолин, теперь лежащих у ее ног, как весенние цветы, чтобы она могла увидеть своего мужа и сына такими, какими никогда раньше не видела. Даже мужские приступы упрямой ярости были окутаны более ярким светом юмора и привязанности.

Временами Эолин ощущала присутствие других, уже покинувших этот мир: Дуайен Гемены, Ренаты, Катарины и Таши и даже, что невероятно, Адияны. Несмотря на свое горе, Эолин испытывала глубокую радость от прочного присутствия их дружбы, от утешения, которое ей принесло это сообщество женщин, вышедших за пределы мира живых и мертвых.

Когда дни траура прошли, Совет собрался, чтобы обсудить вопрос о престолонаследии.

Жакетта и леди Винелия, лорд Бортен и Эхиор, Кори и Телин, а также все другие советники Эолин не трогали королеву, выполняли свои обязанности членов Совета. Остались только Мариэль, Никола и Талия, сопровождавшие Эолин и Бриану в ожидании решения Совета.

После смерти брата Бриана мало говорила. Она сидела рядом с Эолин, положив голову на плечо матери. В редких случаях она улыбалась более забавным историям об Акмаэле и Эогане. Но, в основном, она держалась за свои мысли, кончиками пальцев тихонько призывая светлых существ: бабочек, лягушек и разноцветных жуков.

Всякий раз, когда она создавала что-то особенно красивое, она подталкивала свою мать, чтобы привлечь внимание. В глазах девушки мелькала искра счастья, когда Эолин одобрительно целовала ее в лоб. Тогда принцесса позволяла существу раствориться своей улыбкой и начинала все сначала.

Прошли часы, пока Совет обсуждал. Вечером второго дня Кори из Восточной Селен появился в покои Эолин. Женщины встали, чтобы встретить его, и хотя это не требовалось от ее положения, Эолин сделала то же самое.

Бриана отошла от матери, чтобы поприветствовать мага. Она не побежала в объятия Кори, как всегда делала, а стояла с мрачным лицом перед ним. Между ними воцарилось безмолвное взаимопонимание. Маг заключил Бриану в нежные, но краткие объятия.

Связь между этими двумя всегда была крепкой, но Эолин казалось необычным, как Бриана крепче сжимала Кори в месяцы, прошедшие после смерти Акмаэля. Будто она сознательно решила, что Кори займет место в ее жизни, которое когда-то занимал Акмаэль.

Как будто часть ее духа понимала.

— Моя Королева, — объявил Кори. — Я пришел сообщить, что Совет принял решение.

Женщины распрощались. Мариэль протянула руку Бриане, но принцесса задержалась.

— Мама, — сказала она. — Я хочу остаться.

— Я знаю, любовь моя, — ответила Эолин, — но сначала я должна поговорить с магом Кори. Не уходи далеко, Мы скоро позовем тебя.

Слуги ушли за ними, а стража закрыла двери.

Кори тихонько вдохнул.

— Они признают Бриану единственной законной наследницей престола Мойсехена, — сказал он. — Они согласились присягнуть ей и никому другому.

Эолин выдохнула с облегчением.

— Спасибо, Кори.

— Теперь мы должны надеяться, что Тэсара уважает договор, который она подписала в Селкинсене.

— Думаю, уважает.

Соболезнования Тэсары прибыли с посылным накануне.

Это тяготит мое сердце, — написала королева Рёнфин, — самое ужасное из всех страданий, которые может испытать мать, постигло тебя, мою соседку и союзницу. Пусть все Боги будут с тобой и твоей дочерью в это самое трудное время, Знай, что у вас есть наша поддержка и сочувствие.

— Но мы будем бдительны, — добавила Эолин, — на случай, если она...

— Я также должен предупредить вас, что в решении Совета есть немалая доля личного интереса. Я даю знатым домам Мойсехена два месяца, самое большее, три, прежде чем они начнут выдвигать в женихи собственных сыновей.

— Бриану не выдадут замуж, — сказала Эолин. — Когда придет время, она сама

выберет себе супруга. И этот мужчина, кем бы он ни был, никогда не наденет корону Вортингена.

На лице Кори мелькнуло одобрение.

— Я считаю разумным, чтобы Бриана сохранила единоличное право собственности на Корону. Что касается того, чтобы позволить ей выбрать себе супруга... Возможно, мы могли бы приостановить эту привилегию, пока не станет ясно, какого супруга она выберет.

Эолин не могла не улыбнуться.

«Говорит как настоящий отец».

Смех забурлил в ее груди, неуместный моменту, вскоре заглушенный более глубоким бременем. Она нахмурилась и отвела взгляд.

— Позовем принцессу? — спросил Кори.

— Нет... Нет, Кори, подожди минутку, я... — она прикусила губу и посмотрела на свои руки.

Что сказать? Как сказать это?

— Ты когда-нибудь замечал, — осмелилась она, — что великие истории нашей жизни всегда заканчиваются именно так?

— Как, моя Королева?

— Ты и я, — она подняла взгляд, чтобы посмотреть ему в глаза. — Наедине с правдой.

Кори долго разглядывал ее. Эолин ощутила силу его присутствия так, как не чувствовала уже очень давно. Ясность его серебристо-зеленого взгляда, его аромат хвои и зимних ветров, магия Восточной Селен, которая текла по его венам.

Маг приблизился и призвал звуковые чары.

— С правдой? — его тон колебался между вопросом и утверждением.

— О моей неудаче, — ее голос дрожал. — С моим братом в битве при Эрундене, моими сестрами во время вторжения Сырнте, а теперь я подвела нашего короля.

— Ты защитила трон Акмаэля и его королевство. Я не вижу в этом поражения.

— Его сын умер у меня на руках.

— Это была не твоя вина.

— Я должна была предвидеть

— Не иди по этому пути, Эолин. Бремя смерти Эогана не на тебе.

Сердце Эолин болезненно сжалось.

— Даже если Эоган был вне моего контроля, я могла дать Акмаэлю больше. Еще сына, сколько он пожелает. Тогда сейчас был принц, чтобы...

— У отца Акмаэля, Кедехена, было три брата. Мы все знаем, сколько горя это всем принесло.

— Позволь мне закончить!

Упрек прозвучал резче, чем предполагала Эолин, но Кори просто кивнул и сделал шаг назад.

— Я бы сочла это смешным, — продолжала Эолин, — если бы последствия не были настолько серьезными, что любой мог бы усомниться в происхождении Эогана. Все, что нужно было сделать, это посмотреть на его лицо. Каждая черта лица, каждый жест, каждое настроение, мысль и слово выдавали в нем принца Вортингена. Его магия, как и магия его отца, была связана с этой горой, с ее сердцем из камня и огня. Он был истинным сыном Акмаэля, и из него вышел бы великий король.

— Бриана тоже будет достойной королевой

— Да, но Бриана... Она другая, — Эолин отступила от мага, увеличивая расстояние между ними, пока не достигла восточного окна, где положила руку на подоконник.

Ветерок освежил ее лицо. Снаружи вечернее небо было усеяно пурпурными и красными полосами. На востоке звезды начали предвещать наступление ночи.

— Магия Брианы не связана с этой горой, — сказала Эолин. — Ее дух процветает на древних лесах и живых существах, на безвременных тайнах и постоянных изменениях. Бриана, как и ее тезка, настоящая Дочь Восточной Селен.

Эолин закрыла глаза. В ее памяти всплыли леса дома Кори. Ветер ревел среди высоких деревьев. Снег падал густой и слепящий. Голоса выли в ночи, гневные крики преданного клана.

В ту ночь Зимний Лис звал ее, ее беспокойный облик был теплым убежищем от ярости бури. Снег хрустел под ее лапами; влага замерзла на кончиках ее носа и машин. За мгновение Эолин заблудилась в этой метели. Она запаниковала и бегала кругами вслепую, пока не наткнулась на снежный сугроб и отчаянно не заскребла в закрытое окно. Когда, наконец, ставни открылись, и она прыгнула в яркое тепло этой скромной комнаты, ей потребовалось мгновение, чтобы понять, где она находится и что это значит.

Семь дней они были в ловушке снежной бури в Восточной Селен, и королевское продвижение короля задерживалось в его попытках присоединиться к ним на Зимнее солнцестояние.

Семь дней изменили судьбу королевства.

Эолин судорожно вдохнула и освободила сердце.

— Бриана твоя, — прошептала она. — Кори, моя дочь Бриана и твоя.

В последовавшей тишине Эолин слышала биение собственного сердца. Мантия Кори зашуршала, он приблизился. Она почувствовала прикосновение его руки к своей щеке.

— Эолин, — пробормотал он. — Думаешь, я не знал?

Ее глаза распахнулись.

— Ты никогда ничего не говорил. Ты никогда не спрашивал...

— О той ночи нельзя было говорить. Даже вспоминать... Хотя, должен признаться, мне очень трудно было забыть.

— Она мне приснилась, Кори. В ту ночь, когда мы занимались любовью, я увидела, кем она будет. Не это, конечно, — Эолин указала на комнату вокруг них, на сложившиеся горькие обстоятельства. — Ничего из этого я не предвидела. Но я видела свет и любовь Брианы, ее радость и волшебство. Хотя в моей власти было погасить ее искру, я не смогла заставить себя сделать это.

— Ты сильно рисковала, приводя ее в этот мир. Я сам мог бы отговорить тебя от этого.

— Я не стала бы тебя слушать.

— Точно, — улыбка коснулась его губ. — И я благодарен за это. Благодарен за нашу дочь и за смелость, которую ты проявила, доставив ее в этот мир.

— А если бы я отпустила ее в тот момент, когда она была зачата? Что тогда, Кори? Где бы мы были сейчас? Это вопрос я задавала себе тысячу раз после смерти Эогана. Я поступила правильно или неправильно?

— Мы сделали свой выбор, не более того. И мы выжили, чтобы увидеть последствия.

— Я любила Акмаэля.

— Я знаю.

— Я обещала ему...

— Вечность? — смирение наполнило лицо Кори. — Я думал, что ты могла сделать что-то подобное.

Эолин неуверенно отвела взгляд.

— И поэтому я предала вас обоих.

— Ты мага, Эолин. Ты не можешь быть привязана к одному мужчине.

— Я связала себя с ним.

— Возможно, в глазах королевства. Но в глазах богов — никогда.

— А теперь я притворяюсь, что сажаю на трон девушку, которая...

— Которая вырастет прекрасной магой и грозной королевой.

— Фальшивой королевой.

— В каком смысле — фальшивая? — нетерпение окрасило тон Кори. — Разве короли Вортингена не нарушили своего долга? Разве они не убили твоих сестер и не вырезали мой клан? Несмотря на это, мы прощали их, служили им и даже любили их. Можем ли мы хоть на мгновение представить себе, что этот ребенок, истинно рожденная мага из клана Восточной Селен, является наградой Богов за наше терпение и настойчивость? Что наша дочь станет их инструментом, призванным вести наш народ к светлому будущему?

Эолин нахмурилась и покачала головой.

— Я не думаю, что наше дело — судить волю богов.

— Тогда чье? Совета? — Кори указал на комнату снаружи. — Ты бы поделилась этой истиной с кем-нибудь за этими дверями? Ты знаешь последствия, Эолин. Для нас и, прежде всего, для нашей дочери.

Она погрузилась в тревожное молчание.

Кори подошел ближе и взял ее за руки.

— Нам была дана наша обязанность, — сказал он. — Это не обязанность, от которой мы можем отказаться.

— Я знаю, — пробормотала она.

— Я давно хотел сказать тебе, как я польщен той ночью, когда ты пришла ко мне. Польщен и рад. Не каждый мужчина при этом дворе понял бы или уважал магию, которая двигала тобой. Я надеюсь, что если были и другие, ты выбирали их с таким же тщанием и благоразумием.

— Другие? — комментарий удивил ее. — Нет, других не было. Только ты и та ночь, когда на Восточный Селен дуновением смерти обрушилась зима, и голоса леса не умолкали.

Кори нахмурился и отошел. Он ходил по комнате, сложив руки за спиной и сосредоточив взгляд на себе. Когда он вернулся к Эолин, выражение его лица было спокойным и решительным.

— Эолин, я понимаю, что, может, слишком рано думать о таких вещах, но когда придет время, я хотел бы, чтобы ты кое-что обдумала. До тех пор, пока ты не отправилась в вечность с Акмаэлем, я думал, может, ты подарить несколько лет жизни, которые остались нам, в этом мире, мне.

В сердце Эолин вспыхнул огонь, теплый и устойчивый, как свеча в ночи.

Она сделала тихий вдох и предложила ему робкий кивок.

— Я подумаю об этом, маг Кори. Когда придет время.

Улыбка осветила его лицо. Затем он поцеловал ее, это ничего не требовало и не навязывало, но питало светом сердце Эолин, отгоняя тени последних дней и месяцев. Эолин почувствовала, как между ними пробудилась великая магия. Прошрое осталось позади, но

будущее еще не раскрылось.

Когда Кори отошел, что-то позади нее привлекло его внимание. Он кивнул в сторону окна.

— Посмотри, Эолин.

Снаружи над далекими лесами Восточного Селена поднималась полная и жизнерадостная луна. В тених на ее лице Эолин увидела изображение летящего Дракона.

— Красиво, — сказала она.

Кори поднес пальцы Эолин к своим губам.

— И так это начинается.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net